

~~ИЗДАНИЕ~~ | $\frac{21}{5}$ 101
ПРИ УЧАСТИИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ,

подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Книга 1.

Издание А. А. Абрикосова.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко
Пименовская ул., собст. домиъ.

1889.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

П-3019-56

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стран.</i>
О задачахъ журнала.— Н. Я. Грота	V—XX
Красота въ природѣ.— Вл. С. Соловьева	1
Размышленія, вызванны неожиданнымъ голосомъ изъ обла- сти естествовѣдѣнія.— А. А. Козлова	51
О природѣ чловѣческаго сознанія.— Кн. С. Н. Трубецкого .	83
О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механи- ческой теоріи.— Н. И. Шишкина	127
О дѣйствиі гашиша (психологич. замѣтка).— Н. Н. Ланге .	147
Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. В. В. Лесевича	163

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ХРОНИКА.

Психологическій сѣздъ въ Парижѣ.— Н. Я. Грота	1
Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ.— С. С. Кореякова	23

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

I. Обзоръ журналовъ.

1. Архивъ по исторіи философіи.— А. А. Козлова	45
2. Обзоръ статей философскаго содержанія въ русскихъ ду- ховныхъ журналахъ	60
А. Православное обозрѣніе — Х. Попова	61
Б. Вѣра и разумъ.— И. Слободекаго	66
В. Христіанское чтеніе.— Н. Смирнова	73

II

II. Обзоръ книгъ.

	<i>Стран.</i>
1. Этика. Новое теченіе въ англійской этикѣ:— Александръ. Л. Оболенскаго	75
Нѣмецкая этика:— Паульсенъ. Д—ва	82
2. Психологія:— Бони. С. — Фехнеръ и Философскіе этюды Вундта. Е. Челпанова. — Бине. П.	88
3. Исторія философіи: — Виндельбандтъ и Штейнъ. А. Адольфа	93
Когенъ и Рейке. В. Преображенскаго	95
Гефдингъ. Ч.	98

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Списокъ рефератовъ, читанныхъ въ Психологическомъ Об- ществѣ со времени его основанія	99
2. Списокъ членовъ Психологическаго Общества по 1 ноября 1889 г.	102
Объявленія.	

О задачахъ журнала.

Въ наше время выходитъ такъ много журналовъ, печатается столько книгъ и накопилось такое необозримое множество старыхъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, произведеній человѣческой мысли и слова, что каждое новое литературное предпріятіе требуетъ особаго оправданія. Нельзя разсматривать печатное слово только съ точки зрѣнія духовныхъ (мы уже не говоримъ, вещественныхъ) интересовъ писателей, въ лучшемъ случаѣ пишущихъ и издающихъ свои произведенія для удовлетворенія потребности высказаться, воплотить въ слово свою мысль, выразить совокупность своихъ знаній и опытовъ, стремленій и чувствъ. Каждая книга, по свойству общественныхъ отношеній, связывающихъ людей, налагаетъ своимъ выходомъ извѣстныя обязательства на читателей, для которыхъ она предназначена. Даже если она плохая, нѣкоторое число людей все-же потратитъ время и силы на то, чтобы убѣдиться въ ея недоброкачественности, не говоря уже о возможности дурного вліянія ея на взгляды и вкусы читателя, неспособнаго оцѣнить ее по достоинству.

Поэтому желательно развитіе въ писателяхъ большаго сознанія той нравственной отвѣтственности, которую они берутъ на себя, выпуская въ свѣтъ свои сочиненія, чѣмъ какая въ настоящее время замѣчается. И это относится особенно къ

предпринимателямъ новыхъ повременныхъ изданій, такъ какъ здѣсь взаимныя обязательства писателей и читателей отчасти устанавливаются заранѣе, на основаніи довѣрія, и такимъ образомъ предваряютъ то фактическое оправданіе, которое могутъ себѣ найти впоследствии.

Сознавая свою отвѣтственность въ этомъ отношеніи, мы обязаны прежде всего объяснить, какія основанія руководили лицами, рѣшившимися на веденіе этого новаго журнала.

Всякая дѣятельность человѣческая простирается отчасти изъ *личныхъ, субъективныхъ* источниковъ; но для того, чтобы оправдать изданіе новаго журнала, требующаго отъ общества извѣстныхъ жертвъ, едва-ли было-бы достаточно одной ссылки на субъективную потребность нѣкоторой группы лицъ создать для себя органъ, чрезъ который они могли-бы проводить въ общество свои особыя взгляды, сообщать ему свои особыя знанія и наблюденія. Нѣтъ сомнѣнія, что существующіе у насъ періодическіе органы не исчерпываютъ всѣхъ наличныхъ теченій общественнаго сознанія и не даютъ мѣста для выраженія нѣкоторыхъ вновь возникающихъ у насъ направленій мысли и общественныхъ стремленій. Но одинъ субъективный фактъ обладанія нѣкоторыми особыми взглядами и чаяніями, еще не даетъ никому права считать себя носителемъ новыхъ общихъ стремленій и рассчитывать по этому поводу на постоянное вниманіе цѣлага общества: мысли его могутъ быть ошибочны, стремленія неправильны.

Поэтому въ основаніи этого новаго печатнаго предпріятія положены не только личныя потребности, но и совершенно объективныя и тщательно провѣренныя побужденія, и мы надѣемся, что наше дѣло можетъ быть признано, въ этомъ смыслѣ, нѣкоторымъ, хотя-бы и скромнымъ и маленькимъ, общественнымъ начинаніемъ.

Смысль его, по нашему глубокому убѣжденію, слѣдующій.

Не только русское общество, но и все человѣчество переживаетъ давно—уже нѣсколько десятилѣтій—тяжелый переходный моментъ въ своемъ духовномъ развитіи. Мы не боимся повторенія этой мысли, признаваемой многими избытою, такъ

какъ она истинна и такъ какъ нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣчество не можетъ проходить такіе моменты развитія въ теченіе мѣсяцевъ или немногихъ лѣтъ, какъ отдѣльная личность,—а должно, по сложности своего общаго цѣлаго, на всякій періодъ своего роста употреблять десятилѣтія. И вотъ уже давно тянется, особенно на Западѣ, во многихъ отношеніяхъ ненормальная, неестественная жизнь, напряженная по своему процессу и повидимому ничтожная по своимъ нравственнымъ результатамъ. Съ одной стороны, впрочемъ, результаты безспорно великіе: положительныя науки въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сдѣлали такіе громадныя успѣхи, которые чуть-ли не превосходятъ все достигнутое ими прежде въ теченіе столѣтій. Технические изобрѣтенія до того неожиданны и блестящи, что побѣды человѣческаго духа и въ этой области въ краткій срокъ превзошли все, что достигалось ранѣе вѣками въ смыслѣ внѣшнихъ усовершенствованій жизни.

И при всемъ томъ, счастье человѣчества не только не возрасло, но скорѣе пошло на убыль, какъ то доказываютъ и безнадежныя ученія о жизни, возникающія и особенно быстро распространяющіяся въ наше время. Возрѣніе на жизнь конечно самый глубокой и важный нервъ существованія человѣчества, и это именно возрѣніе на жизнь въ наше время является не только особенно смутнымъ и сбивчивымъ, но и безотраднымъ. Да и какъ не быть ему таковымъ, когда рядомъ съ усовершенствованными телефонами и другими необыкновенно быстрыми и удобными средствами общенія людей, ежедневно изобрѣтаются и заготовляются страшныя по своему разрушительному дѣйствию средства ихъ будущаго безопаднаго истребленія,—когда взаимная любовь и свободное взаимодѣйствіе людей во имя высшихъ задачъ не только не возрастаютъ, а все болѣе слабѣютъ и подвергаются ограниченіямъ вслѣдствіе роковыхъ недоразумѣній, развивающихъ злобу и коварство.

Поэтому не удивительно, что въ наше время иные умы отворачиваются отъ громадныхъ результатовъ современной науки и цивилизаціи, и призываютъ людей поскорѣе забыть все, что они изобрѣли, и возвратиться въ первобытное

и невинное состояніе относительнаго невѣдѣнія, соединеннаго съ самою простою, доброю жизнью.

Однако эти призывы представляютъ безъ сомнѣнія обратную крайность, ибо отъ разума своего человѣку отречься невозможно,—обвинять знаніе въ томъ, что оно служитъ исключительно злу, несправедливо,—желать уничтожить то, что утвердилось какъ фактъ, бесплодно.

Въ томъ самомъ знаніи, въ томъ самомъ разумѣ, которые доводятъ человѣка до злоупотребленій, можетъ-быть лежитъ и источникъ его спасенія. Нужно только направить силы познанія въ ту сторону, гдѣ оно можетъ найти источники добра и разумѣнія жизни.

Настоящая причина переживаемаго человѣчествомъ кризиса не состоитъ-ли именно въ томъ, что въ теченіе многихъ десятилѣтій главное его вниманіе направлялось на ту область познанаія, которая черпаетъ свой матеріалъ во внѣшнемъ опытѣ? Другая-же обширная область познанаія дѣйствительности, путемъ внутренняго чувства и опыта, чрезъ которые можетъ-быть лишь и открывается намъ жизнь въ ея истинномъ корнѣ, въ ея внутреннемъ содержаніи и значеніи, оставлена была въ нѣкоторомъ небреженіи. Такая односторонность въ свое время принесла пользу, такая спеціализація конечно и была причиною громаднаго и быстраго успѣха наукъ внѣшняго опыта и великихъ изобрѣтеній, ими вызванныхъ. Но въ интересахъ самого-же знанія, его широты и всесторонности, а еще болѣе въ интересахъ нравственной жизни человѣчества, все болѣе и болѣе разстраивающейся и вступающей на путь уродливыхъ уклоненій, нельзя долѣе откладывать возможныхъ усилій съ цѣлью привлеченія вниманія общества къ разработкѣ иныхъ проблемъ и задачъ, чѣмъ какими занимаются науки внѣшняго опыта.

Рѣчь идетъ, какъ можетъ догадаться читатель, о томъ знаніи, о тѣхъ приемахъ его приобрѣтенія и направленіяхъ его разработки, которые подразумѣваются въ терминахъ *фи.осо-фіи* и *психологіи*. Психологія есть тоже наука спеціальная, но изучающая явленія жизни съ ихъ внутренней, въ само-

сознаніи открывающейся стороны. Если она и пользуется для своихъ изслѣдованій внѣшнимъ опытомъ, то лишь какъ орудіемъ вспомогательнымъ, дающимъ средства, чрезъ изученіе внѣшнихъ знаковъ, выраженій, условій и орудій жизни, глубже проникать въ ея внутреннее содержаніе и точнѣе истолковывать показанія самосознанія. Это признаютъ даже и психологи-эмпирики, пытающіеся построить систему этой науки всецѣло на основаніи опыта. „Предметъ психологіи,—говорятъ они,—не есть нѣчто такое, что мы можемъ найти непосредственно даннымъ внѣ насъ, а есть то, что мы сознательно или бессознательно переносимъ изъ себя на другія существа“ *). Однако психологія, какъ специальная наука внутренняго опыта, сама по себѣ еще не можетъ разрѣшить задачи уясненія смысла и законовъ жизни. Психологія, какъ специальная наука, даетъ только самый важный матеріалъ, а отчасти и методъ для уясненія нѣкоторой части проблемы жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для всесторонняго разрѣшенія этой задачи, необходимо привлечь къ дѣлу всѣ выводы и ученія другихъ специальныхъ наукъ и попытаться этимъ путемъ построить цѣльное, чуждое логическихъ противорѣчій, ученіе о мірѣ и о жизни, способное удовлетворить не только требованіямъ нашего ума, но и запросамъ нашего сердца. Такъ опредѣляетъ задачи философіи въ своемъ новомъ сочиненіи „Система философіи“ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ современнаго естествознанія и положительныхъ методовъ науки Вильгельмъ Вундтъ, новое произведеніе котораго является неожиданностью для его поклонниковъ и блестящимъ образомъ подтверждаетъ еще разъ, какъ неотразима и велика въ человѣческомъ духѣ потребность синтеза знаній въ цѣльное міровоззрѣніе. Самъ Вильгельмъ Вундтъ, одинъ изъ главныхъ представителей современной экспериментальной науки и въ частности экспериментальной психологіи, выпускаетъ въ свѣтъ толстый томъ „Системы философіи“ и пытается оправдать необходимость *метафизики*,

*) Н. Höfding „Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung“. Leipzig, 1887, стр. 14 (uebers. v. F. Bendixen).

хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно значенія этого термина.

Мы не будемъ здѣсь подробно разбирать воззрѣній упомянутаго писателя *). Для насъ достаточно, что и строгіе приверженцы спеціальнаго знанія и экспериментальной науки признають необходимость не откладывать долѣе задачи построенія цѣльнаго философскаго ученія о мірѣ и о жизни, для удовлетворенія требованій нашей мысли и чувства.

Мы тоже глубоко убѣждены, что ближайшая и самая насущная потребность современнаго человѣчества состоитъ именно въ томъ, чтобы приобрести,—на почвѣ всесторонней философской критики данныхъ науки и при участіи особой творческой работы мысли, имѣющей въ основаніи своемъ законы логики,—такое ученіе о жизни, которое-бы дало человѣку вновь болѣе прочныя и ясныя начала для его нравственной дѣятельности, чѣмъ какими оно обладаетъ въ настоящую минуту. И приобретение такого или такихъ ученій особенно важно для насъ, русскихъ, которые еще не жили своимъ умомъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ знанія и жизни, и слѣдовали до сихъ поръ съ большимъ или меньшимъ увлеченіемъ разнороднымъ направленіямъ философскаго умозрѣнія на Западѣ, безпрестанно мѣняя своихъ кумировъ и такъ-же быстро въ нихъ разочаровываясь, какъ и обольщаясь ими.

Ради этой-то общественной потребности мы и предприняли изданіе особаго *русскаго* журнала по вопросамъ философіи и психологіи. Но задача наша новая и въ высшей степени трудная **).

Изъ того факта, что мы считаемъ дѣло свое обществен-

*) Критическому разбору книги Вундта будетъ посвящена особая статья въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала.

**) Мы должны впрочемъ оговориться здѣсь, что *первая* попытка основанія русскаго философскаго журнала была сдѣлана въ 1886 году профес. Козловымъ въ Кіевѣ. Но эта почтенная попытка нашего товарища, а теперь одного изъ главныхъ сотрудниковъ нашихъ, носила нѣсколько иной характеръ—характеръ чисто личнаго, а не коллективнаго предпріятія. Еще три года тому назадъ почтенный А. А. Козловъ былъ настолько одинокъ въ своей философской проповѣди, что не могъ дать дѣлу ту болѣе широкую организацію, которую мы нынѣ пытаемся осуществить.

нымъ, т.-е. хотимъ и надѣмся вложить свою лепту въ развитіе самосознанія русскаго общества, вытекаетъ для насъ прежде всего задача не замыкаться въ сферу узкихъ, совершенно спеціальныхъ интересовъ нашей науки. Какъ мы уже и заявляли неоднократно*), мы хотимъ дать новый органъ, съ особеннымъ содержаніемъ и задачами, той части русскаго образованнаго общества, которая стремится къ болѣе глубокому анализу вопросовъ жизни. Впрочемъ, вопросами философіи интересуется всякій образованный человѣкъ, и это понятно, если принять во вниманіе значеніе философскихъ ученій для практической жизни.

Исходя изъ необходимости сдѣлать журналъ доступнымъ для всего образованнаго общества, мы озаботились прежде всего тѣмъ, чтобы программа его была какъ можно шире. Въ немъ будутъ подлежать обсужденію не только вопросы спеціально-философскіе, но и вопросы другихъ наукъ, насколько каждая изъ нихъ имѣетъ и должна имѣть свою философію, а также и задачи искусства, насколько онѣ доступны обсужденію съ философской и психологической точекъ зрѣнія. Мы надѣмся также современемъ, какъ видно и изъ программы журнала, сдѣлать въ немъ предметомъ анализа не только *общія начала* знанія, жизни и художественнаго творчества, но и *отдѣльныя явленія* науки, жизни и искусства, способныя давать матеріаль для уясненія этихъ началъ.

Но нелегко сдѣлать изслѣдованіе вопросовъ философіи доступнымъ для пониманія всѣхъ образованныхъ людей *по формѣ*. У насъ нѣтъ еще своего философскаго языка: не только философскіе термины наши почти все иностранные, но и общее построеніе философской рѣчи у русскихъ писателей иногда не русское. Конечно философскій языкъ народа создается вѣками упорной работы мысли; однако и современное поколѣніе русскихъ мыслителей должно стремиться принять участіе въ этой обширной работѣ національнаго творчества.

Таковы тѣ затрудненія, которыя мы встрѣтимъ при выпол-

*) См. наприм. статью нашу въ „Русск. Вѣдом.“ отъ 23 октября 1889 г. (№ 263).

нені нашей задачи со стороны формы. Что касается до *содержанія*, то тутъ трудности будутъ еще значительнѣе.

Мы сказали, что до сихъ поръ русскіе мыслящіе люди жили большею частью тѣми или другими ученіями и направленіями западно-европейской философіи. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго у насъ преимущественно господствовала *французская* философія. Вольтеръ, Дидро, Гольбахъ, Гелвецій, Руссо: вотъ кому поклонялись и кого изучали наши прадѣды. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ увлеченія *нѣмецкою* философіей, — съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка быстро распространяется у насъ вліяніе германскихъ идеалистовъ, особенно Фихте и Шеллинга; съ конца тридцатыхъ совершается переломъ въ пользу Гегеля; затѣмъ, чрезъ посредство Фейербаха, мы переходимъ къ доктринамъ нѣмецкихъ матеріалистовъ, и, наконецъ, реакція противъ крайностей этого направленія приводитъ насъ на короткое время къ увлеченію системами Шопенгауэра и Гартмана. Но еще съ 60-хъ годовъ начинается другое движеніе — въ пользу эмпирической философіи *англичанъ*: Дж. Ст. Милль и Спенсеръ и, параллельно съ ними, англійская опытная психологія, съ ея главнымъ представителемъ Бэномъ, овладѣваютъ вниманіемъ значительной части русскаго общества. Милль и Спенсеръ въ свою очередь ведутъ насъ къ увлеченію Ог. Контомъ и позитивизмомъ, а затѣмъ и современной экспериментальной психологіей французовъ. Такимъ образомъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ вліянія философскихъ направленій Запада все болѣе и болѣе перекрещиваются и перепутываются. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ у насъ были ревностные и несогласные ни на какіе компромиссы поклонники ученій Конта, Дж. Ст. Милля, Спенсера, Шопенгауэра и Гартмана.

Въ настоящее время трудно сказать, какія вліянія у насъ преобладаютъ. Склоняясь въ большей или меньшей степени въ пользу того или другого направленія западной философіи, или по своему комбинируя эти направленія, русскіе интеллигентные люди стали говорить объ отвлеченныхъ вопросахъ столь различными словами и оборотами рѣчи, что почти не-

рестали понимать другъ друга. Къ счастью, еще въ 70-хъ-же годахъ начинаются у насъ и первыя попытки самостоятельной критики и собственныхъ философскихъ построений. Достаточно напомнить читателю всѣмъ извѣстные труды Вл. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. Н. Страхова, А. А. Козлова. Съ начала 80-хъ годовъ число самостоятельныхъ попытокъ освѣщенія и усиленнаго разрѣшенія различныхъ философскихъ вопросовъ быстро возрастаетъ; молодежь въ университетахъ все болѣе и болѣе охотно сосредоточивается на спеціальномъ изученіи философіи; и нынѣ число молодыхъ работниковъ на поприщѣ философіи на столько умножилось, что почти въ каждомъ русскомъ университетѣ имѣется по нѣскольку преподавателей этой группы наукъ. Это конечно фактъ чисто-внѣшняго свойства, но въ немъ есть и признаки внутренняго движенія, совершающагося въ нашемъ обществѣ. Самое существенное то, что во вновь появляющихся у насъ философскихъ трудахъ все болѣе и болѣе замѣчается стремленіе къ самостоятельности, идущее рука объ руку съ болѣе строгимъ критическимъ отношеніемъ къ западнымъ авторитетамъ.

Спеціально въ Москвѣ значительную поддержку развитію серьезныхъ философскихъ интересовъ въ обществѣ оказало основанное проф. Московскаго университета М. М. Троицкимъ въ 1885 году Психологическое Общество. Если принять во вниманіе интересъ, который проявляетъ къ его дѣятельности московская публика, а также тотъ фактъ, что Психологическое Общество въ послѣдніе годы занималось не только спеціально психологическими изслѣдованіями, но и вопросами болѣе широкаго философскаго характера, то нельзя не прийти къ заключенію, что потребность въ философскомъ освѣщеніи вопросовъ жизни дѣйствительно все болѣе и болѣе распространяется у насъ среди образованныхъ людей. Этому широкому распространенію философскихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ весьма сильно помогъ, безъ сомнѣнія, и одинъ изъ великихъ нашихъ художниковъ, выступившій съ новымъ ученіемъ о жизни и о нравственныхъ задачахъ человѣка. Можетъ-быть, ни одинъ изъ спеціалистовъ такъ сильно не содѣй-

ствовалъ пробужденію въ русскомъ обществѣ философскаго духа, какъ содѣйствовалъ этому косвенно гр. Л. Н. Толстой. Мы не намѣрены устанавливать какой-либо приговоръ объ его воззрѣніяхъ, да для этого и не наступила еще пора. Но для насъ несомнѣнно одно, что глубокіе вопросы о жизни, вновь поднятые или новымъ образомъ поставленные нашимъ художникомъ-мыслителемъ, могутъ быть серьезно и основательно выяснены и разрѣшены только на почвѣ новой всесторонней критики общихъ философскихъ вопросовъ. Непосредственное обращеніе къ чувству и къ здравому смыслу можетъ оказать могущественную поддержку въ дѣлѣ пробужденія философской пытливости, но полное удовлетвореніе этой послѣдней возможно лишь на почвѣ строгой провѣрки разумомъ влеченій сердца и выводовъ здраваго смысла.

Такимъ образомъ, нашъ журналъ обязанъ содѣйствовать хотя въ нѣкоторой степени, упорядоченію и направленію въ должномъ критическомъ смыслѣ тѣхъ стремленій къ самостоятельному пересмотру вопросовъ жизни, какіе съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ проявляются въ нашемъ обществѣ.

Для этого лучший путь и самое надежное средство—пригласить къ работѣ именно *всѣхъ* тѣхъ носителей этихъ новыхъ стремленій, какіе у насъ имѣются, что мы и сдѣлали. Такъ какъ у насъ еще нѣтъ ни одного вполне выработаннаго философскаго ученія, то надо предоставить просторъ для развитія такового или таковыхъ, не предрѣшая конечнаго исхода этой работы. Пусть представитель каждаго самостоятельнаго философскаго воззрѣнія отстаиваетъ свои взгляды, по мѣрѣ своихъ силъ и по мѣрѣ интереса, который онъ находитъ въ такой задачѣ.

Одно ограниченіе необходимо—и будетъ нами соблюдаться,—а именно, чтобы всѣ убѣжденія проводились съ надлежащимъ знаніемъ и подготовкою, — знаніемъ прошлой исторіи мысли человѣчества и современнаго положенія науки. Дѣло идетъ не о выраженіи мнѣній и добрыхъ желаній, а о строгой логической работѣ мышленія, умѣющаго себя отстаивать и не

только сознательно, но и методически идти къ своей послѣдней цѣли.

Въ результатѣ такой коллективной работы достаточно дисциплинированныхъ умовъ можно надѣяться пріобрѣсти то, о чемъ мы всѣ мечтаемъ: новыя точки опоры для правильнаго ученія о мірѣ и жизни.

Мы *лично* надѣемся, что тѣ философскія воззрѣнія, которыя могутъ этимъ путемъ возникнуть, будутъ новы и своеобразны, что они не будутъ простыми повтореніями и воспроизведеніями какихъ-либо прежнихъ ученій о жизни, если даже они и не будутъ въ состояніи исчерпать всѣхъ задачъ знанія. Обладаніе абсолютной истиной не можетъ составлять удѣла человѣческаго. Возможно лишь большее или меньшее приближеніе къ ней. Поэтому философія, въ теченіе тысячелѣтій работавшая надъ пріобрѣтеніемъ правильнаго ученія о мірѣ, лишь медленно подвигалась на этомъ пути и всегда достигала (какъ и наука, какъ и искусство) только относительно цѣнныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе весьма важно дальнѣйшее движеніе впередъ на пути къ всестороннему освѣщенію загадокъ бытія и къ точному выясненію смысла вопросовъ, которые вѣчно терзали человѣчскій духъ. И нѣкоторые новые шаги на этомъ пути должны попытаться сдѣлать и мы.

Ограниченность этой задачи выражена въ понятіи „*Вопросы философіи и психологіи*“, которымъ и обозначается существенный характеръ журнала. Дѣло идетъ не о полномъ и окончательномъ разрѣшеніи этихъ „вопросовъ“, а о правильной ихъ постановкѣ, позволяющей человѣку удовлетвориться нѣкоторыми наиболѣе вѣроятными ихъ рѣшеніями. Конечно, какъ справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ и одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, задача наша не въ томъ, чтобы какъ можно болѣе увеличить и безъ того большое количество вопросовъ философіи и психологіи, а въ томъ, чтобы ихъ упростить и свести къ главнымъ и самымъ основнымъ. Дѣло идетъ прежде всего о точномъ опредѣленіи самихъ предѣловъ знанія и

мощи человѣка. „Вопросы“ всегда останутся, но приблизиться къ болѣе полному ихъ уразумѣнію человѣку не разъ удавалось.

При самостоятельномъ выполненіи этой задачи, откроются, вѣроятно, новыя черты не только мірового бытія, но и человѣческой природы, которыя еще не всѣ исчерпаны, не всѣ познаны и выражены словомъ. Едва-ли нужно говорить, что ни одинъ самостоятельный философъ не повторялъ другого и что никогда философія одного народа не повторяла философію другого.

Чѣмъ сильнѣе значеніе личности въ той или другой дѣятельности человѣческой, тѣмъ значительнѣе вліяніе народности. Если даже въ исторіи науки можно отмѣтить, какъ это неоднократно дѣлалось, вліяніе народности, то тѣмъ легче прослѣдить его въ философіи, гдѣ личная сила творчества, гдѣ субъективное вліяніе чувства и воли всегда замѣтно сказывались. Мы не рѣшимся произнести какое-либо окончательное сужденіе относительно будущаго русской философіи. Но едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что воззрѣніе на жизнь русскаго народа во многомъ отличается отъ воззрѣнія на жизнь другихъ народовъ, прошлыхъ и настоящихъ. Недовѣріе къ исключительному господству разсудка въ жизни и чисто-раціональныхъ началъ въ знаніи проявлялось не только въ міровоззрѣніи народномъ, но и въ ученіяхъ русскихъ мыслителей, наприм. славянофиловъ (И. В. Кирѣевскаго, А. С. Хомякова). Вмѣстѣ съ тѣмъ этический интересъ всегда преобладалъ въ русской жизни и даже проявлялся въ ней иногда въ ущербъ требованіямъ разума и эстетическаго чувства. То-же ли самое мы находимъ въ жизни другихъ народовъ?

Стереотипнымъ стало совершенно справедливое утвержденіе, что древніе языческіе народы, особенно греки, поклонялись преимущественно *красотѣ*, что въ формѣ красоты они мыслили и добро и истину *). Несомнѣннымъ также является для многихъ русскихъ мыслителей, что новѣйшіе

*) Въ этомъ отношеніи кульминаціоннымъ пунктомъ древней мысли является система Платона. Аристотель, какъ мыслитель не вполне греческаго происхожденія, уже составляетъ поворотъ къ раціонализму новаго времени.

западные народы поклоняются болѣе всего *разуму*, т.-е. началу *истины*, и ради него жертвуютъ иногда, хотя-бы и по недоразумѣнью, интересами добра и красоты (утилитарная мораль, реалистическое искусство).

Для того, кто знакомъ съ исторіей западной философіи, это положеніе представляется достаточно очевиднымъ, ибо вся исторія западно-европейской мысли въ новое время есть исторія борьбы разума противъ чувства и воли, есть утвержденіе правъ разума въ жизни человѣческой. Различные западные народы послужили дѣлу разума различно, смотря по тому, какъ они понимали его отправления и какимъ изъ нихъ всего болѣе сочувствовали и служили.

Англичане, со времени Бэкона и Локка и даже ранѣе (если вспомнимъ Вильгельма Оккама) и кончая Миллемъ, Бэномъ и Спенсеромъ, отстаивали права опыта, наблюденія, эксперимента и всего болѣе поработали надъ собираніемъ для разума *эмпирическаго матеріала*. Романскіе народы, со времени Декарта (припомнимъ ранѣе Райм. Лулія) и кончая Контонъ и новѣйшими его сознательными и бессознательными послѣдователями, всего болѣе послужили открытію строгихъ и точныхъ *математическихъ* критеріевъ въ работѣ разума, на пути къ опредѣленію свойствъ дѣйствительности и абстрактныхъ формулъ жизни. Наконецъ, германцы принесли огромную пользу разъясненіемъ качественныхъ, *логическихъ* критеріевъ работы разума, и со времени Лейбница вплоть до Канта, Гегеля и Шопенгауэра, трудились надъ созданіемъ метафизики, т.-е. системы логическихъ опредѣленій бытія и жизни *).

Что-же *русскій* народъ дастъ философіи?

Идеаль философіи состоитъ въ примиреніи разума, чувства, воли, — науки, искусства, религіи. Но осуществимъ-ли этотъ

*) Само собою разумѣется, что эта схема имѣетъ совершенно относительное значеніе. Безъ сомнѣнія отдѣльные мыслители у всѣхъ этихъ народовъ проявляли и инныя стремленія, въ общемъ исчерпывающія весь кругъ возможныхъ чувствъ, идей и влеченій человѣческаго духа. Но вопросъ въ томъ: какою областью идей и стремленій каждый народъ разработалъ лучше, поднѣе, и какія ученія у cadaго народа имѣли наибольшій успѣхъ и достигали самаго яркаго развитія.

идеаль для отдѣльнаго народа? — Трудно не дать перевѣса одному изъ элементовъ, и мы, русскіе, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія, повидимому склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно-этическому, т.-е. направленію воли въ отношеніи къ ея цѣли — благу. Славянофилы проповѣдывали философію „вѣры“. Господство этическихъ интересовъ проявлялось и другими способами,—какъ въ самыхъ лучшихъ, такъ и въ самыхъ уродливыхъ направленіяхъ нашего самосознанія. Этические интересы лежатъ въ основаніи нашихъ лучшихъ художественныхъ явленій (Гоголь, Лермонтовъ, Достоевскій, Тургеневъ, гр. Л. Толстой, Островскій, Щедринъ). Этические интересы ведутъ насъ даже иногда къ отрицанію искусства и науки, какъ самостоятельныхъ областей дѣятельности человѣческаго духа. Этический интересъ общаго блага давалъ своеобразное и иногда даже слишкомъ рѣзкое направленіе нашей общественной жизни въ различные періоды нашей исторіи. Наконецъ, мы могли-бы указать и на вліяніе этического момента въ развитіи нашей русской науки, но воздерживаемся отъ этого, чтобы не говорить о явленіяхъ еще переживаемыхъ нами.

Такимъ образомъ, по всей видимости, нашему народному міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ *нравственные* интересы жизни. Но это не мѣшаетъ намъ надѣяться достигнуть извѣстнаго общаго синтеза всѣхъ запросовъ человѣческаго духа подъ этимъ новымъ угломъ зрѣнія.

Философія грековъ сумѣла-же гармонически связать идеалы истины, добра и красоты, подъ угломъ зрѣнія этой послѣдней; философскія ученія европейскихъ мыслителей новаго времени пытались гармонически сочетать тѣ-же идеалы подъ угломъ зрѣнія истины. Не состоитъ-ли историческая задача русскихъ мыслителей въ такомъ-же, не менѣе глубокомъ, синтезѣ идеаловъ, съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ блага; и можетъ быть даже господство идеала добра надъ другими идеалами—законное господство? Главнѣйшіе интересы человѣческой жизни лежатъ въ *дѣятельности* человѣка, а дѣятельность человѣка имѣетъ источникомъ его *волю* и *ея цѣли*.

Высшая-же цѣль воли—*благо*. Шопенгауэръ пытался дать чело-вѣчеству своего рода философію искупленія воли и нравствен-наго спасенія міра. Но можетъ-ли „злая, бессознательная воля въ жизни“ искупить свое зло? Не является-ли философія Шопен-гауэра скорѣе пророчествомъ и указаніемъ на будущее, т.-е. такимъ-же переходнымъ явленіемъ, какимъ была въ древно-сти философія Аристотеля? *Философія спасенія міра отъ зла*, его нравственнаго совершенствованія, не будетъ-ли именно нашей особой философіей. Отъ самой красоты мы ждемъ „*спасенія*“, отъ истины—также.

Мы только задаемъ вопросы,—мы не разрѣшаемъ ихъ. Мо-жетъ-быть другіе русскіе мыслители иначе и *болѣе вѣрно* истолкуютъ смыслъ и задачи нашего національнаго міросозер-цанія. Мы высказали здѣсь свои *личныя* убѣжденія, но это ни-сколько не мѣшаетъ выраженію и проведенію на страницахъ этого журнала иныхъ взглядовъ.

Со временемъ мы надѣмся дать нашимъ читателямъ подробное изложеніе прошлой исторіи русскихъ философ-скихъ чаяній, русскаго философскаго самосознанія, какъ оно въ-ражалось у насъ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, когда оно привело и къ постановкѣ вопроса „О необходимости и воз-можности новыхъ началъ для философіи“ (И. Кирѣевскій, 1856). Пока, думается намъ, задача наша не столько въ томъ, чтобы строить, сколько въ томъ, чтобы расчистить почву для новой постройки. Нельзя не считаться съ тѣмъ, что чело-вѣчество уже дало и нынѣ даетъ въ области умозрѣнія. Мы далеки отъ того, чтобы приписать русскому философскому самосозна-нію монополію не только истины, но и добра. Западная Европа имѣетъ предъ нами то преимущество, что за нею стоятъ вѣка добросовѣстной, непрерывной духовной работы. Мы-же только начинаемъ. И въ настоящее время на Западѣ такъ рабо-таютъ, какъ намъ рѣдко случалось работать. Каждый день западная наука, западная философія даютъ намъ новые пло-ды трудолюбія и таланта. Мы не въ правѣ относиться высокомѣрно и легкомысленно къ могучимъ проявленіямъ чело-вѣческаго духа у другихъ народовъ. Если мы хотимъ

сдѣлать что-нибудь *свое*, что-нибудь *новое* и *цѣнное*, то должны прежде понять, усвоить, истолковать или спровергнуть то, что сдѣлано другими.

Поэтому мы сначала направимъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать читателю критическое истолкованіе того, что дала и даетъ намъ современная западная философія и западная наука. Мы надѣемся, что и въ этихъ попыткахъ *критики* скажется независимая мысль и свободное, ни для чего и ни для кого неподкупное, чувство.

Въ настоящей первой книгѣ журнала читатель найдетъ статьи разнообразнаго содержанія—философскаго (статьи профессора А. А. Козлова и кн. С. Н. Трубецкаго), психологическаго (работы Н. И. Шишкина и прив.-доц. Ланге);—статью по эстетикѣ или философіи прекраснаго (Влад. Серг. Соловьева) и работу, относящуюся къ области исторіи мысли на Востокѣ (В. В. Лесевича). Въмѣстѣ съ тѣмъ, статьи Вл. С. Соловьева, проф. А. А. Козлова и Н. И. Шишкина относятся отчасти и къ области философіи естествознанія. Во второмъ, *спеціальномъ*, отдѣлѣ мы старались съ возможною полнотою обозрѣть нѣкоторыя современныя явленія, преимущественно въ области западной философіи и психологій. Вслѣдствіе естественнаго желанія дать въ первой книжкѣ образецъ возможнаго разнообразія матеріала, съ которымъ читателю придется имѣть дѣло въ нашемъ журналѣ, мы принуждены были нѣсколько увеличить размѣры этой книжки, сравнительно съ установленными по программѣ. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если въ будущихъ книжкахъ мы будемъ строже держаться намѣченныхъ рамокъ.

Сроками выхода слѣдующихъ номеровъ журнала редакція намѣтила: вторую половину января, конецъ апрѣля (или начало мая) и конецъ августа или начало сентября.

Редакторъ Николай Гротъ.

20-го Октября
1889 г.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Красота въ природѣ.

Красота спасетъ міръ.

Достоевскій.

Странно кажется возлагать на красоту спасеніе міра, когда приходится спасать саму красоту отъ художественныхъ и критическихъ опытовъ, старающихся замѣнить идеально-прекрасное реально-безобразнымъ. Но если не смущаться грубыми, а иногда и совсѣмъ нелѣпыми выраженіями новѣйшаго эстетическаго реализма (и утилитаризма), а вникнуть въ существенный смыслъ его требованій, то въ нихъ именно и окажется безотчетное и противорѣчивое, но тѣмъ болѣе дорогое признаніе за красотой мірового значенія: ея кажущіеся гонители усвояютъ ей какъ разъ эту самую задачу спасать міръ. Чистое искусство или искусство для искусства отвергается какъ праздная забава; идеальная красота презирается, какъ произвольная и пустая прикраса дѣйствительности. Значитъ требуется, чтобы настоящее художество было *важнымъ дѣломъ*, значитъ признается за истинною красотой способность глубоко и сильно воздѣйствовать на реальный міръ. Освободивши требованія новыхъ эстетиковъ (реалистовъ и утилитаристовъ) отъ логическихъ противорѣчій, въ которыя они обыкновенно запу-

тываются, и сводя эти требованія къ одному, мы получимъ такую формулу: эстетически прекрасное должно вести къ *реальному улучшенію дѣйствительности*. Требованіе вполне справедливое; и вообще говоря, отъ него никогда не отказывалось и идеальное искусство, его признавали и старые эстетики. Такъ, на примѣръ, древняя трагедія, по объясненію Аристотеля (въ его „Поэтикѣ“), должна была производить дѣйствительное улучшеніе души человѣческой чрезъ ея очищеніе (*κάθαρσις*). Подобное-же реально-нравственное дѣйствіе приписываетъ Платонъ (въ „Республикѣ“) нѣкоторымъ родамъ музыки и лирики, укрѣпляющимъ мужественный духъ. Съ другой стороны, художественная пластика, помимо своего эстетическаго вліянія на душу, представляетъ еще хотя весьма незначительное, поверхностное и частичное, но все-таки реальное, прямое и пребывающее воздѣйствіе на внѣшнюю вещественную природу, — на матеріаль, изъ котораго это искусство создаетъ свои произведения. Прекрасная статуя по отношенію къ простому куску мрамора есть безспорно новый реальный предметъ и притомъ лучший, болѣе совершенный (въ объективномъ смыслѣ), какъ болѣе сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обособленный. Если въ этомъ случаѣ улучшающее дѣйствіе искусства на матеріальный предметъ имѣетъ характеръ чисто-внѣшній, нисколько не измѣняющій существенныхъ свойствъ самой вещи, то нѣтъ однако никакихъ основаній утверждать, что такой поверхностный образъ дѣйствія долженъ непременно принадлежать искусству вообще, всегда и во всѣхъ его видахъ. Напротивъ, мы имѣемъ полное право думать, что воздѣйствіе искусства какъ на природу вещей, такъ и на душу человѣческую допускаетъ различныя степени, можетъ быть болѣе или менѣе глубокимъ и сильнымъ.

Но, во всякомъ случаѣ, какъ-бы слабо ни было это двойное дѣйствіе художника, онъ все-таки производитъ нѣкоторые новые предметы и состоянія, нѣкоторую новую прекрасную дѣйствительность, которой безъ него вовсе-бы не было. Эта прекрасная дѣйствительность или эта осуществ-

ленная красота составляет лишь весьма незначительную и немощную часть всей нашей далеко не прекрасной дѣйствительности. Въ человѣческой жизни художественная красота есть только символъ лучшей надежды, минутная радуга на темномъ фонѣ нашего хаотическаго существованія. Противъ этой - то недостаточности художественной красоты, противъ этого поверхностнаго ея характера и возстаютъ противники чистаго искусства. Они отвергаютъ его не за то, что оно слишкомъ возвышенно, а за то, что оно не довольно реально, т. е. что оно не въ состояніи овладѣть всею нашею дѣйствительностью, преобразовать ее, сдѣлать всецѣло прекрасною. Быть-можетъ, сами не ясно это сознавая, они требуютъ отъ искусства гораздо большаго, чѣмъ то, что оно до сихъ поръ давало и даетъ. Въ этомъ они правы, ибо ограниченность наличнаго художественнаго творчества, эта призрачность идеальной красоты выражаетъ только несовершенную степень въ развитіи человѣческаго искусства, а никакъ не вытекаетъ изъ самой его сущности. Было-бы явною ошибкой считать существующіе нынѣ способы и предѣлы художественнаго дѣйствія за окончательные и безусловно обязательные. Какъ и все человѣческое, искусство есть текущее явленіе, и быть-можетъ въ нашихъ рукахъ только отрывочные начатки истиннаго искусства. Пускай сама красота неизмѣнна; но объемъ и сила ея осуществленія въ видѣ прекрасной дѣйствительности имѣютъ множество степеней, и нѣтъ никакого основанія для мыслящаго духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы успѣли достигнуть въ настоящую историческую минуту, хотя-бы эта минута и продолжалась уже тысячелѣтія.

Имѣя въ виду философскую теорію красоты и искусства, слѣдуетъ помнить, что всякая такая теорія, объясняя свой предметъ въ его настоящемъ видѣ, должна открывать для него широкіе горизонты будущаго. Бесплодна та теорія, которая только подмѣчаетъ и обобщаетъ въ отвлеченныхъ формулахъ фактическую связь явленій: это—простая эмпиріа

рія, лишь одною степеню возвышающаяся надъ мудростію народныхъ примѣтъ. Истинно-философская теорія, понимая смыслъ факта, т. е. его соотношеніе со всѣмъ, что ему сродно, тѣмъ самымъ связываетъ этотъ фактъ съ неопредѣленно восходящимъ рядомъ новыхъ фактовъ, и какою-бы смѣлою ни казалась намъ такая теорія, въ ней нѣтъ ничего произвольнаго и фантастическаго, если только ея широкія построенія основаны на подлинной сущности предмета, открытой разумомъ въ данномъ явленіи или фазѣ этого предмета. Ибо сущность его необходимо больше и глубже даннаго явленія, и слѣдовательно по необходимости-же она есть источникъ новыхъ явленій все болѣе и болѣе ее выражающихъ, или осуществляющихъ.

Но во всякомъ случаѣ сущность красоты должна быть прежде всего понята въ ея дѣйствительныхъ наличныхъ явленіяхъ. Изъ двухъ областей прекрасныхъ явленій,—природы и искусства, мы начнемъ съ той, которая шире по объему, проще по содержанію и естественно (въ порядкѣ бытія) предшествуетъ другой. Эстетика природы дастъ намъ необходимыя основанія для философіи искусства.

I.

Алмазь, т.е. кристаллизованный углеродъ, по химическому составу своему есть то-же самое, что обыкновенный уголь. Несомнѣнно также, что пѣніе соловья и неистовые крики влюбленнаго кота, по психо-физиологической основѣ своей суть одно и то-же, именно звуковое выраженіе усиленнаго полового инстинкта. Но алмазь красивъ и дорого цѣнится за свою красоту, тогда какъ и самый невзыскательный дикарь врядъ-ли захочетъ употребить кусокъ угля въ видѣ украшенія. И между тѣмъ какъ соловьиное пѣніе всегда и вездѣ почиталось за одно изъ проявленій прекраснаго въ природѣ, кошачья музыка, не менѣе ярко выражающая тотъ-же самый душевно-тѣлесный мотивъ, нигдѣ, никогда и никому не доставляла эстетическаго наслажденія.

Изъ этихъ элементарныхъ примѣровъ уже явствуется,

что красота есть нечто формально-особенное, специфическое, от материальной основы явлений прямо не зависящее и на нее не сводимое. Независимая от материальной подкладки предметов и явлений, красота не обусловлена также и их субъективной оценкою по той житейской пользе и той чувственной приятности, которую они могут нам доставлять. Что самые прекрасные предметы бывают совершенно бесполезны в смысле удовлетворения житейских нужд и что, наоборот, вещи наиболее полезные бывают вовсе некрасивы—это, конечно, не требует доказательства; но нельзя обойти ту теорию, которая *косвенно* определяет красоту пользою. А именно она утверждает, что красота есть переставшая действовать полезность, или воспоминание о прежней пользе. То, что было полезно для предков, становится украшением для потомков. При смелом применении дарвинизма можно распространять это понятие о *прежней* пользе очень далеко, и за предков наших считать не только обезьян или тюленей, но пожалуй даже и устриц. В этой теории превращения полезного в прекрасное есть доля фактической истины, и нам нет надобности ее отвергать. Несомненно только, что она совершенно недостаточна в смысле философского объяснения или существенного определения красоты.

Далее мы увидим, что и на низших ступенях духовного развития (в мире животном) красота имеет объективное значение помимо всякого утилитарного отношения. Но хотя и была-бы доказана *генетическая* зависимость прекрасного от полезного, этим несколько не решается *эстетическая* задача. Несомненно, что все значительные явления прекрасного в природе и искусства не связаны ни с какою практической пользою для нас или для наших хотя бы самых отдаленных предков. А в таком случае возможная материальная полезность тех первичных элементов, на которые мы разлагаем прекрасные явления, так-же мало имеет значения для эстетики, как для не-

посредственного чувства красоты безразличен тотъ фактъ, что самое прекрасное человѣческое тѣло произошло изъ безобразнаго эмбриона.

Вопросъ о томъ: *что есть* извѣстный предметъ?—никогда не совпадаетъ съ вопросомъ: *изъ чего* или откуда *произошелъ* этотъ предметъ? Вопросъ о происхожденіи эстетическихъ чувствъ принадлежитъ къ области біологіи и психо-фізіологіи; но этимъ нисколько не рѣшается и даже не затрогивается эстетическій вопросъ о томъ: *что есть* красота. Въ порядкѣ генетическомъ такъ-называемыя „каменные бабы“ несомнѣнно предшествуютъ греческимъ статуямъ. Но неужели указаніе на эти безобразныя произведенія поможетъ намъ уразумѣть эстетическую сущность Венеры Милосской?... Несомнѣнно, что въ генетическомъ смыслѣ всѣ наши чувства, не исключая и высшихъ: зрѣнія и слуха — суть лишь дифференціаціи осязанія. Неужели этимъ отнимается самостоятельное значеніе у оптики и акустики? Разложеніе эстетическихъ явленій на первичные элементы, имѣющіе свойство полезности или пріятности, можетъ быть очень интересно; но настоящая теорія прекраснаго есть та, которая имѣетъ въ виду собственную сущность красоты во всѣхъ ея явленіяхъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ. Какъ органическая химія, при всей своей важности для біолога, не можетъ однако замѣнить ему собственно ботаническихъ и зоологическихъ изслѣдованій, такъ и психо-фізіологическій анализъ эстетическихъ явленій никогда не получитъ значенія настоящей эстетики *).

*). См. „Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты. Психо-физиологическій этюдъ“ Л. Е. Оболенскаго. С.-ПБ. 1878 г. Болѣе притязательно, но за то и менѣе основательно сочиненіе г. Вл. Велямовича—„Психо-физиологическія основанія эстетики. Сущность искусства, его социальное значеніе и отношеніе къ наукѣ и нравственности. (Новый опытъ философіи искусствъ)“. Часть первая и вторая. С.-ПБ. 1878 г. Какъ единственный въ русской литературѣ опытъ систематической эстетики, эта книга заслуживаетъ упоминанія, но впрочемъ не нуждается въ критикѣ.

Каковы-бы ни были ея матеріальные элементы, формальная красота всегда заявляетъ себя какъ чистая бесполезность. Однако эта чистая бесполезность высоко цѣнится человѣкомъ и, какъ увидимъ далѣе, не человѣкомъ только. И если она не можетъ цѣниться какъ средство для удовлетворенія тѣхъ или другихъ житейскихъ или физиологическихъ потребностей, то значить она цѣнится какъ цѣль сама въ себѣ. Въ красотѣ—даже при самыхъ простыхъ и первичныхъ ея проявленіяхъ—мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то *безусловно-цѣннымъ*, что существуетъ не ради другого, а ради самого себя, что самымъ существованіемъ своимъ радуется и удовлетворяетъ нашу душу, которая на красотѣ успокоивается и освобождается отъ жизненныхъ стремленій и трудовъ.

Это древне-греческое понятіе о красотѣ, какъ предметѣ безстрастнаго, безкорыстнаго и безвольнаго созерцанія, или проще какъ о чистой бесполезности, въ недавнее время было возобновлено и распространено послѣднимъ представителемъ великой германской философіи. Впрочемъ, все, что Шопенгауэръ такъ хорошо и вѣрно говоритъ на эту тему есть въ сущности не болѣе какъ философскій комментарий на извѣстное двустишіе, мимоходомъ брошенное Гёте:

Die Sterne die begehrt man nicht
Man freut sich ihrer Pracht.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на этой сторонѣ дѣла, вопервыхъ потому, что она исчерпана франкфуртскимъ мыслителемъ, а вовторыхъ потому, что она сама далеко не исчерпываетъ вопроса о красотѣ. Сказать, что красота есть предметъ безкорыстнаго созерцанія, или цѣль сама въ себѣ, значить только сказать, что она не есть средство для постороннихъ цѣлей: опредѣленіе совершенно вѣрное, но чисто-отрицательное и безсодержательное. Какъ ни важно для мыслителя свойство безволія и безкорыстности присущее всякой чисто-эстетической оцѣнкѣ, но еще важнѣе и интереснѣе для него вопросъ о собствен-

ной положительной сущности красоты; и не даромъ геніальный поэтъ къ своему отрицательному указанію: *die Sterne die begehrt man nicht* — прибавилъ и положительное: *man freut sich ihrer Pracht*. Въ чемъ-же собственно состоитъ эта *Pracht* во всякомъ прекрасномъ предметѣ — вотъ что главнымъ образомъ должна рѣшить философская эстетика. Какъ цѣль сама въ себѣ, красота ничему служить не можетъ, — въ практическомъ и житейскомъ смыслѣ она есть чистая бесполезность; но этимъ нисколько не устраняется вопросъ о независимомъ содержаніи самой этой цѣли: за что, за какое свое собственное внутреннее свойство цѣнится эта чистая бесполезность?

Намекъ, но только намекъ на истину находимъ мы въ извѣстномъ ученіи, по которому существенное содержаніе красоты составляютъ идеи (вѣчные типы вещей), какъ предметныя выраженія (объективации) міровой воли. Настоящаго отвѣта на эстетическій вопросъ здѣсь нѣтъ — потому, что для этой теоріи все существующее одинаково есть объективация міровой воли, а между тѣмъ не все существующее одинаково красиво. Взглядъ, который логически вынуждается признать какую-нибудь глисту столь-же прекрасною, какъ Елену на стѣнахъ Трои, самъ себя убиваетъ въ смыслѣ эстетической доктрины. Существуютъ отвлеченно-метафизическія точки зрѣнія несовмѣстимыя съ признаніемъ разницы между добромъ и зломъ, между красотою и безобразіемъ; но, становясь на такія точки зрѣнія, лучше уже вовсе не разсуждать о нравственныхъ и эстетическихъ предметахъ.

II.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ отвлеченную метафизику, обратимся опять къ тѣмъ дѣйствительнымъ примѣрамъ прекраснаго въ природѣ, съ которыхъ началось наше разсужденіе. Красота алмаза, нисколько не свойственная его веществу (ибо это вещество то-же самое, что и въ некрасивомъ кускѣ каменнаго угля), очевидно зависитъ отъ игры

свѣтовыхъ лучей въ его кристаллахъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы свойство красоты принадлежало не самому алмазу, а преломленному въ немъ лучу свѣта. Ибо тотъ-же свѣтовой лучъ, отраженный какимъ-нибудь некрасивымъ предметомъ, никакого эстетическаго впечатлѣнія не производитъ, а если онъ ничѣмъ не отраженъ и не преломленъ, то и вовсе никакого впечатлѣнія не получается. Значитъ красота, не принадлежащая ни матеріальному тѣлу алмаза, ни преломленному въ немъ свѣтовому лучу, есть произведеніе обоихъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Игра свѣта, задержаннаго и видоизмѣннаго этимъ тѣломъ, закрываетъ совершенно его грубо-вещественную видимость, и хотя темная матерія углерода присутствуетъ здѣсь, какъ и въ углѣ, но лишь въ видѣ носительницы другого, свѣтового начала, раскрывающаго въ этой игрѣ цвѣтовъ свое собственное содержаніе. Свѣтовой лучъ когда падаетъ на кусокъ угля, то поглощается его веществомъ, и черный цвѣтъ сего послѣдняго есть натуральный символъ того, что здѣсь свѣтлая сила не одолѣла темныхъ стихій природы. Съ другой стороны, если мы возьмемъ напримѣръ простое прозрачное стекло, то здѣсь вещество превратилось въ безразличную среду для свѣтовыхъ лучей, пропускающую ихъ безъ всякаго видоизмѣненія, не оказывающую на нихъ никакого замѣтнаго воздѣйствія; и несомнѣнно, что отъ этихъ двухъ противоположныхъ между собою явленій результатъ въ занимающемъ насъ отношеніи получается одинъ и тотъ-же, и именно отрицательный: простое бѣлое стекло, также какъ и черный уголь, не принадлежитъ къ числу прекрасныхъ явленій, никакого эстетическаго значенія не имѣеть. И если такое значеніе (въ элементарной степени) безспорно принадлежитъ алмазу, то это очевидно потому, что въ немъ ни темное вещество, ни свѣтовое начало не пользуются одностороннимъ преобладаніемъ, а взаимно проникаютъ другъ друга въ нѣкоторомъ идеальномъ равновѣсіи. Здѣсь съ одной стороны матерія углерода, сохраняя всю силу своего сопротивленія (какъ твердое тѣло),

опредѣлилась однако-же противоположнымъ въ себѣ самой, ставши прозрачною, вполне просвѣтленною, невидимою въ своей темной особности; а съ другой стороны свѣтовой лучъ, задержанный кристаллическимъ тѣломъ алмаза, въ немъ и отъ него получаетъ новую полноту феноменальнаго бытія, преломляясь разлагается или расчленяется въ каждой грани на составные цвѣта, изъ простого бѣлаго луча превращается въ сложное собраніе многоцвѣтныхъ спектровъ и въ этомъ новомъ видѣ отражается нашему глазу. Въ этомъ неслиянномъ и нераздѣльномъ соединеніи вещества и свѣта оба сохраняютъ свою природу, но ни то, ни другое не видно въ своей отдѣльности, а видна одна свѣтоносная матерія и воплощенный свѣтъ,—просвѣтленный уголь и окаменѣвшая радуга.

Невозможно, да и нѣтъ намъ никакой надобности утверждать безусловную противоположность между свѣтомъ и матеріей въ ихъ метафизической субстанціи и въ ихъ физической дѣйствительности. Нельзя признавать свѣтъ (какъ это дѣлаетъ напримѣръ Шопенгауэръ) за какую-то чисто-идеальную сущность, а равно и въ матеріи нельзя видѣть голую вещь в себѣ, безусловно лишенную всѣхъ идеальныхъ опредѣленій и совершенно независимую отъ духовныхъ началъ. Но какъ-бы кто ни философствовалъ о существѣ вещей, а равно и какихъ-бы кто ни держался физическихъ теорій объ атомахъ, эфирѣ и движеніи, для нашей эстетической задачи вполне достаточно той относительной и феноменальной противоположности, которая несомнѣнно существуетъ между свѣтомъ и вѣсомыми тѣлами, какъ таковыми. Въ этомъ смыслѣ свѣтъ есть во всякомъ случаѣ сверхматеріальный, идеальный дѣятель. Итакъ, видя, что красота алмаза всецѣло зависитъ отъ просвѣтленія его вещества, задерживающаго въ себѣ и расчленяющаго (развивающаго) свѣтовые лучи, мы должны опредѣлить красоту какъ *преображеніе матеріи чрезъ воплощеніе въ ней другою, сверхматеріальнаго начала*. Далѣе придется углублять и наполнять содержаніемъ это опредѣленіе; но сущность его останется

неизмѣнною при разсмотрѣніи самыхъ сложныхъ проявленій прекраснаго не только въ природѣ, но и въ искусствѣ.

И прежде всего это понятіе о красотѣ, составленное на основаніи элементарнаго примѣра прекрасныхъ зрительныхъ явленій въ природѣ, вполне подтверждается нашимъ элементарнымъ *звуковымъ* примѣромъ. Какъ въ алмазѣ вѣсомое и темное вещество углерода облеклось въ лучезарное свѣтовое явленіе, такъ въ пѣніи соловья матеріальный половой инстинктъ облекается въ форму стройныхъ звуковъ. Въ этомъ случаѣ объективное звуковое выраженіе половой страсти совершенно закрываетъ ея матеріальную основу, оно приобретаетъ самостоятельное значеніе и можетъ быть отвлечено отъ своего ближайшаго физиологическаго мотива: можно слушать поющую птицу и получать эстетическое впечатлѣніе отъ ея пѣнія, совершенно забывая о томъ, что побуждаетъ ее пѣть; точно также какъ любуясь блескомъ брилліанта, мы не имѣемъ надобности думать о его химическомъ веществѣ. Но, на самомъ дѣлѣ, какъ для алмаза необходимо быть кристаллизированнымъ углеродомъ, такъ для соловьиной пѣсни необходимо быть выраженіемъ полового влеченія, отчасти перешедшаго въ объективную звуковую форму. Эта пѣсня есть преображеніе полового инстинкта, освобожденіе его отъ грубаго физиологическаго факта, — это есть животный половой инстинктъ, воплощающій въ себѣ *идею любви*, между тѣмъ какъ крики влюбленнаго кота на крышѣ суть лишь прямое выраженіе физиологическаго *аффекта*, не владѣющаго собою. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ всецѣло преобладаетъ матеріальный мотивъ, тогда какъ въ первомъ онъ уравновѣшенъ идеальною формой.

Такимъ образомъ и въ нашемъ звуковомъ примѣрѣ красота оказывается результатомъ взаимодействія и взаимнаго проникновенія двухъ производителей: и здѣсь, какъ въ зрительномъ примѣрѣ, идеальное начало овладѣваетъ вещественнымъ фактомъ, воплощается въ немъ и съ своей стороны матеріальная стихія, воплощая въ себѣ идеальное содержаніе, тѣмъ самымъ преобразуется и просвѣтляется.

Красота есть дѣйствительный фактъ, произведеніе реальныхъ естественныхъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ. Гдѣ вѣсомое вещество преобразуется въ свѣтоносныя тѣла, гдѣ неистовое стремленіе къ осязательному животному акту превращается въ рядъ стройныхъ и мѣрныхъ звуковъ, — тамъ мы имѣемъ красоту въ природѣ. Она отсутствуетъ вездѣ, гдѣ матеріальныя стихіи міра являются болѣе или менѣе *обнаженными*, — будь то въ мірѣ неорганическомъ, какъ грубое безформенное вещество, будь то въ мірѣ живыхъ организмовъ, какъ неистовый жизненный инстинктъ. Впрочемъ въ неорганическомъ мірѣ тѣ предметы и явленія, которые некрасивы, не становятся чрезъ это безобразными, а остаются просто безразличными въ эстетическомъ отношеніи. Куча песку или булыжнику, обнаженная почва, безформенныя сѣрыя облака, изливающія мелкій дождь, — все это въ природѣ хотя и лишено красоты, но не имѣетъ въ себѣ и ничего положительно-отвратительнаго. Причина ясна: въ явленіяхъ этого порядка міровая жизнь находится на низшихъ элементарныхъ ступеняхъ, она малосодержательна, и матеріальному началу не на чемъ проявить безмѣрность своего сопротивленія; оно здѣсь сравнительно въ своей области и пользуется спокойнымъ обладаніемъ своего скуднаго бытія. Но тамъ, гдѣ свѣтъ и жизнь уже овладѣли матеріей, гдѣ всемірный смыслъ уже сталъ раскрывать свою внутреннюю полноту, тамъ несдержанное проявленіе хаотическаго начала, снова разбивающаго или подавляющаго идеальную форму, естественно должно производить рѣзкое впечатлѣніе безобразія. И чѣмъ на высшей ступени мірового развитія проявляется вновь обнаженность и неистовость матеріальной стихіи, тѣмъ отвратительнѣе такія проявленія. Въ животномъ царствѣ мы уже встрѣчаемъ крупныя примѣры настоящаго безобразія. Здѣсь есть цѣлыя отдѣлы существъ, которыя представляютъ лишь голое воплощеніе одной изъ матеріальныхъ жизненныхъ функций — половой, или питательной. Таковы съ одной стороны нѣкоторые внутренностные черви (глисты), все тѣло которыхъ есть

не что иное как мѣшокъ самаго элементарнаго строенія, заключающій въ себѣ одни только половые органы, напротивъ весьма развитые. Съ другой стороны червеобразныя личинки насѣкомыхъ (гусеницы и т. п.) суть какъ-бы одинъ воплощенный инстинктъ питанія во всей его ненасытности; то-же до извѣстной степени можно сказать и объ огромныхъ головоногихъ моллюскахъ (каракатицы). Всѣ названныя животныя несомнѣнно безобразны. Но крайней степени безобразіе достигаетъ лишь въ области высшей и совершеннѣйшей природной формы: никакое животное не можетъ быть такъ отвратительно, какъ очень безобразный человѣкъ.

Существованіемъ безобразныхъ типовъ въ природѣ отличается несостоятельность (или по крайней мѣрѣ недостаточность) того ходячаго эстетическаго взгляда, который видитъ въ красотѣ лишь совершенное наружное выраженіе внутренняго содержанія, безразлично къ тому, въ чемъ состоитъ само это содержаніе. Согласно такому понятію слѣдуетъ приписать красоту каракатицѣ, или свиньѣ, такъ какъ тѣло этихъ животныхъ въ совершенствѣ выражаетъ ихъ внутреннее содержаніе, именно прожорливость. Но тутъ-то и ясно, что красота въ природѣ не есть выраженіе всякаго содержанія, а лишь содержанія идеальнаго, что она есть *воплощеніе идеи*.

III.

Опредѣленіе красоты, какъ *идеи воплощенной*, первымъ своимъ словомъ (идея) устраняетъ тотъ взглядъ, по которому красота можетъ выражать *всякое* содержаніе, а вторымъ словомъ (воплощенная) исправляетъ и тотъ (еще болѣе распространенный) взглядъ, который хотя и требуетъ для нея идеальнаго содержанія, но находитъ въ красотѣ не дѣйствительное осуществленіе, а только видимость или призракъ (Schein) идеи *). Въ этомъ послѣднемъ возрѣніи пре-

*) Въ сущности надъ этимъ возрѣніемъ не возвысился, несмотря на свой „трансцендентальный реализмъ“, и Эд. Гартманъ въ своей недавно вышедшей объемистой и многословной „Эстетикѣ“.

красное, какъ субъективный психологическій фактъ, т. е. ощущение красоты, ея явленіе или сіяніе въ нашемъ духѣ, заслоняетъ собою саму красоту, какъ объективную форму вещей въ природѣ. По истинѣ-же красота есть идея дѣйствительно осуществляемая, воплощаемая въ мірѣ прежде ^ччеловѣческаго духа, и это ея воплощеніе не менѣе реально и гораздо болѣе значительно (въ космогоническомъ смыслѣ), нежели тѣ матеріальныя стихіи, въ которыхъ она воплощается. Игра свѣтовыхъ лучей въ кристаллическомъ тѣлѣ во всякомъ случаѣ не менѣе реальна, чѣмъ химическое вещество этого тѣла, и модуляція птичьей пѣсни есть такая же естественная реальность, какъ и актъ размноженія.

Красота или воплощенная идея есть лучшая половина нашего реального міра, именно та его половина которая не только существуетъ, но и заслуживаетъ существованія. Идеей вообще мы называемъ то, что само по себѣ достойно быть. Безусловно говоря, достойно бытія только всесовершенное или абсолютное существо, вполне свободное отъ всякихъ ограниченій и недостатковъ. Частныя или ограниченныя существованія, сами по себѣ не имѣющія достойнаго или идеальнаго бытія, становятся ему причастны чрезъ свое отношеніе къ абсолютному во всемірномъ процессѣ, который и есть постепенное воплощеніе его идеи. Частное бытіе идеально или достойно, лишь поскольку оно не отрицаетъ всеобщаго, а даетъ ему мѣсто въ себѣ, и точно также общее идеально или достойно въ той мѣрѣ, въ какой оно даетъ въ себѣ мѣсто частному. Отсюда легко вывести слѣдующее формальное опредѣленіе идеи или достойнаго вида бытія. Она есть *полная свобода составныхъ частей въ совершенномъ единствѣ цѣлаго.*

Самостоятельность частей или просторъ бытія въ разныхъ предметахъ и явленіяхъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ; единство цѣлаго, дающаго этотъ просторъ своимъ частямъ, можетъ быть болѣе или менѣе совершеннымъ. Изъ такихъ относительныхъ различій вытекаетъ множество степеней въ осуществленіи идеи, все разнообразіе

и вся сложность мірового процесса. Но, помимо частных усложненій въ процессѣ своего осуществленія, всемірная идея въ самой общности своей представляется необходимо съ трехъ сторонъ. Въ ней различаются: 1) свобода или автономія бытія, 2) полнота содержанія или смысла и 3) совершенство выраженія или формы. Безъ этихъ трехъ условий нѣтъ достойнаго или идеальнаго бытія. Разсматриваемая преимущественно со стороны своей внутренней безусловности какъ абсолютно желанное или изволяемое идея есть добро; со стороны полноты обнимаемыхъ ею частныхъ опредѣленій, какъ мыслимое содержаніе для ума, идея есть истина; наконецъ, со стороны совершенства или законченности своего воплощенія, какъ реально-ощутимая въ чувственномъ бытіи, идея есть красота.

Такимъ образомъ въ красотѣ, какъ въ одной изъ опредѣленныхъ фазъ тріединой идеи, необходимо различать общую идеальную сущность и специально-эстетическую форму. Только эта послѣдняя отличаетъ красоту отъ добра и истины, тогда какъ идеальная сущность у нихъ одна и та-же — достойное бытіе или положительное всеединство, просторъ частнаго бытія въ единствѣ всеобщаго. *Этого мы желаемъ какъ высшаго блага, это мыслимъ какъ истину и это-же ощущаемъ какъ красоту; но для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена въ матеріальной дѣйствительности. Законченностью этого воплощенія и опредѣляется красота, какъ такая въ своемъ специфическомъ признакѣ.*

Критерій достойнаго или идеальнаго бытія вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшемъ единствѣ цѣлаго. Критерій эстетическаго достоинства есть наиболѣе законченное и многостороннее воплощеніе этого идеальнаго момента въ данномъ матеріалѣ. Понятно, что въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ эти критеріи могутъ вовсе не совпадать и должны быть строго различаемы. Весьма слабая степень достойнаго или идеальнаго бытія можетъ быть въ высшей степени хорошо воплощена въ дан-

номъ матеріалѣ, и точно также возможно крайне несовершенное выраженіе самыхъ высшихъ идеальныхъ моментовъ. Въ области искусства это различіе бросается въ глаза, и здѣсь два критерія—обще-идеальный и специально-эстетическій—могутъ смѣшиваться только умами совсѣмъ необразованными. Различіе менѣе явно въ области природы, но и въ ней оно несомнѣнно существуетъ и очень важно его не забывать. Возьмемъ опять два старые примѣра: съ одной стороны внутренностнаго червя (глисту), а съ другой—алмазь. Первый выражаетъ въ нѣкоторой степени идею жизни въ видѣ животнаго организма; второй, по своему идеальному содержанію, есть нѣкоторая степень просвѣтленія неорганическаго вещества. Но идея органической жизни, хотя-бы и на степени червя, выше идеи кристаллическаго тѣла, хотя-бы и въ видѣ алмаза. Въ этомъ послѣднемъ матерія лишь извнѣ просвѣтлена, тогда какъ въ червѣ она внутренне оживотворена. Въ самомъ простомъ организмѣ мы находимъ совокупность большаго числа особенныхъ частей и большее ихъ единство, нежели въ самомъ совершенномъ камнѣ; всякій организмъ болѣе сложенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе индивидуаленъ, чѣмъ камень. Итакъ, по первому критерію глиста выше алмаза, потому что *содержательнѣе* его. Но, прилагая собственно эстетическій критерій, мы приходимъ къ другому заключенію. Въ алмазѣ простая элементарная идея просвѣтленнаго минерала (благороднаго камня) выражена законченнѣе и совершеннѣе, нежели какъ болѣе сложная и высокая идея органической (въ частности животной) жизни выражена въ глестѣ. Алмазь есть предметъ въ своемъ родѣ совершенный, ибо нигдѣ такая сила сопротивленія или непроницаемости не соединяется съ такою свѣтозарностью, нигдѣ не встрѣчается такая яркая и тонкая игра свѣта въ такомъ твердомъ тѣлѣ. Въ червѣ, напротивъ, мы находимъ одно изъ несовершеннѣйшихъ зачаточныхъ выраженій для той идеи органической жизни, къ области которой это существо принадлежитъ. Хотя уже по самому химическому составу своихъ тканей

червь есть тѣло болѣе сложное, чѣмъ алмазь, но организация этого тѣла есть самая упрощенная и скудная. Точно также, хотя по силѣ индивидуальнаго единства этотъ простѣйшій организмъ все-таки превосходитъ всякій алмазь, ибо не можетъ подобно сему послѣднему безразлично дробиться, оставаясь самимъ собою, однако въ смыслѣ органическомъ это единство настолько слабо, что даже иногда не выдерживаетъ идеи организма (способность дѣлиться по членикамъ). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія собственно эстетической червь, какъ крайне несовершенное воплощеніе своей хотя сравнительно и высокой идеи (животнаго организма), долженъ быть поставленъ неизмѣримо ниже алмаза, который есть совершенное, законченное выраженіе своей, хотя и мало-содержательной, идеи просвѣтленнаго камня.

IV. ————— ✕

Вещество есть косность и непроницаемость бытія—прямая противоположность идеѣ, какъ положительной всепроницаемости или всеединству. Лишь въ свѣтѣ вещество освобождается отъ своей косности и непроницаемости, и такимъ образомъ видимый міръ впервые расчленяется на двѣ противоположныя полярности. Свѣтъ или его невѣсомый носитель—эфиръ—есть первичная реальность идеи въ ея противоположности вѣсому веществу, и въ этомъ смыслѣ онъ есть первое начало красоты въ природѣ. Дальнѣйшія ея явленія обусловлены сочетаніями свѣта съ матеріей. Такія сочетанія бываютъ двоякаго рода: механическія, или наружныя, и органическія, или внутреннія. Первыми производятся собственно свѣтовые явленія въ природѣ, вторыми—явленія жизни. Древняя наука догадывалась, а нынѣшняя доказываетъ, что органическая жизнь есть превращеніе свѣта. Такимъ образомъ матерія становится носителницею красоты чрезъ дѣйствіе одного и того-же свѣтового начала, которое ее сперва поверхностно озаряетъ, а затѣмъ внутренне проникаетъ, животворитъ и организуетъ.)

Въ мірѣ неорганическомъ красота принадлежитъ или такимъ предметамъ и явленіямъ, въ которыхъ вещество прямо становится носителемъ свѣта, или такимъ, въ которыхъ неодушевленная природа какъ-бы одушевляется и въ своемъ движеніи являетъ черты жизни. Оставляемъ метафизикѣ рѣшать вопросъ, насколько тутъ субъективной иллюзіи и насколько дѣйствительно природа, помимо органическихъ существъ (растений и животныхъ) имѣетъ въ себѣ жизни, т.-е. способности къ внутреннимъ воспріятіямъ и самостоятельнымъ движеніямъ. Для насъ въ предѣлахъ эстетическаго разсужденія достаточно того факта, что въ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, красота ихъ обусловлена не механическимъ движеніемъ, какъ таковымъ, а впечатлѣніемъ игры живыхъ силъ. Но сначала нѣсколько словъ о красотѣ неорганической природы въ ея *покоя*, о красотѣ чисто-свѣтового характера.

Порядокъ воплощенія идеи или явленія красоты въ мірѣ соотвѣтствуетъ общему космогоническому порядку: въ началѣ сотвори Богъ *небо*... Если наши предки видѣли въ небѣ отца боговъ, то мы, и не поклоняясь Сварогу или Варунѣ, и вовсе не усматривая въ небесномъ сводѣ признаковъ живого личнаго существа, не менѣе язычниковъ любимся его красотой; слѣдовательно, она не зависитъ отъ нашихъ субъективныхъ представленій, а связана съ дѣйствительными свойствами, присущими видимому намъ мировому пространству. Эти эстетическія свойства неба обусловлены свѣтомъ: оно прекрасно только озаренное. Ни въ сѣрый дождливый день, ни въ черную беззвѣздную ночь небо никакой красоты не имѣетъ. Говоря объ этой красотѣ, мы разумѣемъ собственно лишь свѣтовья явленія, происходящія въ предѣлахъ доступнаго нашимъ взглядамъ мирового пространства.

Всеобъемлющее небо прекрасно вопервыхъ какъ образъ вселенскаго единства, какъ выраженіе спокойнаго торжества, вѣчной побѣды свѣтлаго начала надъ хаотическимъ смятеніемъ, вѣчнаго воплощенія идеи во всемъ объемѣ ма-

теріального бытія. Этотъ общій смыслъ раскрывается болѣе опредѣленно въ трехъ главныхъ видахъ небесной красоты—солнечной, лунной и звѣздной.

1. Міровое всеединство и его физическій выразитель — свѣтъ — въ своемъ собственномъ активномъ средоточіи — солнцѣ. Солнечный восходъ — образъ дѣятельнаго торжества свѣтлыхъ силъ. Отсюда особенная красота неба въ эту минуту, когда

По всей
Неизмѣримости эфирной
Несется благовѣсть всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей. (*Тютчевъ.*)

Сіяющая красота неба въ ясный полдень—то-же торжество свѣта, но уже достигнутое, не въ дѣйствиіи, а въ невозмутимомъ неподвижномъ покоѣ.

И какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака. (*Фетъ.*)

2. Міровое всеединство со стороны воспринимающей его матеріальной природы, свѣтъ отраженный—пассивная женственная красота лунной ночи. Какъ естественный переходъ отъ солнечнаго вида къ лунному—красота вечерняго неба и заходящаго солнца, когда уменьшеніе прямой центральной силы свѣта вознаграждается болѣшимъ разнообразіемъ его оттѣнковъ въ озаренной средѣ.

3. Міровое всеединство и его выразитель свѣтъ въ своемъ первоначальномъ расчлененіи на множественность самостоятельныхъ средоточій, обнимаемыхъ однако общею гармоніей—красота звѣзднаго неба. Ясно, что въ этой послѣдней полнѣе и совершеннѣе, нежели въ двухъ первыхъ, осуществляется идея положительнаго всеединства. Впрочемъ не должно забывать, что какъ непосредственное впечатлѣніе отъ красоты яркаго полдня или лунной ночи, такъ и эстетическая оцѣнка этой красоты обнимаетъ необходимо всю картину природы въ данный моментъ, всѣ тѣ земные предметы и явленія, которые озарены солнцемъ и луною и

которые имѣютъ свою собственную красоту, усиленную этимъ особеннымъ озареніемъ, но въ свою очередь увеличивающую красоту свѣтлаго неба; тогда какъ при созерцаніи звѣздной ночи эстетическое впечатлѣніе всецѣло ограничивается самимъ небомъ, а красота земныхъ предметовъ, сливающихся во мракъ, не можетъ имѣть значенія. Если устранить эту неравномѣрность и, при эстетической оцѣнкѣ полдневнаго и луннаго неба, отвлечься отъ красоты озареннаго ландшафта, то всякій согласится, что изъ трехъ главныхъ видовъ неба звѣздное представляетъ наибольшую степень красоты *).

Изъ астральной безконечности переходя въ тѣсные предѣлы нашей земной атмосферы, мы встрѣчаемся здѣсь съ прекрасными явленіями, изображающими въ различной степени просвѣтленіе матеріи или воплощеніе въ ней идеальнаго начала. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ самостоятельную красоту облака, озаренныя утреннимъ или вечернимъ солнцемъ, съ ихъ различными оттѣнками и сочетаньями цвѣтовъ, сѣверное сіяніе и т. д. Полнѣе и опредѣленнѣе ту-же идею (взаимнаго проникновенія небснаго свѣта и земной стихіи) представляетъ *радуга*, въ которой темное и безформенное вещество водяныхъ паровъ превращается на мигъ въ яркое и полноцвѣтное откровеніе воплощеннаго свѣта и просвѣтленной матеріи:

Какъ неожиданно и ярко
По влажной неба синевѣ
Воздушная воздвиглась арка

*) Извѣстно различіе, которое нѣмецкая эстетика (особенно со времени Канта) полагаетъ между прекраснымъ и *возвышеннымъ* (erhabenes), причѣмъ звѣздное небо относится къ этой послѣдней эстетической категоріи. Намъ кажется, что здѣсь извѣстный оттѣнокъ прекраснаго возведенъ безъ достаточнаго основанія на степень независимой категоріи, противопоставляемой прекрасному вообще. Впрочемъ нельзя приписывать важнаго значенія этому терминологическому вопросу, а во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ мы имѣемъ полное право говорить о *красотѣ* звѣзднаго неба.

Въ своемъ минутномъ торжествѣ!
Одинъ конецъ въ дѣса вонзила,
Другимъ за облака ушла;
Она полнеба обхватила
И въ высотѣ изнемогла! (*Тютчевъ*).

Къ свѣтовому прекрасному принадлежитъ и красота спокойнаго моря. Въ водѣ матеріальная стихія впервые освобождается отъ своей косности и непроницаемой твердости. Этотъ текущій элементъ есть связь неба и земли, и такое его значеніе наглядно является въ картинѣ затихшаго моря, отражающаго въ себѣ безконечную синеву и сіяніе небесъ. Еще яснѣе этотъ характеръ водяной красоты въ гладкомъ зеркалѣ озера или рѣки.

Къ воплощеніямъ свѣта въ матеріи газообразной (облака, радуга) и къ сейчасъ упомянутымъ его воплощеніямъ въ матеріи жидкой должно присоединить еще свѣтовые воплощенія въ твердыхъ тѣлахъ,—благородные металлы и драгоценные камни. Сюда относится въ большей или меньшей степени сказанное выше по поводу алмаза.

V.

Отъ явленій спокойнаго, торжествующаго свѣта переходимъ къ явленіямъ подвижной и кажущейся свободною жизни въ неорганической природѣ. Жизнь по самому широкому своему опредѣленію есть игра или свободное движеніе частныхъ силъ и положеній, объединенныхъ въ индивидуальномъ цѣломъ. Поскольку въ этой игрѣ выражается одинъ изъ существенныхъ признаковъ идеальнаго или достойнаго бытія (которое одинаково не можетъ быть ни отвлеченно-всеобщимъ, т. е. пустымъ, нислучайно-частнымъ), постольку воплощеніе ея въ явленіяхъ матеріальнаго міра, дѣйствительная или кажущаяся жизнь въ природѣ представляетъ эстетическое значеніе. Этою красотой видимой жизни въ неорганическомъ мірѣ отличается прежде всего текущая вода въ разныхъ своихъ видахъ: ручей, горная

рѣчка, водопадъ. Эстетическій смыслъ этого живого движенія усиливается его безпредѣльностью, которая какъ-бы выражаетъ неутолимую тоску частнаго бытія, отдѣленнаго отъ абсолютнаго всеединства.

Волна въ разлукѣ съ моремъ
Не вѣдаетъ покою,
Ключемъ-ли бьетъ кипучимъ
Иль катится рѣкою,
Все ропщетъ и вздыхаетъ
Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
Тоскуя по безбрежномъ,
Бездонномъ синемъ морѣ.

А само это безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи получаетъ новую красоту, какъ образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, не могущихъ однако расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его единства, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ.

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь лучезарно,—тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи словно живое
Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ....
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты. (*Тютчевъ.*)

Хаосъ, т. е. само безобразіе, есть необходимый фонъ всякой земной красоты и эстетическая цѣнность такихъ явленій, какъ бурное море, зависитъ именно отъ того, что подъ ними хаосъ шевелится.

Движеніе живыхъ стихійныхъ силъ въ природѣ имѣетъ

два главныхъ оттѣнка: свободной игры и грозной борьбы. Одно и то-же явленіе природы. гроза, можетъ представлять и тотъ и другой оттѣнокъ, смотря по условіямъ, въ которыхъ она происходитъ. Величавая красота лѣтнихъ грозъ, какъ и бурнаго моря, зависитъ отъ шевелящагося хаоса и отъ возбужденной интенсивности стихійныхъ силъ, оспаривающихъ окончательное торжество у свѣтлаго мірового порядка. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ гроза—,въ началѣ мая,

Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ....
Повисли перлы дождевые
И солнце нивы золотитъ....
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ....
Ты скажешь, вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба
Смѣясь на землю пролила. (Тютчевъ.)

А вотъ у того-же поэта картина наступающей грозы въ лѣтнюю ночь, въ моментъ, когда хаотическія силы еще только медленно готовятся къ предстоящей страшной борьбѣ:

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала
И надъ тусклою землею
Небо полное грозою
Отъ зарницъ все трепетало....
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы

Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею....

Или еще лучше:

Однѣ зарницы огневья,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые
Ведутъ бесѣду межъ собой.
Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса
И быстро выступая изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ, на высотѣ....

Поскольку и въ неорганическомъ мірѣ въ нѣкоторыхъ его явленіяхъ мы находимъ дѣйствительное предвареніе (антиципацию) жизни, чѣмъ и обусловливается эстетическое значеніе этихъ явленій, постольку и звуки въ неорганической природѣ, какъ выраженія ея собственной жизни, приобрѣтаютъ свойство красоты. Въ жизни матеріальная природа внутренно проникается свѣтомъ, поглощаетъ его, претворяетъ во внутреннее движеніе и затѣмъ сообщаетъ это движеніе внѣшней средѣ—въ звукѣ. Тамъ, гдѣ этотъ общій идеальный смыслъ звука, какъ живого отвѣта матеріи на вліяніе свѣта (статуя Мемнона звучавшая на зарѣ), не ясенъ для насъ въ частномъ звуковомъ явленіи, тамъ, гдѣ тѣла звучать не отъ себя, а лишь отъ внѣшняго и для нихъ самихъ случайнаго воздѣйствія, тамъ не получается и никакого эстетическаго впечатлѣнія отъ звука*). При этомъ бываетъ и такъ, что извѣстные звуки, которые въ своей отдѣльности имѣютъ явно-механический характеръ и потому не про-

*) *Примѣчаніе для читателей безпечныхъ по части логики:* изъ того, что всѣ прекрасные звуки должны быть выраженіями внутренней жизни, никакъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ звуковыя выраженія внутренней жизни были прекрасны.

изводить никакого впечатлѣнія красоты, въ совокупности своей могутъ выражать жизнь нѣкотораго собирательнаго цѣлаго и въ этомъ качествѣ приобрѣтають эстетическое значеніе. Такъ напримѣръ въ стукѣ колесъ по мостовой нѣтъ ничего прекраснаго, но шумъ города, хотя и слагается главнымъ образомъ изъ подобныхъ некрасивыхъ звуковъ, производитъ однако въ своей совокупности (т.-е. издали) несомнѣнно эстетическое впечатлѣніе. Европейскіе города съ ихъ неопредѣленно разросшимися окрестностями представляютъ мало удобствъ для такого наблюденія. Но кому случилось подходить къ большому восточному городу, напримѣръ Каиро, отъ тѣхъ сторонъ, гдѣ онъ граничитъ съ пустыней, тотъ навѣрно съ наслажденіемъ прислушивался къ звучащей жизни этого собирательнаго животнаго.

Въ тѣхъ явленіяхъ неорганической природы, о которыхъ мы уже говорили (бурное море, гроза), звукъ входитъ лишь какъ одинъ изъ элементовъ эстетическаго впечатлѣнія. Въ бушующемъ морѣ уже самый видъ волнъ являетъ характеръ жизни помимо ихъ шума.

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ покоясь иль играя
Чудной жизни ты полна!
Ты на солнцѣ ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бѣешься
Въ одичалой безднѣ водъ. *Тютчевъ.*

Тому-же поэту волна по своему виду и живому движенію представляется скачущимъ морскимъ конемъ:

О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бѣшено-игривый.
Ты буйнымъ вихремъ вскормленъ былъ
Въ широкомъ Божьемъ долѣ,

Тебя онъ прядать научиль,
Играть, скакать по волѣ!

Въ иныхъ случаяхъ полное *безмолвіе* въ природѣ прямо усиливаетъ эстетическое впечатлѣніе или даже составляетъ необходимое его условіе, какъ это мы выше видѣли (у того же поэта) въ картинѣ наступающей ночной грозы. За то въ другихъ явленіяхъ неорганическаго міра весь жизненный и эстетическій ихъ смыслъ выражается исключительно въ однихъ звуковыхъ впечатлѣніяхъ. Таковы скорбные вздохи скованнаго въ космической темницѣ Хаоса.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!
О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смерной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!... *Тютчевъ.*

VI.

Порывы стихійныхъ силъ или стихійнаго безсилія, сами по себѣ чуждые красоты, порождаютъ ее уже въ неорганическомъ мірѣ, становясь волей или неволей, въ различныхъ аспектахъ природы, матеріаломъ для болѣе или менѣе яснаго и полнаго выраженія всемірной идеи или положительнаго всеединства.

Зиждательное начало вселенной (Логосъ), отражающее-

ся отъ вещества снаружи какъ свѣтъ и изнутри зажигающее жизнь въ веществѣ, образуетъ въ видѣ животныхъ и растительныхъ организмовъ опредѣленные и устойчивыя формы жизни, которыя, восходя постепенно все къ большому и большому совершенству, могутъ наконецъ послужить матеріаломъ и средою для настоящаго воплощенія всецѣлой и недѣлимой идеи.

Реальная подкладка органическихъ формъ, матеріаль біологическаго процесса берется *весь* въ мірѣ вещественномъ: это—добыча завоеванная зиждательнымъ умомъ у хаотической матеріи. Иными словами, органическія тѣла суть лишь превращенія или трансформациі неорганическаго вещества, въ такомъ-же впрочемъ смыслѣ, въ какомъ Исаакіевскій соборъ есть трансформация гранита, а Венера Милосская—трансформация мрамора. Признавать въ живыхъ тѣлахъ особую, исключительно имъ присущую жизненную силу—это все равно, что приписывать храму особую храмовую силу, а статуѣ—особенную ваятельную силу. Явно, что съ точки зрѣнія реального состава въ органическихъ тѣлахъ нѣтъ совсѣмъ ничего кромѣ физическихъ и химическихъ элементовъ, точно также какъ съ этой точки зрѣнія въ храмѣ нѣтъ ничего кромѣ камня, золота и прочихъ матеріаловъ, а въ мраморной статуѣ—ничего кромѣ мрамора. А съ формальной стороны въ строеніи живыхъ организмовъ мы имѣемъ новую, сравнительно высшую степень проявленія того-же зиждательнаго начала, которое уже дѣйствовало и въ мірѣ неорганическомъ,—новый, относительно болѣе совершенный, способъ воплощенія той-же идеи, которая уже находила себѣ выраженія и въ неодушевленной природѣ, хотя болѣе поверхностныя и менѣе опредѣленные. Тотъ-же самый образъ всеединства, который всемірный художникъ крупными и простыми чертами набросалъ на звѣздномъ небѣ, или въ многоцвѣтной радугѣ,—его-же онъ подробно и тонко разрисовываетъ въ растительныхъ и животныхъ тѣлахъ.

Въ мірѣ органическихъ существъ различаются нами три

главныя стороны: 1) внутренняя сущность или *prima materia* жизни, стремленіе или хотѣніе жить, т.-е. питаться и размножаться—голодь и любовь (болѣе страдательныя въ растеніяхъ, болѣе дѣятельныя въ животныхъ); 2) образъ этой жизни, т.-е. тѣ морфологическія и фізіологическія условія, которыми опредѣляются питаніе и размноженіе (а въ связи съ ними и прочія, второстепенныя функціи) каждаго органическаго вида, и наконецъ 3) біологическая цѣль,—не въ смыслѣ внѣшней телеологіи, а съ точки зрѣнія сравнительной анатоміи, опредѣляющей относительно цѣлаго органическаго міра мѣсто и значеніе тѣхъ частныхъ формъ, которыя въ каждомъ видѣ поддерживаются питаніемъ и увѣковѣчиваются размноженіемъ. Самая біологическая цѣль при этомъ является двоякою: съ одной стороны органическіе виды суть *ступени* (частію переходящія, частію пребывающія) общаго біологическаго *процесса*, который отъ водяной плѣсени доходитъ до созданія человѣческаго тѣла, а съ другой стороны эти виды можно разсматривать какъ *члены* всемірнаго *организма*, имѣющіе самостоятельное значеніе въ жизни цѣлаго.

Общая картина органическаго міра представляетъ двѣ основныя черты, безъ равномѣрнаго признанія которыхъ невозможно никакое пониманіе міровой жизни, никакая философія природы, а слѣдовательно и никакая эстетика природы. Вопервыхъ, несомнѣнно что органическій міръ не есть произведеніе такъ называемаго непосредственнаго творчества, или что онъ не можетъ быть *прямо выведенъ* изъ одного абсолютнаго творческаго начала, ибо въ такомъ случаѣ онъ долженъ-бы былъ представлять безусловное совершенство, безмятежность и гармонію не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ своихъ частяхъ. Между тѣмъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ такому оптимистическому представленію. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые факты и открытія положительной науки имѣютъ рѣшающее значеніе. Разсматривая земной органическій міръ, особенно въ его палеонтологической исторіи, достаточно извѣстной въ наши дни, мы

находимъ здѣсь рѣзко очерченную картину труднаго и сложнаго процесса. опредѣляемаго борьбою 'разнородныхъ началъ, которая лишь послѣ долгихъ усилій разрѣшается нѣкоторымъ устойчивымъ равновѣсіемъ. Это всего менѣе похоже на безусловно совершенное созданіе, непосредственно исходящее изъ творческой воли одного божественнаго художника. Наша біологическая исторія есть замедленное и болѣзненное рожденіе *). Мы видимъ здѣсь явные знаки внутренняго противоборства, толчки и судорожныя сотрясенія, слѣпья движенія ощупью; неконченные наброски неудачныхъ созданій, — сколько чудовищныхъ порожденій и выкидышей! Всѣ эти *palaeozoa*, эти допотопныя чудища: *metaterii*, *плезиозавры*, *ихтіозавры*, *птеродактили* — могутъ-ли они быть совершеннымъ и непосредственнымъ твореніемъ Божиимъ? Еслибы они удовлетворяли своему назначенію и заслуживали одобреніе Творца, какъ могло-бы случиться, что они окончательно исчезли съ нашей земли, уступивъ мѣсто формамъ болѣе уравновѣшеннымъ и гармоническимъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя животворный дѣятель мірового процесса и бросаетъ безъ сожалѣнія свои неудачныя пробы, однако — и въ этомъ вторая основная черта органической природы — онъ дорожитъ не одною только цѣлью процесса, а каждую изъ его безчисленныхъ ступеней, лишь-бы эта ступень въ свою мѣру и по-своему хорошо воплощала идею жизни. Отвоевывая шагъ за шагомъ у хаотическихъ стихій матеріалъ для своихъ органическихъ созданій, космическій умъ бережетъ каждую свою добычу и покидаетъ только то, въ чемъ его побѣда была мнимою, на что безмѣрность хаоса наложила свою неизгладимую печать!

Вообще зиждательное начало природы неравнодушно къ красотѣ своихъ произведеній. Поэтому въ царствѣ животномъ, гдѣ встрѣчаются положительно безобразныя тво-

*) См. поясненіе этого указанія съ богословской (библейской) точки зрѣнія въ моей книгѣ *La Russie et l'Eglise Universelle*, 2-me éd. Paris. p. 248—252.

ренія, они или принадлежатъ къ видамъ *исчезнувшимъ* (такъ-называемымъ допотопнымъ), т.-е. отброшеннымъ природою за негодностью; или-же они имѣютъ *паразитическій* характеръ (глиста, вши, клопы) и слѣдовательно лишены самостоятельнаго значенія, будучи только болѣзненно-оживленными экскрементами другихъ организмовъ, или, наконецъ, некрасивая форма принадлежитъ червеобразнымъ *личинкамъ* насѣкомыхъ, представляющимъ лишь переходную стадію въ развитіи цѣлаго животнаго, въ окончательномъ-же своемъ видѣ эти самыя животныя (бабочки, жуки и т. п.) не только освобождаются отъ отвратительной наружности червя, но нѣкоторыя изъ нихъ даже служатъ весьма яркими образчиками красоты въ природѣ. И (по общему правилу) только въ этомъ своемъ болѣе красивомъ окрыленномъ видѣ насѣкомое получаетъ способность спариваться и размножаться, т.-е. увѣковѣчивать свой видъ. Еслибы спаривались и размножались личинки, то онѣ увѣковѣчили-бы эту безобразную животную форму, какъ окончательную. Но природа не равнодушна къ красотѣ. Она допускаетъ безобразныя формы въ качествѣ переходныхъ стадій, но для увѣковѣчиванія своихъ произведеній старается сообщить имъ возможную въ каждомъ родѣ красоту.—Правда, помимо паразитовъ и червеобразныхъ личинокъ существуютъ другія некрасивыя формы и даже въ высшихъ классахъ животнаго царства, наприм. свиньи. Но *дикій* кабанъ или вепрь нисколько не отвратителенъ, онъ даже не лишень своего рода красоты,—отвратительна только домашняя откормленная свинка. Но тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ злоупотребленіемъ челоуѣка, а не съ произведеніемъ природы. Вообще-же если красота въ природѣ (какъ мы это утверждаемъ) есть реально-объективное произведеніе сложнаго и постепеннаго космогоническаго процесса, то существованіе безобразныхъ явленій вполнѣ понятно и необходимо. Самыя отвратительныя формы животнаго царства послужили и еще послужатъ намъ для подтвержденія и иллюстраціи нашихъ мыслей.—Послѣ этихъ

поясненій мы можемъ перейти къ эстетическому обзору органическаго міра.

VII.

Въ растительномъ царствѣ свѣтлое эѳирное начало уже не только озаряетъ косное вещество и не только возбуждаетъ въ немъ порывистое преходящее движеніе (какъ въ явленіяхъ стихійной красоты), но и *внутренно* движетъ его, *поднимаетъ* его изнутри, *постояннымъ* образомъ преодолевая силу тяжести. Въ растеніи свѣтъ и матерія вступаютъ въ прочное неразрывное сочетаніе, впервые проникаютъ другъ друга, становятся одною недѣлимую жизнью, и эта жизнь поднимаетъ кверху земную стихію, заставляетъ ее тянуться къ небу и солнцу. Между косностью минераловъ и произвольнымъ движеніемъ животныхъ это незамѣтное внутреннее движеніе вверхъ, или *ростъ*, составляетъ характеризующее свойство растений, которыя отъ него имѣютъ и свое названіе. Поскольку здѣсь свѣтлая форма и темное вещество впервые органически нераздѣльно сливаются въ одно цѣлое, растеніе есть первое дѣйствительное и живое воплощеніе небснаго начала на землѣ, первое дѣйствительное преображеніе земной стихіи. Два космогоническія начала, которыя въ явленіяхъ неорганическаго міра лишь поверхностно соприкасаются и извнѣ возбуждаютъ другъ друга, здѣсь дѣйствительно соединяются и порождаютъ одну недѣлимо-двойственную небесно-земную сущность растений.

Какъ будто чуя жизнь двойную

И ей овѣяны вдвойнѣ—

И землю чувствуютъ родную

И въ небо просятся онѣ.

(Фетъ)]

Въ растительномъ царствѣ жизнь выражается преимущественно въ объективномъ направленіи въ произведеніи прекрасныхъ органическихъ формъ. Въ этомъ первомъ живомъ порожденіи небсныхъ и земныхъ силъ внутренняя жизнь еще слабо обособилась: это есть безмолвно преоб-

раженная и тихо приподнявшаяся къ небу земля. Материальное начало, возведенное на новую степень бытія, на степень живого существа, не успѣло еще развить соотвѣтственной внутренней интенсивности, оно какъ-бы замерло въ общемъ чувствѣ своего просвѣтленія. Изъ двухъ нераздѣльныхъ, но тѣмъ не менѣе различныхъ сторонъ органической жизни въ растительномъ мірѣ рѣшительно преобладаетъ сторона *организации* надъ стороною *жизни*. Растеніе, хотя и живетъ, но оно есть болѣе *организованное тѣло*, нежели живое существо: въ немъ видимыя формы значительнѣе внутреннихъ состояній. Эти послѣднія существуютъ, но въ слабой степени,—душа растений, какъ уже давно замѣчено, есть грезящая душа. Поэтому и главный способъ для выраженія внутреннихъ субъективныхъ состояній—голосъ—вполнѣ отсутствуетъ у всѣхъ растений; за то красотою видимыхъ формъ они надѣлены гораздо равномѣрнѣе, нежели животныя, и, вообще говоря, превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Для растений зрительная красота есть настоящая *достигнутая* цѣль; поэтому органы размноженія (цвѣты), которыми въ наиболѣе значительной части растительнаго царства увѣковѣчивается данный видъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшее развитіе растительной красоты, въ ея специфическомъ характерѣ: наивной, спокойной, дремлющей.

Такъ какъ въ растительномъ мірѣ главное дѣло не въ содержаніи внутреннемъ, не въ интенсивности и полнотѣ субъективной жизни, а въ законченномъ внѣшнемъ выраженіи хотя-бы и простого сравнительно содержанія, то естественное различіе между высшими и низшими растеніями опредѣляется соотвѣтственно степени ихъ видимаго совершенства или красоты, т.-е. эстетическій критерій совпадаетъ здѣсь, вообще говоря, съ естественно-научнымъ, чего, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не замѣчается въ царствѣ животномъ. Два главные отдѣла растительнаго міра характеризуются присутствіемъ или отсутствіемъ *цветка*, т.-е. того сложнаго органа, въ которомъ преиму-

щественно сосредоточивается растительная красота. Снабженные цвѣтами и потому, вообще говоря, болѣе красивыя растенія составляютъ высшій отдѣлъ *явнобрачныхъ*, а лишеныя цвѣтовъ и въ общемъ не отличающіяся красотой растенія принадлежать къ низшему отдѣлу *тайнобрачныхъ*. И между этими послѣдними самыя низшія по структурѣ: водоросли, мхи—суть и наименѣе красивыя, тогда какъ сравнительно болѣе сложныя или высшія: папоротники—обладаютъ и большею степенью красоты. Совершенно не то видимъ мы у животныхъ. Хотя они также раздѣляются на два главные отдѣла: низшій—безпозвоночныхъ и высшій—позвоночныхъ животныхъ, но тутъ уже никакъ нельзя сказать, чтобы высшія были вообще красивѣе низшихъ; эстетическій и зоологическій критерій здѣсь уже вовсе не совпадаютъ. Къ числу безпозвоночныхъ, слѣдовательно къ низшему изъ двухъ главныхъ отдѣловъ животнаго царства, относятся однѣ изъ самыхъ красивыхъ зоологическихъ формъ—бабочки, которыя несомнѣнно превосходятъ красотой болышую часть высшихъ животныхъ. А между этими послѣдними, т.-е. въ отдѣлѣ позвоночныхъ, степень зоологическаго развитія, вообще говоря, вовсе не соотвѣтствуетъ степени красоты. Самый низшій изъ четырехъ классовъ, рыбы, весьма богаты красивыми формами, тогда какъ въ самомъ высшемъ—млекопитающихъ—видное мѣсто занимаютъ такія неэстетическія твари, какъ бегемоты, носороги, киты. Самыя красивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя музыкальныя позвоночныя животныя принадлежать къ среднему классу—птицъ, а не къ высшему, да и въ семъ послѣднемъ (у млекопитающихъ) отрядъ, представляющій наивысшую степень зоологическаго развитія—четырерукія (обезьяны), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый безобразный. Очевидно, въ животномъ царствѣ красота еще не есть *достигнутая* цѣль, органическія формы существуютъ здѣсь не ради одного своего видимаго совершенства, а служатъ также, и главнымъ образомъ, какъ средство для развитія наиболѣе интенсивныхъ проявленій жизненности, пока наконецъ эти проявленія не уравниваются и не вхо-

дятъ въ мѣру человѣческаго организма, гдѣ наибольшая сила и полнота внутреннихъ жизненныхъ состояній соединяется съ наисовершеннѣйшею видимою формой въ прекрасномъ женскомъ тѣлѣ, этомъ высшемъ синтезѣ животной и растительной красоты.

Но если мѣръ животныхъ представляетъ (сравнительно съ растениями) менѣе пищи для непосредственнаго эстетическаго созерцанія, то для философіи красоты животное царство содержитъ особенно много любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ, разработкою которыхъ мы обязаны, конечно, не эстетикамъ по профессіи, а естествоиспытателямъ, и во главѣ ихъ великому Дарвину, въ его сочиненіи о половомъ подборѣ. Хотя его цѣль здѣсь была въ томъ, чтобы подтвердить и дополнить теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе (предметъ посторонній для нашего теперешняго разсужденія), но этимъ не исчерпывается значеніе собранныхъ въ этой книгѣ наблюденій и указаній (какъ принадлежащихъ самому Дарвину, такъ и чужихъ). Многія изъ нихъ интересны и важны для насъ потому, что доказываютъ объективную реальность красоты въ природѣ независимо отъ субъективныхъ человѣческихъ вкусовъ.

VIII.

На каждой новой ступени міроваго развитія, съ каждымъ новымъ существеннымъ углубленіемъ и осложненіемъ природнаго существованія открывається возможность новыхъ, болѣе совершенныхъ воплощеній всеединой идеи въ прекрасныхъ формахъ,—но еще только возможность: мы знаемъ, что усиленная степень природнаго бытія сама по себѣ еще не ручается за его красоту, что космогоническій критерій не совпадаетъ съ эстетическимъ, а отчасти даже находится съ нимъ въ прямой противоположности. Оно и понятно: возведенная на высшую степень бытія и этимъ внутренне усиленная, стихійная основа вселенной—слѣпая природная.

воля—получаетъ заразу и способность къ болѣе полному и глубокому подчиненію идеальному началу космоса,—которое въ такомъ случаѣ и воплощаетъ въ ней новую, болѣе совершенную форму красоты,—и вмѣстѣ съ тѣмъ въ хаотической стихіи на этой высшей степени бытія усиливается и противоположная способность сопротивленія идеальному началу съ возможностью притомъ осуществлять это сопротивление на болѣе сложномъ и значительномъ матеріалѣ. Красота живыхъ (органическихъ) существъ выше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *рѣже* красоты неодушевленной природы; мы знаемъ, что и положительное безобразіе начинается только тамъ, гдѣ начинается жизнь. Пассивная жизнь растений представляетъ еще мало сопротивленія идеальному началу, которое и воплощается здѣсь въ красотѣ чистыхъ и ясныхъ, но малосодержательныхъ формъ. Окаменѣвшее въ минеральномъ и дремлющее въ растительномъ царствѣ хаотическое начало впервые пробуждается въ душѣ и жизни животныхъ къ дѣятельному самоутвержденію и противопоставляетъ свою внутреннюю ненасытность объективной идеѣ совершеннаго организма. На кого-то изъ нѣмецкихъ философовъ животныя производили впечатлѣніе сомнамбуловъ; кажется правильнѣе было-бы сравнить ихъ съ помѣшанными и маньяками: далѣе мы увидимъ примѣры мономаній, которыми одержимы цѣлые роды и отдѣлы животныхъ. Какъ-бы то ни было, и въ общей палеонтологической исторіи развитія цѣлаго животнаго царства, и въ индивидуальной эмбриологической исторіи cadaго животнаго организма ясно отпечатлѣлось упорное сопротивление оживотвореннаго хаоса высшимъ органическимъ формамъ, отвѣка намѣченнымъ въ умѣ всемірнаго художника, который для достиженія прочныхъ побѣдъ долженъ все болѣе и болѣе суживать поле битвы. И каждая новая побѣда его открываетъ возможность новаго пораженія: на каждой достигнутой высшей степени организаціи и красоты являются и болѣе сильныя уклоненія, болѣе глубокое безобразіе, какъ высшее потенцированное проявленіе того

первоначального безобразія, которое лежитъ въ основѣ— и жизни, и всего космическаго бытія.

Если съ появленіемъ органическаго вещества, оживленной протоплазмы, въ видѣ простѣйшихъ, большею частью микроскопическихъ животныхъ и растений, создается почва для новыхъ болѣе прочныхъ и значительныхъ воплощеній міровой идеи въ реальныхъ формахъ красоты, то ясно, что сама по себѣ эта почва никакого положительнаго отношенія къ красотѣ не имѣетъ. Безобразіе міровой основы заявляетъ здѣсь себя на новой ступени частію съ матеріально-пассивной (женственной) стороны—въ первичныхъ растеніяхъ, частію съ активно-хаотической (мужской) стороны— у первичныхъ животныхъ. Зачатки всего животнаго царства такъ-же некрасивы, какъ и зачатокъ отдѣльнаго животнаго организма, хотя-бы самаго высшаго. Первичныя животныя носятъ въ зоологіи характеристичное названіе безобразныхъ или безформенныхъ — amorphozoa. И безъ всякаго сомнѣнія это подвижное копошащееся безобразіе отвратительнѣе спокойной безформенности первичныхъ растеній. Но, разумѣется, самая простота и мелкость этихъ животныхъ протистовъ не позволяетъ имъ быть настоящимъ типомъ животнаго безобразія. Для этого одной простой безформенности недостаточно, а нужна отвратительная форма. Такую положительно безобразную форму, служащую въ болѣе или менѣе открытомъ видѣ основой всѣхъ животныхъ организацій, мы находимъ въ *червь*.

Форма червя, какъ уже было выше замѣчено, есть прямое выраженіе, *обнаженное* воплощеніе двухъ основныхъ животныхъ инстинктовъ—полового и питательнаго во всей ихъ безмѣрной ненасытности. Всего яснѣе это въ тѣхъ внутренностныхъ червяхъ, которые питаются всѣмъ своимъ существомъ, всю поверхность своего тѣла чрезъ эндосмось (всасываніе) и затѣмъ не представляютъ никакихъ органовъ, кромѣ половыхъ, а эти послѣдніе своимъ сильнымъ развитіемъ и сложнымъ строеніемъ являютъ поразительный контрастъ съ крайнимъ упрощеніемъ всей остальной орга-

низации. Таковы, например, *asanthosephali*, у которых, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи органовъ чувствъ, нѣтъ ни рта, ни кишки, ни anus'a, и на такомъ дефективномъ фонѣ ярко выдѣляются, по выраженію Клауса, „мощные половые органы“ *). Этому непомѣрному анатомическому развитію половыхъ органовъ соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя чудовищныя явленія въ самой половой жизни, во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Такъ у *Distomum haematobium* (въ отрядѣ *trematodes distomidae*) самецъ, будучи хотя толще, но короче самки, носитъ эту послѣднюю всегда при себѣ въ особомъ углубленіи своей брюшной стороны **). Противуположное и еще болѣе чудовищное явленіе представляетъ *trichosomum crassicauda* (отр. *Nematodes*), у котораго, по наблюденіямъ Лейкарта, очень малорослые самцы, по два или по три, а иногда по четыре и по пяти живутъ вмѣстѣ внутри маточной полости самки.—Въ классѣ кольчатыхъ червей безобразіе основного типа смягчается нѣсколько болѣе сложною организаціей, но и у нихъ непомѣрное развитіе и разнообразіе половыхъ органовъ (особенно въ отрядѣ *oligochaetae*) ***) не допускаетъ идею жизни до гармоническаго воплощенія.—Основной типъ червя на болѣе высокой ступени организаціи явно сохраняется и у моллюсковъ, которыхъ Линней прямо относилъ къ *vermes*, и не безъ основанія. „Съ тѣхъ поръ, какъ организація и развитіе этихъ животныхъ стали болѣе извѣстны, оказывается, что они дѣйствительно имѣютъ отношеніе къ червямъ“ ****). Между прочимъ „по формѣ, рѣсничатымъ покровамъ и организаціи, личинки моллюсковъ имѣютъ много общаго съ трихофорой или Ловеновской личинкой, свойственной многимъ червямъ“ *****). Впрочемъ, съ эстетической точки зрѣнія у тѣхъ видовъ моллюсковъ, которые въ

*) Claus: Зоологія (русск. перев. Одесса. 1888), томъ I, стр. 345.

**) Ibid., 315.

***) Ibid., 367.

****) Claus: Зоологія, томъ II, стр. 1.

*****) Ibid., стр. 6.

своемъ развитіи проходятъ черезъ стадію личинокъ, вполне развившееся животное нисколько не превосходитъ свою личинку.— Не то видимъ мы у насѣкомыхъ, у которыхъ червеобразная основная форма (находящаяся, по новѣйшимъ научнымъ мнѣніямъ, въ генетическомъ сродствѣ съ кольчатыми [червями] *) въ своемъ обнаженномъ безобразіи сохраняется только на стадіи личинки, а въ развившемся животномъ прячется подъ болѣе или менѣе красивыми окрыленными покровами.

Основной червь, у насѣкомыхъ прикрытый снаружи, *вбирается внутрь* у позвоночныхъ животныхъ: ихъ *чрево* есть тотъ-же червь не только въ этимологическомъ, но и въ зоогеническомъ смыслѣ. Этотъ вобранный внутрь червь у нѣкоторыхъ позвоночныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ классамъ рыбъ и земноводныхъ, опять получаетъ такое преобладаніе, что сообщаетъ свою форму всему тѣлу животного. Таковы въ особенности змѣи, которыя изо всѣхъ позвоночныхъ животныхъ суть самыя похожія на червя, а потому и самыя отвратительныя. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что это возвращеніе къ червеобразной наружности связано у этихъ животныхъ и съ внутреннимъ уподобленіемъ червю, т.-е. съ новымъ потенцированнымъ самоутвержденіемъ злой жизни въ ея кровожадномъ и сладострастномъ инстинктѣ.

Преобладаніе слѣпой и безмѣрной животности надъ идеей организма, т.-е. внутреннего и наружнаго равновѣсія жизненныхъ элементовъ,—это преобладаніе матеріи надъ формой, наглядно выражаемое въ типической фигурѣ червя, есть лишь главная основная причина безобразія въ животномъ царствѣ. Къ ней присоединяются еще двѣ другія также общаго характера. Мы знаемъ, что безформенность, или неустойчивость формы сама по себѣ есть нѣчто безразличное въ эстетическомъ смыслѣ (напр. безформенныя и безцвѣтныя облака). Но когда въ животномъ царствѣ безформенность является

*) Ibid., томъ I, стр. 533.

на такихъ его ступеняхъ, которыя уже предполагаютъ болѣе или менѣе сложную и устойчивую организацію, то такое возвращеніе къ элементарной протоплазмѣ, будучи въ прямомъ противорѣчій съ данной органическою идеей, становится источникомъ положительнаго безобразія. Напримеръ улитки и другіе слизняки, кромѣ того, что они еще довольно явно сохраняютъ безобразный типъ червя, отвратительны также и по своей первобытной безформенности и мягкотѣлости, совершенно не соответствующей ихъ сравнительно сложной внутренней организаціи. Та-же причина, — преобладаніе безформенной массы, дѣлаетъ некрасивыми и такихъ высшихъ животныхъ, какъ киты и тюлени. Впрочемъ, поскольку это зависитъ здѣсь отъ чрезмѣрнаго накопленія жира, слѣдовательно отъ излишняго питанія, — наша вторая причина зоологическаго безобразія (возвратная безформенность) совпадаетъ съ первою (неистовость животнаго инстинкта). Это вполнѣ ясно въ случаѣ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя *становятся* безформенными и безобразными вслѣдствіе искусственнаго откармливанія. Третья причина безобразія въ животномъ царствѣ, и именно у нѣкоторыхъ высшихъ (позвоночныхъ) животныхъ (лягушки, обезьяны) состоитъ въ томъ, что они, оставаясь вполнѣ животными, похожи на человѣка и представляютъ какъ-бы карикатуру на него. Здѣсь нельзя видѣть только одно субъективное впечатлѣніе, ибо, помимо нагляднаго сравненія съ человѣкомъ, у этихъ животныхъ замѣчается дѣйствительное анатомическое предвареніе (антиципация) высшей формы, которой не соответствующую остающіяся черты низшей организаціи, и это-то несоответствіе или дисгармонія и составляетъ объективную причину ихъ безобразія.

Подъ указанныя три формальныя причины или категоріи: 1) непомѣрное развитіе матеріальной животности, 2) возвращеніе къ безформенности и 3) карикатурное предвареніе высшей формы, — могутъ быть подведены всѣ проявленія животнаго безобразія въ его безчисленныхъ конкретныхъ видоизмѣненіяхъ и оттѣнкахъ. Но и эти три причины

въ сущности могутъ быть сведены къ одной, именно — къ сопротивленію, которое матеріальная основа жизни на разныхъ ступеняхъ зоогонического процесса оказываетъ организующей силѣ идеальнаго космическаго начала. Теперь намъ нужно рассмотретьъ, какими способами преодолевается это сопротивление и создается красота въ животной природѣ.

IX.

Чтобы въ области той жизни, основная матерія которой есть безформенная слизь, а типическій представитель — червь, воплотить идеальную красоту, міровому художнику пришлось много и долго поработать. До появленія животной жизни земная матерія уже послужила къ воплощенію двоякой красоты — минеральной и растительной. И вотъ мы видимъ, что и въ животномъ царствѣ, прежде чѣмъ внутренне преодолѣть активное сопротивление одушевленной матеріи и переродить ее въ прекрасныя формы высшихъ животныхъ организмовъ, космическій зодчій пользуется зоологическимъ матеріаломъ для произведенія новыхъ видовъ прежней красоты, не имѣющихъ специфически животнаго характера, а частью принадлежащихъ къ области неорганической, частью же напоминающихъ растительныя формы. И, во первыхъ, некрасивые, болѣе или менѣе червеобразные полипы создаютъ цѣлыя лѣса прекрасныхъ коралловъ, которые по своему составу изъ неорганическаго вещества должны быть отнесены къ числу минераловъ, а по видимой формѣ похожи на деревья и цвѣты. Въ меньшихъ размѣрахъ то-же стремленіе воспроизвести наружнымъ образомъ минерально-растительную красоту на основѣ животной матеріи замѣчается въ такъ-называемыхъ морскихъ звѣздахъ, морскихъ лиліяхъ и т. п. Далѣе безобразные моллюски, оставаясь при всей своей отвратительной безформенности, порождаютъ твердую неорганическую красоту многоцвѣтныхъ и многообразныхъ раковинъ, и наконецъ одно изъ этихъ животныхъ выдѣляетъ драгоценный жемчугъ.

Здѣсь у моллюсковъ, также какъ у полиповъ, животная

жизнь производить красоту лишь какъ наружное неорганическое отложеніе и облекается въ нее чисто внѣшнимъ образомъ, какъ въ свое жилище, а не въ собственную свою форму. То-же до извѣстной степени можно сказать и о роговыхъ отложеніяхъ у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, каковы черепахи; послѣднее проявленіе этого рода животного зодчества мы находимъ въ классѣ млекопитающихъ, у такъ-называемаго броненосца, гдѣ оно впрочемъ теряетъ свое эстетическое значеніе.

Другое менѣе поверхностное отношеніе между красивымъ облаченіемъ и производящимъ его для себя животнымъ мы находимъ у окрыленныхъ насѣкомыхъ. вмѣсто неорганическихъ построекъ, каковы кораллы для полипа или раковины для моллюска, крылья бабочекъ или жуковъ суть нераздѣльные органическіе придатки къ ихъ тѣлу, къ которому они относятся приблизительно также, какъ цвѣты къ растенію. Подобно тому, какъ въ цвѣткѣ (явнобрачныя) растенія имѣютъ свои половые органы, точно также и эти насѣкомыя только въ окрыленной своей стадіи достигаютъ половой зрѣлости и спариваются между собою.—Какъ по органическому составу и сложному строенію самихъ крыльевъ, такъ и по ихъ опредѣленному и тѣсному морфологическому отношенію къ остальному тѣлу насѣкомаго, мы должны признать здѣсь эстетическое дѣйствіе образующаго идеальнаго начала на животную матерію существенно болѣе глубокимъ и важнымъ, нежели каково оно въ неорганическихъ и внѣшнихъ для самого животного тѣла раковинахъ и кораллахъ. Однако и самая красивая бабочка есть не болѣе какъ окрыленный червь. Если здѣсь дуализмъ между прекрасною формой и безобразіемъ животной матеріи и не выражается во всей своей силѣ въ видѣ *двухъ* отдѣльныхъ и разнородныхъ *тѣлъ*, какъ въ моллюскѣ и его раковинѣ, то все-таки эта двойственность не побѣждена здѣсь даже видимымъ образомъ, по скольку прекрасныя крылья и червеобразное туловище составляютъ *два* рѣзко выдѣляющіяся, хотя и органически сросшіяся *половины* въ тѣлѣ насѣкомаго.

Эта двойственность прекрасной формы и безобразной материи преодолевается наконецъ въ пользу первой, по крайней мѣрѣ въ наружномъ видѣ, у позвоночныхъ животныхъ, которые, вбирая въ себя своего червя (или свое чрево), дѣлають его совсѣмъ незамѣтнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся поверхность ихъ тѣла тѣсно облекается болѣе или менѣе красивымъ покровомъ (чешуя, перья, шерсть и мѣхъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе покровы у позвоночныхъ животныхъ отсутствуютъ, какъ на примѣръ у лягушекъ, эта обнаженность есть одна изъ причинъ ихъ безобразія (сверхъ той, которая указана выше).

Космическій художникъ знаетъ, что основа животнаго тѣла безобразна, и старается всячески прикрыть и прикрасить ее. Его цѣль не въ томъ, чтобы уничтожить или устранить безобразіе, а въ томъ, чтобы оно само сначала облеклось красотою, а потомъ и превратилось въ красоту. Поэтому онъ тайными внушеніями, которыя мы называемъ инстинктомъ, побуждаетъ самихъ животныхъ изъ собственной ихъ плоти и крови создавать всякія красивыя оболочки; онъ заставляетъ слизняка залѣзть въ имъ самимъ устроенную и причудливо разукрашенную раковину, которая для своего утилитарнаго назначенія (предполагая таковое) вовсе не нуждалась въ этомъ красивомъ видѣ; онъ понуждаетъ отвратительную гусеницу надѣть на себя вырощенныя ею самую пеструю крылья, а рыбъ, птицъ и звѣрей—совсѣмъ зашить себя въ блестящую чешую, разноцвѣтныя перья, гладкую шерсть и пушистый мѣхъ.

Но высшія животныя, — птицы и еще болѣе нѣкоторыя млекопитающія (семейство кошачьихъ, также олени, серны, лани и т. д.), помимо красивыхъ наружныхъ покрововъ, представляютъ и во всемъ своемъ тѣлесномъ видѣ прекрасное воплощеніе идеи жизни, — стройной силы, гармоническаго соотношенія частей и свободной подвижности цѣлаго. Подъ это идеальное опредѣленіе подходятъ всѣ многочисленныя типы и оттѣнки животной красоты, перечисленіе и описаніе которыхъ не входитъ въ нашу задачу. Это есть дѣло опи-

сательной зоологіи. Также должны мы оставить въ сторонѣ и вопросъ о томъ, какими путями образующая сила мірового художника доводила природу до созданія прекрасныхъ животныхъ формъ: этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшаемъ только метафизическою космогоніей. Наше эстетическое разсужденіе о красотѣ въ природѣ мы можемъ закончить указаніемъ тѣхъ явленій, которыя, какъ выше замѣчено, эмпирически подтверждаютъ объективный характеръ этой красоты.

Х.

Явленія полового подбора, наблюдавшіяся Дарвиномъ и другими естествоиспытателями, совершенно недостаточны для объясненія красоты всѣхъ животныхъ формъ: они относятся почти исключительно лишь къ наружнымъ украшеніямъ, или орнаментальной красотѣ у различныхъ животныхъ. Но здѣсь дѣло не въ собственной важности объясняемыхъ явленій, а въ несомнѣнномъ доказательствѣ самостоятельнаго объективнаго значенія эстетическаго мотива, хотя бы въ самыхъ поверхностныхъ его выраженіяхъ.

Въ то время, какъ многіе прямолинейные умы старались свести къ утилитарнымъ основамъ человѣческую эстетику въ интересахъ позитивно-научнаго міровоззрѣнія, величайшій въ нашемъ вѣкѣ представитель этого самаго міровоззрѣнія показалъ независимость эстетическаго мотива отъ утилитарныхъ цѣлей даже въ животномъ царствѣ и чрезъ это впервые положительно обосновалъ истинно-идеальную эстетику. Этой неотъемлемой заслуги достаточно было-бы, чтобы обезсмертить имя Дарвина, еслибы онъ даже не былъ авторомъ теоріи происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе,—теоріи, точно опредѣлившей и подробно прослѣдившей одинъ изъ важнейшихъ матеріальныхъ факторовъ мірового процесса.

Жизнь животнаго опредѣляется двумя главными интересами: поддерживать себя посредствомъ питанія и увѣковѣчивать свой видъ посредствомъ размноженія. Эта послѣдняя

цѣль, разумѣется, не существуетъ въ сознаниі самого животнаго, а достигается природою косвенно чрезъ возбужденіе полового влеченія въ разнополыхъ особяхъ. Но космическій художникъ пользуется этимъ половымъ влеченіемъ не только для увѣковѣченія, но и для украшенія данныхъ животныхъ формъ. Особи активнаго пола, самцы преслѣдуютъ самку и вступаютъ изъ-за нея въ борьбу другъ съ другомъ; и вотъ оказывается, говоритъ Дарвинъ, вопреки всякому предвидѣнію, что способность различнымъ образомъ *прельщать* самку имѣетъ въ извѣстныхъ случаяхъ болѣе значеніе, нежели способность побѣждать другихъ самцовъ въ открытомъ бою *).

Это стремленіе *прельщать* обнаруживается у животныхъ даже тамъ, гдѣ его всего менѣе можно было-бы ожидать. „Quiconque a eu l'occasion, говоритъ Агассицъ, d'observer les amours des limaçons, ne saurait mettre en doute la séduction déployée dans les mouvements et les allures qui préparent et accomplissent le double embrassement de ces hermaphrodites“ **). Въ чемъ собственно состоитъ здѣсь взаимное прельщеніе и служить-ли оно къ какому-нибудь украшенію этихъ слизняковъ,—ни Агассицъ, ни Дарвинъ не объясняютъ. Но если дѣйствительно улитки плѣняютъ другъ друга своими аллюрами, то другіе, болѣе зрячіе моллюски еще легче могутъ оказывать подобное дѣйствіе красотой своихъ раковинъ. Дѣло яснѣе у ракообразныхъ (crustacea) и у пауковъ. Здѣсь самцы нѣкоторыхъ видовъ пріобрѣтаютъ во время половой зрѣлости яркую и разнообразную окраску, какой не имѣли прежде и которая отсутствуетъ у самокъ ***).

„Всякій путешествовавшій въ тропическихъ лѣсахъ бывалъ пораженъ звономъ, который производятъ цикады самцы. Самки-же безмолвствуютъ, какъ уже и греческій поэтъ Ксенархъ замѣтилъ: — Въ счастья живутъ цика-

*) Дарвинъ: „Происх. челов. и полов. подборъ“. Нѣмецк. переводъ Виктора Каруса. Штуттгартъ 1871. Томъ I, стр. 246—7.

**) Agassiz: „De l'Espèce et de la Classification“. 1869, p. 106.

***) Дарвинъ, о. с. I, 301—3.

ды: у всѣхъ у нихъ жены безгласны“ *). Фрицъ Мюллеръ пишетъ Дарвину изъ южной Бразиліи, что онъ часто присутствовалъ при музыкальномъ состязаніи между двумя или тремя самцами цикады, имѣвшими особенно звонкій голосъ и сидѣвшими на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Какъ только одинъ кончалъ свою пѣсню, такъ сейчасъ-же начиналъ другой, и такимъ образомъ они все время чередовались между собою. Такъ какъ здѣсь, справедливо замѣчаетъ Дарвинъ, обнаруживается столько соперничества между самцами, то весьма вѣроятно, что самки не только распознаютъ ихъ по издаваемымъ ими звукамъ, но что онѣ, подобно птичьимъ сайкамъ, прельщаются или возбуждаются тѣмъ изъ самцовъ, который обладаетъ самымъ привлекательнымъ голосомъ **).

У насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ отряду *Neuroptera*, замѣчается не только особенное окрашеніе крыльевъ у самцовъ передъ спариваніемъ, но наблюдалось у разныхъ видовъ предпочтеніе того или другого цвѣта ***). Этотъ послѣдній фактъ важень, потому что показываетъ воспріимчивость этихъ насѣкомыхъ къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, какъ таковымъ, независимо отъ какого-нибудь ихъ утилитарнаго значенія, котораго въ данномъ случаѣ невозможно указать. Таковую-же эстетическую воспріимчивость слѣдуетъ приписать жукамъ (*coleoptera*), у которыхъ крылья не только окрашены блестящими металлическими красками, но часто и разрисованы полосками, кружками, крестиками и другими изящными узорами,—и все это только у *зрячихъ* видовъ, слѣпые же *никогда* не имѣютъ разукрашенныхъ или разрисованныхъ крыльевъ ****). Въ этомъ-же отрядѣ насѣкомыхъ у нѣкоторыхъ видовъ самцы отличаются огромными и весьма измѣнчивыми и причудливыми рогами, которые, какъ доказываетъ Дарвинъ, несомнѣнно имѣютъ характеръ *украшенія* для прельще-

*) Тамъ-же, стр. 313.

**) Дарв. I, 314.

***) Ibid. 323—4.

****) Дарв. I, 327.

нія самокъ *). Тому-же назначенію служатъ и особые органы для произведенія звука, замѣчаемые у нѣкоторыхъ видовъ **).

Въ отрядѣ *Lepidoptera* (бабочки) красота ихъ крыльевъ, которую, у нѣкоторыхъ тропическихъ видовъ ***), по выраженію Дарвина, невозможно описать словами, представляетъ тотъ-же самый характеръ, ибо несомнѣнно, что именно самцы преимущественно отличаются и блестящею красотою и разнообразіемъ своихъ крыльевъ, тогда какъ самки сравнительно безцвѣтны и монотонны. Это уже одно показываетъ, что красота крыльевъ не можетъ служить утилитарнымъ цѣлямъ защиты въ борьбѣ за существованіе (чрезъ уподобленіе насѣкомаго цвѣтку, на которомъ оно сидитъ, и т. п.), ибо въ такой защитѣ самки нуждаются никакъ не менѣе самцовъ. Впрочемъ есть факты прямо показывающіе, что утилитарная цѣль здѣсь сама по себѣ, а эстетическая половая сама по себѣ. А именно у многихъ видовъ замѣчается, что нижняя поверхность крыльевъ, т.-е. та, которая обращена наружу въ сидячемъ, наиболѣе опасномъ положеніи, окрашена совершенно подъ цвѣтъ тѣмъ растеніемъ, на которыя бабочка садится (явно ради защиты), тогда какъ верхняя поверхность, которую порхающій самецъ показываетъ самкѣ во время ухаживанья, раскрашена и разрисована съ такимъ причудливымъ изяществомъ, которое не можетъ имѣть никакого отношенія къ цѣлямъ защиты****). Читатель можетъ найти у самого Дарвина еще много другихъ частныхъ доказательствъ, оставляющихъ внѣ сомнѣнія преобладающее здѣсь дѣйствіе чисто-эстетическаго фактора*****).

Неравнодушны къ красотѣ и рыбы. Этимъ только объясняется, что у многихъ видовъ этого класса самцы (вообще болѣе красивые, чѣмъ самки) развиваютъ во время спарива-

*) Ibid. 331.

**) Ibid. 340—341.

***) Ibid. 345.

****) *Дарв.* I, 349.

*****) Ibid. стр. 350, 354—7, 359, 362—364, 375, 376.

нія особую красоту цвѣтовъ и формъ *). Сверхъ того, вопреки общему мнѣнію о нѣмотѣ рыбъ, нѣкоторые виды (напр. *Umbriana*) обнаруживаютъ несомнѣнныя музыкальныя способности и трубятъ весьма громко и благозвучно,—опять таки только самцы и только въ эпоху спариванія **).

Самцы тритоновъ плѣняютъ своихъ подружекъ красивыми гребнями, а у лягушекъ только самцы-же, и лишь во время ухаживанія, даютъ свои концерты, которые у нѣкоторыхъ американскихъ породъ отличаются истинною музыкальностью и доставляютъ эстетическое наслажденіе не одному лягушечьему, а также и человѣческому уху ***). Въ одномъ родѣ ящерицъ (*Sitana*) горло самцовъ снабжено большимъ, ярко окрашеннымъ (во время спариванья) кожанымъ придаткомъ, который они распускаютъ какъ вѣеръ передъ самками ****). Наиболѣе эстетическій (и въ зрительномъ и въ звуковомъ отношеніи) классъ птицъ представляетъ великое обиліе фактовъ, доказывающихъ самостоятельное значеніе красоты для этихъ животныхъ. Почти всѣ они основываютъ свои брачныя успѣхи на обнаруженіи того или другого эстетическаго свойства, причемъ замѣчается, что блестящая окраска и способность къ благозвучному пѣнію обыкновенно не совпадаютъ, но слабость одного изъ этихъ преимуществъ возмѣщается развитіемъ другого *****). Всего любопытнѣе у птицъ то, что онѣ явно сознательно относятся къ своей красотѣ и тщеславятся ею не только передъ самками, но и передъ посторонними наблюдателями. Самъ Дарвинъ нерѣдко видѣлъ, какъ павлинь шеголялъ своимъ уборомъ не только передъ курами, но и передъ свиньями. Всѣ естествоиспытатели, внимательно наблюдавшіе птицъ какъ въ состояніи природы, такъ и въ неволѣ, единогласно утверждаютъ, что самцы находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы выставять напоказъ свою

*) *Дарв.* томъ II, стр. 6, 7, 11, 12, 13.

***) *Ibid.* 19, 20.

****) *Дарв.* II, 23.

*****) *Ibid.* 27.

*****) *Ibid.* 48.

красоту *). У многих видов сложныя украшенія самцовъ не только не могутъ имѣть никакого утилитарнаго значенія, но прямо вредны, ибо развиваются въ ущербъ ихъ удобо-подвижности,—мѣшаютъ имъ летать или бѣгать, выдають ихъ головою преслѣдующему врагу; но, очевидно, для нихъ красота дороже самой жизни **). Чисто созерцательная воспріимчивость нѣкоторыхъ птицъ къ красотѣ цвѣтовъ доказы-вается тѣмъ, что они обращаютъ вниманіе и любятъ яркими цвѣтами не на себѣ подобныхъ только, а гдѣ-бы ихъ ни встрѣ-тили, напр. на дамскихъ платьяхъ или шляпахъ ***). Старатель-ное украшеніе гнѣздъ нѣкоторыми птицами, напримѣръ ко-либри, которые отдѣлываютъ ихъ съ самымъ тонкимъ вкусомъ, также несомнѣнно доказываетъ у птицъ присутствіе объек-тивно-эстетическаго чувства ****). Иногда это чувство даже заставляеть ихъ впадать въ предосудительныя крайности. Такъ самка южно-африканскаго вида *Chera prognis* покидаетъ самца, если онъ случайно потерялъ длинныя хвостовыя перья, ко-торыми онъ украшается въ эпоху спариванья. Подобное-же легкомысліе наблюдалъ д-ръ Іегеръ въ Вѣнѣ у серебряныхъ фазановъ *****).

Достаточно будетъ для насъ этихъ немногихъ указаній изъ массы однородныхъ фактовъ, собранныхъ Дарвиномъ. Смысль этихъ фактовъ столь-же простъ, сколько значите-ленъ. Человѣкъ находитъ извѣстныя явленія въ природѣ красивыми, они доставляютъ ему эстетическое наслажденіе; большинство философовъ и ученыхъ увѣрены, что это есть лишь фактъ субъективнаго *человѣческаго* сознанія, что въ са-мой природѣ нѣтъ красоты, также какъ въ ней нѣтъ добра и правды. Но вотъ оказывается, что тѣ самыя сочетанія формъ, цвѣтовъ и звуковъ, которыя нравятся въ природѣ чело-вѣку, нравятся также и самимъ существамъ природы—

*) *Дарв.* II, 74, 76, 77, 78.

**) *Ibid.* 83.

***) *Дарв.* II, 96.

****) *Ibid.* 97.

*****) *Ibid.* 105.

животнымъ всевозможныхъ типовъ и классовъ, нравятся имъ такъ сильно, имѣютъ для нихъ столь важное значеніе, что поддержаніе и развитіе этихъ бесполезныхъ, а иногда и вредныхъ (въ утилитарномъ смыслѣ) особенностей ложится въ основу ихъ видоваго существованія. Мы уже никакъ не можемъ сказать, что крылья тропической бабочки или павлиній хвостъ красивы только по нашей субъективной оцѣнкѣ, ибо точно также цѣнятъ ихъ красоту самки бабочки и павлины. Но въ такомъ случаѣ необходимо идти дальше. Ибо, допустивши, что павлиній хвостъ красивъ объективно, настаивать на томъ, что красота радуги или алмаза имѣетъ лишь субъективно-человѣческой характеръ, было-бы верхомъ нелѣпости. Разумѣется, если въ данномъ частномъ случаѣ вовсе нѣтъ никакого чувствующаго субъекта, то нѣтъ и ощущенія красоты; но дѣло не въ ощущеніи, а въ свойствѣ предмета, способнаго производить однородныя ощущенія въ самыхъ различныхъ субъектахъ. Если-же вообще красота въ природѣ объективна, то она должна имѣть и нѣкоторое общее онтологическое основаніе, должна быть—на разныхъ ступеняхъ и въ разныхъ видахъ—чувственнымъ воплощеніемъ одной абсолютно-объективной всеединой идеи.

Космическій умъ въ явномъ противоборствѣ съ первобытнымъ хаосомъ и въ тайномъ соглашеніи съ раздраеюмою этимъ хаосомъ міровою душою или природою,—которая все болѣе и болѣе поддается мысленнымъ внушеніямъ зидительнаго начала,—творитъ въ ней и чрезъ нее сложное и великолѣпное тѣло нашей вселенной. Твореніе это есть процессъ, имѣющій двѣ тѣсно между собою связанныя цѣли, общую и особенную. Общая есть воплощеніе реальной идеи, т. е. *света* и *жизни*, въ различныхъ формахъ природной красоты; особенная-же цѣль есть созданіе человѣка, т. е. той формы, которая вмѣстѣ съ наибольшею тѣлесною красою представляетъ и высшее внутреннее потенцированіе свѣта и жизни, называемое самосознаніемъ. Уже въ мірѣ животныхъ, какъ мы сейчасъ видѣли, общая космическая цѣль достигается при ихъ собственномъ участіи и

содѣйствіи, чрезъ возбужденіе въ нихъ извѣстныхъ внутреннихъ стремленій и чувствъ. Природа не устрояетъ и не украшаетъ животныхъ какъ внѣшній матерьялъ, а заставляетъ ихъ самихъ устроить и украшать себя. Наконецъ человѣкъ уже не только участвуетъ въ дѣйствіи космическихъ началъ, но способенъ *знать цѣль* этого дѣйствія и слѣдовательно трудиться надъ ея достиженіемъ осмысленно и свободно. Какъ человѣческое самосознаніе относится къ самочувствію животныхъ, такъ красота въ искусствѣ относится къ природной красотѣ.

Владиміръ Соловьевъ.

Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голо- сомъ изъ области естествовѣдѣнія.

Настоящая статья естественно распадается на двѣ части: въ *первой* я передамъ то, о чемъ говоритъ голосъ изъ области естествовѣдѣнія,—или въ изложеніи съ незначительными сокращеніями,—или же собственными его словами; во *второй* я попытаюсь, съ своей точки зрѣнія, истолковать этотъ голосъ и намѣтить область, куда онъ насъ зоветъ.

I.

Отъ кого исходитъ голосъ. Голосъ исходитъ отъ одного извѣстнаго ученаго специалиста, профессора физиологической химіи въ Базелѣ, Бунге, и раздается изъ его книги, представляющей курсъ *физиологической и патологической химіи* («Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie» von G. Bunge. Leipz. 1887). Конечно, меня интересуеть его книга вовсе не спеціальнымъ ея содержаніемъ, а небольшимъ отрывкомъ изъ нея, имѣющимъ значеніе для философіи и съ точки зрѣнія философіи. Отрывокъ этотъ составляетъ пер-

вую вступительную лекцію, обращенную почтеннымъ профессоромъ къ своимъ слушателямъ, озаглавленную такъ: «Витализмъ и механизмъ».

Что говоритъ голосъ. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ, что физиологія «имѣетъ своею задачей свести явленія жизни къ законамъ физики и химіи и, въ концѣ концовъ, механики». Но эта задача физиологіи, по Бунге, ошибочна и имѣетъ своимъ источникомъ только наше недомысліе, въ которомъ мы для наблюденія какъ мертвой, такъ и живой природы употребляемъ одни и тѣ-же органы чувствъ, которые, конечно, ничего другого не воспринимаютъ, какъ явленія движенія. *«Поэтому-то было-бы нелѣпо, говорить Бунге, ожидать, чтобы мы тѣми-же самыми чувствами могли когда-либо открыть въ оживленной природѣ что-либо отличное отъ того, что находимъ въ неоживленной».*

Между тѣмъ для наблюденія живой природы мы имѣемъ особое внутреннее чувство, въ которомъ намъ являются состоянія и событія собственнаго сознанія. Бунге рѣшиительно противъ того, чтобы и они были также явленіями движенія, и прежде всего указываетъ на то, что даже изъ чувственныхъ нашихъ ощущеній пространственны только ощущенія зрѣнія, осязанія и тѣсно соединеннаго съ ними мускульнаго чувства. Остальныя-же ощущенія вмѣстѣ съ чувствованіями, аффектами, стремленіями и безчисленными представленіями не подлежатъ пространственному распорядку, а только временному. Значитъ о механизмѣ, по отношенію къ нимъ, и рѣчи быть не можетъ.

«Итакъ, заключаетъ Бунге, глубочайшее и непосредственнѣйшее, доступное намъ, проникновеніе въ наше внутреннее существо показываетъ намъ нѣчто совершенно иное, а именно: качества или вещи, не подлежація пространственному распорядку,—показываетъ намъ явленія, которыя ничего не могутъ имѣть общаго съ механизмомъ».

На это приверженцы механическаго объясненія жизни могутъ сказать и говорить, что чѣмъ далѣе прогрессируетъ физиологія, тѣмъ болѣе явленія жизни приводятся въ зави-

симость отъ физическихъ и химическихъ законовъ и что полное примѣненіе ихъ къ этимъ явленіямъ есть только вопросъ времени. Но Бунге думаетъ, что исторія физиологіи какъ разъ опровергаетъ такое утверженіе.

«Чѣмъ глубже, многостороннѣе и основательнѣе стараемся мы изучить явленія жизни, говорить онъ, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что явленія, которыя мы считаемъ возможнымъ объяснить физически и химически, гораздо сложнѣе по своей природѣ и пока рѣшительно не поддаются никакому механическому объясненію». Въ доказательство этого положенія Бунге приводитъ нѣсколько яркихъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, какъ основательнѣйшія изслѣдованія новѣйшаго времени пошатнули недавнюю вѣру, что будто-бы явленія всасыванія и воспріятія пищи кишкою могутъ быть сведены къ законамъ *диффузии* и *эндосмоса*. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что стѣнка кишки при всасываніи пищи вовсе не походитъ на мертвую перепонку. Каждая изъ покрывающихъ ее эпителиальныхъ клѣточекъ есть самостоятельный организмъ или индивидуальное живое существо съ чрезвычайно сложными функциями. Оказывается, что эти эпителиальныя клѣточки точно такъ-же выбираютъ свою пищу, какъ и свободныя одноклѣточные животныя, напр. амебы, корненожки и проч. Такъ они, посредствомъ своихъ придатковъ, называемыхъ ложноножками, схватываютъ изъ пищи только капельки жира и вѣдряютъ ихъ въ свою протоплазму. Еще удивительнѣе дѣйствуютъ клѣточки лимфы, которыя въ цѣломъ своемъ составѣ какъ-бы охотятся за жировыми капельками на поверхности кишки и, схвативши ихъ, возвращаются съ этой добычей въ млечную область (хилусъ), гдѣ онѣ живутъ постоянно. Только когда сдѣлались извѣстными эти активныя функции клѣточекъ, сталъ понятенъ удивительный фактъ, что жировыя капельки проникаютъ чрезъ стѣнки кишки въ область хила, между тѣмъ какъ вовсе не проникаютъ туда на мѣренно вводимыя въ кишку крайне тонкія и малыя зёрнышки пигмента. Теперь мы знаемъ, что это зависитъ отъ способности одноклѣточныхъ существъ вѣдрять въ себя

полезное для нихъ (жиръ) и не трогать вреднаго (пигмента).

Здѣсь Бунге дѣлаетъ весьма интересное сближеніе дѣйствій нашихъ эпителиальныхъ и лимфатическихъ клѣточекъ съ микроскопическими одноклѣточными животными, напริมѣръ съ амебой, *Vampyrella Spirogugae* по Ценковскому *), которыхъ дѣйствія въ отыскиваніи и воспріятіи пищи «столь удивительны,—говоритъ Ценковскій,—что сочтешь ихъ дѣйствіями существъ сознательныхъ».

Но и всасываніе растворенныхъ въ водѣ питательныхъ веществъ, по Бунге, не можетъ быть сведено къ законамъ диффузіи и эндосмоса, ибо въ воспріятіи этихъ растворенныхъ веществъ клѣточки лимфы также играютъ активную роль. Что касается до функцій железъ и явленій выдѣленія, то мы было уже совсѣмъ, по Бунге, думали свести ихъ къ законамъ эндосмоса; но теперь знаемъ, что и здѣсь эпителиальныя клѣточки обнаруживаютъ ту-же самую удивительную способность выбирать и воспринимать изъ крови одни вещества, а другіе оставлять нетронутыми, преобразовывать воспріятыи матеріалъ путемъ его разединенія и соединенія и одни продукты этого преобразованія доставлять къ началу отдѣлительныхъ путей, а другіе отталкивать назадъ въ лимфатическіе пути.

Но и всѣ клѣточки нашихъ тканей обладаютъ такими-же загадочными способностями, какъ эпителиальныя клѣточки кишки и железъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ развитіи нашего организма всѣ элементы нашихъ тканей происходятъ отъ одной единственной зародышевой клѣточки, путемъ постоянного дѣленія, и что, по мѣрѣ размноженія клѣточекъ черезъ это дѣленіе, эти элементы дифферен-

*) Знакома читателя съ лекціею Бунге, я не дѣлаю никакихъ указаній на многочисленныя его ссылки на спеціальныя ученые сочиненія, спеціальныя журналы, архивы и т. под.,—ссылки, которыя служатъ ему для подкрѣпленія его положеній, потому что такія указанія только загромоздили-бы мою статью безъ всякой пользы для нея. Желаніе ознакомиться съ этимъ подробнѣе могутъ сами обратиться къ первой лекціи Бунге.

цируются по принципу раздѣленія труда; если мы примемъ въ соображеніе, что каждая клѣточка получаетъ способность одни вещества выдѣлять, другіе воспринимать, сохранять и соединять ихъ для выполненія своихъ функций,—*«это нечего и думать о химическомъ объясненіи этихъ явленій».*

И въ другихъ областяхъ физиологіи столь-же мало, какъ и въ физиологіи обмѣна веществъ, удалось свести явленія жизни къ физическимъ и химическимъ законамъ. Возьмемъ, наприм., физиологію чувствъ,—область, повидимому, самую точную и допускающую физическое объясненіе. Конечно, глазъ есть оптический аппаратъ, camera obscura; конечно, изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ образуется на основаніи тѣхъ-же самыхъ непреложныхъ законовъ рефракціи, какъ и изображеніе на фотографической пластинкѣ! Но... только это вовсе не есть явленіе жизни, ибо глазъ при этомъ абсолютно пассивенъ. Изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ происходитъ точно такъ-же и въ вырѣзанномъ, мертвомъ глазѣ, жизненное-же явленіе состоитъ въ развитіи глаза. Весь вопросъ въ томъ, какъ образуется этотъ сложный оптический аппаратъ, какимъ образомъ присоединяются клѣточки ткани одна къ другой для того, чтобъ образовать удивительное строеніе этого аппарата. Вотъ въ чемъ заключается великая загадка, для разрѣшенія которой до сихъ поръ не сдѣлано даже и перваго шага. Конечно, можно наблюдать и описать слѣдованіе одной за другою стадій развитія. Но почему они слѣдуютъ такъ, а не иначе, или какъ объяснить причинную связь всей этой послѣдовательности, — объ этомъ мы абсолютно ничего не знаемъ. Конечно и явленія приспособленія глаза суть также явленія жизни; но и тутъ мы опять имѣемъ только функцію мускуловъ и нервовъ, — опять старья, не разрѣшенныя загадки. То-же самое можно сказать и объ остальныхъ органахъ чувствъ:

Все, что можетъ быть объяснено физически, — это явленія, при которыхъ подлежащіе органы совершенно пассивно приводятся въ колебаніе или движеніе посредствомъ проник-

ющихъ въ нихъ внѣшнихъ движеній. Такъ какъ то-же самое отношеніе можно отмѣтить и въ другихъ областяхъ физиологии (какъ, наприм., въ кровеобращеніи), то Бунге дѣлаетъ такое обобщеніе: всѣ событія въ нашемъ организмѣ, допускающія механическое объясненіе, суть столь-же мало явленія жизни, какъ и движенія листьевъ и вѣтвей, колеблемыхъ на деревѣ бурей, или какъ движенія цвѣточной пыли, которую вѣтеръ переноситъ отъ мужскихъ органовъ къ женскимъ. Какъ ни важно это движеніе для жизненнаго процесса, но все-таки оно не есть явленіе жизни.

„Настоящая тайна жизни, заключаетъ онъ, скрывается въ дѣятельности, а понятіе дѣятельности взяли мы не изъ чувственаго воспріятія, а изъ самонаблюденія, изъ наблюденія надъ волею, какъ она вступаетъ въ наше сознаніе, какъ она открывается внутреннему опыту. Но если та-же самая вещь встрѣчается намъ въ опытѣ внѣшнихъ чувствъ, то мы уже болѣе не узнаемъ ее. Конечно, мы видимъ явленія движенія, но самую сущность этихъ явленій мы не видимъ, потому что для этого у насъ нѣтъ органа воспріятія. Мы только можемъ принять эту сущность гипотетически, и мы дѣлаемъ это, говоря объ „активныхъ движеніяхъ“, ибо физиологъ никакъ не можетъ обойтись безъ этого понятія. Въ этомъ и состоитъ первая попытка психологическаго объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій. То, что мы почерпнули изъ собственнаго сознанія, мы переносимъ на объекты нашего чувственнаго воспріятія,—на органы, на элементы тканей, на каждую малѣйшую клѣточку“.

То-же относится и къ вспомогательнымъ наукамъ физиологии,—къ анатоміи и къ гистологіи. Я утверждаю, говоритъ Бунге, что и онѣ пока еще вовсе не приближаютъ насъ къ разрѣшенію выше означенныхъ загадокъ, ибо когда мы, при помощи микроскопа и скальпеля, разложили организмъ на послѣдніе элементы и дошли до самыхъ простыхъ клѣточекъ, тутъ-то опять и встрѣчаетъ насъ великая загадка жизни. Простѣйшая клѣточка, капелька протоплазмы обнаруживаетъ всѣ существенныя функціи жизни: питаніе, ростъ,

размноженіе, движеніе, ощущеніе, —наконецъ даже функціи, которыя, по крайней мѣрѣ, замѣняютъ „сенсоріумъ“, или душевную жизнь высшихъ животныхъ. Каждая изъ безчисленныхъ микроскопически-малыхъ клѣточекъ, которыя составляютъ нашъ организмъ, есть нѣчто чудесное, микроскопъ, особый міръ!

Извѣстенъ фактъ, что при посредствѣ одного сѣмяннаго животнаго, —столь маленькой клѣточки, что въ пространствѣ одной кубической линіи ихъ заключается пятьсотъ милліоновъ, —передаются по наслѣдству всѣ тѣлесныя и духовныя особенности отъ отца къ сыну и даже внуку. Если это дѣйствительно чисто-механической процессъ, то какъ безконечно-чуднымъ должно быть строеніе атомовъ, какъ безконечно-сложною должна быть игра силъ и безконечно-запутанными должны быть разнообразныя движенія въ этой маленькой клѣточкѣ, —движенія, которыя предписываютъ направление всѣмъ позднѣйшимъ движеніямъ и позднѣйшему развитію цѣлаго ряда поколѣній. Здѣсь физика, химія, анатомія оставляютъ насъ вполне безпомощными.

Вѣруя въ безграничный прогрессъ науки, можно, по Бунге, безусловно допустить возможность, что затрудненія, которыя теперь стоятъ передъ фізіологической наукой на подобіе неприступныхъ горъ, могутъ быть когда-либо преодолены ею; но въ настоящее время совершенно не видно возможности, какъ-бы она могла сдѣлать какой-либо важный шагъ далѣе при помощи только физики, химіи и анатоміи.

„Всѣ запядки жизни скрываются въ малѣйшей клѣточкѣ; и въ ней мы уже достигли границы изслѣдованія при нашихъ настоящихъ вспомогательныхъ средствахъ“.

Но, можетъ-быть, мы можемъ еще усовершенствовать эти средства? Такъ мы можемъ увеличить силу микроскопа, и то, что теперь кажется лишеннымъ какого-либо строенія, завтра окажется имѣющимъ его. Клѣточка, повидимому безъ ядра, при приложеніи новыхъ методовъ окрашиванія, обнаруживаетъ ядро. Даже ядро клѣточки оказывается не лишеннымъ строенія, —оно уже обнаруживаетъ такое слож-

ное строение, что скоро только одно простое наблюдение и описание этого строения займет всю трудовую силу многих изслѣдователей. Но... сложное строение не есть объяснение,—оно есть, напротивъ, новая загадка; опять спрашивается: какъ возникло это сложное строение? И дасть-ли намъ знакомство съ этимъ сложнымъ строеніемъ пониманіе самыхъ простѣйшихъ явленій, которыя мы наблюдаемъ у *Vamprella* и другихъ микроскопическихъ существъ? Разрѣшить-ли оно намъ по-истинѣ великую загадку, величайшую изъ всѣхъ, а именно тайну наследственности посредствомъ одной маленькой клѣточки? И если такъ стоитъ дѣло по отношенію къ маленькой клѣточкѣ, то во сколько-же разъ увеличивается затрудненіе по отношенію къ нашему сложному организму!

А между тѣмъ физиологическое изслѣдованіе должно начинаться съ самаго сложнаго организма, съ человѣческаго! Это требованіе вытекаетъ изъ основанія совершенно посторонняго практическимъ требованіямъ медицинскаго искусства, именно изъ того, что при изслѣдованіи одного только человѣческаго организма мы располагаемъ не одними нашими внѣшними чувствами, но въ то-же время можемъ проникать въ самое глубочайшее существо организма и съ другой стороны, т.-е. путемъ самонаблюденія, путемъ внутренняго чувства, и такимъ образомъ подать помощь физикѣ, изслѣдующей предметъ съ внѣшней стороны. Это, по словамъ Шопенгауэра, похоже на горное дѣло, гдѣ работники проникаютъ въ шахты съ разныхъ сторонъ, такъ что наконецъ одинъ слышитъ чрезъ каменную стѣну удары молоткомъ другого. Плодоносность этого метода, приступающаго къ разрѣшенію загадки одновременно съ двухъ сторонъ, уже ясно была признана нашимъ великимъ учителемъ—Иоганномъ Мюллеромъ, и мы думаемъ, что къ его тезису: „*Psychologus nemo, nisi physiologus*“,—со временемъ безспорно будетъ присоединенъ обратный тезисъ: „*Physiologus nemo, nisi psychologus*“. Во всякомъ случаѣ, думаетъ Бунге, законъ о „специфической энергіи чувствъ“, поставленный Мюл-

леромъ, есть величайшее пріобрѣтеніе какъ для физиологій, такъ и для психологій, и можетъ служить точнымъ основаніемъ для всякой идеалистической философіи. По его мнѣнію, этотъ законъ состоитъ въ томъ, что одно и то-же раздраженіе, одно и то-же событіе внѣшняго міра, или одна и та-же „вещь въ себѣ“, дѣйствуя на различные нервы чувствъ, постоянно вызываетъ различныя ощущенія, и что различныя раздраженія, дѣйствуя на одинъ и тотъ-же чувственный нервъ, вызываютъ одно и то-же ощущеніе *). Отсюда слѣдуетъ, что событія во внѣшнемъ мірѣ ничего не имѣютъ общаго съ нашими ощущеніями и представленіями, что внѣшній міръ есть для насъ книга, запечатанная семью печатями, и что непосредственно доступно нашему наблюденію и познанію только одно—это состоянія и явленія нашего собственнаго сознанія.

Вотъ эта простая истина и ведетъ насъ, по Бунге, къ полному пониманію того, что составляетъ сущность витализма, которая, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы, удовлетворяясь пустымъ словомъ, отказаться отъ мышленія, но въ томъ, чтобы выйти на единственно-правильный путь познанія, т.-е., *исходя отъ извѣстнаго, отъ внутренняго міра, объяснять неизвѣстное—міръ внѣшній*. Механизмъ-же, который есть не что иное какъ матеріализмъ, идетъ обратнымъ и ложнымъ путемъ: исходя отъ неизвѣстнаго, внѣшняго міра, объясняетъ извѣстное—внутренній міръ.

*) Здѣсь Бунге, по-моему, впадаетъ въ недоразумѣніе. Желая противопоставить внѣшній міръ внутреннему, онъ говоритъ о дѣйствіи внѣшняго міра на „нервы“ чувствъ, какъ будто „нервы“ не принадлежатъ къ тому-же внѣшнему міру. Впрочемъ, это недоразумѣніе чрезвычайно распространено. Корень его заключается въ фальшивомъ отождествленіи нашего тѣла и его частей съ нашимъ „я“, или съ нашимъ духомъ. Дѣло въ томъ, что внѣшній міръ, если онъ и существуетъ и дѣйствуетъ, никакъ не можетъ дѣйствовать на насъ, ибо внѣшній міръ находится въ пространствѣ, а наше я не находится и никакого мѣста и положенія въ немъ не имѣетъ. Подробнѣе объ этомъ предметѣ читатель можетъ найти въ моемъ философскомъ сборникѣ: „Свое Слово“—въ двухъ книжкахъ за 1888 и 1889 годы.

А. К.

Физиолога постоянно гонить въ объятія матеріализма то обстоятельство, что психологіи еще очень далеко отъ той степени ясности, къ которой мы привыкли при изученіи химіи и физики. Хотя состоянія и событія собственнаго сознанія и подлежатъ нашему непосредственному наблюденію, однако наше знаніе въ этой области совершенно не точно, что, конечно, зависитъ какъ отъ сложности предмета, такъ и отъ безконечно большого числа качествъ, подлежащихъ познанію въ этой области, сравнительно съ областью внѣшнихъ чувствъ. Далѣе, это зависитъ отъ чрезвычайно быстрой смѣны въ событіяхъ и состояніяхъ нашего сознанія и, наконецъ, въ отсутствіи средствъ для количественнаго измѣренія предметовъ внутренняго опыта; и пока продолжится такое состояніе психологіи, мы не достигнемъ удовлетворительнаго объясненія жизненныхъ явленій. Значить, пока остается самоотверженно работать въ области физиологіи въ духѣ теперешняго механическаго направленія и идти, насколько возможно, дальше съ помощью только одной физики и химіи, причѣмъ неизъяснимое этимъ путемъ ядро будетъ обнаруживаться все рѣзче и яснѣе. Такимъ образомъ *механизмъ* настоящаго времени непременно пододвинетъ насъ къ *витализму* будущаго.

II.

Куда зоветъ насъ голосъ. Полагаю, что читателю ясно, что сущность сейчасъ изложенной лекціи Бунге состоитъ въ утвержденіи недостаточности и даже невозможности объясненія явленій жизни съ точки зрѣнія механизма и въ указаніи на то, что этого объясненія должно искать на пути изслѣдованія фактовъ внутренняго опыта, непосредственно доступныхъ нашему познанію, но что вступить на этотъ путь пока еще нельзя по крайнему несовершенству психологіи, науки, занимающейся изслѣдованіемъ явленій нашего сознанія,—явленій, данныхъ во внутреннемъ опытѣ. Хотя Бунге собственно ограничился только намекомъ на но-

вый путь, но мы не имѣемъ права какъ-либо упрекать его за это. какъ потому, что вопросъ о новомъ пути вообще чрезвычайно труденъ, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что специальная область науки, которою онъ занимается, шла довольно давно совершенно инымъ, т.-е. этимъ самымъ путемъ механическаго объясненія. Напротивъ тѣ, которые, подобно мнѣ, убѣждены, что механизмъ не можетъ быть единственнымъ, послѣднимъ и высшимъ началомъ въ объясненіи какъ явленій жизни, такъ и всѣхъ другихъ явленій познаваемого міра, должны быть крайне благодарны Бунге за откровенное признаніе этой невозможности въ объясненіи біологическихъ явленій. Для меня авторитетный голось ученаго спеціалиста служитъ неожиданнымъ подкрѣпленіемъ въ борьбѣ идеальнаго направленія философіи, которое я считаю истиннымъ, противъ матеріализма, который будто-бы, опираясь на точную науку, не говоря уже о біологическихъ, претендуетъ даже и психическія явленія объяснить путемъ механическаго воздѣйствія двигающихся въ пространствѣ элементовъ другъ на друга. Въ настоящей статьѣ я позволю себѣ, присоединяясь къ сказанному Бунге, нѣсколько расширить и пояснить сдѣланный имъ намекъ относительно того пути, на который зоветъ насъ неудовлетворительность механическаго объясненія жизни и вообще міра.

Уже издавна въ философскомъ мірообъясненіи борются два теченія: *механизмъ* и *телеологія*. По механизму основу всего, что представляется нашему познанію, составляютъ *первоначальные элементы* (атомы, или все равно какъ-бы они ни назывались), имѣющіе положеніе въ пространствѣ и двигающіеся въ немъ собственною силой. Отъ воздѣйствія этихъ элементовъ другъ на друга въ ихъ движеніи и происходятъ всевозможныя явленія: механическія, физическія, біологическія и, наконецъ, психическія. Какъ началось это движеніе? На этотъ вопросъ механизмъ или отвѣчаетъ *случаемъ*, или-же (напр. въ настоящее время) совсѣмъ не отвѣчаетъ, думая, что движеніе *было вѣчно*, причемъ понятія какъ вѣчности, такъ и бытія оставляетъ безъ всякаго опредѣленія и объяс-

ненія *), такъ что сужденіе: «движеніе было вѣчно» никакого яснаго смысла не имѣеть. Во всякомъ случаѣ ни въ самихъ двигающихся элементахъ, ни внѣ ихъ механизмъ не допускаетъ никакого разума, никакой воли, никакихъ цѣлей. Съ какимъ-бы вопросомъ мы къ нему ни обратились, на все у него одинъ отвѣтъ: *такъ столкнулось, такъ вышло, такъ бываетъ* **). Что-же касается до разума, воли и цѣлей, то механизмъ о происхожденіи ихъ добросовѣстно могъ-бы повести только такую рѣчь: безчисленные вѣка матеріальные элементы двигались въ пространствѣ, соединяясь и раздѣляясь между собою, и никакого разума, никакой воли и цѣли не было, но случайно они сгруппировались такъ, что вышло живое тѣло, протоплазма, изъ которой вышли также случайно другія большія тѣла, въ которыхъ вдругъ появились и разумъ, и воля, и цѣль. Итакъ, тотъ самый разумъ, который только одинъ понимаетъ и тѣмъ устанавливаетъ *случайное и необходимое* и безъ котораго ни то, ни другое не имѣеть никакого смысла, обязанъ своимъ происхожденіемъ случаю. Здѣсь, какъ видитъ читатель, случай, поставленный механическою теоріею *владыкой и отцомъ* всѣхъ формъ міра, получаетъ свою санкцію и, такъ сказать, муропомазаніе отъ одной изъ своихъ тварей, т.-е. разума. Съ другой стороны черезъ посредство исповѣдниковъ механической теоріи разумъ совершаетъ удивительный актъ самоотреченія, считая своимъ господиномъ и создателемъ слѣпой, безсмысленный случай.

Но еще съ древнѣйшихъ временъ, какъ сказано выше, съ механизмомъ боролась телеологія, которая въ разныхъ формахъ съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ большею или меньшею основательностью, но *постоянно проводила* ту мысль, что различныя явленія происходили не потому, что такъ вы-

*) Громко звучащая фраза въ механизмѣ: „все совершается по незывлемымъ законамъ природы“, есть не что иное какъ перифразъ словъ: „такъ бываетъ“.

***) О невыработанности вообще въ философіи понятія бытія см. издаваемый мною сборникъ: „Свое Слово“, № 2, за 1889 г.

шло вслѣдствіе слѣпого и случайнаго столкновенія и сочетанія первоначальныхъ элементовъ, но потому, что такъ положено разумомъ и потому, что такъ заложено въ послѣдней цѣли бытія, для которой все происходящее составляетъ только лѣстницу средствъ.

Я, конечно, не стану рассказывать о перипетіяхъ этой вѣковой борьбы прежде всего потому, что такой рассказъ вышелъ-бы бесконечно далеко изъ рамокъ журнальной статьи и замѣчу только, что въ общемъ ходѣ этой борьбы объ теоріи постоянно *прогрессировали*, или совершенствовались, какъ въ средствахъ своей обосновки и выраженія, такъ и въ способахъ самозащиты и нападенія на противника. Въ этомъ прогрессѣ есть однако несомнѣнное преимущество на сторонѣ механизма: онъ прогрессируетъ, такъ сказать, ярче и скорѣе, а потому, повидимому, завоевываетъ все большую сферу признанія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ истиннѣе по своему существу и чтобы онъ былъ логичнѣе по своей постановкѣ. Сейчасъ указанное преимущество его зависитъ отъ того, что онъ гораздо доступнѣе для пониманія большинства и что ему легко подъ прикрытіемъ альфы и омеги своего мірообъясненія, т.-е. случая, игнорировать и даже отрицать *законъ достаточнаго основанія*, налагающій все болѣе тяжкое и тяжкое бремя на признающихъ его обязательность защитниковъ телеологическаго мірообъясненія.

Въ одной изъ своихъ формъ, не разъ господствовавшей въ исторіи мысли и теперь снова вошедшей въ моду, а именно въ позитивизмъ, механизмъ даже принципиально освобождаетъ себя отъ какихъ-бы то ни было требованій закона достаточнаго основанія. Не только «зачѣмъ», «для чего», но даже «почему»—все это праздные вопросы, утверждаетъ позитивизмъ: нѣтъ ни первыхъ причинъ, ни послѣднихъ цѣлей, да даже вообще нѣтъ причинъ и цѣлей. Есть только: «какъ», т. е. послѣдовательность явленій во времени, да законы, которые суть не что иное какъ выраженіе часто бывающаго одного и того-же случая. Разумѣется, при такомъ упрощеніи задачи знанія, механизму не мудрено привлечь къ себѣ большин-

ство, у котораго при разнообразіи и множествѣ потребностей жизни вообще, потребность знанія и истины ничтожна.

Но кромѣ слабой потребности въ знаніи, у того-же большинства весьма слаба и энергія мысли. Вообще серьезно мыслить, отыскивая отдаленныя, сложныя причины событий, угадывая конечный смыслъ и значеніе (т. е. цѣль) длинныхъ и сложныхъ рядовъ явленій и отношеній, вскрывая внутреннюю связь и единство вещей, повидному, ничего общаго между собой не имѣющихъ,—для большинства людей составляетъ тяжкій и непосильный трудъ. Потребность знанія у большинства ограничивается немногимъ, именно тѣмъ, безъ чего уже нельзя обойтись въ жизни и для жизни: это — узнать, *какъ бываетъ* то или другое, *каковы* часто встрѣчающіеся случаи, *каковъ* обычай, *какова* рутина житейскаго обихода—вотъ все, что нужно большинству и къ чему оно способно. Но этой-то потребности всего легче можетъ удовлетворить механическое міросозерцаніе.

Благодаря естественной склонности людей искать всяческаго объясненія въ капризѣ случая, въ слѣпомъ совпадении обстоятельствъ, мы встрѣчаемъ и въ телеологическомъ міровоззрѣніи такія формы, которыя принадлежатъ къ нему только по внѣшности, а по существу дѣла должны быть отнесены къ теоріи механизма. Такова, наприм., большая часть теологическихъ системъ, гдѣ боги распоряжаются событиями вполнѣ по произволу фантазіи и по самымъ случайнымъ мотивамъ, такъ что дѣйствія ихъ, по своей сущности, совершенно равняются случаю, царствующему въ механизмѣ. Въ этихъ теологическихъ системахъ эмпирическое знаніе страстей, характера и случайной воли боговъ посредствомъ оракуловъ, гаданій и т. под. совершенно равняется эмпирическому знанію законовъ и порядка явленій въ механизмѣ.

Какъ уже было выше сказано, механизмъ и телеологія постоянно прогрессировали въ мірообъясненіи. Механизмъ, какъ легчайшая система, довольно скоро достигъ значительнаго совершенства, какъ это было, наприм., въ Греціи въ атомизмѣ Демокрита. Телеологія-же, даже у такихъ

великихъ мыслителей, какъ Платонъ и Аристотель, представляетъ еще, такъ сказать, дѣтскія черты, но за то отъ Демокрита и до настоящаго времени механизмъ въ сущности не представляетъ никакихъ *новыхъ основныхъ концепцій* и прогрессируетъ только во второстепенныхъ сторонахъ, какъ-то: въ болѣе ясномъ выраженіи своихъ началъ, въ болѣе цѣльности системы, въ болѣе точности положеній и т. под. Такъ, напримѣръ, съ развитіемъ въ послѣднее время химіи, механической атомизмъ значительно усовершенствовался въ объясненіи съ своей точки зрѣнія происхожденія чувственно наблюдаемыхъ вещей вообще и органическихъ въ особенности изъ первоначальныхъ элементовъ матеріи. Современная физика даетъ возможность механизму яснѣ представить *общія формы*, въ которыхъ обнаруживается дѣятельность атомовъ, какъ наприм. свѣтъ, теплота, электричество и т. п. Но главное остается однимъ и тѣмъ-же: все въ концѣ концовъ сводится къ перемѣщенію послѣднихъ элементовъ матеріи въ пространствѣ и къ ихъ непосредственному воздѣйствію другъ на друга посредствомъ толчковъ и ударовъ.

Что касается до телеологіи, то, по самой трудности дѣла, въ ней прогрессъ идетъ гораздо медленнѣе, и болѣе совершенныя формы этого мірообъясненія, которыя могли-бы соответствовать современнымъ формамъ механизма, еще впереди. Не вдаваясь въ подробности исторіи философской мысли, я скажу, что значительный шагъ впередъ сдѣлало философское телеологическое мірообъясненіе въ XVII, а отчасти XVIII вѣкѣ въ лицѣ Лейбница. Лейбницъ формулировалъ начала, которыя такъ или иначе отражаются во всякомъ телеологическомъ мірообъясненіи отъ Лейбница и до нашего времени. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе того, что философія Лейбница была не только совсѣмъ не выработана систематически, но даже не была при немъ вполне и обнаружена *), его телеологія уклонилась отъ намѣченнаго имъ

*) Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Лейбница: „Новые опыты о человѣческомъ умѣ“—появилось только черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти, именно въ 1765 году.

пути и, по-моему, уклонилась въ ущербъ телеологическому мірообъясненію вообще. Вольфъ и его школа, оказавшіеся послѣ Лейбница представителями его философіи, хотя и привели ее въ систематическій порядокъ, но съ значительнымъ искаженіемъ всей его системы, а также и телеологіи, которая получила у нихъ тотъ пошловатый, чуждый Лейбницу характеръ, по которому цѣль всего міра состоитъ единственно въ счастіи и благосостояніи человѣка. Правда, между вольфіанцами оказался мыслитель первой величины, Кантъ, который могъ-бы и систематизировать, и продолжать дѣло Лейбница въ томъ-же направленіи съ полнымъ успѣхомъ, но, къ сожалѣнію, Кантъ въ значительной мѣрѣ подпалъ подъ вліяніе другого направленія, противоположнаго телеологіи, именно механизма, который въ томъ-же XVIII вѣкѣ достигъ высокой степени совершенства, благодаря трудамъ Ньютона, Локка, Юма и другихъ сравнительно второстепенныхъ дѣятелей. Самъ Кантъ на поприщѣ натуръ-философіи не мало потрудился на пользу механизма. Колеблемый между Лейбнице-Вольфіанской телеологіей съ одной стороны и, съ другой, между Ньютоновой натуръ-философіей, эмпиризмомъ Локка и скептицизмомъ Юма *), философія которыхъ по ихъ основнымъ точкамъ зрѣнія, конечно, была болѣе благопріятна для механизма,—Кантъ во всей философской дѣятельности пытался выполнить, по-моему, *невозможную* задачу оставить въ мірообъясненіи самостоятельными и независимыми оба принципа и, такъ сказать, разграничить сферу ихъ власти надъ міромъ, не подчиняя одного другому. Отсюда въ объясненіи мертвой природы у Канта лежалъ безусловный механизмъ и только въ объясненіи живой природы и затѣмъ нравственно-психической природы допускалась телеологія, и то допускалась робко, съ колебаніями, въ сложной, запутанной и слабо обоснованной формѣ. Конечно, такое разграниченіе принциповъ философскаго мірообъ-

*) Объ этомъ смотри мою книгу: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ, 1884 г., главы IV и V.

ясненія было невозможно, потому что мертвая и живая природа вовсе не раздѣлены между собою непроходимой пропастью, и оно отразилось вообще въ непримиримости теоретической философіи Канта съ практической, или въ полномъ противорѣчій основныхъ его сочиненій: „Критики чистаго разума“ съ „Критикой практическаго разума“ и „Критикой способности сужденія“—даже въ противорѣчій между собою двухъ послѣднихъ. Несмотря на все остроуміе и изворотливость мысли, съ которыми Кантъ старался соединить механическое мірообъясненіе съ телеологическимъ, какъ въ общемъ его философія уступаетъ въ цѣльности и послѣдовательности Лейбницевой, такъ и въ частности его телеологія представляетъ регрессъ сравнительно съ телеологіей Лейбница, хотя и дѣлаетъ нѣкоторыя второстепенныя улучшения и поправки въ ея постановкѣ и формулировкѣ.

Изъ наиболѣе выдающихся преемниковъ Канта, ближайшіе къ нему Фихте, Шеллингъ и Гегель, еще далѣе, чѣмъ онъ, уклонившіеся отъ Лейбница, какъ вообще въ философскомъ направленіи*), такъ и специально въ телеологіи, по моему, ничѣмъ не способствовали ея прогрессу, въ то время какъ механическое мірообъясненіе, опираясь на постоянный успѣхъ естествовѣдѣнія, все болѣе и болѣе захватывало себѣ признаніе большинства. Далѣе Гербартъ значительно возвратился къ Лейбницу въ общемъ направленіи философіи, но ничего не сдѣлалъ специально для телеологіи, которая вообще въ его системѣ осталась совершенно невыработанною **). Наконецъ, послѣдній выдающийся преемникъ Канта,

*) Всѣ названные философы были вообще идеалисты и пантеисты, тогда какъ Лейбницъ былъ индивидуалистъ и реалистъ; отсюда вытекало и различіе ихъ телеологіи сравнительно съ телеологіей Лейбница. Впрочемъ у всѣхъ троихъ можно отмѣтить ясныя черты вліянія Лейбница: у Фихте—въ идеѣ дѣятельности „я“; еще болѣе у Шеллинга (въ періодъ „Трансцендентальнаго идеализма“) — въ идеяхъ прекраснаго и гармоническаго единства космоса, соединеннаго съ различіемъ безконечнаго множества существъ, его составляющихъ; у Гегеля—въ ученіи объ абсолютномъ разумѣ, въ идеѣ непрерывнаго развитія бытія.

***) Гербартъ, точно также какъ и Лейбницъ, былъ реалистъ и индивидуалистъ.

Шопенгауэръ, выходя изъ понятія воли, какъ сущности міра, естественно долженъ былъ принимать и телеологию; и дѣйствительно онъ чрезвычайно остроумно и талантливо вскрылъ во многихъ явленіяхъ природы господство цѣли, для которой механизмъ служитъ только средствомъ. Но, къ сожалѣнію, въ главномъ и важнѣйшемъ телеологія Шопенгауэра расходилась не только съ Лейбницевою, но даже и съ Кантовой, потому что его метафизическій принципъ исключалъ разумъ. Безъ разума цѣли, осуществляемая слѣпою волею Шопенгауэра, бессмысленны, стоятъ въ дисгармоніи другъ съ другомъ и въ общемъ производятъ только зло и страданіе.

Въ послѣднія десятилѣтія въ Германіи (и не въ одной только Германіи) начали появляться философы, вполне достойные вниманія, работавшіе въ духѣ Лейбница, какъ въ общемъ направленіи философіи, такъ и въ телеологіи. Изъ нихъ, какъ наиболѣе извѣстнаго въ германской философіи, можно назвать недавно умершаго Лотце *). У этихъ послѣдователей Лейбница и телеологія дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ, особенно въ разработкѣ идеи *о вѣчной и абсолютной связи и о единствѣ всего существующаго*. Эта идея, ясно высказанная впервые Лейбницемъ **), становится центральной

*) Говоря о наибольшей и вполне заслуженной извѣстности Лотце, я вовсе не хочу сказать, что онъ eo ipso выше всѣхъ современныхъ лейбниціанцевъ.

***) У Лейбница всѣ вещи, существующія въ мірѣ, связаны закономъ „соответствія“ или „гармоніи“ (loi de correspondance), по которому онѣ образуютъ *наилучшій міръ*, т.-е. такой, въ которомъ всѣ, входящія въ него, существа имѣютъ такія свойства индивидуальной природы, при которыхъ они, въ ихъ взаимной связи, могутъ достигнуть наибольшаго совершенства и счастья. Эти свойства и были основаніемъ, по которому высочайшій разумъ выбралъ эти существа для общаго бытія въ мірѣ изъ множества другихъ возможныхъ существъ. Лейбницъ обозначаетъ эти выбранныя для бытія вещи терминомъ *совозможныхъ* (compossibilia) въ отличіе отъ просто *возможныхъ* (possibilia), т.-е. такихъ, которыя мыслимы, или не заключають никакого противорѣчія для разума, но которыя въ связи и въ сосуществованіи съ другими не дали-бы въ результатъ такого гармоничнаго и наилучшаго міра, каковъ, по Лейбницу, дѣйствительно существующій

идею, изъ которой исходить современное телеологическое мірообъясненіе и которой, по-моему, предстоить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ упразднить идею механической или случайно начавшейся въ одномъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ пространства связи вещей, въ силу ихъ зависимости отъ одной или нѣсколькихъ производящихъ общихъ причинъ и потомъ постепенно расширяющейся въ количествѣ охватываемыхъ явленій.

Очень естественно, что при заявленіи такого почтеннаго представителя естествовѣдѣнія, какъ Бунге, о недостаточности механизма для объясненія явленій жизни, у меня, вообще отрицательно относящагося къ механизму, возбуждается потребность напомнить интересующемуся высшими вопросами знанія обществу о существованіи философіи, которая механическому мірообъясненію противопоставляетъ телеологическое. Это телеологическое мірообъясненіе исходитъ изъ той мысли, что каждая изъ существующихъ въ мірѣ вещей и всѣ вмѣстѣ имѣютъ своею *основою нѣчто единое* и притомъ такое, что не только составляетъ сущность ихъ бытія, но отъ чего зависятъ также и всѣ взаимныя отношенія вещей, весь порядокъ и послѣдняя цѣль ихъ развитія. Это нѣчто и составляетъ всеобщую связь между вещами, вслѣдствіе которой онѣ входятъ въ цѣльный организмъ единаго міра и вслѣдствіе которой въ этомъ мірѣ рѣшительно нѣтъ ничего случайнаго и бессмысленнаго, а все необходимо не въ силу слѣпыхъ механическихъ законовъ, а въ силу закона разума, осуществляющаго полную и всестороннюю гармонию бытія многихъ и различныхъ существъ.

Мнѣ хочется напомнить обществу, что, благодаря этой всеобщей связи вещей, мы имѣемъ право и возможность на всякій причинный рядъ смотрѣть какъ на цѣлеположный, т.-е. что какія-либо существа или событія этого ряда (А, В, С, D и т. д.) обусловлены не—зависимостію каждаго послѣдующаго отъ предыдущаго, а напротивъ зависимостію каждаго и всѣхъ предыдущихъ отъ одного послѣдующаго, или, точнѣе, отъ послѣдняго, замыкающаго собою цѣлую цѣпь

событій или существъ ряда. Напоминаніе это ведетъ къ упраздненію въ нашемъ пониманіи *царства слѣпого случая*, выражающагося въ безконечныхъ и разрозненныхъ рядахъ причинъ и слѣдствій и замѣнѣ его *царствомъ разума*, въ которомъ какъ всѣ возможные ряды вмѣстѣ, такъ и каждый рядъ въ отдѣльности координированы и согласованы одною разумною цѣлю, которая въ то-же время есть и причина всѣхъ рядовъ и всѣхъ членовъ рядовъ. Я думаю, что рѣдко кто сталъ-бы оспаривать, что смотрѣтъ такъ на міръ и надѣяться провести вполне удовлетворительно для разума такою взглядъ было-бы достойно насъ, какъ существъ разумныхъ, а потому, конечно, не могущихъ отказаться отъ признанія разумности *высшимъ и наилучшимъ достояніемъ*, и нашимъ, и всего міра, несмотря на то, что часто, въ противорѣчіе этому признанію, мы думаемъ, что наша и какая-либо разумность произошла случайно изъ бессмысленныхъ толчковъ атомовъ, изъ которыхъ произошли всѣ вещи, а также и наше тѣло, и нашъ мозгъ, который *яко-бы* и есть разумъ.

Но..., скажетъ кто-нибудь, пусть было-бы достойно насъ думать, что все происходящее въ мірѣ имѣетъ свое основаніе въ разумѣ, но едва-ли слѣдуетъ, во имя того-же самаго разума, произвольно и безъ всякаго основанія принимать эту пустую мечту, такъ какъ, вѣдь, никто не доказалъ ея, да и доказать не можетъ.

Не говоря уже о томъ, что въ этомъ возраженіи заключается странное самоотрицаніе разума—не во имя чего-либо высшаго и лучшаго его, а во имя его-же самого, я отвѣчу на него тѣмъ, что утвержденіе возражающаго о невозможности доказать, что разумъ есть основа всего сущаго, совершенно голословно и что можно съ нѣкоторымъ видимымъ основаніемъ вести рѣчь только о томъ, что это пока еще не доказано.

Итакъ, положимъ пока, что удовлетворительнаго доказательства нѣтъ; но развѣ механизмъ доказалъ удовлетворительно, что всякая гармонія и связь между явленіями міра, которой мы все-таки совсѣмъ не можемъ отрицать, про-

изошла отъ случайнаго и слѣпago столкновѣнія матеріальныхъ элементовъ? Развѣ механизмъ доказалъ что-либо удовлетворительное относительно происхожденія жизни или происхожденія сознанія? Возьмемъ, наприм., явленіе, на которое, по-моему, указываетъ слѣдующее выше изложеніе главы изъ книги Бунге, а именно, что тѣло человѣческое состоитъ изъ безчисленнаго множества самостоятельныхъ существъ и что каждое изъ нихъ живетъ своею жизнью и преслѣдуетъ свои собственныя жизненныя цѣли—питанія, размноженія и т. под., а между тѣмъ жизнь всѣхъ этихъ миллионовъ существъ есть въ то-же самое время и жизнь, повидимому, одного только существа, которое, напр., называетъ себя „я“ и совершенно не думаетъ, а часто и совсѣмъ не знаетъ о миллионахъ этихъ существъ и объ ихъ простѣйшихъ, дорогихъ для нихъ „я“. Можетъ-ли механизмъ удовлетворительно объяснить, какъ самостоятельная жизнь этихъ миллионныхъ маленькихъ „я“ слѣпымъ случаемъ координирована съ жизнью одного большого „я“, и притомъ координирована такъ, что эти жизни не только не мѣшаютъ другъ другу, но споспѣшествуютъ и относятся другъ къ другу такъ, какъ средства относятся къ цѣли? По крайней мѣрѣ, жизнь миллионовъ „я“ несомнѣнно служитъ средствомъ для жизни одного „я“. Размножаются эти миллионы или, по крайней мѣрѣ, сохраняются въ одномъ и томъ-же числѣ—и жизнь большого „я“ чувствуется и сознается имъ въ большей или меньшей степени благополучной, удовлетворительной! Убываетъ количество маленькихъ „я“, умираютъ они и выходятъ изъ общей связи (наприм., въ случаѣ болѣзни нашего тѣла)—и жизнь большого „я“ становится труднѣе, тяжелѣе и подвергается опасности совсѣмъ исчезнуть въ той формѣ, въ которой оно сознаетъ себя живущимъ. Гдѣ и когда, спрашиваю я у моего воображаемаго антагониста, механизмъ удовлетворительно объяснилъ это отношеніе средствъ и цѣли? Но подвинемся немного далѣе по пути, на который насъ ведетъ намекъ, слѣдующій Бунге. Опытъ указываетъ, что жизнь большихъ „я“ не только въ извѣстный моментъ времени,

но и въ теченіе длиннаго времени, при смѣнѣ цѣлыхъ поколѣній этихъ „я“, безконечно переплетена, перепутана, организована другъ съ другомъ, наприм. такъ, что историческая жизнь цѣлыхъ обществъ можетъ быть понимаема какъ жизнь одного существа (наприм. какъ человѣчества), и притомъ опять такъ, что первыя суть средство для послѣдней, какъ своей цѣли. Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что также и жизнь милліоновъ маленькихъ существъ, составляющихъ большое „я“, не только координирована съ его жизнью, но посредствомъ него координирована и съ жизнью всѣхъ большихъ „я“ (т.-е. человѣчества), а черезъ нихъ и съ клѣточками всѣхъ человѣческихъ существъ земнаго шара. Спрашивается, какъ возможно, чтобы вся эта связь и взаимное соотношеніе, вся эта организація жизни неисчислимыхъ маленькихъ и большихъ существъ въ одну цѣлую жизнь человѣчества произошла путемъ механическимъ изъ какого-то первоначальнаго хаоса случайно начавшихъ двигаться, соединяться и разъединяться мертвыхъ и безсмысленныхъ элементовъ вещества? Гдѣ и когда механизмъ далъ этому объясненіе?

Но слѣлаемъ еще шагъ, углубляясь въ мысль, возбужденную въ насъ лекціею Бунге. Милліоны маленькихъ „я“, живущихъ в себѣ и сложившихся въ то-же время въ жизнь большого „я“, произошли отъ одного только маленькаго существа, отъ одной клѣточки; но такъ какъ *ничто не можетъ быть изъ ничего*, то вся будущая организація этихъ безчисленныхъ клѣточекъ-потомковъ въ наше тѣло, вся будущая координація ихъ жизней въ одну жизнь нашего „я“—какъ-либо, въ какихъ-либо зачаткахъ была уже заложена и предъобразована въ организаціи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ клѣточка. Вѣдь извѣстно, что эта клѣточка сама состоитъ изъ многаго множества простѣйшихъ элементовъ (молекулъ, атомовъ). Если-же жизнь клѣточки и затѣмъ всѣ формы жизни, истекшей изъ нея, включая и психическую, были предъобразованы въ этихъ простѣйшихъ элементахъ, то неизбѣжно заключеніе, что самые эти элементы обла-

даютъ жизнью (ибо иначе жизнь возникла-бы изъ ничего), и не только обладают жизнью, но обладают какими-либо зачатками и психической жизни (ибо иначе психическая жизнь произошла-бы изъ ничего). Спрашивается, объяснили ли механизмъ, какъ, по его мнѣнію, изъ мертвыхъ атомовъ и ихъ физико-химическихъ отношеній вытекла вообще жизнь и въ особенности психическая жизнь клѣточки? Но такъ какъ послѣдніе элементы матеріи въ томъ, что мы называемъ силами природы, какъ наприм., тяготѣніе, свѣтъ, теплота и проч., имѣютъ связь между собой и со всѣмъ, чтò находится въ безконечномъ пространствѣ, то спрашивается, какъ можетъ объяснить механизмъ, что эта всемірная связь сперва атомовъ является потомъ какъ связь клѣточекъ, а затѣмъ—какъ связь существъ, состоящихъ изъ клѣточекъ, и въ концѣ концовъ—какъ связь всѣхъ существъ міра?

Итакъ, скажу я въ заключеніе моего отвѣта воображаемому антагонисту: если телеологія и не доказала, что связь явленій и вещей, существующихъ въ мірѣ, зависитъ отъ разума, въ которомъ заключается и *самая сущность* этой связи, то и механизмъ нисколько не доказалъ, что она есть дѣло случая, который вообще есть только *asylum ignoantiae*. Но все-таки у телеологіи есть то преимущество, что ея уже положено начало мірообъясненію съ ея точекъ зрѣнія (наприм. хоть въ философіи Лейбница). Далѣе, у нея есть и другое преимущество, а именно—исходный пунктъ для телеологическаго мірообъясненія въ идеѣ высочайшей субстанціи, о которой мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе *по аналогіи* съ нашей субстанціей. Какъ-бы ни разнился по степени разумъ высочайшей субстанціи отъ нашего, но все-таки и тотъ, и другой есть разумъ, т.-е. подпадаетъ подъ одно родовое понятіе. По ограниченности нашего разума, конечно, можетъ быть нѣчто непонятное для насъ, но понятное для разума высочайшей субстанціи,—но несомнѣнная нелѣпость, каково, наприм., противорѣчіе, конечно, есть также нелѣпость и для разума этой субстанціи, какъ она есть нелѣпость для разума нашего. Разъ предположивши, что мы имѣемъ хотя

и недостаточно ясное понятіе объ организациі міра въ его цѣломъ и о цѣли какъ всего міра, такъ и отдѣльныхъ его частей и элементовъ, мы все-таки, опираясь на это понятіе и на идею разума высочайшей субстанціи, можемъ постепенно и мало-помалу *подвигаться* къ болѣе ясному и полному пониманію этой организациі и цѣли.

Наконецъ, можетъ-быть самое важное преимущество телеологическаго мірообъясненія передъ механическимъ заключается въ томъ, что механической случай не есть понятіе, источникъ котораго въ какой-либо реальности.

Случай есть *отрицательное понятіе*. Кто говоритъ, что нѣчто происходитъ отъ случая, тотъ этимъ говоритъ только одно, что нѣчто происходитъ не отъ А, не отъ В, не отъ С и т. д., т. е. отъ какихъ-либо извѣстныхъ или даже предполагаемыхъ реальныхъ причинъ. Поэтому на случай никакое объясненіе не можетъ остановиться и всегда пытается *замънить случай* какой-либо *реальностью*, хотя-бы только предполагаемой. Между тѣмъ телеологическое мірообъясненіе опирается на дѣйствительно данную связь вещей, зависящую отъ дѣйствія реальной субстанціи, предполагаемой на достаточномъ основаніи, т. е. на данныхъ опыта, ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣятельности этой субстанціи, необъяснимыхъ.

Я знаю, что не мало голосовъ поднимется за то, что будто-бы эту субстанцію можно принять только на основаніи слѣпой вѣры, что будто-бы доказательства ея быть не могутъ и что доказательства, приводившіяся прежде, вполне и безповоротно опровергнуты, что будто-бы такія безповоротныя опроверженія даны даже такимъ великимъ философомъ, который, по своимъ глубочайшимъ вѣрованіямъ, былъ болѣе всего склоненъ принять, а не отрицать бытіе этой субстанціи, именно Кантомъ, что, наконецъ, будто-бы вся такъ-называемая догматическая философія, съ Лейбницемъ включительно, безвозвратно сдана въ архивъ и что будто-бы настало безраздѣльное царство критической философіи и т. д., и т. д.

Хорошо зная все то, что могутъ сказать голоса, я въ то-

же время *хорошо знаю* и то, что бытіе высочайшей субстанціи можетъ опираться на удовлетворительныя для разума доказательства и что будто-бы безповоротное опроверженіе этихъ доказательствъ принимается только матеріалистами и скептиками, между тѣмъ какъ философы другихъ направленій и даже самъ Кантъ, хотя и съ противорѣчіемъ самому себѣ, всегда признавали возможность разумной обосновки этого бытія. Хорошо знаю также и то, что если Кантъ и опровергъ эти доказательства *), то только въ той недостаточной постановкѣ, въ которой выражала ихъ вольфіанская школа, что, наконецъ, опроверженіе имъ догматической философіи вообще, съ Лейбницевою**) включительно, есть только весьма распространенный и укоренившійся отъ частаго повторенія *предразсудокъ*, и что, наконецъ, подъ громкимъ именемъ «критической философіи», конечно вопреки сознательнымъ намѣреніямъ ея основателя, сталъ скрываться въ новой формѣ все тотъ-же *старый врагъ* истинной философіи, т. е. сенсуализмъ и скептицизмъ, который есть продуктъ разума-же, но только «ложнаго и малодушнаго» разума (*ignava et perversa ratio*), который вѣчно боролся и будетъ бороться съ *истиннымъ* и *сознающимъ* свою силу разумомъ, воплощающимся въ разныхъ формахъ рационализма.

Итакъ, заключаю я, такія серьезныя указанія, какія сдѣланы професс. Бунге о несостоятельности механизма въ объясненіи жизненныхъ явленій, даютъ намъ полное право напомнить обществу о существованіи телеологическаго міробъясненія и требовать для него по крайней мѣрѣ *равныхъ правъ* съ механизмомъ—на вниманіе этого общества.

*) См. объ этомъ „Свое Слово“, № 2.

**) Относительно противорѣчій, въ которыя впадаетъ Кантъ въ своей системѣ, неясности и неопредѣленности терминовъ, которые онъ употреблялъ, непоследовательности и смѣшенія точекъ зрѣнія, на которыхъ онъ стоитъ при проведеніи своей философіи, наконецъ, недостаточной основательности въ его критикѣ другихъ философовъ и особенно Лейбница, я позволю себѣ сдѣлать ссылку на мою книжку: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ, 1884 г., въ особенности на главы VII и VIII.

Теперь я долженъ устранить недоразумѣнія, въ которыя читатель можетъ впасть при моемъ напомниманіи о возможности существованія философскаго телеологическаго міробъясненія.

Я *нисколько не думаю* при этомъ, чтобы всѣ частныя науки, оставивши изслѣдованіе причинъ изучаемыхъ ими явленій и формулировку законовъ, которымъ подчиняются отдѣльные факты, начали заниматься отгадываніемъ цѣлей, для которыхъ эти факты или ряды фактовъ, а также законы служатъ средствами. Такія предпріятія въ области частныхъ наукъ были-бы, не только теперь, но и долгое время послѣ, неосуществимы, потому что предугадывать и вскрывать особенныя и частныя цѣли—уже не говорю въ области природы вообще, но даже и въ области исторіи, гдѣ событія или дѣйствія человѣческаго главнымъ образомъ вызываются цѣлями—есть дѣло соединенное съ величайшими затрудненіями. Значить, и вообще частныя науки, а также и біологія съ физиологіей должны по прежнему изслѣдовать причины явленій. Изслѣдованіе-же, какъ общей міровой цѣли, такъ и цѣлей большихъ или меньшихъ областей міра, нужно предоставить только философіи, единственной наукѣ, имѣющей возможность и обязанность посмотрѣть на всевозможныя существа и событія міра *въ ихъ цѣломъ, въ ихъ единствѣ* и, такъ сказать, *sub specie aeternitatis*, т.-е. безвременно, или въ томъ единствѣ бытія, въ которомъ *все* только просто *есть* и въ которомъ различія прошедшаго, настоящаго и будущаго не имѣютъ смысла, потому что эти различія *къ существу* неизбѣжно присоединяютъ *не сущее*, ибо настоящее можетъ быть мыслимо сущимъ не иначе, какъ подъ условіемъ, что всякое содержаніе прошедшаго и будущаго *еще* или *уже не есть*. Но вмѣстѣ съ этимъ и содержаніе настоящаго становится не сущимъ, ибо безъ связи съ тѣмъ, что было и что будетъ, это содержаніе само превращается въ ничто. Итакъ, *истинное бытіе* есть *безвременное* бытіе, а въ безвременномъ бытіи причинное отношеніе не имѣетъ никакого значенія и само собою переходитъ въ цѣлеположное.

Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что вопросъ о телеологическомъ мірообъясненіи стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о времени, а также и о пространствѣ, съ признаніемъ или отрицаніемъ ихъ реальности. Но такъ какъ этотъ вопросъ не можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія частныхъ наукъ, потому что онѣ предполагаютъ пространство и время, какъ необходимыя формы изслѣдуемыхъ ими явленій, то мы имѣемъ и *другое основаніе* отнести телеологическое мірообъясненіе къ философіи, въ которую также входитъ и вопросъ о реальности пространства и времени.

Наконецъ, одно изъ важныхъ обстоятельствъ, устраняющихъ телеологию изъ частныхъ наукъ, заключается въ томъ, что эти науки, особенно естественныя, имѣютъ чрезвычайно *важное практическое приложеніе къ жизни*. Потребности жизни, наприм. въ дѣлѣ медицины, технологіи, практической механики и т. под., не могутъ ждать полнаго мірообъясненія, при которомъ только и возможно проведеніе телеологіи во всѣхъ частностяхъ и деталяхъ, а потому заставляютъ насъ довольствоваться хотя-бы и весьма неполнымъ причиннымъ объясненіемъ явленій и законами, которымъ подлежатъ факты, чего для практическихъ цѣлей вполнѣ достаточно. Въ чемъ бы ни состояла сущность міра, въ чемъ-бы ни заключались его общія или частныя цѣли, во всякомъ случаѣ мы, не зная этой сущности и цѣлей, можемъ приспособляться къ явленіямъ міра и принаровлять ихъ къ своей жизни, какъ скоро эти явленія достаточно изучены въ ихъ временно-пространственномъ порядкѣ.

Но, оставляя на долю философіи постановку и рѣшеніе вопроса о телеологическомъ мірообъясненіи, я въ то-же время думаю, что и она, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, можетъ только ограничиться изслѣдованіемъ и разработкою вопроса объ *общей цѣли* мірового процесса. Что-же касается до формулировки частныхъ цѣлей, которыя суть не что иное какъ средства для этой общей цѣли, то я не думаю, чтобы философія въ настоящее время могла успѣшно заняться этимъ рѣшеніемъ, потому-что для этого, по-моему, была-бы

нужна большая степень совершенства частныхъ наукъ. Но, по мѣрѣ прогресса въ нихъ, философское телеологическое мірообъясненіе могло-бы перейти отъ постановки обще-міровой цѣли къ детальному изслѣдованію частныхъ цѣлей, а потомъ мало-по-малу и постепенно причинное объясненіе явленій переходило-бы въ телеологическое и въ сферѣ самихъ частныхъ наукъ. Необходимое слѣдствіе такого прогресса выразилось-бы въ томъ, что всѣ науки вышли-бы изъ той разрозненности другъ съ другомъ и съ философіей, въ которой онѣ находятся въ настоящее время и которая даже доходитъ, *horribile dictu*, до враждебности какъ, наприм., въ отношеніяхъ современнаго естествовѣдѣнія къ философіи.

Теперь мнѣ остается еще устранить возможное недоразумѣніе по поводу моего отношенія къ философіи Лейбница. Когда я приписываю ей важное значеніе въ телеологическомъ мірообъясненіи, то не хочу этимъ сказать, чтобъ это объясненіе въ настоящее время только повторило то, *что высказано Лейбницемъ*,—чтобы мы, наприм., въ настоящее время были обязаны поддерживать его ученіе о предустановленной гармоніи, его крайній оптимизмъ, его попытки согласить философію съ вѣрою или соглашать различныя вѣроисповѣданія и т. под. Я думаю только, что для философіи вообще и для телеологии въ частности необходимо держаться не буквы, а *духа началъ*, имъ высказанныхъ. Такъ, наприм., я думаю, что нѣтъ возможности въ настоящее время отстаивать пантеистическое ученіе объ одной только субстанціи, которой всѣ существа міра суть только ничтожныя преходящія видоизмѣненія. Опытъ и разумное его толкованіе со всѣхъ сторонъ подтверждаетъ метафизику Лейбница о множествѣ самостоятельныхъ субстанцій. Точно также мнѣ кажется, что современное развитіе философской мысли скорѣе всего можетъ примкнуть къ Лейбницу и въ томъ, что возможность связи и взаимодѣйствія этого множества субстанцій обусловливается дѣятельностью высочайшей субстанціи, которая, составляя основу всѣхъ остальныхъ и тѣмъ связывая ихъ въ единый міръ, въ то-же время

не поглощаетъ ихъ въ себя и не отнимаетъ ихъ природной самостоятельности и индивидуальности. Конечно, современной философіи вовсе нѣтъ надобности держаться буквы Лейбница въ объясненіи понятій пространства, времени и матеріи, но она, по-моему, не можетъ сойти съ основной точки зрѣнія, впервые рѣшительно высказанной Лейбницемъ, что пространство и время не имѣютъ реального существованія и что матерія и весь матеріальный міръ вовсе не существуетъ такимъ, какимъ мы его представляемъ, но что онъ есть *phaenomenon bene fundatum*. Наконецъ, философія должна, по-моему, твердо держаться за энергически поддерживаемый Лейбницемъ принципъ, что разумъ и чувственный опытъ вовсе не суть два различные органа познанія, такъ что необходимо выбирать одинъ какой-либо изъ нихъ критеріемъ истины. Но, опираясь на основныя начала философіи Лейбница, которая, конечно, не есть исключительное его изобрѣтеніе, а результатъ постепеннаго историческаго развитія философскихъ проблемъ еще до него, современная философія вообще, и въ частности телеологія, можетъ быть совершенно независимою въ формѣ, обосновкѣ и аргументаціи этихъ началъ и пользоваться для этого всѣмъ, что сдѣлали до настоящаго времени *всѣ науки* вообще.

Теперь мнѣ остается сказать словечко относительно еще одного пункта. Можетъ-быть кто-либо усомнится въ возможности предполагать, а гѣмъ болѣе доказывать, что психическая жизнь принадлежитъ и первоначальнымъ элементамъ матеріальнаго міра, атомамъ, молекуламъ и т. под. Но такъ какъ такія предположенія въ послѣднее время высказываются все чаще и чаще не только философами, но и представителями естествовѣдѣнія (наприм. Гартманомъ, Горвицемъ, Нуаре, Гейгеромъ, Цѣльнеромъ и многими другими), и такъ какъ, далѣе, эти предположенія дѣлаются не голословно, а всегда на какихъ-либо основаніяхъ, то *eo ipso* и устраняется сомнѣніе какъ въ возможности самихъ предположеній, такъ и ихъ доказательствъ. Значить, остается сомнѣваться только въ убѣдительности и силѣ этихъ доказа-

тельствъ. Конечно, по самой природѣ своей, такія доказательства не могутъ быть прямыми, основанными, наприм., на непосредственно сознаваемыхъ фактахъ, но нѣтъ никакихъ оснований отвергать à priori, что въ пользу этихъ предположеній могутъ быть со временемъ выставлены весьма вѣскія доказательства—или въ видѣ гипотезъ, или въ видѣ умозаключеній по аналогіи, которыя несомнѣнно служатъ для насъ единственнымъ основаніемъ для признанія психическихъ состояній не только у животныхъ, но даже и у людей. Если однако эти аналогіи столь основательны, что мы въ настоящее время не сомнѣваемся въ существованіи психическихъ состояній у одноклѣточныхъ животныхъ *), то почему-же не надѣяться, что въ будущемъ могутъ быть выработаны аналогіи достаточныя для признанія и даже для характеристики психическихъ состояній вообще послѣднихъ элементовъ матеріи. Предположимъ, что различныя, основанныя преимущественно на косвенныхъ аргументахъ отъ противнаго, философскія заключенія (для меня и теперь совершенно убѣдительныя) о томъ, что замѣчаемая нами перемѣны въ движеніяхъ и состояніяхъ тѣла, нервной системы или мозгового вещества *не суть причины*, какъ то принимаетъ матеріализмъ, перемѣны въ нашихъ психическихъ состояніяхъ, а *суть* только весьма *точный значекъ* параллельной перемѣны въ самихъ психическихъ состояніяхъ; предположимъ, говорю я, что эти заключенія будутъ все болѣе и болѣе завоевывать для себя безспорное признаніе,—тогда я не вижу ничего нелѣпаго въ появленіи сочиненій о *психической жизни атомовъ и молекулъ*, какъ ничего нѣтъ нелѣпаго въ появленіи сочиненій о психической жизни одноклѣточныхъ существъ. Если современные физики, конечно не имѣя возможности какъ-либо прямо наблюдать надъ молекулами и атомами, все-таки созидають путемъ разныхъ соображеній и спеку-

*) Смотри въ „Revue Philosophique“ 1887 г. статьи Binet: „La vie psychique des microorganismes“, гдѣ авторомъ обстоятельно собраны данныя изъ многочисленныхъ специальныхъ сочиненій изслѣдователей послѣдняго времени о жизни вообще, а также и о психической жизни одноклѣточныхъ животныхъ.

ляцій механіку атомовъ и молекулъ, или ученіе о формахъ, направленіи и скоростяхъ ихъ движеній, то почему-же были-бы невозможны остроумныя, но основательныя гипотезы о соотвѣтствующихъ этимъ минимальнымъ движеніямъ элементарнѣйшихъ внутреннихъ состояніяхъ ощущенія, чувствованія, хотѣнія, наконецъ даже мысли?! Я позволю себѣ, въ заключеніе всего мною сказаннаго, предложить на судъ читателя *странное*, но однако, думаю, не *безмысленное* положеніе: что знакомыя намъ во внутреннемъ опытѣ состоянія утвержденія и отрицанія, сомнѣнія и увѣренности имѣють свои зачатки не только во внутреннихъ состояніяхъ той зародышевой клѣточки, изъ которой мы произошли, но и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ сама эта клѣточка. Во всякомъ случаѣ въ современной философской литературѣ можно найти представителей, которые признають не только вообще психическія состоянія (напр. чувствительныя и желательныя) у молекулъ и атомовъ, но и специально—элементарныя *познавательныя состоянія*. Такъ въ современной французской философской литературѣ я могу указать на Руазеля (Roisel. La substance. Paris. Germer Baillière), которому никакъ нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ значительномъ и всестороннемъ научномъ образованіи и который выработалъ цѣлую теорію, по его мнѣнію, имѣющую эмпирическія основанія, гдѣ атомамъ принадлежитъ хотя инстинктивное, но за то безусловно-достоверное, знаніе тѣхъ законовъ, по какимъ они дѣйствуютъ и двигаются, образуя первоначальные агрегаты матеріи, изъ которыхъ уже потомъ развиваются вещи и существа известной намъ природы. Еще могу указать въ той-же французской литературѣ на талантливаго философа Тарда (см. мою книжку: „Тардъ и его теорія общества“—Кіевъ. 1887 г.), по которому *увѣренность*, сводящаяся къ актамъ утвержденія и отрицанія, и *желаніе*—суть основныя психологическія силы и принадлежать уже первоначальнымъ дѣятелямъ природы, т. е. молекуламъ и атомамъ. Можно найти и другіе при-
мѣры, но достаточно и этихъ.

По мѣрѣ силъ я окончилъ свое указаніе на область, въ которую, по-моему, зоветъ насъ голосъ почтеннаго представителя естественнаго знанія, и въ заключеніе моей статьи позволю себѣ обратиться къ „Московскому Психологическому Обществу“ съ словомъ *глубокаго и искренняго сочувствія* къ его *иниціативѣ* въ изданіи „Трудовъ Общества“ и къ его *покровительству* въ изданіи журнала—„Вопросы философіи и психологіи“, т.-е. двухъ *постоянныхъ органовъ*, посвященныхъ развитію и распространенію философской науки въ нашемъ отечествѣ. Къ этому слову сочувствія я позволю себѣ еще присоединить скромное *выраженіе надежды*, что „Общество“ въ своей дѣятельности на пользу философіи будетъ высоко держать знамя разума, какъ *высшей инстанціи* въ дѣлѣ философскаго и всяческаго знанія и неослабно отстаивать право этого разума на обладаніе *высшими критеріями* какъ въ вопросѣ бытія, или дѣйствительности и возможности, такъ и въ вопросѣ истиннаго міропониманія и мірообъясненія.

А. Козловъ.

Кіевъ.

14-го іюля 1889 года.

О природѣ человѣческаго сознанія.

Въ философіи, какъ и въ политикѣ, существуютъ вопросы, которые можно назвать прикрытыми. Надъ ними долго и упорно бились, иногда въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, и разошлись, не примирившись и не достигнувъ соглашенія. Но чтобы не возобновлять бесплодной и утомительной борьбы, противники какъ-бы вступаютъ въ безмолвное соглашеніе—молчатъ о главномъ, объ общей винѣ своей. Подраздѣляя вопросъ на множество частныхъ пунктовъ, они сражаются на этихъ пунктахъ, обходя первоначальную причину спора. Отъ времени до времени бываетъ однако полезно припомнить ее, сдунуть пепель съ тлѣющаго угля. Ибо лучше, чтобы онъ догорѣлъ до конца, вмѣсто того чтобы тлѣть и чадить подъ обманчивымъ пыльнымъ слоємъ.

Задача настоящаго философскаго журнала, безъ сомнѣнія, состоитъ не въ томъ, чтобы плодить возможно большее количество вопросовъ философіи и психологіи, но скорѣе въ томъ, чтобы по возможности способствовать къ уменьшенію ихъ безпорядочнаго множества. Въ

нашъ „вѣкъ вопросовъ“ столь многіе изъ нихъ потому и остаются безъ отвѣта, что они претендуютъ на самостоятельное значеніе и обсуждаются независимо отъ другихъ, болѣе существенныхъ. И прежде чѣмъ испытать какія-бы то ни было теоріи, отвѣчающія на различные вопросы, мы должны испытать самыя эти вопросы. Ибо истинный отвѣтъ получаетъ лишь тотъ, кто вѣрно и хорошо спрашиваетъ. Есть требованія и отъ вопросовъ; и только выполняя эти требованія, они становятся объективными, истинными вопросами. Истинный вопросъ не измышляется и не загадывается, но составляетъ открытіе; онъ опредѣляется логически и историчѣски, какъ природой изслѣдуемой вещи, такъ и тѣмъ, что ранѣе было извѣстно о ней.

Прежде чѣмъ вопрошать природу, мы обыкновенно спрашиваемъ людей, отъ которыхъ мы можемъ узнать несравненно больше, научиться гораздо скорѣе и вѣрнѣе всему, что они въ дѣйствительности знаютъ. И только неудовлетворенные ихъ отвѣтами, мы обращаемся къ нѣмой природѣ и думаемъ надъ ея загадками. Но какъ-бы много ни дала намъ природа, какъ-бы многому она насъ ни научила, люди даютъ намъ больше, потому что ихъ она учила дольше и раньше насъ. Если-же мы, не пройдя всей школы человѣческой мысли, не усвоивъ ея результатовъ, обратимся къ непосредственному изслѣдованію природы вещей, то мы рискуемъ навсегда ограничиться грубыми попытками, неизбѣжными ошибками, пережитыми нашими предшественниками.

Въ области положительной науки мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Никто не ищетъ своимъ умомъ правилъ грамматики или ариѳметики, никто не изучаетъ географію путемъ личнаго опыта, и всякій ученый, желающій продвинуть впередъ свою науку, или хотя-бы слѣдить за нею, — долженъ знать все, что сдѣлано, что достигнуто до него. Въ философіи не всѣ слѣдуютъ этому простому и естественному правилу. У насъ въ особенности, никогда не знавшихъ умственной школы, случайное, произвольное философ-

ствование составляет обычное явление. Случайныя чтения и споры, случайности характера и воспитанія—при отсутствіи правильной дисциплины ума—часто опредѣляютъ собою всю нашу философію. Нигдѣ нѣтъ мнѣнія болѣе шаткаго, убѣжденій болѣе рѣшительныхъ; всѣ воззрѣнія невольно принимаютъ такой субъективный, личный оттѣнокъ, что они при всей своей смѣлости обыкновенно даже не могутъ быть формулированы опредѣленнымъ образомъ и, будучи высказаны, возбуждаютъ лишь споры и недоразумѣнія.

Повидимому, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ противъ такого зла можетъ служить усиленное изученіе исторіи философіи, или хотя-бы исторіи философскихъ вопросовъ. Надѣль обычнымъ оправданіемъ самодѣльнаго философствованія является предвзятое, неразумное отрицаніе объективной логики въ развитіи коллективной мысли человѣчества.

Но если даже мысль человѣчества въ своемъ цѣломъ не логична, не согласна съ собою,—нельзя отрицать извѣстнаго историческаго и психологическаго преемства, связи идей, ученій и вопросовъ между собою. И нельзя отрицать существованіе разныхъ школъ, среди которыхъ подобная связь и преемство были безспорно логичны. Эти школы боролись и мирились, развивались и разлагались, но всѣ онѣ хотѣли познать истину какъ можно вѣрнѣе, глубже, полнѣе, чтобы подъ конецъ сойтись, согласиться между собою. И если мы считаемъ истину познаваемой,—много-ли, мало-ли, настолько чтобы самимъ философствовать о ней,—неужели-же мы будемъ столь самонадѣянны, что не спросимъ тѣхъ, кто прежде насъ думалъ въ общеніи съ другими, съ преданіемъ всего человѣчества? Неужели-же мы рѣшимся вычеркивать изъ исторіи цѣлыя эпохи мысли, или, что то-же, сводить ихъ значеніе къ какому-нибудь пустому заблужденію или праздному спору? Къ сожалѣнію, мы часто дѣлаемъ и то и другое, и потому бываемъ осуждены впадать въ прежнія ошибки или доходить съ трудомъ до положеній давно добытыхъ и развитыхъ совокупными усиліями цѣлыхъ поколѣній, развитыхъ несравненно полнѣе и глубже, чѣмъ мы это въ состоя-

ни сдѣлать путемъ нашихъ личныхъ усилій. И между тѣмъ на насъ, стоявшихъ внѣ движенія европейской мысли и не имѣвшихъ непосредственно ея живого преданія, на насъ, едва приступающихъ къ изученію вопросовъ философіи и психологіи, особенно сильно ложится обязанность изучать эти вопросы исторически, въ ихъ взаимной логической связи и зависимости, въ ихъ внутреннемъ органическомъ единствѣ.

Въ пестромъ множествѣ современныхъ вопросовъ трудно уловить такое единство, трудно найти основной вопросъ, съ которымъ-бы систематически связывались всѣ остальные. Еслибы даже мы могли а priori угадать такой вопросъ, мы должны были-бы исторически и діалектически доказать его существенное, первенствующее значеніе. Но такъ какъ мы вѣримъ въ историческое и логическое преемство человѣческой мысли, то мы обратимся къ исторіи и рассмотримъ, каковъ былъ капитальный философскій вопросъ въ эпоху, предшествующую зарожденію такъ-называемой „новой философіи“, и изслѣдуемъ затѣмъ, какъ онъ разрѣшился этой послѣднею, во что онъ обратился нынѣ.

Капитальнымъ, основнымъ вопросомъ средневѣковой философіи былъ несомнѣнно вопросъ объ отношеніи рода и индивида, универсальнаго и частнаго. Этотъ вопросъ былъ поднятъ со времени зарожденія чистой философіи—учениками Сократа. Платонъ и Аристотель освѣтили всѣ его трудности, схоластика билась надъ нимъ въ теченіе всего средневѣкового времени. Изслѣдуя его, мы находимъ, что и въ новой философіи онъ подъ другой формой продолжаетъ раздѣлять умы, оставаясь капитальною, роковою задачей. Не изучивъ исторію этого вопроса, нельзя понять исторіи философіи, нельзя уловить смысла многихъ современныхъ споровъ, ученій и понятій.

Вопросъ объ отношеніи рода къ индивиду настолько общъ, универсаленъ, что захватываетъ всѣ области философіи: въ логикѣ—это вопросъ о природѣ общихъ понятій, объ ихъ отношеніи къ представленіямъ, къ единичнымъ предметамъ; въ политикѣ, этикѣ—это вопросъ объ отношеніи гражда-

нина къ государству, человѣка къ человѣчеству; въ метафизикѣ—вопросъ о реальности общихъ универсальныхъ началъ; въ физическихъ наукахъ—о происхожденіи родовъ, видовъ и индивидовъ.

Что прежде, что существенно: родъ, или индивидъ — въ природѣ вещей, въ сознаніи человѣка, въ его личной и общественной жизни? Въ дѣйствительности нѣтъ ни рода безъ индивида, ни индивида безъ родовыхъ свойствъ. Абстрактный родъ есть отвлеченное понятіе; абстрактный индивидъ—атомъ, который можетъ быть только мыслимъ, посредствомъ умственного отвлеченія всякихъ родовыхъ свойствъ: такой атомъ не можетъ существовать въ дѣйствительности, ибо самое существованіе есть уже *общій* признакъ, не говоря о другихъ общихъ признакахъ, которыми его невольно надѣляетъ наша мысль. И тѣмъ не менѣе оба начала, общее и частное, индивидуальное, различны и противоположны, и большинство философскихъ ученій давало перевѣсъ либо тому, либо другому началу. Очевидно, что частное, какъ частное, не можетъ безъ остатка сводиться къ общему и быть изъ него объяснимо и выводимо, ибо въ частномъ есть всегда нѣчто недѣлимое, неразложимое, *свог*. Точно также и *общее* не можетъ быть простымъ продуктомъ частныхъ, ибо частности имѣютъ въ себѣ все, кромѣ общаго. Однако были философскія ученія, которыя болѣе или менѣе отрицали все частное во имя общихъ началъ, между тѣмъ какъ другія ученія отрицали все общее во имя атомистическаго индивидуализма. Одни разсматривали всякую индивидуальность, какъ случайное и въ сущности совершенно непонятное проявленіе общей природы вещей, явленіе ложное, преходящее и постольку призрачное, несущественное. Другія, наоборотъ, признавали исключительную реальность индивидуальныхъ явленій, частныхъ случаевъ и вещей: все общее чисто субъективно и существуетъ только въ понятіяхъ человѣка,—не въ дѣйствительности. Одни ученія признавали всѣ индивидуальныя вещи за субъективныя представленія, другія считали всѣ общія начала за субъективныя понятія.

Въ такой формѣ противорѣчіе сознавалось преимущественно въ средніе вѣка въ знаменитомъ спорѣ крайнихъ реалистовъ, утверждавшихъ реальность „универсалій“, и номиналистовъ, которые видѣли въ этихъ „универсаліяхъ“ лишь *слова*, обозначающія неопредѣленное множество вещей.

Новая протестантская философія попыталась упразднить это противорѣчіе, признавъ и общее и частное, и понятія и представленія одинаково субъективными. Всѣ индивидуальныя вещи суть наши представленія, всѣ общія начала, идеи, принципы—суть наши понятія. Въ этомъ германскій идеализмъ сошелся съ англійскимъ эмпиризмомъ. Въ этомъ общемъ субъективизмѣ, въ этомъ отрицаніи вселенскаго бытія, объективнаго и универсальнаго, они сходятся между собою и сводятъ все общее и частное къ личному сознанію.

Но этимъ общимъ отрицательнымъ результатомъ только и ограничивается сходство противоположныхъ направленій современной мысли, ибо ихъ понятія о личности столь же противоположны другъ другу, какъ прежнія понятія рода и индивида. Англійскій эмпиризмъ вполне отождествляетъ личность съ индивидомъ, тогда какъ нѣмецкій идеализмъ признаетъ въ ней „бесконечную субъективность“, универсальное, логическое начало. Англійскій эмпиризмъ признаетъ, что всѣ вещи суть наши индивидуальныя представленія, что всякія общія понятія, начала образуются нашимъ индивидуальнымъ умомъ путемъ сравненія единичныхъ случаевъ и ихъ произвольнаго обобщенія путемъ словесныхъ знаковъ. Нѣмецкій идеализмъ напротивъ того склоненъ признавать всѣ индивидуальныя элементы сознанія производными и вторичными. Первична только универсальная дѣятельность духа, только „абсолютное я“, „абсолютная мысль, себя мыслящая“,—словомъ, бесконечный абсолютный субъектъ. Пространство, время, причинность, реальность и всѣ другія „категоріи“ мысли были признаны совершенно субъективными отцомъ ново-нѣмецкаго идеализма, Кантомъ. Но вскорѣ оказалось, что эта субъективность мысли не имѣетъ ничего индивидуальнаго. Эта мысль, находящаяся нами въ себѣ,

эта воля, составляющая сущность нашего субъекта, оказывается универсальной: она предшествуетъ вселенной, которая есть лишь ея представленіе; она предшествуетъ и намъ, нашей эмпирической индивидуальности.

Итакъ споръ номинализма и реализма не рѣшенъ: прежнее противорѣчіе остается во всей своей силѣ и проводится послѣдовательно во всѣхъ областяхъ философіи. Англійскіе эмпирики отрицаютъ всякій универсальный логическій элементъ въ познаніи и пытаются объяснить его посредствомъ психологической ассоціаціи единичныхъ представленій. Они объясняютъ происхожденіе вселенной посредствомъ агрегации атомовъ, происхожденіе органическихъ родовъ и видовъ — посредствомъ безконечнаго накопленія единичныхъ случайностей. Государство и нравственность образуются подъ исключительнымъ вліяніемъ индивидуальныхъ дѣйствій и эгоистическихъ потребностей человѣка. Въ основаніи государства лежитъ принципъ ассоціаціи, въ основаніи нравственности — польза всѣхъ, взятыхъ въ отдѣльности.

Нѣмецкій идеализмъ, напротивъ того, утверждаетъ во всемъ абсолютизмъ универсальнаго начала, сверхъ-индивидуальнаго и постольку въ сущности безсознательнаго: абсолютизмъ отвлеченныхъ логическихъ категорій, управляющихъ вселенной; абсолютизмъ безсознательной природы, родового начала, наряду съ совершеннымъ ничтожествомъ преходящихъ индивидовъ; абсолютизмъ государства. Если исторія человѣчества является эмпирику совокупнымъ результатомъ единичныхъ стремленій къ личной пользѣ, если она слагается изъ безконечнаго ряда взаимодѣйствій и столкновеній, случайныхъ, или обусловленныхъ внѣшнимъ образомъ, то нѣмецкій идеализмъ видитъ въ ней одинъ общій провиденціальныи процессъ, развитіе единого универсальнаго сознанія или духа, единой идеи, единого субъекта. Для эмпирика каждое отдѣльное лицо есть историческій атомъ; для идеалиста — „моментъ мірового процесса“, преходящій и несущественный. Эмпирикъ отрицаетъ въ ис-

торіи разумную, идеальную связь событій; идеалистъ не признаетъ никакой индивидуальной свободы человѣка, рассматривая все существующее, какъ нѣчто разумное, т.-е. какъ логически-необходимый моментъ діалектическаго развитія міровыхъ идей. Единое универсальное сознаніе пребываетъ вѣчно въ своихъ единичныхъ проявленіяхъ. Оно непрестанно обновляется въ нихъ, и эти частныя сознанія постоянно *миряютъ* на немъ, смѣняя другъ друга какъ листья деревьевъ. Каждая мысль и чувство, каждый человѣкъ, точно такъ-же, какъ и цѣлыя народы, суть лишь „моменты“ самосознанія міроваго духа,—стадіи или ступени, черезъ которыя оно должно перешагнуть, чтобы затѣмъ предать ихъ забвенію и перейти съ вѣчно-новыми юными силами къ новымъ моментамъ и стадіямъ развитія.

Такимъ образомъ современная философія въ своихъ противоположныхъ направленіяхъ развиваетъ одинъ и тотъ-же протестантскій принципъ абсолютизма *личности*. Универсализмъ германскаго идеализма точно такъ-же какъ индивидуализмъ англійскаго эмпиризма представляются двумя моментами этого принципа, одинаково необходимыми, одинаково абстрактными и, повидимому, непримиримыми между собою.

Въ теоретической философіи мы могли указать лишь на одинъ общій результатъ, тѣсно связанный съ исходною точкой ихъ отправленія: мы разумѣемъ *иллюзионизмъ*. Послѣдовательно развивая свои начала, новая философія признала міръ явленій міромъ *представленій* и вмѣстѣ разрѣшила всѣ средневѣковыя универсальныя *сущности*, всѣ греческія „родовыя идеи“—въ *понятія*. Таковъ общій результатъ западно-европейскаго рационализма, какъ ни значительны всѣ безконечно-разнообразныя отличія отдѣльныхъ школъ и ученій, какъ ни противоположны другъ другу эмпиризмъ и мистическая *метафизика*.

Понятіе личности несомнѣнно конкретнѣе прежнихъ понятій рода и индивида. Оно не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ, предполагая ихъ обоихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно

и не примиряетъ ихъ и постольку въ сущности разлагается ими, какъ это явствуетъ изъ его исторіи. Слѣдовательно и оно еще не достаточно конкретно. И потому, провозгласивъ личность верховнымъ принципомъ въ философіи, все равно какъ индивидуальность или какъ универсальную субъективность, мы приходимъ къ иллюзіонизму и впадаемъ въ сѣть противоположныхъ противорѣчій.

Поставивъ личное самосознаніе исходною точкой и вмѣстѣ верховнымъ принципомъ и критеріемъ философіи, мы не въ силахъ объяснить себѣ самого сознанія. Тщательный анализъ англійской и нѣмецкой психологіи убѣдитъ насъ въ томъ, что логическія функціи личнаго сознанія остаются необъясненными, или же отрицаются вовсе; и въ то-же время самое психологическое объясненіе явленій сознанія оказывается въ обоихъ случаяхъ крайне одностороннимъ и неудовлетворительнымъ.

Отожествляя личность съ эмпирической индивидуальностью, англійская философія должна послѣдовательно отрицать объективно-логическій характеръ умственныхъ операцій; послѣднія превращаются всецѣло въ психологическія ассоціаціи, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого логическаго значенія и только внѣшнимъ образомъ могутъ совпадать съ дѣйствительнымъ порядкомъ явленій. Самыя эти явленія всецѣло разрѣшаются въ представленія, силы природы — въ качественно-неразложимые виды нашихъ чувствъ и ощущеній. Мы ничего объективно не *знаемъ*, ибо ограничены исключительно нашими представленіями, внутренними состояніями своего сознанія. Отсюда вытекаетъ послѣдовательный скептицизмъ Юма и Милля: мы не можемъ выйти изъ субъективнаго ряда представленій, не можемъ сознать ничего реальнаго внѣ этихъ представленій, не можемъ знать ничего универсальнаго, существующаго независимо отъ нашего личнаго сознанія. Логическая достовѣрность замѣняется вполне психологической увѣренностью и самый законъ причинности, это конечное основаніе эмпиризма, разрѣшается въ простую ассоціацію нѣкоторыхъ явленій.

Но отрицаніе логическихъ функцийъ сознанія противорѣчить основной и непоколебимой вѣрѣ чловѣка въ реальность внѣшняго міра, въ универсальность истины. Врожденный реализмъ чловѣческаго сознанія жестоко мститъ за себя и замѣняетъ тонкій, умный критицизмъ скептиковъ—грубымъ антифилософскимъ матеріализмомъ.

То-же видимъ мы и въ нѣмецкой философіи: ея субъективный идеализмъ также не могъ удовлетворить законнымъ требованіямъ реализма. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ идеализмъ оказался совершенно неспособнымъ объяснить изъ своихъ абстрактныхъ началъ конкретныя явленія живого сознанія. Разсматривая міръ какъ представленіе или какъ волю, какъ продуктъ понятія или воображенія, знаменитыя метафизическія ученія, величавшія себя системами абсолютнаго идеализма, не только не объясняютъ намъ соотношенія индивидуальнаго, дѣйствительнаго сознанія къ абсолютному субъекту, но вынуждены отрицать его истинность. Индивидуальное сознаніе появляется на свѣтъ путемъ какой-то непостижимой ошибки абсолютнаго субъекта, его первороднаго грѣха; оно признается существенно ложнымъ, не долженствующимъ быть и подлежащимъ упраздненію. Подобно тому, какъ англійскій эмпиризмъ объявляетъ простыми психологическими иллюзіями тѣ универсальныя и положительныя устои нашего сознанія, которые онъ не въ силахъ объяснить,—нѣмецкій идеализмъ вынужденъ признать всякое обособившееся сознаніе, всякое индивидуальное существованіе—объективнымъ заблужденіемъ міроваго субъекта. Это вытекаетъ вполне изъ всего германскаго пантеизма и не составляетъ исключительной особенности новѣйшей пессимистической философіи, столь послѣдовательной и сознательной въ своихъ выводахъ. Этотъ пессимизмъ есть лишь окончательный результатъ предшествовавшаго движенія, необходимый исторически и логически. Дѣйствительное сознаніе является двойнымъ заблужденіемъ: вопервыхъ, поскольку оно *индивидуально*; вовторыхъ, поскольку оно *есть сознаніе*. Ибо абсолютный универсальный субъектъ

міра не можетъ быть ни индивидуальнымъ, ни сознательнымъ. Единая мысль мыслящая во всемъ, абсолютное „понятіе всѣхъ понятій“ есть очевидно нѣчто универсальное, не имѣющее въ себѣ ничего индивидуальнаго; единая воля, заблуждающаяся въ ложномъ множествѣ явленій, очевидно слѣпа и неразумна по существу своему. И потому, чтобы объяснить самую иллюзію индивидуальнаго сознанія изъ бессознательнаго универсальнаго духа, приходится прибѣгать къ совершенно міеологическимъ образамъ, толковать о какомъ-то вѣвременномъ грѣхопадєніи божества, о Брамѣ и Майи, или о какомъ-нибудь трансцендентальномъ „толчкѣ“, пробуждающемъ личное сознаніе. Приходится строить психологію на принципѣ безусловно враждебномъ психологіи, дѣлающимъ а ргіогі невозможнымъ всякое реальное объясненіе психологической индивидуальности. Намъ не должно удивлять поэтому, что и въ Германіи философія начинаетъ измѣнять своимъ отечественнымъ преданіямъ, отказываться отъ себя послѣ многовѣковой абстрактной работы. Ученики Канта переходятъ мало-помалу на сторону Юма и Милля, позитивизмъ и его побочное исчадіе—матеріализмъ—вытѣсняють метафизику изъ университетовъ и книжнаго рынка Европы.

Нѣтъ нужды прибавлять, что крайніе результаты эмпиризма и отвлеченнаго идеализма, вступая въ противорѣчія съ основными фактами и убѣжденіями теоретическаго сознанія, противорѣчатъ и его нравственнымъ требованіямъ. Совершенное отрицаніе свободной воли во имя эмпирической причинности или во имя метафизическаго предопредѣленія, этика эгоистическаго самоутвержденія и этика пессимистическаго самоупраздненія, утилитаризмъ и пессимизмъ—одинаково противны нравственнымъ инстинктамъ челоуѣка. Коммунизмъ и милитаризмъ, идеаль анархической ассоціаціи во имя утилитарныхъ цѣлей или идеаль безличнаго всечелоуѣческаго войска, культурной орды, вооруженной на универсальное самоубійственное истребленіе—никогда не стануть идеалами разумнаго челоуѣчества.

Все сказанное заставляет насъ изслѣдовать глубже самый принципъ новой философіи. Не въ немъ-ли заключается причина указанныхъ противорѣчій и насколько существенны эти противорѣчія? Достаточно-ли этотъ принципъ, или-же нуждается въ нѣкоторомъ восполненіи? Верховный принципъ новой философіи есть идея личности, ея критерій — личное убѣжденіе, ея исходная точка — личное сознание въ его тройкой формѣ: личнаго откровенія (реформа нѣмецкихъ мистиковъ), личнаго разумѣнія (реформа Декарта) и личнаго опыта (реформа Бэкона).

I. Предварительное понятіе о природѣ сознанія.

Такимъ образомъ рассмотрѣніе капитальнаго вопроса прежней философіи объ отношеніи рода къ индивиду привело насъ къ основному вопросу современной философіи
о личномъ сознаніи человѣка:

Доступна-ли истина личному познанію человѣка, и если да, то лично-ли самое его сознаніе вообще?

Этотъ вопросъ едва-ли когда былъ поставленъ въ настоящемъ своемъ видѣ, но составляетъ собою роковую задачу всей новой философіи. Лишь изучивъ его, уяснивъ себѣ его значеніе, мы поймемъ должнымъ образомъ смыслъ большинства вопросовъ современной философіи и психологіи.

Западно-европейскіе мыслители новаго времени рассматривали лишь первую часть этого вопроса: доступна-ли истина личному познанію человѣка? Одни утверждали, что — да, другіе доказывали противное. Но всѣ признавали безъ доказательства, что сознаніе человѣка лично и только лично. Въ этомъ сходились всѣ — мистики, рационалисты, эмпирики. Это принципъ всей протестантской философіи, той великой умственной реформы, которая совершалась въ Германіи, Франціи и Англіи параллельно реформѣ религіозной. Этотъ принципъ личнаго сознанія — въ откровеніи, разумѣніи, опытѣ былъ новымъ началомъ. И тѣ великіе мыслители, которые впервые его высказали, — мистики, Декартъ и Бэконъ, — вполне сознавали значеніе своей реформы.

Древняя философия еще не выработала самого понятия личности. Разумное начало, проявлявшееся в сознании человека, сначала признавалось совершенно стихийным: то был мировой огонь, мировой воздух. Вдыхая его, мы становимся разумны; отдѣленные от него какими-либо органическими или физическими условиями, мы лишаемся объективного знания и погружаемся в мир субъективных грѣз и сновидѣній, в безумный бредъ или мертвую безсознательность *). Самъ Сократъ полагалъ, что индивидуальный умъ человека относится къ „вселенскому разуму“ точно такъ-же, какъ его бренное тѣло къ тѣмъ стихіямъ, изъ которыхъ оно составлено, питается и растетъ **). Аристотель тоже признавалъ разумное начало „каеолическимъ“, т. е. всеобщимъ: самая душа, индивидуализированная въ каждомъ живомъ существѣ, есть *по существу* своему нѣчто универсальное. И въ полномъ осуществленіи своей энергіи, въ познаніи вещей въ такой индивидуальной душѣ проявляется дѣйствіе сверхличнаго духовнаго начала.

Средневѣковая схоластика, также какъ и греческая философія, не ставила прямо вопроса о личности сознания. Иные придерживались Аристотеля, другіе приближались къ современнымъ взглядамъ. Что-же касается до компетенціи личнаго сознания, то схоластика, какъ извѣстно, со всѣхъ сторонъ ограничивала ее внѣшнимъ авторитетомъ. Въ такомъ внѣшнемъ ограниченіи познанія человека, въ его совершенномъ подчиненіи внѣшнимъ традиціоннымъ формамъ, заключается типичная особенность схоластики, ея коренной недостатокъ, столь оправдывающій реформу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни злоупотребляла она принципомъ преданія и авторитета, въ немъ заключалась вся ея историческая сила и то положительное значеніе, которое она можетъ-быть имѣть.

Компетенція личнаго сознания ограничивалась сначала

*) Ср. нашъ трудъ (имѣющій на дняхъ выйти изъ печати): „Метафизика въ древней Греціи“. Москва. 1889 г., стр. 161, 254, 353, 453 и др.

**) Тамъ-же, стр. 489.

въ богословскихъ вопросахъ *церковною организаціей коллективнаго сознанія*, постановленія котораго считались вселенски-непогрѣшимыми. Отцы церкви и большинство схоластиковъ считали полноту истины недосягаемой единичнымъ умамъ и вмѣстѣ сходились въ признаніи безусловнаго авторитета *соборнаго*, каеолическаго сознанія, живущаго во всей церкви и ея преданіи. Такимъ образомъ логическій и психологическій принципъ средневѣковой, точнѣе общехристіанской мысли былъ шире исключительнаго протестантскаго субъективизма: ибо наряду съ личнымъ началомъ человѣческаго сознанія признавалась очевидно и *возможная соборность* этого сознанія. Но, къ сожалѣнію, этотъ принципъ соборности человѣческаго сознанія, признававшійся фактически въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, не получилъ никакого научнаго развитія въ философіи, логикѣ или психологіи среднихъ вѣковъ. Схоластика умѣла только противопоставлять *сверхразумное* и *сверхличное* — разумному и личному, доколѣ разумъ и личность не вступились за свои права.

Въ великой философской реформѣ мистиковъ, раціоналистовъ, эмпириковъ — заключался законный протестъ противъ схоластики, протестъ, безъ котораго возрожденіе свободной философской мысли не могло-бы совершиться. Но, провозгласивъ безусловно компетенцію личности, признавъ исключительную личность человѣческаго сознанія, реформаторы впали, какъ мы думаемъ, въ роковое заблужденіе, гибельныя послѣдствія котораго отражаются на всей новой философіи.

Фактически исходною точкой каждой философіи никогда не является ни личный опытъ, всегда частный и весьма ограниченный, ни отвлеченное личное разумѣніе, — мысль, свободная отъ всякихъ возможныхъ предположеній. Какъ бы мы ни ратовали противъ всевозможныхъ умственныхъ традицій, есть такія традиціи, отрѣшиться отъ которыхъ значитъ отказаться отъ опыта и умозрѣнія и сойти съ ума — впасть въ идиотизмъ и афазію. Ибо одинъ языкъ, на которомъ я мыслю, есть живая конкретная традиція, точно

также как цѣлый рядъ понятій, терминовъ, умственныхъ навыковъ и пріемовъ, частью унаслѣдованныхъ мною органически, частью-же воспитанныхъ во мнѣ людьми. Далѣе, и опытъ и умозрѣніе предполагаютъ, что имѣютъ дѣло съ реальными фактами, имѣющими общія свойства и общее значеніе. Но эта объективная реальность и универсальность вещей и ихъ свойствъ есть нѣчто такое, до чего никто не можетъ дойти личнымъ умомъ или личнымъ опытомъ, нѣчто такое, что мы вмѣстѣ со всѣми принимаемъ на вѣру, предполагая опытъ и убѣжденіе всѣхъ.

Такимъ образомъ исходная точка нашей философіи, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, опредѣляется традиционнымъ содержаніемъ умозрѣнія и опыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ и критерій философіи не есть личное сознание; никто себя не судья, но каждый судится другими: философскія системы судятся исторіей, т.-е. другими послѣдующими мыслителями, которые провѣряютъ *лошность* этихъ ученій и сопоставляютъ ихъ съ положительными фактами.

Каждое индивидуальное человѣческое сознание, пробуждаясь къ жизни, развиваетъ въ себѣ свои врожденные способности и навыки при помощи старшихъ, т.-е. развитыхъ, зрѣлыхъ человѣческихъ индивидовъ. Съ однѣми врожденными наклонностями и способностями безъ посредства воспитанія оно навѣки осталось-бы въ зачаточномъ, потенциальномъ состояніи, точно также какъ безъ врожденныхъ человѣческихъ способностей никакое воспитаніе не могло бы возвысить даннаго субъекта надъ ступеню животнаго идиотизма. Достигая зрѣлости, сознательная личность живетъ самостоятельно и какъ-бы независимо отъ другихъ; на самомъ дѣлѣ въ совокушности другихъ сознаний она имѣетъ естественную норму и законъ своей дѣятельности.

+ Сознаніе человѣка, какъ мы полагаемъ, не можетъ быть объяснено ни какъ личное эмпирическое отправленіе, ни какъ продуктъ универсальнаго, родового безсознательнаго начала: въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ невольному отрицанію логическихъ познавательныхъ функцій сознанія,

къ субъективному идеализму—все равно эмпирическому или метафизическому; вовторыхъ, мы приходимъ къ ложной психологii. Сознанiе немислимо и необъяснимо безъ сознанiя, оно предполагаетъ себя самого: постольку личное ограниченное сознанiе предполагаетъ сознанiе общее, коллективное. †

Какъ мы постараемся показать въ настоящемъ изслѣдованiи, только признавъ такую коренную коллективность, такую органическую соборность человѣческаго сознанiя, мы можемъ понять, какимъ образомъ оно можетъ всеобщимъ и необходимымъ образомъ познавать дѣйствительность; только тогда мы можемъ понять, какимъ образомъ люди психологически и логически понимаютъ другъ друга и всѣ вещи, сходятся другъ съ другомъ въ рациональномъ и положительномъ познанiи объективной вселенской истины, независимой отъ всякаго личнаго сознанiя. Только тогда мы можемъ понять возможную непогрѣшимость каждаго *индивидуально* ума — въ познанiи нѣкоторыхъ универсальныхъ и необходимыхъ истинъ опытныхъ и математическихъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и метафизическихъ).

Но прежде, чѣмъ пуститься въ пространный анализъ различныхъ противоположныхъ теорiй сознанiя, а затѣмъ въ изслѣдованiе его природы и его трансцендентальныхъ условiй, мы попытаемся дать здѣсь предварительное понятiе о томъ, что мы разумѣемъ подъ возможной соборностью человѣческаго сознанiя.

√ Я думаю, что человѣческое сознанiе не есть мое личное отправленiе только, но что оно есть коллективная функцiя человѣческаго рода. Я думаю также, что человѣческое сознанiе не есть только отвлеченный терминъ для обозначенiя многихъ индивидуальныхъ сознанiй, но что это живой и конкретный, *универсальный* процессъ. Сознанiе обще всѣмъ намъ, и то, что я познаю имъ и въ немъ объективно, т. е. всеобщимъ образомъ, то я признаю истиннымъ—отъ всѣхъ и за всѣхъ, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя соборъ со всѣми. И только то для меня

истинно, достовѣрно всеобщимъ и безусловнымъ образомъ, что *должно быть* таковымъ для всѣхъ. Наше общее согласіе, возможное единогласіе, которое я непосредственно усматриваю въ своемъ сознаніи, есть для меня безусловный внутренній критерій, точно также какъ внѣшнее, эмпирическое согласіе относительно какихъ-либо опознанныхъ общепризнанныхъ истинъ—есть критерій внѣшній, авторитетъ котораго зависитъ отъ перваго.

Я могу ошибаться внутри себя относительно всеобщаго органическаго согласія—въ сложныхъ запутанныхъ вопросахъ, въ томъ, что не для всѣхъ очевидно, о чемъ еще не состоялось окончательнаго внѣшняго соглашенія. Но самая моя ошибка предполагаетъ увѣренность въ возможности общаго согласія. Поэтому каждый можетъ меня обличить, доказать мнѣ мое заблужденіе на основаніи общепризнаннаго, — *того, что всѣ внутри меня признаютъ*. Какъ-бы ни силился я заглушить общій голосъ, онъ непогрѣшимъ; а когда я сознаю, что имѣю его за себя, то смѣло отвѣчаю за всѣхъ. Изъ немногихъ частныхъ случаевъ я, совѣщаясь самъ въ себѣ, могу вывести правильное универсальное обобщеніе. Изъ одной вѣрной математической интуиціи я могу формулировать всеобщую математическую истину; изъ немногихъ опытовъ—познаю съ безусловной достовѣрностью общій законъ природы, восполняя мой дѣйствительный опытъ возможнымъ опытомъ всѣхъ. Тотъ, кто позналъ истину, требуетъ, чтобы ее признали всѣ; *онъ одинъ лучше всѣхъ знаетъ то, что всѣ должны знать*. И поэтому одинъ побѣждаетъ и убѣждаетъ столь многихъ въ томъ, чему сначала не хотѣлъ вѣрить никто.

Знаніе человѣка начинается съ чувственнаго опыта, показанія котораго всегда частны и единичны; отъ этихъ частныхъ случаевъ единичный субъектъ, лично, самъ по себѣ, не имѣлъ-бы ни психологической возможности, ни логическаго права перейти къ чему-либо всеобщему, универсальному и необходимому, какъ въ дѣйствительности это дѣлаютъ всѣ. Логически совершенно непонят-

но, какимъ образомъ отдѣльный индивидъ можетъ знать съ безусловной всеобщей достовѣрностью что-бы то ни было: свое собственное существованіе, бытіе внѣшняго міра, безконечнаго времени и пространства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра cadaго человѣка въ реальное существованіе міра и всѣхъ насъ непоколебима и вселенски истинна. Мы знаемъ, что ея истина обязательна для всѣхъ, для всякаго возможнаго сознанія, точно также какъ и всякая другая объективная истина, опознанная съ тою-же универсальной и безусловною достовѣрностью. Что-же уполномочиваетъ индивидуальное сознаніе на такое вселенское постановленіе, иногда по поводу одного частнаго случая? Что-бы оно было вѣрно, нужно, чтобы вещи существовали дѣйствительно и заключали въ себѣ дѣйствительно нѣчто универсальное. Но какъ человѣкъ въ своемъ личномъ сознаніи могъ-бы это знать и быть увѣренъ въ такой объективной универсальности? Какъ могъ-бы онъ распространять итогъ своихъ личныхъ опытовъ за ихъ ограниченныя предѣлы? На дѣлѣ мы всѣ дѣлаемъ это на каждомъ шагу, въ каждомъ воспріятіи, ибо мы воспринимаемъ не ощущенія, которыя мы чувствуемъ, но *вещи*, и каждая изъ такихъ вещей является намъ не совокупностью ощущеній, но совокупностью *свойствъ*, объективныхъ качествъ. Нужны вѣка размышленія, чтобы понять относительную субъективность свѣта, звука, осязаемыхъ качествъ тѣлъ. Что-же уполномочиваетъ насъ непосредственно признавать ихъ объективность? Что свидѣтельствуетъ въ насъ непосредственно объ этомъ реальномъ и всеобщемъ существованіи вещей и ихъ универсальныхъ свойствъ и качествъ?—Общее сознаніе, въ которомъ я непосредственно воспринимаю вселенское согласіе. Во мнѣ есть этотъ *sensus communis, sens commun*, тотъ смыслъ, показанія котораго непогрѣшимы для меня и для всѣхъ, потому что онъ есть свидѣтельство всѣхъ въ совокупности.

Не во всемъ однако соборное сознаніе дѣйствительно; во многомъ, какъ наприм. въ большинствѣ метафизическихъ во-

просовъ, оно только возможно. Но сознание, какъ таковое, имѣетъ въ себѣ всегда основную соборность, частью осуществленную, частью-же не осуществленную, скрытую или задержанную. [Формально наше сознание всеобщее; реально, по своему индивидуальному частному содержанию, оно ограничено. Отсюда—возможность противорѣчія, индивидуальных заблужденій. Поскольку-же внутренняя метафизическая соборность сознания осуществляется мыслью и словомъ, становится реальной, мы познаемъ вещи истинно, объективно, всеобщимъ и необходимымъ образомъ, и познание наше становится внѣшнимъ образомъ авторитетнымъ. Позитивность опыта, т. е. воспріятіе самобытной, независимой отъ насъ реальности, и возможная логичность знанія предполагаютъ коренную, существенную соборность сознания, ибо всѣ логическія функціи, направленныя на познание реального и общаго, превышали-бы компетенцію индивидуальной личности, еслибы она не заключала въ себѣ сверхличнаго начала.]

Каждое слово наше доказываетъ фактъ коллективнаго сознания, предполагая его. Безъ слова никогда не мыслить челоѣкъ и только въ формѣ слова мысль его объективно обобщается. Словами мы отвлекаемъ, образуемъ, опредѣляемъ логическія, универсальныя понятія; словами-же обособляемъ и закрѣпляемъ, индивидуализируемъ наши представленія. И вмѣстѣ слово есть воплощеніе соборнаго сознания: ибо не было-бы словъ, еслибы они были непонятны и невняты для другихъ, еслибы не зачѣмъ и не съ кѣмъ было говорить. Слово предполагаетъ органическую способность взаимнаго пониманія, родовое психологическое единство; и вмѣстѣ оно предполагаетъ говорящихъ и внимающихъ людей. Посредствомъ слова я мыслю въ другихъ какъ въ себѣ и въ себѣ какъ въ другихъ, откуда оно есть существенная объективная форма мышленія. Слово предполагаетъ врожденную способность рѣчи, общую всѣмъ нормальнымъ индивидамъ челоѣческаго рода. И вмѣстѣ оно предполагаетъ дѣйствительное общеніе съ говорящими людьми

ми. Для того, чтобы овладѣть словомъ и разсудкомъ, чело- вѣкъ долженъ быть воспитанъ людьми. Съ однѣми врож- денными способностями, имѣя языкъ и разумъ, онъ никогда не выучился-бы говорить и думать. Ибо органическая со- борность человѣческаго сознанія предполагаетъ не только родовое единство, но и личное живое общеніе между людь- ми,—и не только родъ и индивидъ, но особое сверхлич- ное начало, въ которомъ примиряется родовое съ индиви- дуальнымъ.

Таково *предварительное понятіе* о природѣ сознанія, ко- торое намъ предстоитъ подробно развить и доказать, раз- смотрѣвъ его различныя послѣдствія.—Мы имѣемъ одну об- щую вселенную, одну правду, одну красоту. Мы всѣ знаемъ однимъ общимъ здравымъ смысломъ, вѣримъ одной вселен- ской и непоколебимою вѣрой, что есть реальный міръ въ пространствѣ и времени—совершенно независимый отъ насъ. Мы знаемъ и вѣримъ въ глубинѣ нашего существа, что есть одна правда, одинъ законъ, который всѣ *должны* признать, одна красота, которую всѣ должны видѣть. Безъ этого не- чему было-бы учить и учиться, не о чемъ спорить и согла- шаться; безъ этого не было-бы нравственной проповѣди и ху- дожественнаго творчества. Истина, добро, красота не суть продукты внѣшняго эмпирическаго соглашенія и недостигаемы индивидуальному уму какъ таковому; они не суть также идеи какого-то абсолютнаго, трансцендентальнаго *Я*, от- личнаго отъ всѣхъ живыхъ человѣческихъ личностей, и были бы совершенно непознаваемы въ этомъ единомъ абстракт- номъ субъектѣ. Сознаніе не можетъ быть ни безличнымъ, ни единоличнымъ, ибо оно болѣе чѣмъ лично, будучи со- борнымъ. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно лишь въ этомъ живомъ, собор- номъ сознаніи человѣчества. Оно имѣетъ свои метафизиче- скія условія. Но прежде чѣмъ ихъ изслѣдовать, надо прочно установить самый фактъ коллективнаго сознанія. Съ этою цѣлью мы сначала предпринимаемъ здѣсь анализъ тѣхъ уче- ній, которыя разсматривали сознаніе какъ личную функцію,

дабы критически обосновать нашъ принципъ и выяснить его съ возможною точностью.

Три упомянутыя направленія новой философіи — мистицизмъ, рационализмъ и эмпиризмъ вначалѣ не обособлялись другъ отъ друга. Въ итальянской философіи эпохи Возрожденія всѣ три перемѣшиваются между собою въ общемъ броженіи, объединяясь въ борьбѣ съ схоластикой, съ общимъ врагомъ своимъ. Но по мѣрѣ того, какъ эмансипація мысли завершается и римскій католицизмъ, породившій схоластику, вытѣсняется новыми протестанскими ученіями, враждебными самому принципу католицизма, новая философія распадается; германская мысль погружается въ мистику и теософію, эмпиризмъ зарождается въ Англии, рационализмъ во Франціи. Эти три философіи расходятся между собою и каждая стремится подкопать основаніе двухъ другихъ. Мистицизмъ не подчиняется опыту и разсудку, думая постигнуть Бога и природу помимо ихъ, непосредственнымъ откровеніемъ. Эмпиризмъ протестуетъ противъ мистики и метафизическихъ умозрѣній. Рационализмъ стремится понять дѣйствительность изъ чистыхъ понятій, дедуцировать изъ нихъ а priori Бога и природу, дойти до всего чистой мыслью помимо опыта и откровенія.

Германскій мистицизмъ распался на два теченія: одно, безусловно враждебное всякой философіи, признало истину совершенно недоступной человѣческому уму и породило піэтизмъ, мистику чувства. Другое, умозрительное, вступило въ союзъ съ рационализмомъ и породило вмѣстѣ съ нимъ ученіе гностиковъ нашего вѣка — нѣмецкій идеализмъ. Такимъ образомъ, если считать этотъ союзъ окончательнымъ, на полѣ брани остались два противника — метафизическій идеализмъ и позитивный эмпиризмъ. Удастся ли нѣмецкой философіи поглотить въ себя эмпиризмъ, или англійскому эмпиризму разрушить метафизику — покажетъ время. Во всякомъ случаѣ коренное раздвоеніе опыта и умозрѣнія является фактомъ ненормальнымъ, указывающимъ

на нѣкоторое основное заблужденіе. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ обѣ великія философіи Европы относятся къ занимающему насъ вопросу о природѣ сознанія; такъ какъ это вопросъ принципиальный, то можетъ-быть, изслѣдуя его исторію, мы поймемъ и причину ихъ раздвоенія. Мы начнемъ съ психологіи эмпиризма.

2. Критика эмпирическаго ученія о сознаніи.

Англійская психологія имѣетъ безспорныя заслуги, которыхъ нельзя отрицать. Она поставила своею цѣлью эмпирическое изслѣдованіе душевныхъ явленій и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ упорно отстаивала свою скромную область отъ ложной метафизики всякаго рода. Ея полемика противъ „врожденныхъ понятій“, противъ различныхъ фиктивныхъ способностей, категорій и другихъ вымышленныхъ подраздѣленій души, противъ мнимой свободы безразличія (*liberum arbitrium indifferentiae*)—имѣла нѣкогда большое значеніе. Никто сильнѣе ея не указывалъ на общее значеніе чувственности въ психической жизни, на сложный характеръ и относительность чувственныхъ воспріятій, на роль языка въ образованіи понятій, пожалуй даже—на значеніе такъ-называемой „ассоціаціи идей“. Не признавая никакой метафизической соборности человѣческаго сознанія, англійская психологія замѣчательно хорошо и полно раскрыла значеніе *эмпирической коллективности* сознаній. Она показала, какимъ подавляющимъ множествомъ понятій, представленій, вѣрованій, инстинктовъ, чувствъ мы обязаны другимъ людямъ,—нашему воспитанію и постоянному взаимному общенію, въ которомъ мы провѣряемъ себя, контролируемъ другими. Вліяніе языка, религіи, государства, культуры,—словомъ, вліяніе всѣхъ внѣшнихъ формъ коллективной жизни на развитіе индивидуальнаго сознанія, — было раскрыто во всей своей полнотѣ. Въ послѣднее время различныя психофизическіе вопросы, какъ наприм. важный вопросъ о наслѣдственности, сдѣлались предметомъ серьезной научной разработки.

И тѣмъ не менѣ англійская психологія повидимому до-

шла до своего конечнаго предѣла и отживаетъ свои дни. Тамъ, гдѣ эмпирическая психологія не перешла всецѣло въ психофизику, она обратилась въ мертвенную схоластику. Поставивъ себѣ цѣлью индуктивное изслѣдованіе фактовъ сознанія, она на дѣлѣ дедуцируетъ ихъ изъ предвзятыхъ посылокъ эмпиризма. вмѣсто того, чтобы обобщать, она нивеллируетъ факты, подгоняя ихъ подъ несложныя безсодержательныя формулы. вмѣсто того, чтобы объяснять факты, она нерѣдко полемизируетъ съ ними, иногда упраздняетъ ихъ вовсе, признавая ихъ за простыя иллюзіи.

Мы уже знаемъ, что англійскій эмпиризмъ разсматриваетъ сознаніе какъ личную, точнѣе—какъ чисто-индивидуальную функцію. отождествляя личность съ индивидуальностью, мы невольно материализуемъ ее, ставимъ ее въ исключительную зависимость отъ органическихъ условій. Ибо человѣкъ есть физическій индивидъ; психически онъ сознаетъ свое единство и ему кажется излишнимъ признавать въ себѣ нѣсколько индивидуальностей. Онъ и его тѣло составляютъ одно недѣлимое цѣлое. Правда, тѣлесная недѣлимость весьма относительна; но тѣмъ труднѣе для психолога удержаться на границѣ матеріализма: нужна осторожность, граничащая съ робостью и ханжествомъ, чтобы не перейти этотъ пересохшій Рубиконъ по стопамъ Г. Спенсера.

Но ограничимся на этотъ разъ областью чистаго сознанія. Индивидуальное сознаніе человѣка всецѣло ограничено собою, совокупностью своихъ настоящихъ и прошедшихъ состояній. Это основной тезисъ эмпирической доктрины. Все содержаніе сознанія обусловливается накопленіемъ прошедшихъ личныхъ опытовъ, опытъ-же есть прежде всего состояніе сознанія. Самый духъ есть ни что иное какъ совокупность такихъ состояній, связанныхъ между собою. Духъ всецѣло ограниченъ ими и ничего кромѣ ихъ знать не можетъ. внѣ состояній моего сознанія для меня ничего не существуетъ; ибо еслибъ я могъ утверждать бытіе чего-либо иного внѣ подобныхъ состояній, то значить и зналъ бы о чемъ-либо внѣ ихъ и не ограничивался-бы ими, что

противорѣчить основному исходному положенію нашей психологіи. Знать о чемъ-либо внѣшнемъ, трансцендентномъ нашему сознанію мы не можемъ, потому что мы ограничены собою; и все, что можетъ выходить за предѣлы индивидуальнаго сознанія выходитъ и за предѣлы его логической компетенціи.

Міръ есть совокупность моихъ представленій, пространство, время, матерія, всякая реальность вообще существуютъ только въ моемъ личномъ опытѣ, въ состояніяхъ моего сознанія. Если я отрицаю это, если я признаю универсальную и безусловную реальность всѣхъ этихъ вещей, которая имѣетъ вселенскую достовѣрность независимо отъ всякаго индивидуальнаго сознанія, то я выхожу за предѣлы моей логической компетенціи. Но, по мнѣнію эмпиристовъ, я тѣмъ самымъ впадаю въ психологическую иллюзію, ибо я осужденъ жить въ своихъ состояніяхъ, въ мірѣ представленій. Весь вопросъ въ томъ, чему я въ дѣйствительности вѣрю,—опытной психологіи, которая превращаетъ вселенную въ представленіе, или дѣйствительному опыту, который ежеминутно опровергаетъ такую психологію?

На дѣлѣ, признавая реальность внѣшнихъ вещей, универсальность очевидныхъ и другихъ истинъ, я выхожу не только за предѣлы моей индивидуальной логической компетенціи, но, такъ какъ вселенская реальность *есть* и не подлежитъ отрицанію, я, познавая ее, выхожу за предѣлы самой моей личной индивидуальности. Въ дѣйствительности человѣкъ не только не ограниченъ собою и своими внутренними состояніями, но во всякомъ своемъ отношеніи выходитъ изъ себя общимъ, метафизическимъ образомъ въ каждомъ актѣ своей жизни и сознанія. Живой субъектъ никогда не ограничивается своимъ настоящимъ, тѣмъ, что ему непосредственно дано, и невольно въ самомъ процессѣ жизни выходитъ за свое настоящее: онъ не только *есть*, онъ бываетъ и *будетъ*. Въ каждомъ актѣ сознанія мы выходимъ изъ себя метафизически, и этотъ процессъ обуславливаетъ самое сознаніе, ибо для того, чтобы сознать объективно какое-либо состояніе

нашего сознанія, объективировать, увидать его, мы должны выйти изъ него, отличить его отъ себя. Самый опытъ всецѣло обусловленъ этой идеальной дѣятельностью, какъ мы подробно пытались доказать въ другомъ мѣстѣ *). Нѣтъ опыта, пока мы не возвышаемся надъ своимъ настоящимъ; нѣтъ внѣшняго опыта, пока мы не отличаемъ себя отъ того, что намъ внѣшне; нѣтъ опыта безъ интуиціи времени и пространства. И такъ какъ всѣ объясненія интуиціей времени и пространства изъ совокупности какихъ-либо субъективныхъ ощущеній, зрительныхъ, осязательныхъ, мышечныхъ, оказываются несостоятельными, такъ какъ всѣ они скрытымъ образомъ подразумѣваютъ время и пространство и основываются на смѣшеніи ощущеній съ готовымъ воспріятіемъ, то остается признать, что мы выходимъ изъ себя во времени и пространствѣ метафизически, идеальной дѣятельностью сознанія. Никакія внутренія ощущенія моего тѣла, никакія субъективныя состоянія индивидуальнаго сознанія не заключаютъ въ себѣ реальной вселенной, которую я признаю безусловно; никакія субъективныя чувствованія, вмѣстѣ или въ отдѣльности, не могутъ заключать въ себѣ пространства и времени и дать мнѣ ихъ реальное воспріятіе. Ибо сами по себѣ эти состоянія совершенно непространственные. Поэтому, пока я не выхожу въ пространство за предѣлы моего тѣла и личнаго сознанія (которое внѣпространственно), я не могу приписывать внѣшнимъ вещамъ какія-либо дѣйствія, силы и свойства, не могу знать, есть-ли внѣ меня что-либо вообще. Пока я не выхожу за предѣлы моихъ индивидуальныхъ состояній, я не имѣю объективнаго опыта; пока я не выхожу за предѣлы личнаго опыта, я не обобщаю его и не имѣю знанія. Ограничивая сознаніе его индивидуальными, частными состояніями, отрицая въ немъ присутствіе всякихъ универсальныхъ началъ, послѣдовательный эмпиризмъ долженъ отрицать всякія логическія функціи сознанія. Всякое обобщеніе, точно также какъ всякая безуслов-

*) Введеніе къ нашему труду: „Метафизика въ древней Греціи“. III—V.

ная увѣренность въ чемъ-бы то ни было—въ реальности все-ленной, объективности пространства, есть превышеніе логической компетенціи индивидуальнаго сознанія (если только это не есть существенная, универсальная функція сознанія вообще). Въ отрицаніяхъ скептическаго эмпиризма таится недоразумѣніе: можно отрицать менѣе достовѣрное во имя болѣе достовѣрнаго; для сознанія-же нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, чѣмъ то, что его превышаетъ, — реальность вещей и универсальность истины.

Надо удивляться той энергіи мысли, той желѣзной, схоластической послѣдовательности, съ которой англійская психологія развила свой принципъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ путемъ многовѣковой работы, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Одно изъ самыхъ существенныхъ затрудненій эмпирической психологіи заключается въ странномъ противорѣчій между ея двумя методами — методомъ „интроспективнаго наблюденія“, анализомъ фактовъ сознанія, и методомъ экспериментальнымъ. Наблюденіе и опытъ не могутъ, не должны противорѣчить другъ другу: въ настоящемъ случаѣ они приводятъ къ результатамъ не только противоположнымъ, но совершенно непримиримымъ съ точки зрѣнія психологіи индивидуальнаго, эмпирическаго сознанія. Наблюденіе открываетъ въ сознаніи рядъ состояній духа, связанныхъ между собою; за предѣломъ этихъ состояній мы ничего не можемъ утвердить, ибо всецѣло ограничены ими. Опытъ показываетъ на-противъ того, что всѣ эти состоянія обусловлены внѣшнимъ міромъ, физически. Оперируя съ эмпирической индивидуальностью, мы необходимо должны изслѣдовать эти физическія условія сознанія. Оно всецѣло обусловлено опытомъ, опытъ чувствами, а чувственность отправлениями мозга и нервной системы. А такъ какъ нервное возбужденіе есть неизмѣнный antecedentъ всякаго чувствованія, его причина, то мало-помалу все индивидуальное сознаніе представляется мозговымъ отпрвленіемъ. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія внутренняго самонаблюденія, самый

мозгъ, точно также какъ и матерія вообще, есть ни что иное какъ представленіе, т.-е. особое состояніе сознанія. Для нѣмецкаго идеализма такое противорѣчіе разрѣшается сравнительно легко: матерія признается первичнымъ представленіемъ мірового субъекта, низшею ступенюю его „объективаци“, — общимъ базисомъ всѣхъ остальныхъ ступеней или явленій. Для эмпиризма вопросъ несравненно труднѣе, потому что кромѣ состояній индивидуальнаго сознанія онъ ничего не хочетъ знать. Отсюда вытекаетъ нѣсколько комическое положеніе этой психологіи: методъ „интроспективнаго наблюденія“ приводитъ ее къ отрицанію всего универсальнаго и реальнаго, всего что простирается за предѣлы состояній индивидуальнаго сознанія. Экспериментальный методъ, наоборотъ, вынуждаетъ ее признать нѣкоторый реальный и общій ргіус сознанія, допустить, что мозгъ и реальная вселенная ему предшествуютъ. Критикуя своихъ предшественниковъ Берклея и Юма, Гербертъ Спенсеръ былъ совершенно правъ, заявивъ, что все естествознаніе — вздоръ, если ученіе субъективнаго идеализма справедливо. Оставаясь вѣрною своему опытному методу, англійская психологія не можетъ этого отрицать; оставаясь вѣрною своему принципу, не выходя изъ границъ индивидуальнаго сознанія, она никакъ не можетъ съ этимъ согласиться. Поэтому тамъ, гдѣ она еще осталась вѣрною своему эмпиризму, она накладываетъ на весь этотъ вопросъ о соотношеніи духа и тѣла — табу „непознаваемости“ и признаетъ здѣсь „вѣчную границу человѣческаго познанія“, нисколько не заботясь о томъ, что человѣческое сознаніе фактически совершенно не знаетъ этой границы и признаетъ одинаково реальнымъ какъ внѣшній міръ, такъ и свое взаимоотношеніе съ нимъ. Большинство англійскихъ психологовъ не выдерживаютъ этого невозможнаго положенія и открыто переходятъ на почву некритическаго матеріализма, какъ напримѣръ Маудсли или Спенсеръ, обосновывающій его на доказательствахъ „отъ простоты“ и „отъ очевидности“. Здѣсь произошло даже нѣчто весьма важное и поучительное: со-

знавая, что допущеніе универсальной реальности выходит за предѣлы индивидуальной компетенціи сознанія, Гербертъ Спенсеръ впервые сослался на опытъ *предыдущихъ поколѣній*, унаслѣдованный нами въ организациіи мозга. То былъ важный шагъ впередъ, ибо значеніе родового начала было признано, если не въ самомъ сознаніи, то по крайней мѣрѣ въ организациіи его физиологическихъ условий. Тѣмъ не менѣе воззрѣніе Спенсера, помимо своего матеріализма, продолжаетъ страдать основной ошибкою школы и думаетъ уйти отъ нея посредствомъ простаго *retitio principii*. Признаніе внѣшняго міра, его универсальной реальности психологически необъяснимо изъ устройства мозга, будучи фактомъ совершенно нематеріальнаго порядка; и логически никакое устройство мозга не уполномочиваетъ насъ на подобное признаніе. Во всякомъ случаѣ мы должны сначала признать независимую отъ насъ реальность матеріи, пространства и времени, чтобы объяснять матеріалистически сознаніе и говорить о предшествующемъ опытѣ постороннихъ лицъ, какъ о чемъ-то дѣйствительномъ. А пока я не выхожу актуально за предѣлы своего личнаго сознанія, я не могу знать ничего объективнаго, реальнаго и всеобщаго. И опытъ предшествовавшихъ поколѣній, точно также какъ и мой личный опытъ, какъ опытъ вообще, предполагаетъ одну и ту-же общую, трансцендентальную дѣятельность, актъ сознанія, выходящаго за свои индивидуальныя предѣлы—непосредственно настоящаго, даннаго. Только при такомъ условіи опытъ является органомъ положительнаго и объективнаго знанія и логически [!]посредствуетъ обобщеніе, индукцію; только при такомъ условіи опытъ другихъ, всеобщій опытъ, является для меня основаніемъ убѣжденія, точно также какъ мой опытъ можетъ служить подобнымъ основаніемъ для другихъ. И между тѣмъ англійская психологія—критическая, а матеріалистическая, тѣмъ болѣе—не въ силахъ объяснить этого акта. Отношеніе субъекта и объекта слишкомъ реально и универсально для ея эмпиризма.

Она признаетъ переходъ къ реальному или *отъ* реального для себя непознаваемымъ и ограничивается состояніемъ сознанія. Посмотримъ-же, насколько она въ этой области объясняетъ явленія, которыя она изслѣдуетъ. Уже аргіогі трудно предполагать такое объясненіе успѣшнымъ; во всякомъ случаѣ его задача весьма усложняется цѣлымъ рядомъ ограниченій и условій. Разъ мы всецѣло ограничены своими состояніями сознанія и не можемъ выйти изъ нихъ, приходится объяснять время безъ времени, реальность безъ реальности, пространство безъ пространства—изъ какихъ-либо ощущеній, которыя сами по себѣ не *заключаютъ* въ себѣ ни того, ни другого, ни третьяго. Англійская психологія дѣйствительно берется за эту алхимическую работу; но если она извлекаетъ иногда крупицу искомага золота изъ своихъ анализовъ, мы смѣло утверждаемъ, что эта крупица въ томъ или другомъ соединеніи раньше лежала въ ретортѣ, что она не добыта путемъ превращенія чужеродныхъ элементовъ. Но не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, котораго мы уже коснулись въ другомъ мѣстѣ: если пространство, время, вселенная — реальны, то ясно аргіогі, что всякая психологическая конструкція ихъ есть явная натяжка и невозможность. Простившись съ реальными предметами и реальными воспріятіями, обратимся къ представленіямъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Разрѣшивъ духъ въ совокупность состояній сознанія, связанныхъ между собою, англійская психологія стремится объяснить его изъ этихъ состояній. Духъ не есть особое связующее начало представленій или какая-либо творческая сила, ихъ образующая: эмпирически намъ даны только различныя „сознательныя состоянія“ въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ. Это частные элементы сознанія, и связь ихъ, точно также какъ и связь всѣхъ вещей, должна по возможности объясняться изъ нихъ самихъ, безъ допущенія какаго-либо универсальнаго связующаго начала. Объясняя физическій, органический и социальный міръ посредствомъ

внѣшняго сцѣпленія физическихъ, органическихъ и социальныхъ атомовъ, индивидуализмъ остается вѣренъ себѣ и въ области психологіи. Сознаніе объясняется посредствомъ сцѣпленія своихъ индивидуальныхъ элементовъ. Такіе элементы на языкѣ англійской психологіи называются представленіями или „идеями“, сцѣпленіе представлений— „ассоціаціей идей“. Всѣ эти идеи ассоціируются между собою по смежности, или по сходству, или-же наконецъ „по контрасту“. Одно представленіе вызываетъ въ памяти другое или потому, что въ предшествовавшемъ опытѣ они встрѣчались вмѣстѣ (иногда въ совершенно внѣшней связи), или-же потому, что они въ чемъ-либо похожи другъ на друга, или потому, что они крайне противоположны. Эти простыя повидимому истины формулируются какъ основные законы психологіи; ихъ открытіе приравняется величайшимъ открытіямъ Ньютона и Кеплера *). Въ доказательство ихъ значенія исписаны цѣлые томы; одинъ Бэнъ, этотъ плодовитый схоластикъ эмпиризма, *doctor copiosus* англійской психологіи, посвящаетъ многія сотни страницъ, чтобы доказать, что всѣ представленія въ чемъ-либо смежны, въ чемъ-либо сходны или противоположны нѣкоторымъ другимъ представленіямъ и, въ силу этихъ обстоятельствъ, склонны вызывать ихъ въ памяти „при прочихъ равныхъ условіяхъ“. Все содержаніе сознанія всецѣло обусловлено съ одной стороны внѣшними впечатлѣніями, съ другой—внутренней психологическою причинностью представлений, ихъ взаимной ассоціаціей. Это—универсальный законъ явлений въ тѣсномъ смыслѣ слова.

На первый взглядъ это можетъ быть самая бессодержательная психологія, какую мы только знаемъ. Для человѣка не предубѣжденнаго трудно понять сначала, что собственно заключаютъ въ себѣ эти формулы законовъ ассоціаціи, чего-бы не сознавалъ всякій ребенокъ, отдающій себѣ отчетъ о ходѣ своихъ мыслей. Но оказывается, что все зна-

*) Наприм. J. St. Mill. *Auguste Comte and positivism*, p. 53.

ченіе этихъ мнимыхъ законовъ, точнѣе—этихъ общихъ фактовъ ассоціаціи, именно и заключается въ ихъ безсодержательности. Отъ этого именно и хватается за нихъ нигилистическая психологія, чтобы свести къ нимъ всѣ остальные явленія сознанія. Факты внѣшняго, случайнаго сцѣпленія представленій служатъ какъ-бы исходною точкою для полемики эмпиризма противъ живого конкретнаго сознанія. И такъ какъ всѣ его явленія смежны, всѣ отчасти сходствуютъ, отчасти контрастируютъ, то всѣ легко подгоняются подъ безсодержательныя формулы ассоціаціи по смежности, по сходству и по контрасту. Побѣда надъ духомъ дается во-истину слишкомъ легко; путемъ двухъ-трехъ магическихъ формулъ эмпиризмъ превращаетъ его въ такую-же ассоціацію, въ такое-же внѣшнее сцѣпленіе событій, какъ и все остальное.

Но, разсматриваемый въ такомъ исключительномъ свѣтѣ, законъ ассоціаціи идей оказывается вдвойнѣ ошибочнымъ: строго говоря, мы не находимъ въ духѣ ни ассоціацій, ни идей въ смыслѣ англійской психологіи, ибо оба термина, которыми она такъ злоупотребляетъ, неточны въ высокой степени. Первоначально, въ греческой философіи *идея* означала гипостазированное отвлеченное понятіе. Платоники думали, что такія идеи существуютъ самобытно, независимо отъ вещей, какъ ихъ творческіе первообразы; схоластики и картезианцы полагали, что въ душѣ человѣка существуютъ врожденныя идеи, т. е. врожденныя и обособленныя другъ отъ друга отвлеченности. Англійская психологія успѣшно боролась съ подобнымъ мнѣніемъ, доказывая, что въ душѣ нѣтъ такихъ врожденныхъ отвлеченностей и понятій, что они вырабатываются медленно и обособляются посредствомъ словъ. Но терминъ „идея“ былъ все-таки сохраненъ, хотя и связанный съ новымъ значеніемъ. Подъ идеями англійская психологія разумѣетъ въ сущности *гипостазированныя представленія*, тѣ „индивидуальные элементы“, изъ которыхъ слагается сознаніе. Но безпристрастный анализъ показываетъ намъ, что по-

добныхъ элементовъ въ духъ не существуетъ: въ немъ нѣтъ изначальныхъ идей ни въ смыслѣ понятій, ни въ смыслѣ представленій. Какъ тѣ, такъ и другія обособляются отъ впечатлѣній и другъ отъ друга путемъ медленной упорной работы индивидуальнаго сознанія; они отграничиваются другъ отъ друга условнымъ образомъ, посредствомъ искусственныхъ знаковъ, фиксируются и опредѣляются посредствомъ слова. Первоначальное состояніе сознанія не знаетъ ни понятій, ни представленій, но сливается ихъ въ общемъ безразличномъ мракѣ. Затѣмъ наступаетъ періодъ медленнаго разсвѣта, когда мы разглядываемъ мало-помалу общія различія вещей, ихъ неопредѣленныя очертанія. То, что мы ошупывали прежде во тьмѣ съ разныхъ сторонъ и въ разные моменты—слилось въ одно общее тѣло; то, что сначала сливалось въ общей неопредѣленности—различается на множество предметовъ, индивидуальная физіономія которыхъ становится все болѣе и болѣе видной. Младенческій умъ, безъ сомнѣнія, представляетъ себѣ конкретно многія общія свойства вещей, которыя онъ впоследствии мыслить отвлеченно; сначала онъ связываетъ ихъ неразрывно съ какими-либо единичными предметами. И наоборотъ: многія единичныя представленія, индивидуальныя предметы получаютъ въ его сознаніи общее, типическое значеніе: всѣ птицы—канарейки, всѣ деревья—березки, всѣ люди—дяди и тѣти. Эти канарейки, березки, тѣти ребенка—больше и меньше чѣмъ обыкновенныя представленія: больше—потому что они замѣняютъ собою позднѣйшія понятія, меньше—потому что они крайне смутны и слабо индивидуализированы.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однако, что большая часть нашихъ представленій всегда сохраняетъ въ себѣ подобную неопредѣленность. Лишь нѣкоторыя весьма сложныя группы представленій обладаютъ относительной индивидуальностью; но элементы, изъ которыхъ они составлены, всего менѣе допускаютъ индивидуацію:—это общія чувственныя свойства, сами по себѣ совершенно родовыя

и не ограниченные. Представленія цвѣта, звука, вкуса, запаха, качествъ вообще, не обладаютъ сами по себѣ никакими индивидуальными очертаніями: на самомъ дѣлѣ, ихъ нельзя назвать ни представленіями (въ смыслѣ индивидуальных образовъ, идей), ни понятіями. Чтобы представить себѣ какой-нибудь цвѣтъ, я долженъ фиксировать его въ какой-либо схемѣ; чтобы мыслить его въ формѣ понятія, я долженъ умственно отвлечь его отъ всѣхъ тѣхъ колеблющихся схемъ, въ которыхъ моя мысль невольно его воплощаетъ. И оба процесса представленія и понятія развиваются параллельно другъ другу, причемъ слово является существеннымъ факторомъ въ развитіи обоихъ. Слово, высказанное впервые по поводу единичнаго предмета, — звукъ, вырвавшійся изъ груди подъ впечатлѣніемъ преходящаго чувства, получаетъ типическое общезначеніе; и наоборотъ — собственное имя рождается изъ нарицательныхъ.

Средневѣковые реалисты школы Авиценны и Фома Аквинскаго признавали, что общія, родовыя начала существуютъ реально въ вещахъ (in re), составляя ихъ природу. Родъ присущъ вещамъ по своему содержанію; отвлекаемый отъ вещей, онъ получаетъ универсальную форму *понятія*. Реально онъ существуетъ въ вещахъ; формально, т. е. какъ отвлеченное всеобщее понятіе, только въ умѣ. Родъ не есть только понятіе, отвлеченное отъ нѣкоторыхъ индивидовъ, ибо онъ дѣйствительно существуетъ „въ основѣ“ ихъ (fundamentaliter), составляетъ какъ-бы ихъ общій базисъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не исчерпывается всецѣло индивидами, его представляющими, ибо заключаетъ въ себѣ нѣкоторую реальную мощь (потенцію), въ силу которой эти индивиды могутъ быть умножены или размножены въ его предѣлахъ.

Эта средневѣковая теорія, столь хулимая и вмѣстѣ столь забытая въ наши дни, несравненно болѣе соотвѣтствуетъ психическимъ фактамъ, чѣмъ односторонній номинализмъ англійской философіи. Человѣкъ мыслить посредствомъ словъ, обособляетъ ими понятія, закрѣпляетъ, опредѣляетъ, обозначаетъ ихъ словами. Но слово имѣетъ реальное зна-

ченіе, знаменуетъ дѣйствительный фактъ сознанія, ибо понятіе, обозначаемое словомъ, не исчерпывается имъ, но предполагаетъ *родъ*, общее качество, свойство, отношеніе вещей. Понятія образуются и опредѣляются словами, но положительный характеръ родовой общности сообщается понятію не словомъ, а предваряетъ слово. Ибо если бы въ явленіяхъ не было ничего общаго, однороднаго, то слова были-бы бесполезны, какъ языкъ, состоящій изъ однихъ собственныхъ именъ.

Въ живомъ сознаніи нѣтъ общаго безъ частнаго, индивида безъ рода, но каждая вещь сростается изъ общихъ свойствъ и каждое общее свойство непременно представляется конкретно въ связи съ какою-либо совокупностью другихъ. Отвлеченныя понятія, обособленныя представленія существуютъ и въ умѣ только „формально“, при посредствѣ какихъ-либо схемъ или условныхъ пограничныхъ знаковъ, преимущественно словесныхъ. На дѣлѣ каждый родъ, общее качество или отношеніе существуетъ лишь какъ общій базисъ нѣкоторыхъ представлений, и каждое представленіе заключаетъ въ себѣ „въ основаніи“ нѣчто общее, родовое. Эта родовая основная связь представленій обуславливаетъ собою ихъ связь—въ сходствѣ и въ противоположности, въ смежности и внѣ смежности; какъ видимыя внѣшнія ассоціаціи, такъ и невидимыя, всемогущія органическія связи предполагаютъ этотъ общій безсознательный базисъ. Нѣчто абсолютно индивидуальное не могло бы сохраниться въ сознаніи, привиться къ его общему стволу. И такимъ образомъ родовая, реальная основа сознанія обуславливаетъ не только связи представлений, но самую ихъ сохраняемость въ сознаніи (*retentiveness*). Каждое представленіе можетъ быть по произволу воспроизведено, повторено, удвоено нами, видоизмѣнено самыми разнообразными способами; каждое представленіе, какъ-бы мы его ни фиксировали, является въ высшей степени колеблющимся, измѣнчивымъ, неустойчивымъ; ни одно не ограничено данной единичной своей формой, но допускаетъ множество формъ.

Постольку, слѣдовательно, представленіе имѣеть *общее содержаніе*, въ которомъ оно и сохраняется. Въ силу этого же общаго содержанія оно можетъ быть непосредственно обращено въ понятіе. Съ другой стороны, всякое понятіе можетъ быть представлено конкретно, потому что ему соотвѣтствуетъ нѣкоторая положительная реальная потенція въ сознаніи.

Итакъ, въ духѣ нѣтъ ни врожденныхъ идей понятій, ни выродившихся идей представлений ¹⁾. Поэтому и терминъ „ассоціація“ является намъ неточнымъ и постольку не объясняющимъ фактовъ сознанія. Что представленія вызываютъ другъ друга въ памяти, когда они имѣютъ нѣчто общее между собою,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но каждое представленіе имѣеть столь много общаго съ такимъ множествомъ другихъ, что одинъ законъ ассоціаціи не можетъ объяснить, почему изо всѣхъ возможныхъ комбинацій представлений осуществляется только одна. На дѣлѣ въ каждой ассоціаціи, кромѣ возбуждающаго и возбужденнаго представленія, дѣйствуетъ *интересъ*, или мотивъ, направляющій наше *вниманіе* въ ту или другую сторону: иногда онъ

1) Чтобы найти искомыя индивидуальныя элементы сознанія, его психологическіе атомы, англійская психологія вынуждена искать ихъ гдѣ-нибудь внѣ сознанія. Она обращается къ микроскопической анатоміи, которая указываетъ ей на элементы нервнаго вещества—кѣлѣчки и волоконца. Нѣкоторые психологи приравняли первыя—элементарнымъ идеямъ, вторыя—отношеніямъ между идеями и пытались объяснить ассоціацію идей гипотезою особыхъ „путей“, проторенныхъ въ мозгу между группами кѣлѣчекъ. Сѣрая корка, покрывающая мозговую полушарія, заключаетъ въ себѣ приблизительно 1,200 миллионъ кѣлѣчекъ и 4,800 миллионъ волоконцевъ. Отсюда Бэнъ вычисляетъ вѣроятное количество нервныхъ элементовъ, потребное для приобрѣтенія или сохраненія того или другого рода знаній (математическихъ, лингвистическихъ, музыкальныхъ и др.), указывая, какимъ образомъ эти различныя приобрѣтенія взаимно другъ друга ограничиваютъ.—Нѣтъ надобности прибавлять, что если индивидуальныя идеи оказываются фиктивными, а отношенія имѣютъ характеръ общій,—то и вся эта система гистологической френологіи является собою по меньшей мѣрѣ *testimonium pauperetatis* философской психологіи извѣстнаго направленія.

заклучается въ самомъ представленіи, которое живетъ и движется передъ нами; иногда онъ связанъ съ какою-либо внѣшнею цѣлью, въ виду которой мы должны припомнить нѣчто. Этотъ интересъ, *мотивирующій* наше вниманіе, является душой всего процесса; и разъ, что воля и вниманіе вмѣшиваются въ дѣло, произвольно завязывая и разрывая нити ассоціаціи, случайное внѣшнее сѣпленіе представленій является невозможнымъ. Самый процессъ припоминанія и вниманія есть явленіе совершенно необъяснимое изъ однихъ представленій и тѣмъ болѣе изъ „ассоціацій“, съ которыми приходится бороться при каждомъ сложномъ воспоминаніи. Какимъ образомъ я изъ всѣхъ возможныхъ представленій, дремлющихъ въ моей памяти, сосредоточиваю свое сознаніе на одной опредѣленной группѣ ихъ и припоминаю къ ней не тѣ представленія, которыя она случайно вызываетъ, но тѣ, которыя мнѣ нужно припомнить въ виду извѣстной цѣли? Мышленіе есть разумный и цѣлесообразный процессъ, въ которомъ всѣ отдѣльныя представленія не навязываются, а мотивируются въ своей связи. Мы воспринимаемъ результаты этого процесса, т. е. связныя мысли; иногда мы въ состояніи прослѣдить первыя его побужденія. Но самый промежуточный процессъ, результатомъ котораго является мысль,—процессъ, который отыскиваетъ отвѣтъ на вопросъ, не сознается нами, какъ это превосходно показалъ Гартманъ. Мы знаемъ, что это—разумный и цѣлесообразный процессъ, потому что имъ обусловлена мысль, потому что онъ подыскиваетъ желанный отвѣтъ изъ безконечнаго множества возможныхъ представленій. Но какъ всѣ эти представленія, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, пребываютъ однако внѣ свѣтлой сферы нашего дѣйствительнаго сознанія, такъ и мысль, что-бы найти ихъ, должна поневолѣ выйти изъ его границъ. Чѣмъ-же руководствуется она внѣ сознанія? Почему она разумнѣе, проще, вдохновеннѣе именно тамъ, гдѣ она не измышляется и не сочиняется, гдѣ она не выдумывается, но выливается непосредственно изъ глубины души?

Должны-ли мы признать какую-либо иную форму разумности

и сознанія, кромѣ индивидуальной, или-же допустить „премудрое бессознательное“ нѣмецкихъ философовъ,—последовательный эмпиризмъ не можетъ допустить ни того, ни другого. Всякое трансцендентальное сознаніе, всякая трансцендентальная разумность есть нѣчто невысказанное съ точки зрѣнія такого эмпиризма. Доведенная до крайности, его психологія вынуждена отрицать все до-сознательное и внѣ-сознательное въ душѣ человѣка, какъ нѣчто выходящее за предѣлы индивидуальнаго сознанія. Она должна последовательно отрицать всякій *prius* сознанія, т. е. все предшествующее сознанію, въ духѣ или внѣ духа, всякое сознаніе кромѣ эмпирическаго и все бессознательное. Ей остается поэтому либо отождествить *память* съ *сознаніемъ* — чудовищный абсурдъ, на который никто не отважится, либо-же отказаться отъ себя и броситься въ объятія матеріализма.

Уже Милль допускаетъ бессознательное лишь въ смыслѣ бессознательныхъ мозговыхъ процессовъ. Бэнъ, который нисколько не считаетъ себя матеріалистомъ, и Гербертъ Спенсеръ проводятъ этотъ взглядъ во всѣхъ подробностяхъ. Это—явное банкротство психологіи эмпиризма. Не говоря уже о томъ, что матеріализмъ ея до крайности не критиченъ и противорѣчитъ ея основнымъ посылкамъ, подобная психологія, отрицая бессознательные или точнѣе—внѣ-сознательные душевные процессы, совершенно отказывается отъ своей задачи—„психологическаго“ объясненія душевныхъ явленій. Мало того, она совершенно искажаетъ ихъ природу.

Въ наши дни едва-ли представляется нужнымъ настаивать на значеніи „бессознательнаго“ въ душевной жизни человѣка: скорѣе приходится предостерегать противъ злоупотребленія этимъ смутнымъ терминомъ. Какъ-бы то ни было, если мы, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, взглянемъ безпристрастно на свою собственную душевную жизнь, то несомнѣнно убѣдимся, что сознательное въ ней бесконечно перевѣшивается бессознательнымъ,—точнѣе, что внѣ сферы нашего индивидуальнаго сознанія на каждомъ шагу совершается великое множество душевныхъ процес-

совъ, обусловливающихъ собою наше эмпирическое сознание,—процессовъ несомнѣнно разумнаго и психическаго характера: таковы воспріятіе, воспоминаніе, сравненіе, обобщеніе, которыя всѣ большею частью совершаются нами непосредственно, интуитивно, даже тамъ, гдѣ они весьма сложны. Каждое впечатлѣніе вызываетъ безсознательное сужденіе, каждое внѣшнее воспріятіе есть рядъ интуитивныхъ умозаключеній. Всякое *убѣжденіе* наше въ какой-либо *реальности*, всякое понятіе о чемъ-либо *универсальномъ*, посредствомъ, какъ мы увидимъ, именно этой до-сознательной психической дѣятельностью, имѣетъ свой корень въ этомъ органическомъ сознаніи, въ этомъ наслѣдственномъ базисѣ всѣхъ индивидуальныхъ сознаний. Въ немъ утверждаются наши сильнѣйшія вѣрованія, инстинкты, въ немъ сѣются, изъ него растутъ всѣ тѣ идеи, которыя имѣютъ въ себѣ корень, имѣютъ *позитивное* значеніе для человѣка. Въ области фантазіи и чувства, воли и творчества значеніе этой субстанціальной основы психической жизни еще глубже и важнѣе.

Поэтому психологія, которая безъ околичностей отрицаетъ психическій характеръ безсознательныхъ или внѣсознательныхъ процессовъ, столь явно обусловливающихъ личное сознание, не можетъ устоять на собственныхъ ногахъ и вынуждена объяснять душевныя явленія чисто-материалистически или-же вовсе отказаться отъ всякаго объясненія, превращаясь изъ психологіи въ какое-то поверхностное душеописаніе. Если досознательныя дѣятельности превращаются *исключительно* въ матеріальныя измѣненія мозгового вещества, то сознание, собственно, перестаетъ быть не только логическою, но даже и психологическою функцией. Эмпирическое сознание далеко не является намъ непрерывнымъ рядомъ состояній; и хотя нельзя сказать, чтобы сознательныя состоянія индивидуальной души рѣзко отдѣлялись отъ внѣсознательныхъ,—сами по себѣ, независимо отъ до-сознательныхъ дѣятельностей, они были-бы совершенно безсвязны не только логически, но и психологически.

Не говоря уже о періодах обморока, полного сна, забытья, гипноза, временно прерывающих нить сознанія, мы, за вычетомъ всѣхъ тайныхъ органическихъ связей между различными душевными состояніями, всѣхъ инстинктивныхъ внушеній, всѣхъ до-сознательныхъ дѣятельностей, выслѣживаемыхъ нами въ своемъ духѣ, разрѣшаемъ его въ простую коллекцію отрывковъ, во внѣшнее сцѣпленіе событий. Отсюда возникаетъ грубое противорѣчіе, на которое указалъ самъ Д. С. Милль: если сознаніе есть только рядъ состояній, сцѣпившихся внѣшнимъ образомъ между собою, то какимъ образомъ можетъ оно сознавать себя въ этомъ качествѣ? Или оно есть нѣчто большее, чѣмъ такой рядъ, имѣетъ въ себѣ трансцендентальное начало и постольку оно болѣе, чѣмъ і индивидуально. Или же оно должно утратить сомознаніе и всякую душевную индивидуальность.

Таковы многочисленныя противорѣчія философской логики и психологіи эмпиризма, вытекающія изъ его основного предположенія — отвлеченной индивидуальности сознанія.

Противорѣчія эти столь существенны и очевидны, что казалось-бы страннымъ, еслибы англійскіе мыслители, столь тонкіе и осмотрительные, не подозрѣвали ихъ существованія. Наболѣе замѣчательные изъ нихъ, съ Юмомъ во главѣ, не только сознавали ихъ, но сводили главнѣйшую задачу своей философіи къ ихъ раскрытію и обличенію, обосновывая ими свой скептицизмъ. Они стремились доказать такимъ путемъ, что разумъ совсѣмъ неспособенъ къ логическому познанію истины, что всякая логическая достовѣрность сводится къ психологической увѣренности, что все безусловное, общее существуетъ лишь номинально и т. д. Всякое убѣжденіе сводится въ сущности къ иррациональной, субъективной *привычкѣ*; всѣ нравственные и теоретическіе принципы, отъ которыхъ мы отправляемся, коренятся въ ней одной. Привычка и обычай (*custom and habit*) закладываются въ основаніе всей мысли и жизни человѣка. Философское содержаніе такого скептицизма состоитъ въ

сознаніи условной, неразумной природы всѣхъ этихъ привычекъ, всѣхъ этихъ умственныхъ и нравственныхъ навыковъ человѣка и вмѣстѣ—въ признаніи ихъ необходимости, ихъ практической неизбежности въ дѣлахъ умственныхъ и житейскихъ. Философія Юма, самая цѣльная, характерная, національная изъ всѣхъ англійскихъ философій, совмѣстила въ себѣ оба момента—скептицизмъ послѣдовательнаго эмпирика съ практическимъ здравымъ смысломъ британца. Юмовскій скептицизмъ—едва-ли не самая философская форма эмпирическаго ученія. Ибо еслибы онъ былъ еще послѣдовательнѣе, еслибы онъ развилъ до конца всѣ противорѣчія, заключающіяся въ предположеніяхъ эмпиризма, онъ пришелъ-бы къ совершенному самоубійству, разрушился-бы въ столкновеніи съ несокрушимымъ свидѣтельствомъ человѣческаго сознанія.

Замѣчательно, что ученіе, сводящее все существующее къ состояніямъ индивидуальнаго сознанія, можетъ держаться исключительно благодаря смѣшенію его съ сознаніемъ коллективнымъ. Ибо когда говорятъ о человѣческомъ сознаніи *вообще*, никто не думаетъ только о себѣ одномъ, но каждый разумѣетъ въ себѣ общечеловѣческое сознаніе. Англійскіе послѣдователи Беркли, отрицая міръ внѣ своего эмпирическаго сознанія, сводятъ матерію внѣ сознанія—къ простой мыслимой возможности ощущеній. Все, что я знаю о сосѣдней комнатѣ сводится къ тому, что если я совершу нѣсколько актовъ, воспринимаемыхъ мною какъ рядъ мышечныхъ ощущеній (шаговъ), я испытаю соотвѣтственно тому рядъ привычныхъ мнѣ чувственныхъ измѣненій, которыя закончатся сложною группой ощущеній—воспріятіемъ моей комнаты. Больше ничего я объ этой комнатѣ не знаю, комнаты въ себѣ не допускаю и признаю ее въ моемъ отсутствіи за простую возможность воспріятія. При этомъ однако прибавляется или подразумевается, что эта возможность существуетъ не только для меня, но и для моихъ пріятелей, для всякаго другаго человѣка, входящаго въ эту комнату. Это можно слушать. Но что, если мнѣ скажутъ,

что мои пріятели, что всѣ люди въ мое отсутствіе превращаются въ возможности моихъ воспріятій? Этого никто никогда не могъ допустить, и самъ Беркли, послѣдовательнѣе всѣхъ учившій, что всѣ воспринимаемыя нами вещи суть лишь наши идеи, состоянія сознанія, не имѣющія внѣ его никакой реальности,—допускалъ однако міръ сознающихъ существъ или духовъ, которымъ, по волѣ одного и того-же „Универсальнаго агента или Бога“, грезятся приблизительно однѣ и тѣ-же идеи, одна и та-же матеріальная вселенная. По замѣчанію Рида, „епископъ Беркли, какъ и подобало его сану, не рѣшался отступить отъ духовнаго міра... И потому, упраздняя матеріальный міръ въ пользу системы идей, онъ упразднялъ половину этой системы въ пользу міра духовъ“ (Essays, v. I, p. 266).

Но на дѣлѣ рѣшительно все равно, признавать-ли внѣ своего сознанія рядъ сознающихъ существъ—Бога, ангеловъ, людей, маленькихъ дѣтей, идіотовъ, животныхъ, насекомыхъ, инфузурій, клѣточекъ, монадъ—въ нисходящемъ порядкѣ постепенно слабѣющаго сознанія, или-же, наоборотъ, допустить реальную и независимую отъ насъ вселенную, постепенно развивающуюся въ пространствѣ и времени въ восходящемъ порядкѣ усиливающейся сознательности. Оба взгляда отличаются одинаковымъ реализмомъ, заключая въ себѣ признаніе безусловной общей реальности, внѣшней, индивидуальному сознанію, какъ такому.

Чтобы спастись отъ скептицизма, нужно, вопреки основнымъ послылкамъ эмпиризма и основному понятію объ исключительно индивидуальной субъективности сознанія, допустить въ немъ способность непосредственнаго воспріятія реальнаго, истиннаго въ вещахъ, какъ это сдѣлала шотландская школа съ Ридомъ во главѣ. Она признаетъ переходъ отъ сознанія къ вещамъ актомъ непосредственнаго „здраваго смысла“ — ирраціональнаго, но непогрѣшимаго инстинкта, очевидно внушеннаго природой или благимъ Провидѣніемъ. Замѣчательно, что при этомъ шотландская школа осталась вѣрною основнымъ понятіямъ эмпиризма: сознаніе (conscious-

ness) по прежнему ограничивается воспріятіемъ своихъ субъективныхъ состояній. Вслѣдствіе этого принципъ непостижимаго „common sense“ является въ сущности совершенно враждебнымъ всякой философіи и всякому критицизму. Истинно то, говоритъ Битти, чему наша природа вынуждаетъ насъ вѣрить, ложно обратное сему. Здравый смыслъ убѣждаетъ насъ въ реальности всѣхъ нашихъ воспріятій, въ истинности опыта, нашего и чужого, и соотвѣтственно тому,—въ цѣломъ рядѣ положеній, которыя ниоткуда выведены быть не могутъ, но только открываются въ сознаніи, какъ основныя данныя. Здравый смыслъ можетъ насъ и обманывать во всемъ этомъ, но это для насъ безразлично, ибо въ такомъ случаѣ наша природа такова, что мы должны неизбежно обманываться (Reid, *Essays on the powers of human mind* 1812, II, 328). Это совершенное сомнѣніе въ разумѣ, въ логической компетенціи сознанія,—тотъ-же скептицизмъ, только вывернутый на изнанку.

На этомъ мы закончимъ пока нашъ обзоръ эмпирическаго ученія о сознаніи и подведемъ итоги нашего анализа.

I. Эмпиризмъ приходитъ къ своимъ скептическимъ результатамъ, отправляясь отъ предположенія исключительной индивидуальности человѣческаго сознанія. Разсматривая сознаніе, какъ индивидуальную функцію только, мы должны признать послѣдовательно, что оно по необходимости ограничено одними субъективными состояніями. Мы должны отрицать всякую логическую компетенцію этого сознанія въ признаніи внѣшней ему реальности, въ познаніи всего общаго, универсальнаго. Ибо содержаніе такого сознанія, согласно предположенію, можетъ быть только субъективнымъ и частнымъ. Съ этой точки зрѣнія намъ остается подписаться подъ всѣми скептическими выводами эмпиризма безъ исключенія и признать ихъ первостепенное значеніе. Всѣ его психологическія построенія, всѣ его мнимо-индуктивныя объясненія реальныхъ и универсальныхъ началъ въ сознаніи, ложныя сами по себѣ, представляютъ собою логически вѣрное *reductio ad absurdum* основной посылки эмпиризма.

II. Доволя до конца свои выводы, эмпиристъ былъ-бы вынужденъ отрицать всякое сознание внѣ своего собственнаго и видѣть во всѣхъ существахъ, матеріальныхъ и духовныхъ, простыя идеи своего сознанія, возможныя или дѣйствительныя воспріятія, не обладающія сами по себѣ никакою реальностью (*esse—percipi*). Нѣтъ вселенной, нѣтъ пространства, времени, причинности внѣ нашихъ представлений. Все реальное и общее есть фикція, или иллюзія.

III. Разсматриваемое какъ индивидуальная функція только, сознание должно по необходимости превратиться въ бессмысленное, чисто-внѣшнее сцѣпленіе событій—фиктивныхъ элементовъ сознанія. Всѣ психическія разумныя дѣятельности, лежащія внѣ сферы индивидуальнаго сознанія, всѣ досознательные процессы духа, всякое сознание внѣ эмпирическаго сознанія подлежатъ безусловному отрицанію. И такъ какъ именно эти процессы, лежащіе внѣ сферы индивидуальнаго сознанія, посредствуютъ его важнѣйшія логическія и психологическія отправления, то за ихъ вычетомъ сознание превращается въ безсвязный рядъ, какъ бусы съ выпущеннымъ шнуркомъ.

IV. Сознавая вполне всю силу и значеніе этихъ отрицательныхъ результатовъ, англійская философія должна была по необходимости искать исхода изъ столь явныхъ противорѣчій, и всѣ попытки, сдѣланныя ею въ этомъ направленіи, указываютъ прямо или косвенно на иное понятіе о сознаніи, чѣмъ то, отъ котораго она отправляется. Эти гипотезы, посредствомъ которыхъ англійская психологія пытается обосновать себя, суть:

1) Признаніе реальнаго міра духовъ и въ немъ—одного объективнаго и общаго всѣмъ сознанія (ученіе Беркли).

2) Признаніе „здраваго“ или „общаго смысла“ (*common sense*) въ душѣ человѣка—какой-то непонятной способности, существующей фактически, обусловливающей всякое реальное познаніе и нравственное сознаніе, но вмѣстѣ совершенно необъяснимое изъ индивидуальнаго сознанія, какъ такого (Ридъ).

3) Матеріалізмъ, также принципіально противный эмпиризму, но устанавливающій научно одну глубокую и неопровержимую истину: *первенство организации передъ сознаниємъ.*]

Мы уже указали на существенное противорѣчіе, въ которое впутались англійскіе психологи: они разрѣшаютъ матерію въ представленіе, доказываютъ, что все называемое нами матеріей есть лишь „идея сознания“, т.-е. извѣстная совокупность субъективныхъ чувственныхъ свойствъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ вынуждаетъ ихъ признать *pius* нервовъ передъ сознаниємъ. Превращая матерію въ отправленіе сознания, они вынуждены разсматривать сознание какъ мозговое отправленіе. И такимъ образомъ самая матерія превращается въ „мозговое явленіе“, такъ что мозгъ предшествуетъ не только сознанию, но и веществу.

Какъ ни грубо подобное противорѣчіе, оно заключаетъ въ себѣ глубокую правду. Оно означаетъ, что сознание есть продуктъ не матеріи, но *организации*, и что въ извѣстномъ смыслѣ самая чувственная матерія можетъ разсматриваться какъ продуктъ „сознающей организации“. Ибо мозгъ обуславливаетъ сознание не по тѣмъ внѣшнимъ чувственнымъ свойствамъ, которыя видитъ въ немъ глазъ анатома, но какъ совершеннѣйшій одушевленный органъ земного тѣла, какъ конечный результатъ безконечно сложной вселенской организации, которую онъ предполагаетъ. Милліарды предшествовавшихъ поколѣній работали надъ его развитіемъ, и милліарды органическихъ элементовъ, координированныхъ между собою, обуславливаютъ его отправленіе въ своей коллективной психической работѣ. Такимъ образомъ, за вычетомъ грубой метафизики вещества, научный, позитивный матеріалізмъ можетъ быть не только существенной инстанціей противъ субъективнаго идеализма, но, какъ мы увидимъ, однимъ изъ подтвержденій ученія объ органической, живой соборности сознания.

(Продолженіе будетъ.)

Ив. Сергѣй Трубецной.

О психофизических явлениях съ точки зрѣнія механической теоріи *).

I.

Всѣ физическія явленія такъ тѣсно связаны между собою, что всегда представляется возможность говорить о рядѣ однихъ явленій, выражаясь терминами другихъ. Въ сущности въ этомъ и заключается объясненіе какихъ-либо явленій на основаніи той или другой гипотезы; и отсюда происходитъ столько-же возможныхъ точекъ зрѣнія, сколько существуетъ обособленныхъ явленій. Такъ свѣтъ можетъ быть разсматриваемъ какъ вещество, какъ движеніе, какъ электричество, какъ ощущеніе. Электричество въ свою очередь можетъ быть разсматриваемо какъ вещество, какъ движеніе, какъ свѣтъ, какъ теплота, и т. д. Какая-же изъ этихъ точекъ зрѣнія или какая изъ подобныхъ гипотезъ должна быть предпочтительно выбрана, какъ методъ для изслѣдованія явленій природы? Въ настоящее время въ физическихъ наукахъ господствуетъ стремленіе объяснять все движеніемъ, и это не потому, чтобы движеніе составляло

*) Читано въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 4-го марта 1889 года.

всю сущность этих явлений, и даже не потому, что оно легко и наглядно объясняет их, а главным образом потому, что объяснения этого рода болѣе другихъ способны получить характеръ *пророческій*, который тѣмъ болѣе упрочивается за ними, что движеніе вообще легко можетъ быть выражено въ строгихъ математическихъ формулахъ. Чѣмъ болѣе предсказаній, оправдываемыхъ на дѣлѣ, представляетъ гипотеза, тѣмъ она очевидно правдоподобнѣе и научнѣе. Почему, наприм., для объясненія свѣта предпочитается гипотеза о колебаніяхъ эѳира Ньютоновой гипотезѣ о свѣтовомъ веществѣ? И та и другая одинаково объясняютъ явленія; и та и другая непосредственнымъ опытомъ не доказываются. Первая гипотеза принимается въ наукѣ только потому, что достигла высокой степени этого пророческаго значенія. Съ помощію ея слѣданы такого рода изслѣдованія и открытія, которыя вполне могли-бы соперничать съ кабинетнымъ открытіемъ Лавуазье планеты Нептуна, еслибы только они отличались такою-же популярностью. Точно такой-же отвѣтъ мы должны получить, если зададимъ себѣ вопросъ, почему въ астрономіи принята система Коперника предпочтительно передъ системою древнихъ? Прямими доказательствами, опытомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ мы не можемъ руководствоваться и въ этомъ случаѣ; но стройное согласіе всѣхъ теоретическихъ предсказаній съ текущими явленіями въ этой области не позволяетъ намъ ни на одну секунду усомниться въ ея правильности или искать чего-нибудь болѣе удобнаго и совершеннаго.

Методъ объясненія явленій черезъ движеніе составляетъ такъ-называемую механическую теорію, которая, слѣдовательно, имѣетъ своимъ основнымъ принципомъ такое положеніе: все существующее должно нами познаваться черезъ свойства энергіи, т. е. того, что производитъ или способно производить движеніе. Этимъ основнымъ принципомъ механическая теорія строго отдѣляется съ одной стороны отъ теоріи материалистической, которая признаетъ, что все

существующее может познаваться нами, какъ свойство матеріи, съ другой стороны—отъ теоріи спиритуалистической, которая источникомъ познаній ставитъ духъ и его свойства.

Обособленіе механической теоріи въ систему, отдѣльную отъ матеріализма, началось очень недавно. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ можно было встрѣтить изложеніе матеріалистическихъ гипотезъ подъ названіемъ механической теоріи міра *). Но съ тѣхъ поръ, какъ быстро начало развиваться ученіе объ энергіи, раздѣльная черта между этими двумя углами зрѣнія на существующее стала отчетливо выясняться, и физики, раздѣляющіе это ученіе, какъ наприм. Тэтъ, даже съ нѣкоторою рѣзкостью обособляютъ его отъ всѣхъ другихъ воззрѣній, утверждая, что спиритуалисты и матеріалисты одинаково неспособны и невѣжественны **). Мы съ своей стороны съ сожалѣніемъ встрѣчаемъ такой сектаторскій духъ въ наукѣ и думаемъ, что, сдѣлавшись совершенно необходимою для рѣшенія вопросовъ физическихъ, механическая теорія въ вопросахъ высшаго порядка должна принимать направленіе по преимуществу критическое или даже примирительное, такъ какъ дѣйствительно объ остальные теоріи приводятъ нерѣдко къ несогласнымъ и даже противорѣчащимъ результатамъ. Оставаясь на почвѣ положительнаго метода, она имѣетъ возможность породить сомнѣніе въ догматическихъ выводахъ матеріалистической теоріи, усматривая въ нихъ лишь поспѣшныя обобщенія.

II.

Чтобы выяснитъ мою мысль, я приведу два примѣра, изъ которыхъ одинъ соприкасается съ областью метафизики, другой съ психологіей.

*) „Отечественныя Записки“ 1859 г., апрѣль. Статья П. Лаврова: „Механическая теорія міра“.

**) Тэтъ: „Обзоръ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ успѣховъ физическихъ знаній“. Переводъ подъ редакціей Сѣченова.

Первый вопросъ таковъ: существуетъ-ли вселенная самостоятельно, сама по себѣ, находя въ себѣ самой источникъ существованія, а потому не имѣя ни начала, ни конца? Вопросъ этотъ рѣшается спиритуалистическимъ ученіемъ отрицательно, а матеріалистическимъ утвердительно. Разсмотримъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія ученія объ энергіи. Для этой цѣли прослѣдимъ въ общихъ чертахъ исторію вселенной, какъ она представляется намъ изъ различнаго рода научныхъ изслѣдованій и соображеній. Наша солнечная система, какъ вѣроятно и другія солнечныя системы, а также и весь міръ, возникли изъ неравномѣрно и неправильно разбросанной матеріи,—какъ, зачѣмъ и почему, мы рѣшить не можемъ. Въ этомъ хаосѣ, въ мѣстахъ, гдѣ матерія наиболѣе была скучена, образуются центры, около которыхъ она и сгущается съ большей правильностью. Стремясь къ этимъ центрамъ, матерія начинаетъ съ одной стороны нагрѣваться, съ другой—получаетъ вращательное движеніе. Будемъ-ли мы далѣе слѣдовать гипотезамъ Канта, Лапласа или Фэ, для насъ въ данномъ случаѣ все равно. Ясно, что изъ общей вращающейся массы образовались солнца, планеты и ихъ спутники. Далѣе мы уже можемъ перейти къ знакомой намъ въ главныхъ чертахъ исторіи земли. Огненно-жидкое состояніе, смѣняющееся всеобщимъ океаномъ, изъ-подъ поверхности котораго мало-по-малу выдвигалась твердая земля, появленіе растений и животныхъ, сначала въ микроскопической формѣ, потомъ въ формѣ безобразныхъ и неуклюжихъ гигантовъ, исчезнувшихъ большею частью, чтобы дать мѣсто болѣе прочнымъ и болѣе приспособленнымъ къ средѣ организмамъ—вотъ ея важнѣйшіе моменты. Появляется наконецъ и человекъ. Много лѣтъ протекло до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній изъ дикаго состоянія, мало отличимаго отъ состоянія животныхъ, переступилъ, и то сравнительно небольшою частью своего рода, черезъ вѣка каменный, бронзовый и желѣзный,—въ періодъ культуры и гуманности. Процессъ этотъ еще далеко не кончился, а уже чувствуются зачатки бу-

душаго упадка, — разумѣется не нравственнаго, а чисто-физическаго. То-же самое охлажденіе планеты, которое дало возможность появиться живымъ существамъ и жить все привольнѣе и привольнѣе, готовить для нихъ и предѣль, за который они не только не могутъ перейти, но и должны будутъ идти назадъ въ своемъ развитіи. Ледящее пространство, ограниченное такъ-называемыми снѣжными линіями (или лучше—снѣжными поверхностями), низко спустилось къ поверхности земли, и если высоко еще поднимается надъ экваторомъ, то уже прикоснулось къ обоимъ полюсамъ, вымораживая отсюда жизнь. Оно будетъ неуклонно распространяться, сгоняя эту жизнь и съ боковъ и сверху въ пространство все болѣе и болѣе суживающееся, пока оно совсѣмъ не исчезнетъ. Достаточно ужъ этого одного, чтобъ увидѣть неизбежность конца всякой жизни. Но есть другія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ способна привести къ этому-же результату. Уничтоженіе кислорода, углекислоты, угля, космическія перемѣны, какъ напримѣръ замедленіе вращенія около оси или ускореніе вращенія около солнца, паденіе на это послѣднее, или наконецъ постепенное его потуханіе, — все это ведетъ къ уничтоженію жизни. Всѣ эти причины однако дѣйствуютъ гораздо медленнѣе охлажденія. Непрочность солнечной системы съ механической стороны есть еще вопросъ. Пока констатированъ только фактъ періодичности замѣчаемыхъ измѣненій и ничего болѣе. Правда, при этомъ опущены нѣкоторыя вліянія по своей относительной малости, а они съ теченіемъ весьма большого времени могутъ произвести пертурбаціи, способныя измѣнить прочность взаимныхъ положеній. Но прежде, чѣмъ подобныя измѣненія будутъ имѣть мѣсто, охлажденіе пойдетъ своимъ чередомъ и опередитъ все другое. Охлажденіе можетъ зайти такъ далеко, что планета, повидимому совершенно сохранившаяся, станетъ безжизненнымъ трупомъ, который уже не согрѣютъ солнечные лучи и въ которомъ не породятъ никакой работы, потому

что вся энергія, получаемая отъ солнца, сейчасъ-же и будетъ расходоваться на разсѣяніе въ пространство.

Такова по нашему мнѣнію луна. Но охлажденіе можетъ идти и далѣе, результатомъ чего будетъ постепенное паденіе на части, чѣмъ вѣроятнѣе всего можно объяснить наприм. происхожденіе астероидовъ. Вскорѣ мы увидимъ, что разсѣяніе вещества есть необходимое слѣдствіе разсѣянія энергіи, а теперь пойдемъ далѣе. Указанный нами конецъ существующаго міра признается и многими матеріалистами, но они прибавляютъ къ нему еще нѣкоторую поправку, съ которой уже никакъ не можетъ согласиться строго-последовательное ученіе объ энергіи. По ихъ понятіямъ, всякій подобный конецъ можетъ быть только временнымъ, и съ нимъ всегда должно совпадать начало новаго развитія и новой жизни, источникомъ которой будетъ столкновеніе обломковъ разрушенныхъ массъ. Старая исторія на новый ладъ будетъ вѣчныя времена разыгрываться во вселенной *). Въ общемъ, ходъ жизни по этому ученію таковъ: рожденіе, развитіе, моментъ наибольшаго развитія, поворотъ къ упадку, упадокъ и смерть, новое рожденіе и т. д. Матерія по такому воззрѣнію есть источникъ жизни, потому что основное свойство ея есть вѣчное превращеніе движенія изъ одной формы въ другую.

Въ этомъ и состоитъ коренная ошибка матеріалистовъ. Такое свойство матеріи невозможно признать во вселенной, такъ какъ оно не наблюдается ни въ одной изъ матеріальныхъ системъ, ее составляющихъ. Въ нихъ превращеніе свободно совершается лишь въ одномъ направленіи: массовое движеніе разрѣшается въ частичныя движенія, и главнымъ образомъ въ то изъ нихъ, которое производитъ

*) Подобныя взгляды, между прочимъ, развиваются въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) „Hypothèse cinétique de la gravitation universelle en connexion avec la formation des éléments chimiques“, par J. Jarkovsky, стр. 137; 2) „Les hypothèses cosmogéniques“ par Wolf, 1886 г., стр. 92 и слѣд. См. также замѣтку Раякина, приложенную къ соч. Сименса: „Nouvelle théorie de Soleil“, стр. 43 и слѣд.

теплоту. Обратное-же превращеніе частичныхъ движеній или теплоты въ движеніе массъ совершается только частію и сопровождается значительной потерей въ интенсивности тѣхъ частичныхъ движеній, которыя остались непревратимыми, что и выражается пониженіемъ температуры. Такъ паръ въ паровой машинѣ, произведя своимъ расширеніемъ движеніе поршня, охлаждается и становится неспособнымъ произвести какую-либо внѣшнюю работу. Подобные факты, составляющіе такъ-называемое *разсыпаніе* энергіи, столь ясно выражены въ природѣ, что хотя мы и можемъ смотрѣть на вселенную какъ на систему консервативную, но должны придать ей это названіе лишь выражая имъ сохраненіе энергіи со стороны количественной; качество-же энергіи въ смыслѣ ея превратимости понижается несомнѣнно съ каждымъ новымъ ея видоизмѣненіемъ, — вслѣдствіе чего является полная невозможность думать о какой-либо самостоятельности природы. А между тѣмъ какія важныя заключенія отсюда проистекаютъ! Разсыпаніе энергіи начинается съ того самаго момента, который мы считаемъ за начало созиданія міровъ, такъ что весь указанный нами міровой процессъ съ своимъ прогрессомъ, съ чисто-механической точки зрѣнія, есть отъ начала до конца постоянное и неизмѣнное склоненіе къ упадку, потому-что окончательный его моментъ и есть установленіе такой однообразной формы движенія, при которой уже невозможна никакая жизнь и различіе въ вещахъ, и отъ которой въ то-же время нѣтъ никакого возврата къ другимъ формамъ движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, какую-бы гипотезу о первоначальномъ образованіи міровъ мы ни взяли, она будетъ непременно начинаться съ предположенія нѣкотораго скопленія матеріи; это послѣднее по своей сущности есть движеніе атомовъ къ одному или ко многимъ центрамъ. По мѣрѣ движенія въ нихъ возникаетъ, какъ слѣдствіе сгущенія, сопротивление, которое и разрѣшаетъ большую часть движенія въ теплоту. Итакъ, съ перваго-же шага, необходимаго для раз-

витія міра, является и трата енергіи съ ея качественной стороны, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, такъ что степень развитія или прогресса будетъ пропорціональна количеству этой траты. Мы не споримъ, что обстоятельства могутъ быть таковы, что разсѣянные или разрушенные міры столкновеніемъ своихъ обломковъ или какимъ-либо инымъ взаимодействіемъ еще не вполне потерявшихъ свою энергію частицъ, могутъ произвести новый процессъ, подобный предыдущему, т. е. кажущееся созиданіе міровъ, ихъ развитіе и паденіе, и что такіе процессы будутъ повторяться не разъ и не два, а можетъ-быть великое множество разъ, но въ каждомъ изъ нихъ энергія будетъ разсѣиваться все болѣе и болѣе, и въ результатѣ все-же должно получиться полное ея разсѣяніе.

Ошибочно предполагать, что конечное слѣдствіе этого разсѣянія будетъ выражаться въ неподвижности какой-то громадной массы, составленной изъ обломковъ вселенной, среди безконечно-великаго пустого пространства. Мы не имѣемъ никакого права считать энергію сцѣпленія за прочную и неподчиненную разрушительному дѣйствию охлаждения. Мы склонны гораздо болѣе присоединиться къ мнѣнію Секки, что всѣ состоянія тѣлъ суть формы позднѣйшаго образованія и что теплота разсѣетъ и ихъ, какъ и все, что существуетъ, „въ то вещество, которое называется нами невѣсомымъ эфиромъ“ *). Ошибочно также предполагать, что движеніе разсѣянной матеріи будетъ выражаться въ какомъ-либо колебаніи. Колебанія около какой-либо точки равновѣсія невысказаны безъ постоянного дѣйствія какой-либо энергіи, которая также не должна избѣжать общей участи.

Единственно допустимое проявленіе разсѣившейся энергіи—это поступательное движеніе каждой частицы по одному и тому-же направленію и съ одной и той-же скоростью.

*) „Единство физическихъ силъ“, А. Секки. Переводъ Павленкова, стр. 49.

Замѣчательное слѣдствіе выходитъ изъ этихъ положеній: свойство инерціи получаетъ вполнѣ безпрепятственное осуществленіе только въ одномъ случаѣ: при равномерномъ распредѣленіи всей энергіи между всѣми частицами. Всякое другое движеніе, а также и покой—неестественны съ точки зрѣнія этого коренного свойства вещества. При нихъ должна быть какая-нибудь причина, ихъ сдерживающая или ихъ ускоряющая. Можно поэтому сказать, что весь физическій міръ неудержимо стремится къ безусловному торжеству закона инерціи надъ всѣми другими формами матеріальнаго бытія.

Далѣе этихъ соображеній механическая теорія идти не можетъ. Она не въ состояніи указать, какъ вступала эта энергія во вселенную, вдругъ-ли, разомъ, или въ продолженіе такого-же громаднаго количества вѣковъ, въ какое происходитъ ея разсѣяніе. Свойство агентовъ, дѣйствовавшихъ въ тѣ времена и которые быть-можетъ будутъ дѣйствовать снова, чтобы возстановить жизнь въ той или другой формѣ, также остаются для насъ непонятными. Они не могутъ быть матеріальными въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что эти послѣдніе, какъ уже было показано, характеризуются признаками, ведущими къ разсѣянію энергіи, а они напротивъ должны характеризоваться ея собираніями. Это все, что можетъ утверждать механическая теорія и здѣсь она должна остановиться, чтобы не выйти изъ предѣловъ, установленныхъ ея методами.

III.

Обратимся теперь ко второму вопросу, —къ вопросу психологическому. Спиритуалистическое ученіе признаетъ свободу воли, матеріалистическое—ее отрицаетъ. Казалось-бы, что механическая теорія, по самой сущности своей, склоняющаяся къ тому направленію, которое мы назвали пророческимъ, будетъ въ этомъ пунктѣ поддерживать матеріализмъ и представить всю исторію міра какъ совершенно *роковую*. Въ томъ космическомъ облакѣ, изъ котораго, по ги-

потезъ Канта и Лапласа, образовалась наша вселенная, уже были предначертаны всѣ послѣдующія движенія молекулъ, всѣ физико-химическія соотношенія, всѣ дѣйствія животныхъ и человѣка, государствъ и народовъ. Безъ сомнѣнія, этого и слѣдовало ожидать отъ механической теоріи, основаніемъ которой служить такая наука, какъ аналитическая механика.

Что такое роковое движеніе?—Движеніе, выраженное формулой, которая составляетъ его законъ, неизмѣнный какъ для прошедшаго, такъ и для будущаго. Типомъ роковыхъ движеній могутъ служить движенія небесныхъ свѣтилъ. И дѣйствительно, мы указываемъ наприм. затмѣнія, бывшія тысячу лѣтъ тому назадъ, и можемъ предсказать другія за тысячу лѣтъ впередъ. Но такихъ движеній сравнительно со всѣми тѣми, которыя могутъ встрѣтиться наблюдателю, очень немного. Измѣненность большинства изъ нихъ можно доказывать только опытомъ, методомъ въ этомъ отношеніи очень шаткимъ, который никогда не приводитъ къ выводамъ настолько единообразнымъ, чтобы результаты его можно было разсматривать какъ обладающіе роковою необходимостью. Въ нашемъ опытѣ повторяется такъ-сказать общее явленіе, но въ частностяхъ его подробности бываютъ весьма различны. Если наприм. въ ребенкѣ вслѣдъ за свѣтовымъ впечатлѣніемъ появляется движеніе мышцъ, управляющихъ глазомъ, затѣмъ движеніе въ рукахъ и ногахъ,—схватываніе тѣла, производящаго свѣтъ,—то количества всѣхъ этихъ рефлексовъ при одномъ и томъ-же впечатлѣніи у разныхъ дѣтей и у одного и того-же ребенка въ разныя времена бываютъ различны. Нѣкоторыхъ рефлексовъ иногда и не бываетъ; могутъ возникать и противоположныя движенія, наприм. ребенокъ можетъ и оттолкнуть показываемый ему предметъ. Въ такомъ видѣ мы не имѣемъ никакого права назвать движеніе роковымъ, такъ какъ предсказать его въ цѣломъ не можемъ. Правда, мы не можемъ и отрицать его неизмѣненность,—мы можемъ только сказать, что и то и другое не доказано.

Сомнѣнія въ роковомъ характерѣ движеній съ наибольшою силой появляются тогда, когда станемъ сравнивать движенія въ царствѣ растений и животныхъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ одушевленное едва отличимо отъ бездушнаго. Не даромъ характеристическимъ признакомъ животныхъ долго считалось произвольное движеніе.

Возьмемъ рѣзкій примѣръ *). Извѣстно, что многія изъ растений и животныхъ стремятся къ свѣту, и это стремленіе съ перваго взгляда кажется совершенно неизбѣжнымъ и механическимъ. Помѣстимъ такое растение въ ящикъ, у котораго три стѣнки закрыты и недоступны для свѣта, а съ четвертой стороны свѣтъ проходитъ свободно. Растеніе отклонится въ освѣщенную сторону. Если откроемъ двѣ противоположныя стѣнки, и если свѣтъ съ обѣихъ сторонъ будетъ не одинаковъ по напряженію, то растеніе наклонится въ болѣе освѣщенную сторону, и наклоненіе это будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе будетъ разнствовать между собою освѣщеніе съ той и другой стороны. Напротивъ, если оба освѣщенія одинаковы, то растеніе будетъ держаться прямо.

Если мы откроемъ двѣ стѣнки смежныя, то явленія будутъ еще замѣчательнѣе. Растеніе не наклонится ни въ ту, ни въ другую сторону, а выберетъ направленіе совпадающее съ діагональю параллелограмма, построеннаго на направленіяхъ, по которымъ оно склонилось-бы, еслибы были открыты стѣнки порознь. Однимъ словомъ, здѣсь дѣйствуютъ силы чисто-механическія, и роковая необходимость этихъ движеній почти несомнѣнна.

Попробуемъ произвести тѣ-же опыты съ низшими животными, тоже повидимому механически стремящимися къ свѣту, и мы убѣдимся, что уже не можемъ заранѣе предсказать ихъ,—они выберутъ то или другое направленіе безъ всякаго внѣшняго механическаго мотива и, во всякомъ случаѣ, не будутъ складывать своихъ движеній по закону параллелограмма. Удержатъ животное на мѣстѣ подъ влия-

*) „La Lumière“ par Béquerel, tome II.

ніемъ двухъ равныхъ и противоположныхъ стремленій нѣтъ никакой возможности, и только одинъ Буридановъ осель могъ голодать между двумя стогами сѣна, потому-что не было причины подойти къ одному изъ нихъ предпочтительно передъ другимъ.

Такая самопроизвольная измѣнчивость въ направленіи движеній не стоитъ-ли однако въ противорѣчій съ основными требованіями механики? Такъ должно казаться только при одностороннемъ пониманіи этихъ требованій. Нѣкоторые математики, какъ наприм. Сень-Венанъ, К. Максуэль и Буссенекъ пытались установить на математическомъ основаніи возможность принципа, который они назвали *направляющимъ принципомъ*. Вотъ въ чемъ заключается главное изъ основаній мемуара Буссенеска *). Когда механика желаетъ опредѣлить законъ движенія въ зависимости отъ времени, она ставитъ вопросъ въ безконечно маломъ масштабѣ, отъ котораго по извѣстнымъ правиламъ высшаго анализа переходитъ къ отношеніямъ конечнымъ. Получается уравненіе, выражающее искомый законъ. Но вмѣстѣ съ этимъ можетъ получиться и другой законъ, который также удовлетворяетъ вопросу. Читатель, знакомый съ высшей математикой, пойметъ, что мы говоримъ о составленіи дифференціального уравненія, его интегрированіи и особомъ рѣшеніи, которое иногда при этомъ бываетъ. Получаются такимъ образомъ два направленія для движущагося тѣла, которыя при этомъ сложены быть не могутъ, такъ какъ равнодѣйствующая этихъ направленій уже не можетъ удовлетворить вопросу. Точку, гдѣ начинается это раздвоеніе, можно называть вмѣстѣ съ Максуэлемъ *критической точкой* **) и охарак-

*) „Conciliation du véritable déterminisme mécanique avec l'existence de la vie et de la liberté morale“ par M. J. Boussénesq.

**) Максуэль называетъ критической точкой такое положеніе двигающагося тѣла, начиная съ котораго нельзя предсказать дальнѣйшее его движеніе. Онъ приводитъ въ примѣръ шаръ, находящійся на самой верхней точкѣ опрокинутой сферической чашки. Направленіе, по которому этотъ шаръ скатится, опредѣляется безконечно малымъ его пере-

теризовать живой организмъ, какъ такую систему материальныхъ частицъ, которыя имѣютъ много такихъ особенныхъ положеній при своемъ движеніи. Буссенескъ въ своихъ математическихъ примѣрахъ разсматриваетъ такого рода возможные движенія, при которыхъ двигающаяся точка, дойдя до критическаго положенія, можетъ тамъ остановиться на неопредѣленно-продолжительное время и идти по одному изъ двухъ направленій до новаго такого-же положенія. Въ другихъ случаяхъ она, вмѣсто остановки, описываетъ кругъ тоже въ произвольное время и опять выбираетъ то или другое направленіе уже неизмѣннаго пути. И эти измѣненія могутъ происходить безъ новаго усилія, безъ траты или приобрѣтенія энергіи, и не нарушая ни закона непрерывности, ни закона сохранения энергіи. Конечно, чтобы сохранить законъ причинности, приходится, по Буссенеску, допустить здѣсь возможность дѣйствія силы *экстра-физической*, такъ какъ физическія причины не могутъ согласоваться съ этимъ явленіемъ возможнаго раздвоенія.

Итакъ, указывая на возможность существованія такихъ системъ материальныхъ точекъ, въ движеніи которыхъ много критическихъ моментовъ, для которыхъ нуженъ направляющій принципъ, механическая теорія хотя и не рѣшаетъ вопроса о свободѣ воли, но выражаетъ сомнѣніе въ абсолютно-роковой неизбѣжности всѣхъ явленій.

IV.

Третій примѣръ такого-же отношенія механической теоріи къ вопросамъ высшаго порядка составляетъ предметъ настоящаго сообщенія. Спиритуалистическое ученіе утверждаетъ, что душевныя явленія принадлежатъ особой самостоятельной субстанціи, которая хотя и зависитъ въ нѣко-

мѣщеніемъ и слѣдовательно выборъ его не требуетъ никакой замѣтной затраты работы, какъ это бываетъ при измѣненіи направленія въ обыкновенномъ положеніи. См. рѣчь профессора Умова, читанную на актѣ Одесскаго университета о дѣятельности Максвелла.

торомъ отношеніи отъ тѣла, но зависимость эта такова, что разрушеніе послѣдняго лишь ставитъ первую въ новое положеніе, не уничтожая ея цѣлости. Матеріалистическое ученіе говоритъ, что душевныя явленія не составляютъ въ насъ принадлежности особаго независимаго начала, а суть только явленія той-же матеріи, которая проявляетъ и электричество, и теплоту, и химическое сродство. Они могутъ также, какъ и послѣднія, совершенно безслѣдно исчезнуть, лишь только матерія приметъ другую, не подходящую для нихъ, форму.

Мнѣ кажется, что и въ этомъ отношеніи механическая теорія можетъ высказать нѣкоторые критическіе взгляды, не рѣшая и не имѣя возможности рѣшать вопроса о самостоятельности души и о ея безсмертіи.

Въ сообщеніи моемъ я имѣю намѣреніе показать, что эти критическіе взгляды связаны съ вопросомъ, можетъ-ли быть допущено въ явленіяхъ психо-физическихъ участіе невѣсомой среды, какъ оно допускается въ явленіяхъ чисто-физическихъ; а потому прежде всего имѣю въ виду попытку рѣшить, насколько возможно допустить это участіе.

Сначала, однако, я долженъ сказать кратко о томъ, какъ должна пониматься эта среда съ точки зрѣнія механической теоріи. Съ тѣми, которые вовсе не признаютъ ея реальности и, подобно Конту, предполагаютъ, что понятіе о ней есть остатокъ отъ метафизическаго періода, и что съ такимъ-же правомъ могли-бы мы объяснять явленія природы при помощи геніевъ или демоновъ, я считаться много не буду. Впервыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ физика въ своей теоріи стала проникать въ основы матеріи и энергіи, отличіе между метафизическимъ и физическимъ въ этой области стало шаткимъ, произвольнымъ и относительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтó признавать понятіемъ метафизическимъ: понятіе-ли о невѣсомой матеріи, или понятіе о вѣсѣ, которое служитъ таинственной загадкой для физиковъ, разгаданной однако настолько, что уже никто изъ нихъ не считаетъ вѣсъ такимъ-же неотъемлемымъ качествомъ тѣла,

какъ напримѣръ протяженность или непроницаемость. Самое слово „притяженіе“ съ большею опредѣленностью замѣняется нерѣдко выраженіемъ: „фиктивное взаимодействіе тѣлъ“.

Что-же касается сближенія ээирной гипотезы со вмѣшательствомъ геніевъ или демоновъ, то оно было-бы вѣрно, еслибы всякая научная гипотеза вообще не характеризовалась тѣмъ качествомъ, о которомъ мы уже говорили вначалѣ, т.-е. пророческимъ направленіемъ. Эти существа должны обладать свободой воли, иначе они не были-бы геніями или демонами, а слѣдовательно и гипотеза, прибѣгающая къ ихъ помощи, была-бы не научна въ самомъ основномъ своемъ предположеніи, потому-что при ней получилась-бы полная невозможность предсказывать явленія. Съ такой демонической гипотезой мы могли-бы скорѣе сближить попытки многихъ естествоиспытателей, наприм. Грове, объяснять явленія природы только изъ свойствъ вѣсомой матеріи. Эти попытки именно принадлежатъ къ числу тѣхъ неопредѣленныхъ гипотезъ, которыя ограничиваются самыми общими объясненіями, не давая въ руки никакой руководящей нити пророческаго характера.

Конечно, называя ээиръ невѣсомой матеріей, я вовсе не имѣю намѣренія говорить о какой-либо *невещественной* матеріи, даже съ точки зрѣнія матеріализма. Впрочемъ объ этомъ я распространяться не буду, предоставляя желающимъ познакомиться съ этимъ вопросомъ изъ вышеупомянутой книги Секки и изъ книги, появившейся недавно у насъ въ Москвѣ и принадлежащей г. Ярковокому *). Для насъ гораздо важнѣе взглянуть на проблему ээира съ точки зрѣнія механической теоріи.

Съ этой точки зрѣнія, наши заурядныя понятія о веществѣ разрѣшаются въ понятіе о прочныхъ и постоянныхъ энергіяхъ, которыя, по образному выраженію Фарадея, окутываютъ матерію какъ-бы атмосферой зерно. Самое по-

*) О ней см. выше стр. 132.

слѣднее, что остается въ нашемъ пониманіи отъ вещества, разоблаченнаго отъ всѣхъ этихъ энергій, это—способность сопротивляться внѣшнимъ энергіямъ, т.-е. та-же энергія, хотя и пассивная. На механическомъ языкѣ она называется массой и вполне замѣняетъ здѣсь представленіе о матеріи. Законъ сохраненія матеріи при такомъ взглядѣ есть не что иное какъ законъ сохраненія массы.

На основаніи этихъ соображеній мы имѣемъ право сказать, что механическая теорія считаетъ ту среду реальной, которая можетъ передавать энергію другимъ средамъ и сопротивляется передачѣ энергіи отъ другихъ средъ. И вотъ то, что мы называемъ эфиромъ или невѣсомой средой, вполне удовлетворяетъ этому опредѣленію. Мы привыкли говорить, что солнце производитъ на землѣ всѣ замѣчаемыя нами работы, что безъ него наша матерія оставалась - бы безжизненной; вычислено даже, что каждую минуту мы получаемъ отъ него энергію, которая выражается громаднымъ числомъ въ 228 билліоновъ лошадиныхъ силъ; но при этомъ мы прежде всего не должны забывать, что эти работы непосредственно сообщаются міровой средой, ударяющей въ тѣла земныя подобно морскому прибою, и что иначе мы ихъ не можемъ представить себѣ механически.

Касательно сопротивленія этой среды можно заранѣе предугадать, что оно должно быть ничтожно. Въ самомъ дѣлѣ, плотность матеріи и плотность энергіи распредѣлены въ тѣлахъ обратно-пропорціоально другъ другу. Мы видимъ мало энергіи въ тѣлахъ твердыхъ, — она больше въ жидкостяхъ и еще больше въ газахъ. Тѣмъ не менѣе во взаимодѣйствіяхъ эфиромъ съ тѣлами вѣсомыми мы встрѣчаемся съ сопротивленіями, выраженными настолько ясно, что является возможность получить приближенное численное выраженіе для его плотности. Съ громаднымъ числомъ, выражающимъ энергію эфиромъ, рядомъ стоитъ ничтожное число, выражающее его плотность, равное сто-билліонной части плотности водорода. Противъ возраженія, что сопротивленіе эфиромъ не выказывается въ движеніи небес-

ныхъ свѣтилъ, за послѣднее время является теорія объясненія тяготѣнія вліяніемъ ээира, которая позволяетъ предположить, что сопротивление невѣсомой среды входитъ уже какъ простая составляющая въ ту равнодѣйствующую, которая направляетъ видимое движеніе небесныхъ свѣтилъ. Читатель можетъ познакомиться съ другой интересной попыткой объясненія явленій этого движенія, если со вниманіемъ прочтетъ VI-ю главу уже указанной нами книги г. Яркоvsкаго.

Этихъ соображеній достаточно, чтобъ имѣть право смотрѣть на ээиръ какъ на среду реальную.

V.

Стремленіе ввести въ ученіе о душевныхъ явленіяхъ понятіе о невѣсомой матеріи возникло не разъ; за послѣднее время мы можемъ указать на нѣмецкаго физика Шпиллера, посвятившаго такой попыткѣ цѣлую главу своего обширнаго труда *). Но его главныя положенія не имѣютъ достаточныхъ физическихъ основаній, чтѣ мы сейчасъ и увидимъ, излагая вкратцѣ эти положенія.

Шпиллеръ признаетъ два міра: тѣлесный и ээирный, — которые между собой отличаются какъ матерія и сила. Въ міровомъ ээирѣ лежитъ духовная сила вселенной, и это есть, какъ выражается Шпиллеръ, его евангеліе, на которомъ онъ строитъ всѣ свои мысли о природѣ.

Дуализмъ коренныхъ началъ міра проходитъ во всѣхъ явленіяхъ природы, и выясненіе его составляетъ Шпиллерову гипотезу, которую онъ предлагаетъ назвать *ээфизмолг*. Атомы какъ ээира, такъ и обыкновеннаго вещества — матеріальны, но первые невѣсомы, вторые обладаютъ вѣсомъ. Матеріальные атомы сами по себѣ инертны и не могутъ дѣйствовать другъ на друга даже при непосредственномъ прикосновеніи. Вся сила вселенной заключается въ

*) *Spiller*: „Die Urkraft des Weltalles“. 7 гл. Organisches, Seelen und Geisterleben.

эириѣ, отъ взаимодействія котораго съ вѣсомыми частицами и происходятъ всѣ измѣненія въ неорганическомъ и въ особенности въ органическомъ мірѣ. Для этого надо предположить, что каждый изъ вѣсомыхъ атомовъ окруженъ эиромъ, какъ атмосферой. „Человѣкъ на землѣ,—говоритъ Шпиллеръ,—есть самый совершенный эириный организмъ“.

Главный доводъ Шпиллера въ пользу необходимости участія невѣсомой среды въ психической жизни человѣка встрѣчается и у одного изъ нашихъ ученыхъ, а именно у Пирогова въ его автобіографическихъ запискахъ. Дѣло въ томъ, что въ психическомъ мірѣ каждаго индивидуума есть что-то такое *остающееся*, несмотря на перерывы во время сна и болѣзненнаго разстройства. Это „остающееся“ составляетъ то, что мы называемъ нашимъ „я“. „Я“ не можетъ принадлежать обыкновенному веществу, заключенному въ организмъ и составляющему его тѣло, такъ какъ это послѣднее постоянно измѣняется. Шпиллеръ говоритъ, что въ теченіе сутокъ взрослый человѣкъ теряетъ отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ и въ періодъ времени около 7 лѣтъ получаетъ совершенно новое тѣло.

Очевидно, что это „остающееся“ не можетъ быть связано съ такой преходящей субстанціей, и, по мнѣнію Шпиллера, оно ничѣмъ инымъ быть не можетъ, какъ эиромъ. Фактъ указываемый Шпиллеромъ, безъ сомнѣнія, очень важенъ, и къ нему мы вернемся современемъ. Но для того, чтобы признать за его неизбежное условіе участіе эири въ психическихъ явленіяхъ, въ самомъ этомъ фактѣ еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Ибо, очевидно, онъ показываетъ только то, что „остающееся“ въ насъ не связано съ перемѣннымъ составомъ нашего тѣла, а пребываетъ гдѣ-то; но въ той-ли именно средѣ, которая производитъ и свѣтовые и электрическія явленія? Можетъ-быть гораздо правильнѣе мнѣніе чистыхъ спиритуалистовъ, по которому носитель психической жизни совсѣмъ не матеріаленъ?

Второй доводъ Шпиллера имѣетъ еще менѣе цѣны. Онъ

находить, что у всѣхъ людей есть нѣчто между собой „сходственное“ въ душевныхъ явленіяхъ, несмотря на большое разнообразіе въ устройствѣ мозга и нервныхъ центровъ. Это противорѣчіе онъ и миритъ тѣмъ, что явленія душевной жизни производить отъ ээира, въ который, по его воззрѣнію, нервные центры погружены подобно тому, какъ солнце и планеты погружены въ среду мірового ээира. Но, во первыхъ, еслибъ эти положенія и были вѣрны, изъ нихъ ничего другого нельзя вывести, какъ то-же, что мы получили и въ предъидущемъ случаѣ, т.-е. ради нихъ можно было-бы признать существованіе какого-то общаго агента неизвѣстнаго характера, который во всемъ дѣйствуетъ одинаково, но будетъ-ли это ээиръ или что другое, изъ этого еще никакъ не видно. Вторыхъ, самыя положенія едва-ли можно считать безспорными. Общее устройство мозга у нормальныхъ людей одинаково, а если частности его разнообразны, то едва-ли болѣе того, на сколько разнообразны ихъ психическія особенности. И эти психическія особенности вполнѣ могутъ зависѣть отъ видимаго устройства мозга, что уже и констатировано во многихъ случаяхъ.

Что-же касается до остальныхъ разсужденій, разбросанныхъ въ книгѣ безъ особой системы, то они мало относятся къ психическимъ явленіямъ и имѣютъ скорѣе предметомъ явленія біологическія, въ которыхъ участіе ээира доказывается такъ-сказать чрезъ вторыя руки, — чрезъ указаніе присутствія въ нихъ электрическихъ, магнитныхъ и полярныхъ явленій. Многія изъ положеній автора при этомъ совершенно произвольны, какъ на примѣръ его утвержденіе, что ээиръ поступаетъ въ организмъ черезъ дѣятельность легкихъ. Въ этомъ случаѣ ээиру прямо приписывается то, что принадлежитъ кислороду воздуха, и для чего совершенно бесполезно устанавливать участіе какого-либо другого агента. Смерть организма, по ученію Шпиллера, сопровождается исчезновеніемъ изъ него ээира.

Вообще изъ гипотезы *Шпиллеровскаго ээиризма* можно из-

влечъ только то, что вводится новый терминъ, которымъ авторъ ея старается замѣнить всѣ темные психологическіе и физиологическіе термины, придавая ему при этомъ реальный смыслъ и безъ всякаго физическаго основанія отождествляя его съ тѣмъ опредѣленнымъ понятіемъ, которое установила объ эфирѣ физика.

Чтобы установить вѣроятность вліянія эфирной среды на развитіе основныхъ особенностей нашей психической жизни и при этомъ избѣгнуть всякихъ недоказанныхъ предположеній, мы прежде всего должны отвѣтить на вопросъ: въ какихъ физическихъ явленіяхъ можемъ мы встрѣтить необходимость признать участіе невѣсомой среды?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Шишкинъ.

О дѣйствиі гашиша.

(Психологическая замѣтка.)

Работая надъ однимъ вопросомъ экспериментальной психологіи, я былъ поставленъ въ необходимость произвести нѣкоторыя точныя психологическія наблюденія надъ состояніемъ человѣка, отравленнаго гашишемъ. Если пріемъ этого вещества не переходитъ извѣстныхъ границъ, опытъ не представляетъ, вообще говоря, никакой опасности.

Въ виду этого, вечеромъ 21 января 1887 г., я принялъ 6 гранъ *extr. cannabis indicae*. То, что я испыталъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ съ половиной часовъ, представляетъ, кажется, довольно общій интересъ. Поэтому я сообщу здѣсь: 1) рядъ субъективныхъ наблюденій, 2) объективныя измѣренія и, въ заключеніе, укажу на нѣкоторые общіе результаты опыта.

I. Субъективныя наблюденія.

Первое ощущеніе, которое я испыталъ (минуть черезъ 5—10 послѣ пріема) было легкое и пріятное одуреніе, сопровождаемое слабымъ головокруженіемъ. Органическія ощущенія здоровья и пріятной теплоты сразу возросли.

Дѣлать небольшія движенія было очень пріятно, но направлять ихъ къ какой-нибудь опредѣленной цѣли становилось уже трудно. Всякое такое дѣйствіе требовало сознательнаго усилія, направленнаго какъ-бы противъ овладѣвашаго мною легкаго сна. Активная мысль такъ ослабѣла, что я не могъ сосчитать своего пульса. Сосредоточивать вниманіе на производившихся въ это время опредѣленіяхъ продолжительности двигательной реакціи было совершенно невозможно: иннервационное напряженіе или сразу разрѣшалось въ движеніе, или вовсе не удавалось. Слѣдовательно, первое, что ослабѣло, была воля и активная апперцепція (вниманіе). Напротивъ, пассивная воспріимчивость ясно возрастала; краски окружающихъ предметовъ стали для меня ярче, ихъ очертанія—рѣзче, воздушная перспектива какъ-бы исчезла. вмѣстѣ съ тѣмъ, не стѣсняемая сознательною волею, чувства и волненія совершенно произвольно ассоціировались съ случайными внѣшними представленіями, не имѣющими съ ними никакой реальной связи, наприм., пріятное чувство физической истомы и теплоты страннѣмъ образомъ присоединялось къ различнымъ зрительнымъ представленіямъ, и потому внѣшніе предметы и ихъ очертанія казались мнѣ какъ-то особенно пріятными, т.-е. сознательная мысль уже такъ ослабѣла, что мало раздѣляла объективныя причины отъ субъективныхъ,—однако еще не исчезла совсѣмъ, ибо эти субъективныя состоянія еще не пріобрѣтали предметности въ видѣ галлюцинацій.

При еще увеличившейся слабости воли аффекты стали являться совершенно произвольно и какъ-бы играя. Безъ всякой причины хотѣлось смѣяться. По временамъ я уже начиналъ впадать въ безсознательное состояніе. За эти моменты счетъ времени такъ ослабѣвалъ, что при возвращеніи сознанія мнѣ казалось иногда, будто прошло минутъ 10, между тѣмъ какъ промежутки бывали не больше 5 секундъ.

Постепенно усиливаясь, субъективныя ощущенія начали преобладать надъ объективными. Образы и воспоминанія хотя и могли быть вызваны только съ большимъ трудомъ,

но, разъ вызванные, получали необыкновенную яркость. При закрытыхъ глазахъ эти образы заставляли забывать о реальномъ мірѣ. Вскорѣ они получили, почти исключительно, видъ разнообразныхъ геометрическихъ фигуръ, и по своему блеску и цвѣтамъ напоминали тѣ фигуры, что мы видимъ, когда давимъ на глазъ (фосфены). Наконецъ, эти образы стали такъ ярки, что были видны и при открытыхъ глазахъ, *впереди* реальныхъ предметовъ; нельзя сказать, что я не видѣлъ реальныхъ предметовъ, но я забывалъ ихъ за яркостью галлюцинацій. Эти зрительныя галлюцинаціи не имѣли ничего подобнаго въ слѣдующихъ періодахъ сна. Кажется, онѣ шли периодически: то летѣли съ ужасною быстротой, то исчезали, оставляя сознание темноты. Воля надъ мыслями исчезла окончательно. Начиная „вихрь идей“.

Въ этотъ моментъ явились, должно-быть, тягостныя органическія ощущенія. По крайней мѣрѣ, на меня сразу и безъ всякаго внѣшняго основанія напалъ безотчетный страхъ. Я потерялъ всякую способность относиться къ эксперименту попрежнему. Онъ начиналъ казаться мнѣ страшнымъ. Внезапно явилась мысль о смерти, о вѣчномъ безуміи, объ отравѣ. У меня выступилъ такой сильный потъ, что я ощущалъ его рукой чрезъ сукно сюртука. Голова горѣла и болѣла. Руки стали холодны. Сердце билось такъ сильно, что я его слышалъ; дыханіе спиралось и становилось почти невозможнымъ.

Къ этому времени относится замѣчательное явленіе: съ окончательнымъ ослабленіемъ воли и активной мысли ослабѣли *нравственныя чувства*. Дѣло въ томъ, что я чувствовалъ себя очень дурно и былъ положительно увѣренъ въ печальномъ исходѣ опыта; и несмотря на мысль о смерти, у меня явилось самое ничтожное тщеславіе: я бредилъ—и напругалъ всѣ усилія, чтобы сказать въ бреду что-нибудь умное или замѣчательное; я думалъ, что умираю—и меня мучило желаніе умереть красиво. Однимъ словомъ, съ ослабленіемъ воли и активной апперцепціи, исчезла и нрав-

ственная сдерживающая сила; низшія эмоціи—страха, желанія жизни, тщеславія—сохранились и даже усилились, вышія-же исчезли.

Но органическія страданія все усиливались. Постепенно всё мои мысли, всё постороннія чувства исчезали, оставалась одна непрерывная боль, которую я не могъ точно локализовать. Я чувствовалъ, что нахожусь въ какомъ-то темномъ и безконечномъ пространствѣ, наполненномъ моими-же представленіями, или вѣрнѣе,—моими страданіями. Эти образы быстро скакали одинъ за другимъ, и каждый ударялъ мнѣ въ сердце. По спинному мозгу пробѣгали огненные струйки; желудокъ схватывали судороги.

По временамъ я приходилъ въ себя, и мнѣ казалось, что я возвращался изъ какого-то страшнаго странствованія по загробной жизни; разъ это сознаніе было особенно сильно: мнѣ буквально показалось, что я воскресъ, и радость реальной жизни охватила меня съ такою силой, что я заплакалъ отъ счастья. Но эти моменты продолжались не долго. Ночь безумія опять охватывала меня, и я опять переносился въ темный, безконечный, холодный и неопредѣленный міръ. Я часто старался удерживаться отъ этого, но активная мысль совершенно ослабѣла: я не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Только дѣлая какое-нибудь произвольное движеніе рукою или ногою, я могъ на нѣсколько секундъ оставаться въ дѣйствительномъ мірѣ. Вѣроятная причина этого—тѣснѣйшая связь воли, направляющей движеніе, съ активной апперцепціей.

Обезсиленный физическою, а особенно психическою болью (должно-быть подобною меланхолической), я сталъ, наконецъ, впадать въ сонъ и забытье. Движенія мнѣ были невыносимы. Меня уложили спать. Сколько времени продолжался сонъ, я не зналъ *); я чувствовалъ полное утомленіе; прежнія дикія галлюцинаціи пролетали только изрѣдка и какъ-бы вдали. Замѣчательно, что, несмотря на сонъ,

*) Какъ оказалось, всего 15 минутъ.

я ясно слышалъ, какъ говорили въ сосѣдней комнатѣ, но понимать словъ не могъ.

Вдругъ я проснулся и все мгновенно измѣнилось, — я былъ опять совершенно здоровымъ и прежнимъ человѣкомъ. Этотъ переходъ до такой степени удивителенъ, что я могу пояснить его только черезъ сравненіе. Когда Данте сошелъ до конца ада, міръ внезапно для него перевернулся: звѣздное небо было не внизу ада, но надъ нимъ; когда я дошелъ до конца сна, міръ внезапно для меня перевернулся: то, что казалось ужасною дѣйствительностью, стало ничтожною галлюцинаціей, занявшей скромное мѣсто среди прочихъ воспоминаній о пережитомъ. И это внезапное уменьшеніе ужаснаго было такъ странно, что, проснувшись, я прежде всего разсмѣлся.

Нѣкоторая слабость мысли сохранилась еще и на слѣдующій день. Я не узнавалъ дома и улицы, гдѣ жилъ, забывалъ всѣ вещи и т. под. Но все это было лишь слѣдствиемъ душевной усталости и той силы, съ которой пережитое во время опыта вновь привлекало меня. Неприятнаго или безумнаго въ этомъ состояніи не было уже ничего.

II. Объективныя наблюденія *).

Въ 7 час. 30 мин. вечера Н. Л. принялъ 6 гранъ саппабис индиcae въ пиллюляхъ.

7. 30. Пульсъ 94 въ минуту. Ощущеніе утомленія. Общее состояніе — приятное.

7. 38. Опредѣленіе времени реакціи при вниманіи, обращенномъ на возможно быстрое произведеніе движенія **).

*) Эти объективныя наблюденія произвели: бывший ассистентъ проф. Вундта D-г Ludwig Lange и D-г O. Kulpe. Сюда входятъ и субъективныя замѣчанія, записанныя ими съ моихъ словъ *во время самого опыта*.

**) Изъ изслѣдованія, произведеннаго Лудвигомъ Ланге и мною, обнаружилось, что продолжительность двигательной реакціи зависитъ отъ того, на что экспериментируемый субъектъ обращаетъ свое вниманіе: на то-ли, чтобы произвести движеніе, или на то, чтобы воспринять

Хроноскопъ показаль слѣдующія величины, которыя мы сопоставляемъ съ величинами, полученными при нормальномъ состояніи (незадолго до приѣма гашиша):

Въ нормальномъ состояніи:

142 σ *)	} Итого: число опы- товъ 14; средняя ариѳм. 141; среднее уклоненіе 11.	103	} Итого: число опы- товъ 15; средняя ариѳм. 113; среднее уклоненіе 7.
128		114	
28		105	
136		112	
153		121	
129		104	
142		126	
142		103	
163		124	
140		113	
174		106	
145		107	
148		109	
109		132	
	1:12		

7. 40. Всѣ предметы кажутся ближе; они рисуются рѣзче, отчетливѣе, лучше.

7. 47. Ощущеніе увеличенной мышечной силы, въ связи съ общимъ повышеніемъ чувства жизненной энергіи.

7. 48. Опредѣляется время реакціи, при вниманіи о бращенномъ на возможно-быстрое воспріятіе даннаго внѣшняго раздраженія. Получены слѣдующія величины:

данное внѣшнее раздраженіе. Въ первомъ случаѣ время реакціи значительно меньше, чѣмъ во второмъ. Этимъ обстоятельствомъ должно объяснять, кромѣ прочаго, и различія въ величинахъ, даваемыхъ разными экспериментаторами. О значеніи этихъ наблюденій и о методѣ ихъ произведенія см. *Philos. Studien, V.*

*) Черезъ σ мы означаемъ (по примѣру Кателля) одну тысячную секунды.

То-же въ нормальномъ состояніи:

254	Итого: число опы- товъ . . . 15 средняя ариѳмети- ческая . . 193 среднее уклоненіе . 40	273	Итого: число опы- товъ . . . 16 средняя ариѳмети- ческая . . 202 среднее уклоненіе . 19
256		178	
142		220	
174		194	
170		190	
143		200	
254		163	
180		227	
217		234	
122		205	
142		194	
169		188	
193		174	
255		212	
233		183	
	199		

7. 50. Чувство равновѣсія нарушено. Общее состояніе продолжаетъ быть пріятнымъ. Внѣшніе предметы кажутся движущимися, именно благодаря чрезвычайно усилившейся восприимчивости къ иннервационнымъ ощущеніямъ (ощущенія движенія глаза и головы не соотвѣтствуютъ болѣе перемѣщенію предметовъ въ полѣ зрѣнія).

7. 55. При закрытыхъ глазахъ являются зрительныя галлюцинаціи, а именно въ видѣ простыхъ геометрическихъ фигуръ.

8. 3. Опредѣляется длина волнъ чувственнаго вниманія. Берется предѣльно малое зрительное впечатлѣніе (крайнія полосы на вертящемся Массоновскомъ кругѣ), и Н. Л. *со вниманіемъ* фиксируетъ ихъ, благодаря чему эти слабѣйшія ощущенія являются усиленными. Регистрируя хроноскопъ эти послѣдовательныя (мнимыя) усиленія, опредѣляемъ длину волнъ вниманія*):

*) О волнахъ вниманія и способѣ ихъ опредѣленія см. мои „Beiträge zur Theorie d. sinnl. Aufmerksamkeit (Philos. Studien, IV), а также изложеніе этой работы у Вундта въ третьемъ изданіи „Физиологической психологіи“ (т. II, стр. 243, 253 и слѣд.).

3,6'	3,0	
4,4	4,1	
3,8	2,8	
3,8	3,4	Итого: число опытов 15
4,2	2,5	средняя арифметическая 3,4"
4,6	2,4	среднее уклонение . . . 0,7"
2,7	3,0	
(пауза)	2,3	

8. 7. Начало чрезвычайно сильныхъ галлюцинацій; онѣ—геометрическаго вида.

8. 8. Опыты надъ такъ-называемой „лѣстничной фигурой“ Шнейдера (Treppefigur) *) даютъ слѣдующую продолжительность для произвольной смѣны представлений: /

2,3"	1,4	1,0"	
0,8	1,8	1,4	
2,2	1,4	1,6	
2,0	0,8	1,0	
2,4	0,8	1,8	
1,0	1,3	2,3	Итого: число опытовъ 27
2,5	1,6	1,6	средняя арифм. 1,5"
2,3	1,4		среднее уклон. 0,5."
(пауза)	0,7		
	2,3		
	1,4		
	0,9		
	(пауза)		

*) Лѣстничная фигура Шнейдера (она дана въ „Физ. псих.“ Вундта) есть перспективное изображеніе матеріальныхъ угловъ, которое можетъ быть понято и какъ выпуклое, и какъ вогнутое. Наблюдая эту фигуру нѣкоторое время, мы замѣчаемъ, что каждое изъ этихъ истолкованій ея неизбежно и произвольно вытѣсняется въ нашемъ сознаніи другимъ. Такъ какъ эти истолкованія обусловлены живостью того или другого изъ соответственныхъ образовъ воспоминанія, то указанная смѣна является, косвеннымъ образомъ, мѣриломъ быстроты въ смѣнѣ воспоминаній, т.-е. мѣриломъ быстроты произвольной смѣны представлений, когда ихъ выборъ ограниченъ двумя.

8. 12. Наблюдения надъ быстротою смѣны активно воспоминаемыхъ представлений *) (объектъ — вышеупомянутый вращающийся кругъ Массона):

2,5"	2,4"	1,6"	Итого: число опытовъ 24; средняя арифметическая . . . 2,1" ср. уклон. . . 0,5".
4,0	2,2	1,1	
2,3	2,8	2,0	
2,3	1,1	2,3	
1,4	2,0	2,6	
3,0	1,8	1,9	
1,6	1,4		
2,3	1,7		
1,1	2,5		

(пауза) (пауза)

8. 15. Начало тягостныхъ ощущений и общаго недомога-
нія. Производятся опыты для опредѣленія точности въ
оцѣнкѣ протяженій по движениямъ (руки). Н. Л. чертитъ,
съ закрытыми глазами, рядъ линий, которыя ему кажутся

*) Въ приведенной выше моей работѣ (Beiträge etc.) я старался доказать, что активное чувственное вниманіе, поскольку оно усиливаетъ любое изъ внѣшнихъ ощущений, есть ложный процессъ и состоитъ въ суммированіи или ассимиляціи реального ощущенія (которое мы, очевидно, усиливать не можемъ) съ произвольно вызываемымъ въ сознаніи соответственнымъ образомъ воспоминаніемъ, причемъ эта сумма, конечно, будетъ имѣть большую устойчивость и интенсивность, чѣмъ одно реальное ощущеніе; отъ этого и зависитъ кажущееся усиленіе реального ощущенія, наблюдаемаго нами съ такъ-называемымъ вниманіемъ. Такъ какъ чувственное вниманіе не постоянно, но имѣетъ колебанія (волны), то, очевидно, такія же колебанія должны быть свойственны и его истинной причинѣ, т.-е. воспоминаемымъ образамъ; иначе говоря, стараясь вновь вызвать въ сознаніи какое-нибудь прежнее представленіе, мы лишь на короткое время можемъ сообщить ему значительную интенсивность. И дѣйствительно, такія колебанія воспоминаній были уже давно замѣчены, наприм. Фехнеромъ: каждое воспоминаніе на мгновеніе становится яснымъ, затѣмъ быстро блѣднѣетъ и требуетъ новаго усилія, чтобы быть вызвано. По моимъ многочисленнымъ наблюдениямъ, эта періодичность, при вызовѣ образовъ воспоминанія (наприм. полосъ на кругѣ Массона), совершенно соответствуетъ періодичности чувственного вниманія при тѣхъ-же объектахъ.

равными одному русскому дюйму, причемъ получаются слѣдующія величины:

		Тоже въ нормальномъ состояніи:		
30,5 ^{mm.}	} Итого: число	22,5 ^{mm.}	} Итого: число	
25,5		24,0		
25,5		25,5		
22,5		20,0		опытовъ 10
21,0		25,0		средн.
24,5		26,0		ариѳм. . 23,3
25,5		22,0		средн.
28,0		24,0		уклон. . . 1,6
23,5		21,0		
27,5		23,0		

Дѣйствительная-же длина русскаго дюйма 25,4^{mm.}

8. 23. Пульсъ 92. Голова очень горяча.

8. 25. Чрезвычайно обильное потоотдѣленіе.

8. 34. Временное улучшеніе общаго состоянія. Опыты надъ цвѣтовымъ контрастомъ показываютъ его неизмѣненнымъ. Послѣ возобновленія болѣзненнаго припадка Н. Л. заявляетъ, что въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ переживаетъ, всякое занятіе наукой вздоръ, да и вообще вся наука только суета, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Это-же Н. Л. повторяетъ и впослѣдствіи, въ связи съ размышленіями о смерти. Нерѣдко онъ многократно говоритъ то-же самое. Всякій интересъ къ опыту у него исчезъ. Общее самочувствіе все ухудшается.

8. 37. Колющія боли въ спинѣ и жгучія въ животѣ; дыханіе судорожное, со столами. Общее тягостное состояніе достигаетъ своего maximum'a. Послѣ продолжительнаго молчанія и какъ-бы отупѣнія начинается бредъ. Н. Л. жалуется то на физическую боль, то на невыносимо-тягостное душевное состояніе. Онъ требуетъ, чтобы позвали врача и дали противоядіе, многократно утверждаетъ, что онъ не проживетъ еще и пяти минутъ; но не смерть ему страшна, а то, что онъ умретъ сумашедшимъ. Кромѣ того, во всемъ, что онъ говоритъ, сквозитъ самый отчаянный

Weltschmerz. Каждая пять минутъ онъ спрашиваетъ, сколько прошло времени: ему кажется, что съ послѣдняго такого вопроса протекли цѣлые часы. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сознаетъ, что всѣ его слова и жесты дѣйствуютъ на присутствующихъ крайне удручающимъ образомъ и невольно возбуждаютъ въ нихъ различныя опасенія; поэтому онъ неоднократно проситъ простить его. Замѣчательно, до какой степени ясно и обдуманно все, что онъ говоритъ, если выдѣлить, конечно, болѣзненные преувеличенія; двойственное дѣйствіе гашиша (дикія фантазіи на-ряду съ трезвымъ самонаблюденіемъ) на немъ явственно видно. Послѣ приступа дикаго бѣшенства и самыхъ отчаянныхъ рѣчей:

въ 10. 5, впадаетъ Н. Л. въ молчаливое состояніе, которое въ 10. 15, при полномъ утомленіи, уступаетъ мѣсто сну.

10. 30. Н. Л. уже просыпается, и притомъ со смѣхомъ и вообще въ чрезвычайно-пріятномъ безболѣзненномъ состояніи. Галлюцинаціи совершенно исчезли; однако, сходя съ лѣстницы (въ темнотѣ), Н. Л. чувствуетъ большую неувѣренность и вообще психическое состояніе его еще весьма ненормально,—онъ не узнаетъ, наприм., дороги домой, а также своей квартиры.

III. Выводы.

Изъ предъидущихъ замѣтокъ мы можемъ, между прочимъ, сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. При отравленіи гашишемъ явленія *интеллектуальныя*, вообще говоря, сохраняются неизмѣнными, въ то время какъ явленія *аффективныя* крайне усилены, а *волевыя*—крайне ослаблены. Такова общая картина этого состоянія. Но, по сколько познание опредѣляется волею (явленія активной апперцепціи или вниманія), она тоже бываетъ ослаблена и даже вовсе парализована; поскольку, далѣе, аффективная жизнь есть результатъ дисциплины воли (область сдерживающихъ нравственныхъ чувствъ), чувствованія являются не просто усиленными, но и ихъ прежнее

соподчиненіе по интенсивности (равновѣсіе) нарушеннымъ. Сохраненіе интеллектуальныхъ явленій особенно рѣзко замѣтно въ полномъ сохраненіи памяти (пассивной), которая почти исчезаетъ при отравленіи опиѣмъ. Кромѣ практическаго значенія для самонаблюденій, эта особенность гашиша, сравнительно съ опиѣмъ, имѣетъ и общій теоретическій интересъ. Почему психическія состоянія, вызванныя гашишемъ, соединяются въ сравнительно твердыя ассоціаціи, а состоянія вызванныя опиѣмъ—нѣтъ, это объяснить не легко. Указаніе на то, что состояніе человѣка, отравленнаго опиѣмъ, весьма отлично отъ нормальнаго состоянія, и что его мысли и чувствованія ассоціируются лишь съ этой измѣненной личностью, а не съ нормальной, не можетъ объяснить указаннаго различія, ибо при отравленіи гашишемъ измѣненіе личности никакъ не меньше. Можетъ-быть это различіе должно объяснять изъ характера менѣе опредѣленныхъ состояній, вызываемыхъ опиѣмъ, т.-е. можетъ-быть, способность психическихъ явленій къ ассоціированію опредѣляется не только ихъ сходствомъ или смежностью, но и к. н. другими ихъ свойствами, наприм. большей или меньшей ясностью и опредѣленностью. Или можетъ-быть къ непосредственной ассоціаціи способны не вообще всѣ психическія явленія, а наприм. только познавательныя (которыя при гашишѣ сохраняются), а прочія ассоціируются только *черезъ нихъ*? Все это вопросы, для разрѣшенія которыхъ мы не имѣемъ пока никакого матеріала, ибо, къ сожалѣнію, психологія ассоціаціи до сихъ поръ была разрабатываема болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, подъ влияніемъ мало-научнаго догмата о томъ, что ассоціація есть простѣйшее, дальнѣйшимъ образомъ неразложимое явленіе.

2. Уже многократно психологи указывали на страшное явленіе, вызываемое гашишемъ, именно на такъ наз. „растяженіе пространства и времени“: незначительныя промежутки времени и небольшія разстоянія кажутся для отравленнаго гашишемъ чудовищными, безконечными. Изъ приведенныхъ выше наблюденій видно однако, что это растяженіе

не имѣть самостоятельнаго характера, но обусловлено, главнымъ образомъ, растяженіемъ времени—тягостными чувствованіями, а растяженіе пространства—ощущеніями усталости. Именно приведенныя выше данныя показываютъ, что растяженіе времени имѣло мѣсто лишь во второй періодъ опьяненія, послѣ появленія тягостныхъ ощущеній, и отсутствовало, пока состояніе было пріятнымъ. А относительно растяженія пространства мои опыты показываютъ, что при малыхъ движеніяхъ, не сопряженныхъ съ утомленіемъ (напр. при незначительныхъ движеніяхъ кистью руки) растяженія пространства вовсе не наблюдается. Конечно, можно-бы было возразить на это объясненіе, что при обыкновенной усталости пространство не растягивается. Но, вопервыхъ, такое категорическое утвержденіе врядъ-ли вѣрно, наприм. для утомленнаго путника дорога, которую ему еще остается пройти, дѣйствительно кажется длиннѣе, чѣмъ сна есть; а вовторыхъ, та вялость и апатичность, которыя овладѣваютъ нами подъ вліяніемъ гашиша, такъ необыкновенны и исключительны, что не могутъ быть исправлены предъидущими опытами. Замѣчательно также, что иллюзія при гашишѣ распространяется, повидимому, лишь на то пространство, которое мы должны пройти, а не на то, которое уже прошли, что также указываетъ не на какое-нибудь общее пораженіе органа воспріятія пространства, а лишь на измѣненіе *одного* изъ его масштабовъ.

3. Особенно замѣчательны явленія, связанныя съ ослабленіемъ воли. Это ослабленіе наступило почти мгновенно, именно около 8 час. 5 мин., вмѣстѣ съ появленіемъ сильныхъ галлюцинацій. Дѣйствительно, психометрическія наблюденія, произведенныя до этого момента, не показываютъ почти никакого отклоненія отъ нормальныхъ величинъ: реакціонное время при вниманіи, обращенномъ на движеніе, было равно 137 с (нормальное же 112 с *), а при вниманіи, обра-

*) Эта, впрочемъ и сама по себѣ незначительная, разница въ 29 тысячныхъ секундъ объясняется, очевидно, не вполне удачнымъ рядомъ

щенномъ на воспріятіе 103 (нормальное - же 202); далѣ, длина волны чувственнаго вниманія въ зрительныхъ ощущеніяхъ оказалась равной 3, 4" *) и нормальная величина тоже 3, 4" **). Психометрическія - же данныя, полученныя послѣ этого срока, показываютъ крайне сокращенныя времена, т.-е. наступленіе такъ-сказать *судорожнаго* состоянія механизма, управляющаго вниманіемъ и активнымъ воспоминаніемъ, причѣмъ, какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, механизмъ, дѣйствуя самостоятельно и независимо отъ воли человѣка, исполняетъ свои функціи быстрѣе и чаще, можетъ-быть точнѣе. Такъ опыты съ Treppefigur Шнейдера дали 1, 5", а нормальная продолжительность въ этой смѣнѣ 3, 5", опыты надъ вызовомъ воспоминаній дали 2, 1", а нормальная продолжительность—3, 1". Замѣчательно, что притомъ среднее уклоненіе отнюдь не увеличилось, сравнительно съ нормальнымъ, а во второмъ рядѣ опытовъ даже нѣсколько сократилось (нормальное 0, 6").

4. Гашишь замѣчательнымъ образомъ повышаетъ общій уровень аффектовъ, хотя болевая периферическая чувствительность бываетъ иногда даже понижена ***). Принимая во вниманіе, что всѣ болѣзненные явленія въ нашемъ случаѣ исчезли такъ быстро и безслѣдно, что общее органическое состояніе уже на слѣдующій день было вполнѣ нормальнымъ, мы должны, кажется, предположить, что органическое разстройство и во время опыта было въ дѣйствительности во все не серьезно. Но такова была аффективная неустойчивость, что это незначительное разстройство казалось субъекту ужаснымъ и въ полномъ смыслѣ слова невыносимымъ. Совершенно такое-же несоотвѣтствіе чувствованій съ ихъ

наблуденій, какъ-то показываетъ и чрезмѣрно большое среднее уклоненіе (14 σ , вмѣсто нормальныхъ 7,5 σ).

**) Эти и слѣдующія нормальныя величины взяты изъ моей цитированной выше работы (Philos. Stud.. IV, стр. 40±).

***) *Нотнаглъ и Россбахъ*: „Руководство къ фармакологіи“. Русск. пер. д-ра мед. Иванова, стр. 998.

причинами констатируютъ и всѣ другіе наблюдатели *), и мнѣ лично извѣстны случаи, когда пріемъ гашиша порождалъ такое радостное и веселое настроеніе, что человѣкъ изъ-за самой ничтожной причины хохоталъ безъ усталости. Замѣчательно, что это усиленіе не ограничивается общимъ настроеніемъ и низшими чувствованіями, но распространяется и на высшія и спеціальныя, наприм. эстетическія эмоціи. Я помню, что когда мнѣ показали кругъ съ секторами дополнительныхъ цвѣтовъ, я не могъ отъ него оторваться,—такъ онъ казался мнѣ прекрасенъ; то-же самое указываютъ Рише и Карпентеръ относительно музыки и даже отдѣльныхъ музыкальныхъ тоновъ **). Такое совершенно общее дѣйствіе гашиша на аффективную возбудимость служить, повидимому, подтвержденіемъ физиологической теоріи чувствованій, именно указываетъ на то, что чувствованія суть своего рода центральныя *ощущенія*, локализованныя, можетъ-быть въ какомъ-нибудь общемъ мозговомъ центрѣ. Къ сожалѣнію, психологія чувствованій еще такъ мало разработана, ихъ генетическая преемственность такъ мало выяснена, что сдѣлать какіе-нибудь болѣе опредѣленные выводы изъ приведенныхъ выше данныхъ въ настоящее время врядъ-ли возможно.

На этомъ мы и закончимъ нашу замѣтку, выразивъ жела-

*) „Я помню однажды,—говоритъ Рише („Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта“. Русск. пер., стр. 452),—когда одинъ изъ моихъ друзей принялъ гашиша, я хотѣлъ было, чтобы испытать степень его чувствительности, уколоть его слегка булавкой; самый видъ этой булавки привелъ его въ неописанный ужасъ. Онъ бросился бѣжать съ воплями, какъ будто я хотѣлъ серьезно ранить его, потомъ упалъ передо мною на колѣни, умоляя меня, во имя нашей дружбы и всего святого, не подвергать его этой ужасной мукѣ; выражая свой ужасъ и мольбы, онъ прибѣгалъ къ такимъ трагическимъ рѣчамъ и жестамъ, что трудно было удержатъся отъ смѣха“.

**) Рише, *ibid.*, стр. 460. Карпентеръ: Физиологія ума. Т. II; русск. пер. 196 и слѣд. Ср. Т. Мореау: „Du hashich et de aliénation mentale“. Etude psychologique.

ніе, чтобы такого рода наблюденія были произведены въ болѣе широкомъ объемѣ. Врядъ-ли возможно сомнѣваться, что систематическое производство такихъ экспериментовъ и ихъ осторожное толкованіе можетъ дать цѣлый рядъ важныхъ психологическихъ данныхъ, и притомъ въ тѣхъ высшихъ областяхъ, которыя до сихъ поръ почти не поддаются изученію помощью обыкновенныхъ методовъ экспериментальной психологіи.

Н. Ланге.

Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго.

Царь любимый богами желаетъ, чтобы всѣ секты жили свободно повсемѣстно.

VII эдиктъ.

Буддизмъ привлекаетъ въ послѣднее время большое вниманіе и европейской науки, и европейскаго общества. Въ минувшее полу-столѣтіе вниманіе это разрасталось вмѣстѣ съ успѣхами изученія слабо-извѣстной ранѣе философствующей религіи Сакья-Муни, и въ наши дни къ чисто-теоретическому интересу къ буддизму присоединился и интересъ жизненный: явились буддисты-европейцы, возникла литература такъ-называемаго эзотерическаго, собственно говоря, европейскаго буддизма, и даже зашла рѣчь о буддизмѣ, какъ „религіи будущаго“... Европы *). И если справедливо мнѣніе одного англійскаго епископа, что „эзотерическій“ буддизмъ, буде онъ не абсолютная безсмыслица, — во всякомъ случаѣ вовсе не буддизмъ **), — то все-же одна ужь возмож-

*) *Buddhistischer Katechismus von Subhádra Bickschu. Braunschweig, 1888, S. 36.*

***) *Buddhism. By the Bishop of Colombo (The Nineteenth Century. July 1888).*

ность возникновенія новой религіозной доктрины въ Европѣ, именующей себя буддизмомъ и стремящейся къ переработкѣ буддійскаго „древляго благочестія“ примѣнительно къ европейской современности, можетъ только, съ одной стороны, расширить интересъ къ буддизму, ставшему достояніемъ „большой публики“, и, съ другой, придать интересу этому большую интенсивность, создавъ еще одинъ стимулъ для усилій со стороны ученыхъ специалистовъ по отношенію къ уразумѣнію и его загадочнаго, окутаннаго легендами, происхожденія, и перипетій его двухтысячелѣтняго роста, и мотивовъ его колоссальнаго вліянія, вознесшаго Будду до значенія „Свѣта Азіи“ *) и сохраняющаго могущественное обаяніе на умы даже до настоящаго времени.

Чисто-теоретическій интересъ къ буддизму и руководится именно этими мотивами, а потому и старается выяснить прежде всего содержаніе и характеръ первобытнаго древлебуддійскаго вѣроученія, приписываемаго преданіемъ самому Сакья-Муни, впервые провозгласившему „четыре святыя истины“ на берегахъ Ганга за пять слишкомъ столѣтій до Р. Х. и чтимому своими поклонниками какъ Будда, т. е. Вѣщій. Работая въ этомъ направленіи, научное изслѣдованіе старается опредѣлить время происхожденія каноническихъ книгъ буддійскаго священнаго писанія, уяснить пути распространенія буддійской вѣры и установить опредѣленное понятіе о той догматикѣ, метафизикѣ и этикѣ, которыя слѣдуетъ считать первоначальными. Безчисленныя трудности и до сихъ поръ стоятъ на пути этихъ сложныхъ и разнообразныхъ изслѣдованій: отдаленность мѣстностей, гдѣ должны быть собираемъ матеріалъ для изслѣдованій, трудно переносимый европейцами климатъ этихъ мѣстностей, подавляющая масса рукописнаго, эпиграфическаго и разнообразнаго археологическаго матеріала, разнообразіе языковъ и письменъ, сохранившихъ далекое преданіе, и т. д., — все это

*) *Educ. Arnold: The light of Asia. Fifty-first edition. London, Trübner, 1889.*

требуетъ долгой, упорной, подчасъ тяжелой коллективной работы. Но успѣшное преодоленіе всѣхъ указанныхъ здѣсь трудностей было-бы все-же таки недостаточно, еслибы изслѣдователи не смогли усвоить себѣ полное безпристрастіе, совершенное спокойствіе критической мысли, окончательное освобожденіе отъ какихъ-бы то ни было предвзятыхъ мнѣній, т. е. чисто-научную точку зрѣнія, такъ прекрасно характеризуемую однимъ изъ нихъ *).

Теперь можно сказать, что степень успѣха основныхъ работъ по одному изъ труднѣйшихъ вопросовъ исторіи религій всегда находилась въ зависимости отъ достоинства точки зрѣнія тѣхъ ученыхъ, которые положили свои силы на эти работы. Благодаря такому неустранимому условію, руководяшему и этою областью научныхъ изслѣдованій, многіе лункты исторіи, догматики, метафизики и этики буддизма установлены теперь твердо, и можно сказать, что въ настоящее время только какіе-нибудь дикари могутъ позволить себѣ высказывать о буддизмѣ отжившія мнѣнія легковѣснаго верхоглядства, въ родѣ, напримѣръ, вмѣненія буддизму идолопоклонства и т. п., или отрицанія его великой исторической роли и значенія содержащихся въ немъ истинъ. Длинный рядъ книгъ священнаго писанія и цѣлая литература комментаріевъ открыта теперь для каждаго, желающаго ознакомиться съ ихъ содержаніемъ.

Буддисты, какъ извѣстно, начинаютъ исторію своей церкви съ года смерти первоучителя и обосновываютъ сказаніе о древнѣйшемъ періодѣ ея на преданіи, которое, какъ намъ показала критика, не даетъ извѣстій, современныхъ тѣмъ событіямъ, о которыхъ извѣстія эти повѣствуютъ **). Особенную важность поэтому получаютъ тѣ извѣстія, которыя могутъ съ достаточнымъ основаніемъ почитаться первыми по времени бесспорно-историческими данными. Въ исторіи буддизма такими данными являются надписи царя Асоки

*) Il Buddha, Confucio e Lao-Tse. Notizie e Studie di Carlo Puini. In Firenze. 1878, p. IV.

***) Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. Соч. Н. П. Милева. Томъ 1. Вып. 1. Спб. 1887 г. стр. 8.

Великаго, разсѣянные по всей сѣверной Индіи. Надписи эти, сдѣлавшіяся доступными изученію, благодаря геніальной проищательности Джона Принсепа, подверглись въ настоящее время тщательному критическу изслѣдованію такихъ первоклассныхъ ученыхъ, какъ Кернъ, Биолеръ и Сенаръ. Имѣя теперь въ своемъ вѣдѣніи не традиціонный, а чисто историческій моментъ развитія религіознаго сознанія буддистовъ древней эпохи, европейская наука получаетъ возможность выработать правильное понятіе между прочимъ и о томъ, какъ оцѣнивали буддисты значеніе религіозной свободы въ эту раннюю пору развитія ихъ вѣроученія.

Въ эдиктахъ царя Асоки мы имѣемъ историческій источникъ большой важности; эдикты живо рисуютъ симпатичную и оригинальную личность древняго восточнаго властителя съ его патріархальными, подчасъ наивными приѣмами управления и пропаганды, горячею жаждою просвѣтительной дѣятельности, вдохновляемой высокими, гуманными чувствами, пылкою экспансивностью неопита, стремящагося къ установленію вліянія своей вѣры даже за предѣлами своего царства. Провозглашаемая такою личностью религіозная свобода является поэтому фактомъ, необходимо останавливающимъ на себѣ вниманіе каждаго, задумывавшагося надъ этимъ глубоко-жизненнымъ принципомъ, не утратившимъ своего значенія и по настоящее даже время, не переставшимъ, наконецъ, оставаться „вопросомъ“.

Хотя религіозная свобода провозглашается только въ двухъ эдиктахъ, но намъ необходимо ознакомиться съ содержаніемъ почти всѣхъ ихъ, такъ какъ лишь при этомъ условіи интересующіе насъ эдикты представляются намъ въ связи съ общей ихъ совокупностью, а при этомъ и явится возможность уяснить ихъ истинное значеніе.

Переводъ эдиктовъ сдѣланъ мною по книгѣ Сенара „*Les inscriptions de Piyadasi*“ *). Большая часть ихъ передана

*) Я имѣлъ при этомъ въ виду поправки, сдѣланныя Сенаромъ послѣ выхода второго тома этого сочиненія въ статьѣ его, помѣщенной въ „*Rev. des deux Mondes*“ 1-го мая 1889 г.

мною вполнѣ, съ частымъ пропускомъ только безпрестанно встрѣчающейся формулы: „такъ говорить царь Пійядаси, любимый богами,“ и опущеніемъ нѣкоторыхъ особенностей стила, не имѣющихъ значенія для намѣченной мною цѣли. Въ видахъ этой-же цѣли я даю сперва эдикты, относящіяся къ обращенію Асоки-Пійядаси, затѣмъ тѣ, которые относятся къ религіи и религіозной пропагандѣ и въ заключеніе—эдикты о свободѣ совѣсти.

Обширна Калинга *), покоренная царемъ Пійядаси, любимымъ богами. Сотни тысячъ людей были взяты въ плѣнъ при этомъ завоеваніи, сто тысячъ было умерщвлено и много разъ повторенное то-же число лишилось при этомъ жизни. Освѣдомясь обо всемъ этомъ, царь, любимый богами, немедленно-же обратился къ религіи; онъ приложилъ стараніе къ распространенію религіи,—до такой степени велика была скорбь, возчувствованная царемъ, любимымъ богами, отъ всего того, что произошло при завоеваніи Калинги. Въ самомъ дѣлѣ, при завоеваніи области, прежде мнѣ не подвластной, я, царь любимый богами, живо и горько почувствовалъ всѣ произведенные при этомъ убійства, смерти и уводъ въ плѣнъ людей. Но съ большею еще горечью почувствовалъ царь, любимый богами, ниже-слѣдующее. Повсюду обитаютъ браманы, или сраманы, или аскеты другихъ сектъ, или хозяева домовъ, и въ средѣ этихъ людей, въ томъ случаѣ, когда пекутся о ихъ нуждахъ, господствуетъ повиновеніе властямъ, повиновеніе отцамъ и матерямъ, сговорчивость по отношенію къ друзьямъ, товарищамъ, родственникамъ, вниманіе къ слугамъ, постоянство въ привязанностяхъ. При завоеваніи всѣ эти люди подвергаются насиліямъ, смерти, разлукѣ съ милыми сердцу. Если-же тѣ, которымъ бываетъ оказано особое покровительство, и не претерпѣваютъ лично ника-

*) Калинга—царство, лежавшее на нынѣшнемъ Коромандельскомъ берегу.

кого бѣдствія, то все-же ихъ друзья, знакомые, товарищи или родственники оказываются погибшими. Такимъ образомъ и имъ приходится испытывать несчастіе. Всѣ насилія этого рода горько чувствуются мною, царемъ любимымъ богами. Не существуетъ страны, въ которой не были-бы извѣстны такія корпораціи брамановъ и срамановъ, и нѣтъ мѣста въ какой-бы то ни было странѣ, гдѣ люди не исповѣдывали-бы вѣру какой-нибудь секты. Вотъ почему царь, любимый богами, въ настоящее время принимаетъ къ сердцу гибель людей, нашедшихъ смерть или плѣнь при завоеваніи Калинги, во сто тысячъ разъ тягостнѣе....

Въ самомъ дѣлѣ царь, любимый богами, желаетъ водворить безопасность для всѣхъ людей, пощаду жизни, миръ и кротость. И въ этихъ благахъ онъ видитъ побѣду религіи. Въ этихъ побѣдахъ религіи онъ находитъ радость и въ предѣлахъ своего царства, и на всѣхъ его границахъ, на пространствѣ многихъ сотенъ южанъ *).

Изъ числа сосѣдей его — Антиохъ, царь Явановъ, и сѣвернѣе этого Антиоха четыре царя, Птоломей, Антигонъ, Магъ и Александръ; южнѣе — Коды, Памдіи, до Тамбапани, а также царь Гуновъ (?) Висмаваси (?). У Грековъ и Камбожъ, Набхаковъ и Набхапантіевъ, у Бхожъ и Петениковъ, Андхровъ и Пулиндовъ — вездѣ сообразуются съ религіозными поученіями царя любимаго богами. Тамъ, куда были направлены посланные, тамъ тоже, выслушавъ переданное отъ царя, любимаго богами, о религіозныхъ обязанностяхъ, сообразуются теперь и будутъ сообразоваться съ (этими) религіозными поученіями, съ религіей. Такимъ образомъ завоеванія религіи распространились повсемѣстно. Я ощутилъ глубокую радость; такова радость, доставляемая религіозными завоеваніями. Но, истинно говоря, радость есть дѣло второстепенное, и царь, любимый богами, придаетъ большое значеніе лишь тѣмъ плодамъ, коими обезпечивается будущая жизнь. Надпись эта и была вы-

*) Мѣра длинны, соотвѣтствующая одному дню пути.

рѣзана на камнѣ на тотъ конецъ, чтобы наши сыновья, внуки и правнуки не думали ни о какихъ новыхъ завоеваніяхъ. Пусть они не думаютъ, что завоеваніе мечомъ заслуживаетъ имя завоеванія, а видятъ въ немъ потрясеніе и насиліе. Пусть они считаютъ истинными завоеваніями лишь завоеванія религіозныя. Такія завоеванія имѣютъ значеніе и для того свѣта; пусть они полагаютъ все свое наслажденіе въ удовольствіяхъ религіи, ибо [таковыя цѣнны и на этомъ и на томъ свѣтѣ.

Въ прежнее время цари отправлялись на такъ-называемыя увеселительныя поѣздки. Охота и другія забавы этого рода были ихъ земными удовольствіями. Я, царь Пійядаси, любимый богами, предпринялъ странствованіе въ видахъ достиженія истинной премудрости. Поэтому и земныя мои поѣздки стали религіозными странствованіями, а именно: посѣщеніе и раздача милостыни браманамъ и сраманамъ, посѣщеніе старцевъ, раздача денегъ, посѣщеніе народовъ царства, его религіозное воспитаніе, совѣщаніе о предметахъ религіозныхъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ удовольствій прежняго времени, царь Пійядаси, любимый богами, испытываетъ то удовольствіе, которое ему доставляютъ его добрыя дѣла.

Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ я состоялъ упасакою (свѣтскимъ поклонникомъ Будды) и не проявлялъ большого усердія; годъ тому назадъ я вступилъ въ Сангху (буддійское монашество) и проявилъ большое усердіе. Въ теченіе этого времени люди, бывшіе настоящими богами для Джамбудвипы *), низведены настолько, что дѣйствительно перестали быть богами. Таковъ результатъ моего усердія; этотъ результатъ не можетъ быть достигнутъ одною только властью. Самый смиренный, проявляя усердіе,

*) Джамбудвипа—Индія.

можетъ достигнуть жизни небесной, сколь ни была она малодоступна. Эту цѣль и преслѣдуетъ нижеслѣдующее поученіе: пусть проявляютъ усердіе малые и великіе; пусть достигнетъ поученіе это даже и народовъ иноземныхъ и да будетъ усердіе это долговѣчно. Тогда достигнется религиозное преуспѣяніе, великое преуспѣяніе, преуспѣяніе безконечное.

Царь Пійядаси привѣтствуетъ магадійское духовенство и желаетъ ему благоденствія и добраго здравія. Вы знаете, владыки, до какой степени достигаютъ мое благорасположеніе и мое почитаніе по отношенію къ Буддѣ, къ Закону и Монашеству *). Все что было высказано блаженнымъ Буддою—высказано вѣрно, и то, что я, владыки, могу повелѣть моею властью, истекаетъ изъ желанія долгоденствія этому религиозному закону. (Слѣдуетъ перечисленіе названій частей священнаго преданія.) Я желаю, чтобы многочисленныя общины монаховъ и монахинь слушали ихъ часто и размышляли о нихъ, а также и свѣтскіе набожные люди обѣихъ половъ. На тотъ конецъ и повелѣлъ я вырѣзать на камнѣ эти слова, чтобы стала извѣстна моя воля.

Религія прекрасна. Но, скажутъ, что такое эта религія? Религія заключается въ томъ, чтобы сколько возможно избѣгать зла, совершать много добра, руководиться состраданіемъ, милосердіемъ, правдивостью, а также и чистотою жизни. Поэтому-то и раздавалъ я всякую милостыню; я излилъ всякія блага на людей и животныхъ четвероногихъ, на птицъ и животныхъ обитающихъ въ водѣ, даже до снабженія ихъ водою годною для питья; я совершалъ и другія многія похвальныя дѣла. Я и повелѣлъ вырѣзать на камнѣ этотъ эдиктъ на тотъ конецъ, чтобы люди сообра-

*) „Будда, Дхамма и Санеха“—формула, сохранившаяся у буддистовъ и до настоящаго времени.

зовались съ нимъ и шли тѣмъ-же путемъ, и чтобы путь этотъ сохранился на долгое время. Тотъ, кто будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, будетъ дѣйствовать во благо.

Жить добродѣтельно—дѣло трудное; тотъ, кто не совращается съ пути добродѣтели, совершаетъ нѣчто трудное. Но я самъ совершилъ много дѣлъ добрыхъ. Точно также тѣ изъ моихъ сыновей, внуковъ и послѣдующаго потомства, которые до окончанія кальпы *) будутъ слѣдовать моему примѣру, равно совершать дѣло доброе; тотъ-же кто оставитъ этотъ путь—тотъ совершитъ зло. Въ самомъ дѣлѣ, зло—въ природѣ человѣка. Въ прежнее время не было блюстителей религіи. Но я, въ четырнадцатый годъ по моемъ вѣнчаніи на царство, учредилъ блюстителей религіи. Они занимаются послѣдователями всѣхъ сектъ, въ виду установленія религіи, преуспѣянія религіи, пользы и счастья вѣрныхъ (истинной) религіи; они занимаются у Явановъ, Камбожъ, Гандларовъ и обитателей Сураштры и у Петениковъ и у другихъ пограничныхъ народовъ, воиновъ, брамановъ и богатыхъ, бѣдненьковъ, стариковъ, въ видахъ ихъ пользы и счастья, для устранения всѣхъ препятствій передъ послѣдователями (истинной) религіи; они занимаются укрѣпленіемъ находящихся въ узахъ, устраненіемъ всѣхъ препятствующихъ имъ обстоятельствъ, освобожденіемъ ихъ, обремененныхъ семействомъ, ставшихъ жертвою хитрости, удрученныхъ годами; въ Поталипутѣ и другихъ городахъ они занимаются дѣлами моихъ братьевъ, сестеръ и другихъ моихъ родственниковъ. Во всемъ моемъ царствѣ они занимаются вѣрными (истинной) религіи, твердыми въ религіи и подающими милостыню. Съ этую цѣлью и былъ вырѣзанъ этотъ эдиктъ.

Царь Пійядаси, любимый богами, полагаетъ, что слава и молва приносили-бы пользу, за исключеніемъ впрочемъ той

*) Кальпа—періодъ времени отъ образованія до разрушенія міра.

славы и той молвы, которая онъ желаетъ заслужить, а именно: чтобы въ настоящемъ и будущемъ народъ слѣдовалъ моей религіи, чтобы онъ исполнялъ обязанности, налагаемыя моей религіей! Вотъ та слава и та молва, которая желаетъ заслужить царь Пійядаси, любимый богами. Всѣ усилія, какія только дѣлаетъ царь Пійядаси, любимый богами, всѣ направляются мыслью о будущей жизни и имѣютъ въ виду избѣжаніе всякой опасности. Опасность-же заключается въ злѣ. Но, конечно, дѣло это преисполнено трудностей какъ для малаго, такъ и для великаго, и возможно только при мощномъ усилии и отторженіи отъ всего. Но это особенно трудно для властителя.

Я льщу себя мыслью, что народъ извлечетъ пользу (изъ моихъ повелѣній) и чрезъ то въ томъ или другомъ отношеніи окажетъ преуспѣяніе въ религіи, чтѣ послужитъ его благу и счастью, и я принимаю всѣ тѣ мѣры, которыя представляются мнѣ способствующими счастью какъ моихъ отдаленныхъ подданныхъ, такъ и ближайшихъ, а также и собственныхъ моихъ родственниковъ. Такимъ образомъ я не теряю изъ виду всѣхъ у меня служащихъ. Всѣ секты получаютъ отъ меня разнаго рода почетъ. Но личное мое усвоеніе (ихъ ученій и дѣлъ благочестія) разсматриваю я какъ главнѣйшее.

Цари прежняго времени выражали желаніе, чтобы люди преуспѣвали въ религіи; но люди не преуспѣвали въ религіи согласно желанію ихъ. И вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами. Я разсуждаю слѣдующимъ образомъ: такъ какъ цари прошедшихъ временъ выражали желаніе, чтобы люди преуспѣвали въ религіи, но люди въ религіи не преуспѣвали согласно желанію ихъ, то какимъ-же образомъ слѣдуетъ направлять людей на добрый путь? Какимъ образомъ достигнуть того, чтобы люди преуспѣвали въ религіи (согласно моему желанію)? Какимъ способомъ могу я ихъ дви-

нутъ впередъ въ религіозномъ отношеніи? И вотъ что говорить царь Пійядаси, любимый богами. Я принялъ рѣшеніе распространить религіозныя увѣщанія, обнародовать религіозныя поученія; люди, слушающіе слово сіе, вступятъ на добрый путь, они преуспѣютъ (въ добрѣ).

Я установилъ надъ народомъ особыхъ чиновниковъ (ражжукъ) для многихъ сотенъ тысячъ населенія. Я оставилъ лично за собою всякое преслѣдованіе и всякое наказаніе по отношенію къ нимъ, съ тою цѣлью, чтобы эти ражжуки могли-бы съ полнымъ довѣріемъ и безопасностью отдаться своей службѣ, положить основаніе и развитъ благо въ пользу населенія моего царства. Они будутъ освѣдомляться о преуспѣніи или страданіяхъ (моихъ подданныхъ) и вмѣстѣ съ вѣрными религіи они будутъ поучать жителей моего царства въ видахъ обезпеченія за ними счастья на этомъ свѣтѣ и спасенія въ будущемъ. Ражжуки будутъ прилагать стараніе повиноваться мнѣ, такъ-же, какъ и другіе чиновники (пуруши), которые будутъ увѣщевать ражжукъ не ослабѣвать въ ихъ усердіи. Подобно тому какъ тотъ, кто отдалъ дитя свое искусной кормилицѣ, пребываетъ спокойнымъ, зная, что искусная кормилица хорошо надзираетъ его ребенка, такъ и я установилъ ражжукъ для блага и пользы моихъ подданныхъ. Чтобы дать имъ возможность спокойно и безопасно, безъ заботы о постороннихъ дѣлахъ заниматься исполненіемъ ихъ обязанностей, я оставилъ лично за собою всякое преслѣдованіе, всякое наказаніе ихъ. Желательно, въ самомъ дѣлѣ, установить равенство и въ преслѣдованіяхъ и въ наказаніяхъ. Съ сегодняшняго дня я ввожу слѣдующее правило: всѣмъ преступникамъ, которые были судимы и приговорены къ смерти, я дарую трехдневную отсрочку (казни). До ихъ свѣдѣнія доведутъ, что жить имъ осталось (три дня) ни болѣе, ни менѣе. Извѣщенные такимъ образомъ о предѣлѣ своего существованія, они совершатъ милостыню въ видахъ будущей жизни или будутъ со-

блюдать (въ эти дни) постъ. Я дѣйствительно желаю, чтобы даже заключенные могли обезпечить себѣ будущую жизнь, и я желаю, чтобы религиозное благочестіе, преодолѣніе чувственности, раздача милостыни—все болѣе и болѣе развивались.

Счастье на семь и томъ свѣтѣ достигается съ трудомъ и необходима для того помощь моихъ чиновниковъ, чрезвычайное ихъ усердіе къ религіи, строгій (съ ихъ стороны) надзоръ, крайнее ихъ (мнѣ) повиновеніе, весьма живое чувство отвѣтственности (передо мною), чрезвычайная дѣятельность. Но, благодаря моимъ наставленіямъ, эта забота о религіи возрастаетъ и будетъ возрастать изо дня въ день. И мои чиновники—высшіе, низшіе и средніе—руководятся моими наставленіями и направляютъ народъ на добрый путь, (стараясь), чтобы люди вступали на него охотно. То-же самое относится и къ чиновникамъ пограничнымъ. Правиломъ да будетъ нижеслѣдующее: управление, законъ, преуспѣяніе и безопасность должны быть основаны на религіи.

На протяженіи всего моего царства всѣ вѣрныя, а также ражжуки и правитель области разъ въ каждое пятилѣтіе должны сверхъ другихъ своихъ обязанностей являться на собраніе (называемое анусамьяна), дабы получать тамъ нижеслѣдующее религиозное поученіе: „Хорошо поступаетъ тотъ, кто оказываетъ повиновеніе отцу и матери, друзьямъ, знакомымъ и родственникамъ; хорошо поступаетъ тотъ, кто раздаетъ милостыню браманамъ и сраманамъ, шадить жизнь живыхъ существъ, воздерживается отъ расточительности и дерзкихъ словъ“. Духовенству затѣмъ слѣдуетъ подробно поучать вѣрующихъ и по отношенію къ содержанію (этого поученія) и словеснаго его выраженія.

Въ видахъ скорого преуспѣянія религіи, я распространилъ религиозныя увѣщанія и преподалъ различныя религиозныя

поученія. Я установилъ надъ народомъ многихъ (чиновниковъ), каждый изъ которыхъ имѣеть свой районъ, въ которомъ онъ и распространяетъ поученія, и развиваетъ (мои мысли). Я установилъ также ражжуконъ надъ многими тысячами существъ и повелѣлъ имъ поучать вѣрныхъ. Вотъ что говоритъ Пійядаси, любимый богами. Съ этою единственною заботою я поставилъ религіозные (покрытые надписями) столбы, установилъ религіозныхъ блюстителей, распространилъ религіозныя увѣщанія. Вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами. Вдоль дорогъ я насадилъ деревья, чтобы они доставляли тѣнь людямъ и животнымъ, я развелъ сады манговыхъ деревьевъ; вдоль дорогъ, на разстояніи всякой полу-кросы *), я приказалъ вырыть колодцы, я озаботился объ устройствѣ водоемовъ и во множествѣ мѣстъ я велѣлъ построить постоянные дворы для утѣхи людей и животныхъ. Моя-же истинная утѣха слѣдующая: прежніе цари, а также и я самъ, способствовали счастью людей различными улучшеніями; но дѣло идетъ о направленіи ихъ на путь религіозный; эту цѣль принимаю я какъ руководящую моими дѣйствіями. Вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами. Я установилъ также блюстителей для всякаго рода дѣлъ милосердія, для попеченія о всѣхъ сектахъ, сектахъ монашескихъ или людей, живущихъ въ свѣтѣ. Я также имѣю въ виду интересы духовенства, коими и займуться мои чиновники, интересами брамановъ, нищенствующаго духовенства, коими они займуться, духовенства ниргрантовъ **), коими они займуться,—разныхъ сектъ, коими они также займуться. Махаматры ***)) займуться въ отдѣльности одними и другими, всякій одною корпораціей, а мои блюстители религіи займуться всѣми этими и другими сектами вообще. Вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами.

Эти чиновники, а также и другіе, суть мои посредники; они занимаются распредѣленіемъ моей милостыни и мило-

*) Кроса— $\frac{1}{8}$ іожаны.

***) Т. е. жайновъ.

****) Махаматры—особые чиновники.

стыни царицъ. Во дворцѣ моемъ они имѣють разныя должности, каждый въ тѣхъ комнатахъ, которыя ему ввѣрены. Кромѣ того, какъ здѣсь, такъ и въ провинціяхъ, они занимаются распредѣленіемъ милостыни моихъ дѣтей и особенно царевичей, имѣя въ виду поощреніе религіозныхъ дѣяній и религіозной жизни, а именно: состраданія, милостыни, правдивости, чистоты жизни, кротости и доброты. Вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами. Всѣ добрые поступки всякаго рода, которые я совершаю, служатъ примѣромъ для всеобщаго руководства. По этой причинѣ среди людей возрасли и возрастуть еще болѣе — поцдиновение родителямъ, наставникамъ, угожденіе по отношенію къ старѣйшимъ по возрасту, почтительное отношеніе къ браманамъ, сраманамъ, бѣднымъ, обездоленнымъ и даже къ рабамъ и слугамъ. Вотъ что говоритъ царь Пійядаси, любимый богами. Религіозное преуспѣяніе въ средѣ людей достигается двумя способами: положительными правилами и чувствами, которыя имъ внушаются. Изъ этихъ двухъ способовъ положительныя правила имѣють менѣе важную цѣнность; одно только внутреннее настроеніе придаетъ имъ все ихъ значеніе. Положительныя правила заключаются въ томъ, что я вношу въ мои эдикты, когда, напримѣръ, я воспрещаю убивать такихъ или иныхъ животныхъ, а также и въ другихъ религіозныхъ указаніяхъ, кои я издалъ въ большемъ числѣ. Но религіозное преуспѣяніе обозначается въ одномъ только измѣненіи личныхъ чувствъ, въ общемъ уваженіи къ жизни, въ стараніи не лишать жизни никакое существо. Въ этихъ видахъ я и поставилъ эту надпись, съ тѣмъ чтобы она существовала для моихъ сыновей и внуковъ, чтобы она существовала столь-же долго, какъ солнце и луна, дабы мои дѣти и внуки слѣдовали моимъ поученіямъ; ибо тотъ, кто слѣдуетъ по этому пути, пріобрѣтетъ счастье на семь и на томъ свѣтѣ.

Люди придерживаются различнаго рода обычаевъ по случаю болѣзни, или брака сына или дочери, рожденія ребенка

и отправленія въ дорогу. При этихъ и другихъ обстоятельствахъ есть обычаи, соблюдаемые мужчинами, но еще болѣе, и самыхъ разнообразныхъ, у женщинъ: пустыя и ничтожныя заботы. Можно, пожалуй, соблюдать эти обычаи, но пользы отъ того мало, тогда какъ дѣла религіознаго благочестія плодотворны, а именно — внимательное отношеніе къ рабамъ и слугамъ, почтеніе къ учителямъ и родителямъ похвальны; похвальна кротость къ живымъ существамъ, милостыня сраманамъ и браманамъ. Эти добродѣтели и имъ подобныя и называю я дѣлами религіознаго благочестія. Необходимо, чтобы отецъ, или сынъ, или братъ, или учитель, сказали: вотъ дѣло доброе, вотъ обычай, который слѣдуетъ соблюдать до тѣхъ поръ, пока цѣль будетъ достигнута. Сказано было: милостыня — дѣло доброе, но никакая милостыня и никакое милосердіе не сравняются съ религіозной милостыней, съ религіознымъ милосердіемъ. Поэтому-то хорошо сдѣлаетъ другъ, родственникъ, товарищъ, давъ такой совѣтъ: „въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ слѣдуетъ поступать такъ-то; похвально поступать такимъ-то образомъ“. Убѣдясь, что посредствомъ такого поведенія можно заслужить жизнь небесную, слѣдуетъ держаться его усердно, какъ средства, коимъ заслуживается жизнь небесная.

По повелѣнію царя, любимаго богами, чиновники, коимъ вѣрено управленіе городомъ (такимъ-то) должны знать нижеслѣдующее: то, во что я вѣрую, то и желаю я приложить къ дѣлу и соотвѣтственно такой цѣли принять (дѣйствительныя) мѣры. Главною-же мѣрою считаю я преподавныя мною вамъ наставленія. Вы поставлены надъ сотнями тысячъ существъ съ тѣмъ, чтобы снискать привязанность людей добрыхъ. Всякаго человѣка я считаю сыномъ моимъ; какъ я желаю дѣтямъ моимъ счастья и благоденствія на земь и на томъ свѣтѣ, такъ и всѣмъ людямъ желаю того-же. Но въ этомъ отношеніи вы не достигаете еще всѣхъ возможныхъ результатовъ. Иной исполняетъ то или другое изъ

моихъ повелѣній, но не исполнять ихъ всѣхъ. Наблюдайте за нимъ, дабы нравственныя обязательства были твердо установлены. Если кого-нибудь посадятъ въ тюрьму и станутъ пытатъ, не преминьте быть тамъ, съ тѣмъ, чтобы положить конецъ тюремному заключенію, недостаточно оправданному. Затѣмъ множеству людей приходится терпѣть насилія. И тутъ опять вы должны стараться поставить всякаго на добрый путь. Но существуютъ склонности, справиться съ которыми нѣтъ возможности: — зависть, непостоянство, грубость, нетерпѣніе, нерадѣніе, лѣнь, безпечность. По этой причинѣ вы должны стараться избавиться отъ такихъ склонностей. Главное тутъ — постоянство и терпѣніе въ преслѣдованіи нравственной цѣли. Человѣкъ безпечный не хочетъ шевельнуться, а между тѣмъ надо сойти съ мѣста, надо идти, надо подвигаться впередъ. Точно то-же относится и до того присмотра, который на васъ возложенъ. Поэтому-то я и повторяю вамъ: старайтесь обратить вниманіе на мои распоряженія, говоря: таковы повелѣнія царя, любимаго богами. Поступать такимъ образомъ значитъ обезпечить великую плодотворность своей дѣятельности; не поступать такимъ образомъ, значитъ подвергать себя великимъ бѣдствіямъ. Для тѣхъ, которые пренебрегли-бы такимъ воздѣйствіемъ на народъ, нѣтъ ни милостей бога, ни милостей царя. Въ самомъ дѣлѣ, если я обращаю такъ много вниманія на исполненіе вами ввѣренныхъ вамъ должностей, то у меня имѣется въ виду двойная отъ того выгода. Если вы будете вести себя такъ, какъ то мною вамъ указано, то достигнете неба и исполните возложенную мною на васъ обязанность. Этотъ эдиктъ слѣдуетъ повторять народу въ каждый праздникъ Накшатра Тишія, а въ промежуточное (между праздниками) время слѣдуетъ повторять его отдѣльно (однимъ и другимъ) всякій разъ, когда представляется къ тому случай. Дѣйствуя такимъ образомъ, старайтесь направить народъ на добрый путь. Эдиктъ этотъ и былъ вырѣзанъ на камнѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы чиновники, коимъ ввѣрено управленіе городомъ, не ослабѣвали въ своемъ

усердіи, и чтобы не было ни произвольныхъ тюремныхъ заключеній, ни произвольныхъ пытокъ.

Въ прошедшее время, въ теченіе многихъ вѣковъ, господствовалъ обычай умерщвленія живыхъ существъ, насиліе противъ тварей, недостатокъ почтенія къ родителямъ, недостатокъ почтенія къ браманамъ и сраманамъ. Но въ настоящее время царь Пійядаси, любимый богами, вѣрный религіи, довелъ гласъ религіи до слуха народнаго и преподалъ ему поученіе въ видѣ небесныхъ зрѣлищъ (священныхъ процессій). Благодаря религіозному поученію, распространенному царемъ Пійядаси, любимымъ богами, въ настоящее время господствуетъ то, чего не было въ теченіе многихъ вѣковъ, пощада живыхъ тварей, кротость къ существамъ, почтеніе къ родителямъ, почтеніе къ браманамъ и сраманамъ, повиновеніе отцу и матери, повиновеніе старцамъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, господствуетъ религіозное благочестіе, и царь Пійядаси, любимый богами, будетъ и впредь прилагать заботу о господствѣ этого благочестія. Сыны, внуки, правнуки и пра-правнуки царя Пійядаси, любимаго богами, будутъ прилагать заботу къ поддержанію этого благочестія до скончанія міра; твердые въ религіи и добродѣтели, они будутъ поучать религіи. Религіозное поученіе есть дѣло самое доброе, и нѣтъ истиннаго религіознаго благочестія безъ добродѣтели. Развитіе и процвѣтаніе интереса къ религіи есть благо. Въ этихъ видахъ и вырѣзано на камнѣ все это, дабы оно послужило религіи и не приходило въ упадокъ.

Въ прежнее время не было обычая постоянно заниматься дѣлами и выслушивать доклады. Что-же до меня касается, то я установилъ слѣдующее: во всякое время, когда я принимаю пищу, нахожусь на половинѣ жеиъ, во внутреннихъ комнатахъ, даже въ секретномъ мѣстѣ, и въ мѣстѣ рели-

гіознаго уединенія, и въ саду, — вездѣ проникають ко мнѣ чиновники съ докладами о дѣлахъ народа, и я вездѣ разсматриваю эти дѣла и самолично дѣлаю распоряженія. Такиимъ образомъ я повелѣлъ, чтобы вездѣ и всегда всякая распря, обнаруживающаяся въ собраніяхъ духовенства, была-бы немедленно доводима до моего свѣдѣнія. Я никогда не считаю достаточною ту дѣятельность, которая должна быть проявлена въ дѣлахъ правосудія. Долгомъ своимъ я считаю споспѣшествованіе общественному благу моими совѣтами; источникъ-же этого блага заключается въ дѣятельности и распорядительности по дѣламъ правосудія; ничто такъ не плодотворно какъ общественное благо. Всѣ мои усилія стремятся къ единственной цѣли: исполнить долгъ мой по отношенію къ людямъ, сдѣлать ихъ сколь возможно счастливыми на этомъ свѣтѣ; да заслужатъ они небесную жизнь на томъ! Съ этою мыслью я и вырѣзалъ на камнѣ этотъ эдиктъ; да просуществуетъ онъ долгое время! И пусть мои сыновья, внуки, правнуки и пра-правнуки послѣдуютъ моему примѣру ради общественнаго блага. Но такое мудрое поведеніе осуществимо только (при помощи) чрезвычайныхъ усилій.

Царь Пійядаси, любимый богами, желаетъ, чтобы всѣ секты жили свободно повсемѣстно. Всѣ онѣ, въ самомъ дѣлѣ, одинаково ставятъ себѣ цѣлью преодолѣніе чувственности и душевную чистоту; но человѣкъ шатокъ въ своихъ хотѣніяхъ, шатокъ въ своихъ привязанностяхъ. И такъ, въ каждой сектѣ будетъ процвѣтать или всецѣло, или отчасти, осуществленіе того идеала, который преслѣдуется; чтобы, по крайней мѣрѣ, достаточно подающій милостыню смогъ овладѣть своими чувствами, овладѣть душевною чистотою, признательностью и постоянствомъ въ привязанностяхъ, что во всякомъ случаѣ прекрасно.

Царь Пійядаси, любимый богами, оказываетъ почетъ послѣдователямъ всѣхъ сектъ, монашествующимъ и свѣтскимъ;

онъ оказываетъ имъ почетъ подаянiями милостыни и всякаго рода чествованiями. Но царь, любимый богами, придаетъ этой милостыни и этимъ почестямъ менѣе значенiя, чѣмъ желанiю видѣть господство въ ихъ средѣ нравственныхъ достоинствъ, что всего существеннѣе. Это господство (нравственныхъ) основъ (общихъ) всѣмъ сектамъ не исключаетъ, правда, большого ихъ разнообразiя. Но у всѣхъ есть одинъ общiй источникъ, заключающiйся въ слержанности рѣчи: это значить, что никому не слѣдуетъ превозносить свою секту, осуждая остальные, что не слѣдуетъ унижать ихъ, не имѣя (законнаго) на то основанiя, что, напротивъ того, надо воздавать другимъ сектамъ ту честь, которую онѣ заслуживаютъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, всякiй послужить преуспѣянiю своей секты, служа вмѣстѣ съ тѣмъ другимъ. Тотъ-же, кто превозноситъ свою секту и осуждаетъ другiя, поступаетъ такъ, конечно, изъ привязанности къ своей собственной сектѣ и съ намѣренiемъ выставить ее въ лучшемъ свѣтѣ; и что-же?—поступая такъ, онъ наноситъ своей сектѣ самые жестокие удары. По этой причинѣ только согласiе достойно похвалы, въ томъ смыслѣ, что всѣ слушаютъ и любятъ слушать повѣствованiе о вѣрованiяхъ каждаго. И, въ самомъ дѣлѣ, желанiе царя, любимаго богами, заключается въ томъ, чтобы всѣ секты были извѣщены о чистотѣ ученiя каждой изъ нихъ. Всѣ, какова-бы ни была ихъ вѣра, должны знать, что царь, любимый богами, придаетъ милостыни и обрядамъ меньшее значенiе, нежели желанiю господства основныхъ ученiй и взаимнаго уваженiя всѣхъ сектъ. Для достиженiя этого результата и трудятся блюстители религиi, а также чиновники, обязанные имѣть надзоръ за женщинами, и другiе. Плодомъ такого порядка вещей будетъ процвѣтанiе нашей секты и восхваленiе религиi (въ общемъ ея значенiи).

Эдикты, съ которыми только-что познакомился читатель, обнаруживаютъ съ достаточною ясностью, что авторъ ихъ

существенно отличается отъ того Асоки легендъ*), который и до сихъ поръ не перестаетъ еще появляться иногда, какъ реальная историческая личность**). Намъ нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе легендъ и ихъ соотношенія къ твердо-установленнымъ фактамъ надписей. Для насъ имѣетъ значеніе только Асока эдиктовъ, а потому мнѣ остается сказать лишь весьма немного въ дополненіе къ тому, что говорятъ сами эдикты, для которыхъ правильною передачею подлиннаго текста почти всегда исчерпывается весь комментарий. И если истолкованіе оригинала еще и въ настоящее время нельзя считать законченнымъ, то первый вопросъ, который останавливаетъ вниманіе читателя, интересующагося религіознымъ значеніемъ эдиктовъ, выясненъ, уже, по мнѣнію Сенара, вполне удовлетворительно, и выясненъ именно благодаря изученію текста. Я разумѣю вопросъ о религіи самого Асоки, о характерѣ его отношеній къ буддизму, съ одной стороны, и жайнизму — съ другой. Было высказано и поддерживаемо мнѣніе, что Асока, ранѣе того, какъ сталъ буддистомъ, былъ жайномъ, а также, что и впоследствии онъ не остался вѣрнымъ Буддѣ до конца и перешелъ опять-таки въ секту жайновъ. Первое изъ этихъ толкованій текста произошло, по словамъ Сенара, потому, что переводъ эдикта, на которомъ оно обосновывалось, былъ сдѣланъ ранѣе, чѣмъ были открыты и разобраны тѣ три надписи (въ Хальси, Сахасарамъ и Рупнатѣ), которыя окончательно устранили его. И если Кернъ и поддерживалъ ошибочное толкованіе даже и послѣ открытія названныхъ выше трехъ надписей, то это произошло опять-таки оттого, что „онъ слишкомъ поспѣшилъ принять первый предложенный для этихъ надписей переводъ“ ***). Что-же касается шатко-

*) Съ легендами объ Асокѣ можно познакомиться въ соч. *Эж. Бюрнуфа* (Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien), *Керна* (Der Buddhismus), *Рожендралала Митра* (Indo-Aryans) и др.

**) Напр. у *Леопольда Шредера* въ его „Indiens Literatur und Cultur in historischer Entwicklung“. Leipzig. 1887.

***) *E. Senart*: „Les inscriptions“ etc. II, p. 260 et suiv.

сти второго толкованія, то о ней можно уже было заключить изъ замѣчанія И. П. Минаева относительно послѣдствій вѣротерпимости „восточнаго, единодержавнаго и неограниченнаго монарха“, которая „естественно должна была вліять на взаимныя отношенія современныхъ ему сектъ, и въ извѣстной степени отражаться на ихъ умственномъ и нравственномъ состояніи: по всей вѣроятности между ними стало возможнымъ сближеніе и можетъ быть даже и компромиссы“ *). Итакъ, можно допустить, что буддизмъ Асока не стѣснялся, когда ему приходилось пользоваться жайнскимъ терминомъ; но если слѣдовать Сенару, то и это предположеніе окажется излишнимъ: Сенаръ твердо стоитъ на томъ, что Асока „въ тотъ періодъ своего царствованія, къ которому относятся надписи, и, вѣроятно, и до конца жизни, былъ явнымъ поклонникомъ буддизма. Фактъ этотъ,—говорить онъ,—твердая точка опоры и вмѣстѣ съ тѣмъ и исходный пунктъ всѣхъ закономѣрныхъ дедукцій **).

Посмотримъ теперь, каково было понятіе религіи у вѣрующаго буддиста III-го вѣка до Р. Х., и какъ онъ обосновывалъ на этомъ понятіи провозглашенный имъ принципъ религіозной свободы.

Если мы внимательно вникнемъ въ содержаніе приведенныхъ выше эдиктовъ, то намъ нельзя будетъ не замѣтить, что хотя въ нихъ подъ „сущностью религіи“ (sâra) и разумѣется нѣчто привходящее въ вѣрованія всѣхъ сектъ, но „сущность“ эта тутъ-же противопоставляется такому воззрѣнію, существенное значеніе котораго никогда не могло быть отрицаемо тѣми, которые придерживались его. „Сущность религіи“ по эдиктамъ сводится къ психологическому моменту—къ внутреннему настроенію, побужденію, импульсу; воззрѣніе, противопоставляемое этому понятію „сущности“ охватываетъ внѣшнія формы культа: всякій ритуаль, обрядъ, съ жертвоприношеніемъ, какъ своимъ кульминаціоннымъ пунктомъ, и всею присущею ему чисто-магическою

*) Минаевъ: „Буддизмъ“, стр. 80.

**) Senart, *ibid.*

силой. Авторъ эдиктовъ, сознавая всю яркую противоположность этихъ двухъ принциповъ, явно стремится къ торжеству перваго изъ нихъ, влягая въ пропаганду его всю свою душу. Онъ прямо указываетъ даже на тотъ знаменательный фактъ, что представители внѣшняго культа—браманы, бывшіе когда-то богами для Джамбудвипы, низведены имъ теперь съ этой, конечно недостойно занимаемой ими, высоты. Изъ этого видно, что принципиальная противоположность двухъ началъ, такъ ясно сознаваемая авторомъ эдиктовъ, существовала въ его время и въ жизни, хотя браманы и успѣли уже нарушить цѣлостность своего принципа, отвѣдя созерцанію значительную роль въ религиозной практикѣ. Стремясь растворить отодвинувшійся на задній планъ ритуалистическій элементъ, Асока и стремится къ торжеству „сущности религіи“, и чѣмъ отчетливѣе обозначаетъ онъ превосходство этой „сущности“ надъ мертвою буквою обряда, тѣмъ яснѣе становится, что эта „sâga“ всецѣло остается на его сторонѣ и, освобожденная отъ узъ формализма, переходитъ въ жизненное ученіе о нравственности,—въ этику. Этический буддизмъ Асоки очень еще далекъ отъ тѣхъ стадій своего развитія, которыя явятся впоследствии: еще нѣтъ трансцендентной доктрины объ Ади-Буддѣ, не существуетъ ученія о причинной связи вещей, этика не имѣетъ еще своей санкции въ Нирванѣ, нѣтъ еще рѣчи не только о папскомъ, но даже и о епископскомъ санѣ. Буддизмъ Асоки является передъ нами „какъ ученіе чисто этическое, очень мало заботящееся о частностяхъ догмата и отвлеченныхъ теоріяхъ“, говоритъ Сенаръ. „Оно не затрудняетъ себя схоластическими и монашескими элементами, весьма не склонно настаивать на различіи своемъ отъ сосѣднихъ религиозныхъ ученій, готово принять освѣщенные традиціею термины и формулы, лишь-бы только они не стояли въ противорѣчій съ его нравственнымъ идеаломъ, и лишено еще окончательно установленныхъ текстовъ и правомѣрно опредѣленнаго канона священныхъ книгъ *).

*) Senart: „Inscr.“ II, p. 322.

Этотъ ранній разцвѣтъ буддизма былъ столь-же обаятеленъ, какъ и непрочень. Неудивительно поэтому, что даже въ палийскомъ канонѣ можно найти весьма мало текстовъ, которые возможно-бы было сблизить съ учениемъ надписей царя Пийядаси. Литература, которою я располагаю, даетъ только два такихъ сближенія. Извѣстный историкъ буддизма Рись-Девидсъ на ряду съ эдиктами о религиозной свободѣ ставить начало Брама-жалы Сутты, одной изъ древнѣйшихъ во всемъ канонѣ и въ настоящее еще время очень усердно читаемой ортодоксальными буддистами, а Сенаръ сближаетъ ученіе Асоки съ учениемъ тоже очень старой канонической книги—Дхаммапады.

Брама-жала Сутта начинается словами, приписываемыми самому Буддѣ: „Если тѣ, которые не съ нами, о Бикшу, стали-бы порицать меня, или Дхамму, или Сангху, то вы не должны по этому поводу впадать въ гнѣвъ, вражду или досаду. Если-же вы впали-бы въ раздраженіе по этому поводу, то для васъ (а не для противниковъ вашихъ) возникла-бы опасность, такъ какъ вы потеряли-бы способность судить: вѣрно-ли было или нѣтъ то, о чемъ они говорили.

— Не должны, владыко!—былъ отвѣтъ.

— Если стануть говорить такъ, то, о Бикшу, вы должны объяснить, чтò именно неправильно въ ихъ сужденіи, и сказать имъ: „это неправильно, это не такъ, это у насъ не одобряется“ *).

Что касается до Дхаммапады, то Сенаръ утверждаетъ, что какъ общій тонъ, такъ и главные пункты нравственнаго ученія этой книги представляютъ очевидныя аналогіи съ надписями Асоки. Здѣсь въ Дхаммападѣ можно найти и указаніе на необходимость постоянства въ преслѣдованіи нравственной цѣли, можно найти изреченія о вниманіи къ своему поведенію и о почтительномъ отношеніи ко всѣмъ лю-

*) Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by some points in the history of indian buddhism. By T. W. Rhys Davids. London, 1881, p. 229.

дымъ, особенно-же старымъ, и о воздержности въ словахъ, и о высокомъ значеніи правдивости, кротости и милосердія, и о пользѣ умѣренности въ пищѣ, и, наконецъ, и о духѣ терпимости и забвеніи обидъ. По отношенію къ браманизму, Дхаммапада, какъ и эдикты, не высказываетъ осужденія ритуализма въ сколько-нибудь рѣзкихъ выраженіяхъ; она съ чрезвычайною мягкостью провозглашаетъ тщету обрядовъ и въ то-же время сопоставляетъ брамановъ и срамановъ; болѣе того—въ отдѣльной главѣ, посвященной браманамъ, восхваляетъ въ ихъ лицѣ идею того нравственного совершенства, которое проводится въ самой-же Дхаммападѣ.

Отъ сближенія надписей Асоки съ нѣкоторыми частями палійскаго канона перейдемъ теперь къ сближенію гораздо болѣе для насъ интересному. Выставленная въ эдиктахъ идея „сущности религіи“, устраняющая догматическую разногласицу и ритуальную пестроту, и схватывающая то общее нѣчто, которое присуще вѣроученію всѣхъ сектъ и которое, по мысли Асоки, все уходитъ въ преслѣдованіе нравственнаго идеала, содержитъ въ зернѣ, какъ мнѣ думается, ту самую идею, которая въ формѣ „сказки о трехъ кольцахъ“, съ XIV-го, а можетъ быть и съ XIII-го вѣка, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и, наконецъ, въ „Натанѣ“ Лессинга получаетъ свое наивысшее, совершеннѣйшее выраженіе. Сближеніе между идеей Асоки и идеей сказки „Натана Мудраго“ представляется мнѣ совершенно закономѣрнымъ. Не этическую-ли „сущность религіи“ имѣлъ въ виду Лессингъ, утверждая, что „настоящее кольцо“ имѣло тайную силу—

дѣлать

Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кому носить его случилось
Съ надеждой и довѣріемъ,

и что поэтому подлинность кольца возможно было доказать только жизнью. Пусть — говоритъ предполагаемый судья—выкажетъ каждый

Всю силу своего кольца; пусть въ жизни—
И миролюбимъ ея проявитъ,
И кротостью и добрыми дѣлами,
И непремѣнно преданностью Богу...

И поэтому-то, на замѣчаніе Саладина:

Какія кольца? Не играй словами.
Я думаю, что-есть таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ;
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ.

Натанъ отвѣчаетъ, превознося принципъ свободы совѣ-
сти:—

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья;
Не на исторіи-ль основаны онѣ,
Изустно къ намъ иль письменно дошедшей?
И какъ-же, какъ не на слова, должны мы
Принять преданье старины,—не такъ-ли?
Къ кому-же мы съ сомнѣнемъ наименьшимъ
Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ?
Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течеть?—кто съ дѣтства
Свою любовь доказывалъ намъ часто?
Кто не обманывалъ насъ никогда?
— И развѣ только, чтобъ принести намъ пользу.
Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
Какъ можно *требовать*, чтобъ нашихъ предковъ
Во лжи мы уличали для того,
Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими? *)

Окончательный результатъ, какъ видно, тотъ-же, что и у Асоки: вся сила религіи—въ ея *основѣ*, въ сферѣ религіи *требовать* ничего нельзя, и нѣтъ другой религіозной пропаганды, какъ пропаганда жизнью: миролюбимъ, кротостью, добрыми дѣлами... Сошлись начала, сошлись и концы.

*) Цитировано по переводу В. А. Крылова.

Мнѣ остается сказать въ заключеніе, что все вышесказанное всего менѣе даетъ намъ право считать Асоку религіознымъ индифферентистомъ, какъ то утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Асока, правда, относился—не скажу безразлично, но—отрицательно, къ тому, чтò считалось религіей ритуалистами, но къ религіи, имъ признаваемой за таковую, къ „сущности религіи“, онъ относился со всею страстностью своей пылкой души. Въ религіи онъ видѣлъ тотъ сводъ вѣрованій, убѣжденій и упованій, которыя потому и называются религіозными, что пренія о нихъ считаются законченными и они являются уже не тезисами для дебатовъ, а проникшими въ жизнь мотивами дѣятельности, представляются слившимися со всѣмъ существомъ человека, чѣмъ-то составляющимъ единое съ душою его, драгоценнѣйшимъ его достояніемъ. Въ этомъ смыслѣ Асока былъ человекомъ религіознымъ, а идеи, завѣщанныя имъ, идеями живыми, дѣйственными, не утратившими своего значенія и понынѣ; онѣ навсегда останутся, конечно, выраженіемъ правъ Асоки на благодарность потомства..

В. Лесевичъ.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛЪ.

ХРОНИКА.

I. Психологическій съѣздъ въ Парижѣ *)

(6—10 августа нов. ст.).

Въ числѣ ученыхъ съѣздовъ, состоявшихся въ Парижѣ во время выставки, несомнѣнно однимъ изъ самыхъ скромныхъ по внѣшней обстановкѣ и по числу присутствующихъ былъ съѣздъ по физиологической психологіи, устроенный обществомъ того-же имени, существующимъ въ Парижѣ съ 1885 года и состоящимъ подъ предсѣдательствомъ президента Шарко и вице-президентовъ—философа Поля Жане и психолога Рибо.

Но если принять во вниманіе, что психологія—одна изъ самыхъ древнихъ специальныхъ наукъ, возникшая благодаря трудамъ Аристотеля еще въ IV в. до Р. X., а Парижскій конгрессъ по физиологической психологіи былъ первымъ психологическимъ конгрессомъ, то этотъ съѣздъ ученыхъ различныхъ странъ и скромные совмѣстные труды ихъ приобрѣтаютъ особенный интересъ,—тѣмъ болѣе, что соглашеніе специалистовъ въ области вопросовъ «науки о духѣ» труднѣе достижимо, чѣмъ въ какой-либо другой области.

Мнѣ выпало счастье лично принять участіе въ занятіяхъ съѣзда и я дамъ краткій и, по возможности, объективный отчетъ о его результатахъ.

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 23 сент. 1889 г.

Мысль объ устройствѣ съѣзда психологовъ впервые была высказана еще три года тому назадъ извѣстнымъ изслѣдователемъ явленій гипнотизма, авторомъ превосходной книги «La suggestion mentale», полякомъ Охоровичемъ. Но члены психо-физиологическаго общества считали въ то время такое предпріятіе преждевременнымъ и, какъ сознался въ своей рѣчи предсѣдатель съѣзда Рибо, не предполагали, что оно можетъ осуществиться такъ скоро. Однако, въ связи съ выставкою, была сдѣлана попытка организовать и съѣздъ по физиологической психологіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были разсланы первыя приглашенія ученымъ различныхъ странъ, причемъ къ этимъ приглашеніямъ, подписаннымъ президентомъ общества Шарко и главнымъ секретаремъ съѣзда Шарлемъ Рише, однимъ изъ выдающихся современныхъ физиологовъ и изслѣдователей гипнотизма во Франціи, были приложены: краткая программа предполагаемыхъ занятій съѣзда, списокъ членовъ организационнаго комитета и списокъ членовъ почетнаго комитета покровителей съѣзда (comité de patronage).

Программа съѣзда включала слѣдующіе вопросы:

- I. Мускульное чувство.
- II. Роль движеній въ образованіи представленій.
- III. Всегда-ли вниманіе опредѣляется состояніями аффективными (т.-е. чувствованіями и чувствами)?
- IV. Статистическое изученіе галлюцинацій.
- V. Чувственные влеченія (les appétits) у идиотовъ и помѣшанныхъ.
- VI. Существуютъ-ли у сумасшедшихъ двигательные импульсы, независимые отъ образовъ и идей?
- VII. Психическіе яды.
- VIII. Наслѣдственность:
 - 1) наследственность явленій чувства и ихъ выраженій;
 - 2) наследственность особенностей въ воспріятіи цвѣтовъ;
 - 3) наследственность специальныхъ формъ памяти;
 - 4) наследственность специальныхъ способностей (техническихъ, артистическихъ, научныхъ);
 - 5) психологическій анализъ генеалогическихъ таблицъ.
- IX. Гипнотизмъ:
 - 1) о причинахъ ошибокъ въ наблюденіяхъ явленій гипнотическаго внушенія;
 - 2) нормальный и гипнотическій сонъ;

- 3) наслѣдственность гипнотической чувствительности;
- 4) двигательная сила представлений у субъектовъ загипнотизированныхъ и ихъ бессознательныя движенія (автоматическое письмо и проч.);
- 5) раздвоеніе личности въ гипнотическомъ снѣ и при психическихъ расстройствахъ;
- 6) явленіе трансферта;
- 7) опытъ установленія точной терминологіи въ вопросахъ гипнотизма.

Къ программѣ этой была присоединена позднѣе подробная объяснительная записка, разсланная однако такъ поздно, что разѣхалась съ болѣе отдаленными по мѣсту жительства членами конгресса, а на самомъ конгрессѣ мы не могли получить ни одного экземпляра ея, такъ какъ она была напечатана въ весьма ограниченномъ числѣ оттисковъ. Нѣкоторые изъ пунктовъ этой объяснительной записки будутъ сообщены нами при разсмотрѣніи занятій отдѣльныхъ секцій. Замѣтимъ здѣсь, однако, что большая часть вопросовъ, поставленныхъ предварительною программой и точнѣе формулированныхъ въ объяснительной запискѣ, осталась неразсмотрѣнною за недостаткомъ времени и вслѣдствіе продолжительности дебатовъ по другимъ пунктамъ программы.

Комитетъ по организациі съѣзда, при предсѣдателѣ Шарко, вице-предсѣдателяхъ Маньянѣ, Рибо и Тэннѣ, секретаряхъ Рише, Глеѣ и Мариле, заключалъ въ себѣ еще нѣсколько членовъ, принадлежавшихъ къ обществу физиологической психологіи, между прочимъ Охоровича. Почетный Комитетъ былъ составленъ изъ представителей психологіи и физиологіи въ различныхъ странахъ. Онъ заключалъ въ себѣ: французскихъ ученыхъ Бони (физиолога), Эпинаса (философа), Поля Жане (философа), германскихъ — Гельмгольца (физика), Вундта и Прейера, англійскихъ психологовъ — Бэна, Гальтона, Геглингса; итальянскихъ ученыхъ — Ломброзо, Морселли и Моссо; русскихъ — Троицкаго, Сѣченова и Грота, а также швейцарскихъ (физиологи: Герценъ и Карлъ Фохтъ) и австрійскихъ (психо-физиологи Экснеръ, Герингъ и Мейнертъ); было въ немъ и по одному представителю отъ Бельгіи (философъ Дельбёфъ), Америки (психологъ Джемсъ), Швеціи (Тигершtedтъ), Даніи (Ланге) и Голландіи (Энгельманъ).

По составу этихъ комитетовъ, въ которые входили имена из-

вѣстныхъ фізіологовъ и физиковъ, наряду съ именами философовъ и чистыхъ психологовъ, можно было ожидать, что занятія сѣзда будутъ очень интересны и многосторонни, что важнѣйшіе вопросы современной психологіи будутъ обсуждаться въ засѣданіяхъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Къ сожалѣнію изъ числа избранныхъ въ комитеты лицъ къ началу сѣзда въ Парижъ прибыли очень немногіе—Эспинасъ, Гальтонъ, Ломброзо, Герценъ, Дельбёфъ, Джемсъ, Троицкій, Гротъ. Германскіе и австрійскіе ученые, приглашенные на сѣздъ, совершенно отсутствовали, хотя вмѣсто первыхъ и прибыли изъ Берлина ассистенты фізіологическихъ лабораторій Геймансъ и Шперлингъ. Былъ еще изъ Вѣны извѣстный профессоръ нервной патологіи Бенедиктъ, но онъ пріѣхалъ въ Парижъ для другого сѣзда и на засѣданія нашего сѣзда явился лишь въ послѣдній день. Былъ впрочемъ еще одинъ нѣмецъ изъ Мюнхена: врачъ-практикъ Шренкъ фонъ-Нотцингъ, членъ мюнхенскаго Психологическаго Общества. За то отъ Англій присутствовали на сѣздѣ, кромѣ Гальтона, знаменитый моралистъ Сиджвикъ съ женою и извѣстные изслѣдователи галлюцинацій: братья д-ра Майерсы (Myers); сверхъ того на сѣздѣ прибыло нѣсколько шведовъ (проф. Ретціусъ), финляндцевъ (между ними доцентъ экспериментальной психологіи Гельсингфоргскаго университета Нейгликъ), швейцарцевъ (профессоръ психіатріи въ Цюрихскомъ университетѣ Форель, приватъ-доцентъ Женевскаго университета Флурнуа), двое румынъ и особенно много русскихъ. Послѣ французовъ русскіе члены сѣзда были всего многочисленнѣе. Московскій университетъ и московское психологическое общество были представлены профессорами философіи Троицкимъ и Гротомъ и прив. доц. Лопатинимъ и С. С. Корсаковымъ. Сверхъ того изъ числа членовъ московскаго психологическаго общества присутствовали: д-ръ А. А. Токарскій, магистръ уголовного права Д. А. Дриль, д-ръ психіатръ Н. Н. Баженовъ, А. С. Гончарова и др. Въ засѣданіяхъ сѣзда участвовали также психіатры другихъ русскихъ университетскихъ городовъ: проф. Сикорскій изъ Кіева, д-ръ В. Г. Дехтеревъ изъ Петербурга, проф. фізіологіи В. Я. Данилевскій изъ Харькова, д-ръ Рыбалкинъ, а также прив. доц. математическаго факультета С.-Петербургскаго университета Клейберъ, членъ лондонскаго психологическаго общества (Society of psychical research).

Конгрессъ долженъ былъ начаться въ понедѣльникъ 5 авг. н. ст., но по случаю открытія новаго зданія Сорбонны въ Парижѣ, засѣданія съѣзда начались во вторникъ, въ 2 часа дня, и продолжались до субботы, 10 августа, включительно. Засѣданія происходили ежедневно два раза (отъ 9—11 ч. утра и отъ 2—4 ч. дня) въ зданіи медицинскаго факультета, въ скромныхъ и небольшихъ по размѣру помѣщеніяхъ аудиторій. Утромъ происходили занятія специальныхъ секцій, а днемъ общія собранія, на которыхъ сообщались результаты занятій секцій и читались рефераты общаго содержанія.

Съѣздъ открылъ вице-президентъ конгресса, извѣстный психологъ Рибо, привѣтствовавшій въ своей рѣчи съѣхавшихся на конгрессъ гостей и указавшій на важность съѣзда въ виду современнаго состоянія психологіи и все болѣе и болѣе проявляющихся и въ ея области успѣховъ экспериментальнаго метода. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи Шарль Рише указалъ съѣзду на значеніе выработанной предварительной программы, явившейся выраженіемъ преимущественно интересовъ той группы психо-физиологовъ, которая организовала съѣздъ, высказалъ мысль о возможности расширенія программы съѣзда сообщеніями, къ ней не относящимися, — указалъ на важность этого перваго конгресса психо-физиологовъ, между прочимъ и для взаимнаго ознакомленія между собою представителей психологической науки, и на значеніе той части программы съѣзда, которая касалась новыхъ для этой науки и еще столь недостаточно обслѣдованныхъ явленій гипнотизма.

Вслѣдъ затѣмъ съѣздъ, по предложенію Рише и руководствуясь отчасти программой, отчасти-же составомъ пріѣхавшихъ членовъ, утвердилъ распредѣленіе занятій своихъ на четыре главныя секціи: гипнотизма, наследственности, мускульнаго чувства и галлюцинацій, а также предложенные секретаремъ списки: 1) почетныхъ предсѣдателей съѣзда, между которыми мы запомнили имена: Маньяна, Эспинаса и Бернгейма для Франціи, Дельбѣфа для Бельгіи, Гальтона и Сиджвика для Англии, Джемса для Америки, Сѣченова (который не могъ самъ пріѣхать на съѣздъ) и Троицкаго для Россіи, и 2) членовъ комитета для организациі будущаго съѣзда, въ который были избраны: Рише, Глей и Мариле изъ числа французскихъ ученыхъ, Сиджвикъ и Майерсъ отъ Англии, Гротъ отъ Россіи, Шренкъ-Нотцингъ отъ Германіи, Дельбѣфъ отъ Бельгіи и г. Охоровичъ, какъ представитель польской науки.

На другое утро начались засѣданія секцій, изъ которыхъ самою многочисленною оказалась секція по вопросамъ гипнотизма, расположившаяся въ главномъ залѣ конгресса. Остальныя секціи размѣстились въ небольшихъ комнатахъ по сосѣдству. Но въ первый день, кромѣ секціи гипнотизма, засѣдали только секціи по отдѣламъ о наслѣдственности и галлюцинаціяхъ, секція-же по мускульному чувству собралась только на третій день съѣзда, когда первыя двѣ уже окончили свои занятія. Такимъ образомъ мнѣ лично удалось принять участіе въ занятіяхъ секцій по вопросамъ о наслѣдственности (2-й день), о мускульномъ чувствѣ (3-й день), о гипнотизмѣ (4-й день) и въ засѣданіи комитета организаци, на 5-й день, не считая общихъ собраній, которыя я правильно посѣщалъ до закрытія съѣзда.

Прежде чѣмъ перейти къ сообщенію результатовъ занятій отдѣльныхъ секцій, замѣчу, что насъ, русскихъ, особенно поразила полнѣйшая патріархальность и простота въ устройствѣ занятій съѣзда, имѣвшая и хорошія и дурныя стороны. Торжественности не было никакой. Въ главномъ залѣ на возвышеніи стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, у котораго сидѣли предсѣдатель и вице-предсѣдатель (изъ числа почетныхъ лицъ), главный секретарь Рише и два его помощника (большею частью Глей и Марилье). Передъ этимъ возвышеніемъ стоялъ небольшой столикъ для референтовъ, а остальные присутствовавшіе размѣщались, какъ хотѣли, въ нѣсколькихъ рядахъ стульевъ по бокамъ залы и въ амфитеатрѣ спереди (противъ стола предсѣдателя). Присутствующихъ въ этомъ залѣ было всегда менѣе, чѣмъ наличныхъ мѣстъ: въ амфитеатрѣ сидѣло не болѣе 5—6 человекъ, послѣдніе ряды стульевъ также оставались часто пустыми, такъ что число присутствующихъ въ этомъ главномъ залѣ даже на общихъ засѣданіяхъ не превышало 100 человекъ. Въ засѣданіяхъ же прочихъ секцій присутствовало по 15—25 человекъ, размѣщавшихся въ беспорядкѣ вокругъ небольшихъ столиковъ. Определеннаго росписанія занятій въ общихъ собраніяхъ съѣзда, по днямъ, не было, такъ что, приходя въ засѣданіе, никто еще не зналъ, что именно будетъ въ немъ происходить, и рефераты членовъ съѣзда, которыхъ впрочемъ было не болѣе пяти, являлись для присутствующихъ сюрпризомъ. Вообще замѣчалось, до какой степени этотъ первый съѣздъ психологовъ былъ еще новымъ и мало определеннымъ дѣломъ, и какъ трудно было установить заранее

характеръ его занятій. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, благодаря внутренней дисциплинѣ среди хозяевъ съѣзда, все устраивалось отлично и самъ собою устанавливался порядокъ чтеній и преній, почти не нарушавшійся неприятными эпизодами, столь обычными въ многочисленныхъ собраніяхъ. Много содѣйствовалъ установленію мирнаго настроенія и серьезнаго отношенія къ дѣлу главный секретарь съѣзда Шарль Рише, который былъ душою конгресса и съ замѣчательнымъ тактомъ и деликатностью нерѣдко предупреждалъ серьезные столкновенія между болѣе страстными представителями науки. Рише, хотя самъ не предсѣдательствовалъ, былъ фактическимъ предсѣдателемъ и руководителемъ занятій въ большей части засѣданій, тѣмъ болѣе, что Рибо уѣхалъ изъ Парижа уже на 2-й день съѣзда, послѣ собранія секціи о наследственности, а президентъ съѣзда и общества Шарко, къ общему удивленію съѣхавшихся гостей, ни разу не показался на засѣданіяхъ, хотя, какъ намъ сообщали, и находился въ это время въ Парижѣ.

Такъ какъ подробные отчеты о засѣданіяхъ съѣзда и сдѣланныя на немъ сообщенія еще не напечатаны, то я поневолѣ ограничусь здѣсь лишь краткимъ перечнемъ работъ и постановленій съѣзда, надѣясь впослѣдствіи подробнѣе познакомить Московское Психологическое Общество и русскую публику съ отдѣльными трудами членовъ съѣзда. Для трехъ засѣданій секціи гипнотизма и для секціи о галлюцинаціяхъ, на которыхъ я не могъ присутствовать, я пользовался краткимъ отчетомъ о нихъ, помѣщеннымъ въ парижскомъ журналѣ „Le Progrès Médical“ отъ 10, 24 и 31 августа. Замѣчу впрочемъ, что эти отчеты, по заявленію лицъ, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ, далеко не полны. Въ нихъ совсѣмъ не упомянуто о нѣкоторыхъ интересныхъ сообщеніяхъ (наприм. Охоровича) и неполно переданы дебаты по другимъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе, все изложенное въ нихъ вѣрно и дастъ правильное понятіе о важнѣйшихъ фактахъ, могущихъ интересовать наше Общество.

Въ первое утреннее засѣданіе на 2-й день съѣзда мы присутствовали на секціи по вопросу о *наследственности*. Въ занятіяхъ секціи участвовало не болѣе 15 человекъ. Рибо предложилъ избрать предсѣдателемъ секціи присутствовавшего на ней знамени-

таго изслѣдователя явленій наслѣдственности, друга Чарльза Дарвина, англійскаго ученаго Гальтона, вице-предсѣдателемъ профес. Троицкаго. По предложенію Рибо, секція должна была заняться обсужденіемъ и исправленіемъ программы или вопросника, выработаннаго Парижскимъ Обществомъ физиологической психологіи для экспериментальнаго изученія явленій наслѣдственности еще въ 1887 г. и разосланнаго въ свое время всѣмъ подписчикамъ „Revue Philosophique“ и многимъ другимъ лицамъ. По малочисленности и неудовлетворительности полученныхъ отвѣтовъ, можно заключать, по мнѣнію Рибо, что вопросникъ слишкомъ сложенъ и составленъ не совсѣмъ удобно. И дѣйствительно, въ этомъ вопросникѣ имѣется въ виду въ каждомъ экземплярѣ получить подробную и весьма тонкую характеристику всѣхъ физическихъ и психическихъ индивидуальных особенностей каждаго члена семьи. Вопросы касаются: 1) воспитанія и общественнаго положенія лица; 2) физическихъ свойствъ его, причемъ требуются точныя указанія относительно роста, вѣса, величины головы, формы лба, цвѣта волосъ и глазъ, и проч.; 3) особенностей физиологическихъ, выражающихся въ свойствахъ воспріимчивости различныхъ органовъ чувствъ, въ свойствахъ темперамента, питанія, движенія, сна и т. д.; 4) свойствъ патологическихъ, выражающихся въ исторіи пережитыхъ болѣзней и въ условіяхъ смерти, если дѣло идетъ объ умершемъ, и т. д.; 5) свойствъ нравственныхъ, выражающихся въ расположеніи духа, характерѣ, направленіи воли, убѣжденій, различныхъ нравственныхъ особенностяхъ въ общеніи съ людьми и т. д.,—въ направленіи инстинктовъ, привычекъ, чувствъ и проч.; 6) свойствъ интеллектуальныхъ, проявляющихся въ способностяхъ, характерѣ и интенсивности умственной работы, свойствахъ памяти, воображенія, обобщающей способности, въ ораторскихъ дарованіяхъ различной степени и т. д.

Несомнѣнно, что эта программа, по пословицѣ „qui trop embrasse, mal étireint“, не даетъ возможности правильно охарактеризовать личность человѣка, ибо на многіе вопросы возможны отвѣты лишь приблизительные, неточные, отчасти выдуманые для наполненія графы, а потому и не имѣющіе цѣны для науки. Кромѣ того, не давая повода дѣлать наблюдателю сближенія между членами семьи и предоставляя установленіе сходствъ и различій не самому наблюдателю, а лицу приводящему въ порядокъ доставленный наблюдателями матеріалъ, этотъ вопросникъ можетъ

повести къ многочисленнымъ недоразумѣнїямъ, не говоря уже о непосильной работѣ, которую онъ задастъ изслѣдователю.

Всѣ члены секціи согласились съ мнѣніемъ Рибо о необходимости исправить и упростить существующій вопросникъ, и оставалось только рѣшить, въ какомъ направленіи должны быть сдѣланы поправки. Изъ преній выяснилось, что большинство присутствующихъ находятъ необходимымъ: 1) уменьшить количество вопросовъ, задаваемыхъ наблюдателю, устранивъ рядъ несущественныхъ частныхъ, и 2) составить такую программу, въ которой наблюдатель прямо могъ-бы дѣлать извѣстныя сближенія между свойствами членовъ семьи, которую онъ характеризуетъ. Составить новый вопросникъ съ этими усовершенствованіями любезно согласился г. Гальтонъ; но такъ какъ онъ былъ составленъ имъ въ слѣдующіе дни лишь вчернѣ и утвержденъ съѣздомъ по довѣрію къ изслѣдователю, безъ подробнаго разбора, то мы сообщимъ его содержаніе тогда, когда будетъ полученъ нами печатный его экземпляръ. Авторъ этой замѣтки предложилъ, чтобъ къ программѣ было приложено краткое введеніе, въ которомъ въ формѣ вопросовъ были-бы выражены важнѣйшія проблемы, интересующія современную психологію въ отношеніи къ изслѣдованію явленій психической наслѣдственности. Предложеніе это было принято и секція поручила ему составить это введеніе, которое должно быть рассылаемо болѣе компетентнымъ наблюдателямъ. Въ этомъ общемъ введеніи наблюдатель приглашается обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы:

1. Какія психическія сходства и какія различія существуютъ въ данной семьѣ между отцомъ и сыновьями, матерью и дочерьми, отцомъ и дочерьми, матерью и сыновьями, между братьями и сестрами и т. д.:

- а) въ области особенностей въ способахъ ощущенія;
- б) въ области памяти и умственной дѣятельности (общія черты и спеціальныя наклонности);
- в) въ области волненій (въ отношеніи легкости ихъ наступленія, скорости смѣны, интенсивности и качества);
- г) въ области характера, склонностей и вообще направленій воли;
- д) въ области движеній, привычекъ и выраженій (а именно: волненій, умственныхъ состояній, характера и т. д.).

2. Эти психическія сходства и различія соотвѣтствуютъ-ли

сходствамъ и различіямъ въ физической организаціи тѣхъ лицъ и въ какой степени?

Слѣдующіе вопросы касались: времени и интенсивности проявленія этихъ наслѣдственныхъ сходствъ и различій, ихъ прогрессивнаго или регрессивнаго развитія у отдѣльныхъ членовъ семьи, состоянія здоровья и вообще характера внѣшнихъ условий, при которыхъ они проявляются, и т. д.

Принявъ въ принципѣ предложенія Рибо, Гальтона и Грота, члены секціи поручили секретарю Глею представить докладъ о выработанныхъ программахъ общему собранію членовъ съѣзда, который и принялъ безъ возраженій постановленія секціи.

Одновременно съ секціей по вопросамъ о наслѣдственности, застѣдала секція „о галлюцинаціяхъ“, на которой я не присутствовалъ. На основаніи краткаго отчета объ этомъ застѣданіи, помѣщеннаго въ „Progrès Médical“ (№ 32, отъ 10 августа) и печатныхъ программъ вопросовъ, представленныхъ Сиджвикомъ и братьями Майерсами и одобренныхъ секціей и общимъ собраніемъ, а также при содѣйствіи моего уважаемаго товарища Л. М. Лопатина, присутствовавшаго на застѣданіи, я могу сообщить о занятіяхъ этой секціи слѣдующее.

Нѣсколько англійскихъ изслѣдователей, членовъ лондонскаго общества Society for Psychical research, основаннаго въ 1882 г., а изъ числа которыхъ президентъ общества Сиджвикъ, съ женою, и братья д-ра Майерсы присутствовали на съѣздѣ,—задались цѣлью опредѣлить, насколько галлюцинаціи, бывающія у совершенно здоровыхъ людей, служатъ показателями дѣйствительныхъ событій, совершающихся въ районѣ интересовъ этихъ лицъ. По опредѣленію братьевъ Майерсовъ, принятому и Сиджвикомъ, эти галлюцинаціи очень часто оказываются *правдивыми* (véridiques), т. е. какимъ-то образомъ совпадающими съ фактами и соотвѣтствующими событіямъ, имѣющимъ отношеніе къ даннымъ лицамъ. Не освѣщая этихъ фактовъ никакой преждевременной теоріей, изслѣдователи задались цѣлью лишь добросовѣстно изучить и провѣрить характеръ галлюцинацій у здоровыхъ людей статистическимъ методомъ. Съ этой цѣлью ими выработана была слѣдующая схема вопросовъ, которую они и подвергли обсужденію въ застѣданіи секціи:

1. Случалось-ли вамъ испытать ясное впечатлѣніе, будто вы видите живое существо или неодушевленный предметъ при обстоятельствахъ, при которыхъ вы не можете отнести это впечатлѣніе ни къ какой внѣшней причинѣ? Случалось-ли вамъ при тѣхъ-же условіяхъ испытать отчетливое впечатлѣніе прикосновенія живого существа или предмета, или слуховое впечатлѣніе человѣческаго голоса? *NB.* Здѣсь рѣчь идетъ только о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ въ состояніи полного пробужденія.

Въ случаѣ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, отмѣчаемаго на особой таблицѣ, съ указаніемъ имени и адреса лица, его пола, занятія, возраста, удостовѣряемыхъ подписью собирателя свѣдѣній (съ обозначеніемъ его мѣста жительства), предлагается отвѣтить (на другомъ листкѣ) на слѣдующіе дополнительные вопросы:

2. Что именно вы выдѣли, слышали или осязали, гдѣ и когда произошелъ опытъ (съ обозначеніемъ по возможности числа и часа его)?

3. Чѣмъ вы занимались въ это время, каково было состояніе вашего здоровья и не находились-ли вы въ состояніи печали и безпокойства?

4. Было-ли впечатлѣніе изъ числа обычныхъ въ вашемъ опытѣ, и если дѣло идетъ о живомъ человѣческомъ существѣ, то знали-ли вы, что оно въ это время дѣлаетъ?

5. Были-ли съ вами въ моментъ галлюцинаціи другія лица, и если да, то принимали-ли они какое-либо участіе въ опытѣ?

6. Укажите, былъ-ли съ вами такой случай только однажды или нѣсколько разъ, и тогда потрудитесь отмѣтить особенности каждаго случая.

7. Замѣтки, сдѣланныя вами тотчасъ послѣ случая, или другія какія-либо подтвержденія его будутъ приняты съ благодарностью.

Слѣдуетъ подпись лица, съ примѣчаніемъ, что имена и адреса не будутъ опубликованы безъ особаго разрѣшенія.

На эти вопросы было получено въ Англіи 2.038 отвѣтовъ: 1.093 отъ женщинъ и 1.045 отъ мужчинъ, причемъ въ 242 случаяхъ отвѣты были утвердительные. Изъ Франціи было получено 345 отвѣтовъ: 113 отъ женщинъ и 232 отъ мужчинъ, изъ коихъ 70 утвердительныхъ. Въ засѣданіи секціи возникъ вопросъ о степени научности постановки самой задачи изслѣдователей и нѣкоторые изъ присутствующихъ оспаривали зна-

ченіе предложенныхъ изслѣдованій, выходя изъ положенія, что терминъ галлюцинацій понимается ими неправильно, такъ какъ имъ обозначаютъ въ наукѣ лишь явленія патологическія, совершенно недоступныя здоровымъ субъектамъ. Пренія не привели къ соглашенію, но рѣшено было все-таки принять самую программу, какъ могущую содѣйствовать прямо или косвенно уясненію спорнаго вопроса, послѣ чего рѣшено было избрать комиссію для изслѣдованія. Членомъ комиссіи отъ Россіи былъ избранъ, въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Психологическаго Общества, авторъ этого отчета.

Засѣданія секціи о гипнотизмѣ продолжались до послѣдняго дня и потому мы дадимъ отчетъ о нихъ послѣ.

На третій день, подѣ предсѣдательствомъ американскаго психолога Уильяма Джемса, устроилось засѣданіе секціи о мускульномъ чувствѣ. Въ объяснительной къ программѣ съѣзда запискѣ, о которой мы упомянули въ началѣ отчета, формулированы слѣдующимъ образомъ результаты и проблемы, къ которымъ привело до сихъ поръ изслѣдованіе мускульнаго чувства.

1. То, что называютъ именемъ мускульнаго чувства, можно свести къ двумъ главнымъ формамъ: а) сознаніе положенія тѣла и его различныхъ частей по отношенію къ нему самому и внѣшнимъ предметамъ, и б) ощущеніе, которое сопровождаетъ мускульное движеніе и которое, по мнѣнію изслѣдователей, совпадаетъ съ центробѣжнымъ двигательнымъ токомъ: по этой теоріи ощущеніе непосредственно связано съ двигательной иннервацией и не только сопровождаетъ, но даже предшествуетъ ей, такъ что мы можемъ оцѣнивать интенсивность движенія и силу затраченной мозгомъ энергіи прежде, чѣмъ оно совершилось. 2) Вѣрно ли это ученіе о мускульномъ чувствѣ? Новѣйшіе опыты и иное истолкованіе прежнихъ повидимому доказываютъ, что предполагаемое мускульное чувство можетъ быть сведено къ совокупности центростремительныхъ ощущеній, подобныхъ всѣмъ прочимъ ощущеніямъ. 3) Желательно было-бы точнѣе опредѣлить долю участія въ мускульномъ чувствѣ ощущеній осязательныхъ, суставныхъ и чисто мышечныхъ, въ существованіи которыхъ нельзя сомнѣваться въ виду наличности чувствительныхъ нервныхъ элементовъ въ мышцахъ. 4) Было-бы важно также опредѣлить путь слѣдованія чувствительныхъ мышечныхъ раздраженій въ мозгу и

мѣстоположеніе мозговыхъ центровъ мышечной чувствительности, а также отношеніе ихъ къ психомоторнымъ центрамъ. 5) Если и нѣтъ особаго чувства центральной иннервации, то это не мѣшаетъ признать, что мы обладаемъ сознаниемъ движеній, которыя хотимъ исполнить; но это сознание есть только представленіе о движеніи, т. е. чисто-интеллектуальное явленіе, которое доступно и совершенно анестезированнымъ (т. е. лишеннымъ всякой чувствительности) субъектамъ. 6) Анестезированные субъекты сохраняютъ способность произвольныхъ движеній, благодаря памяти движеній и двигательной силѣ представленій, а также сознанию времени, которое необходимо для осуществленія движенія.

Подъ этимъ разъясненіемъ мы находимъ подпись физиолога Е. Глея, Agrégé по кафедрѣ физиологіи въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Пренія въ секціи касались, согласно изложенной программѣ, главнымъ образомъ вопроса о томъ, можно-ли признать существенное психологическое и физиологическое различіе между периферическими мускульными ощущеніями, исходящими отъ мышцъ, и центральными мускульными ощущеніями, которыя Вундтъ первый назвалъ ощущеніями иннервации (Innervationsgefuhle). Нѣкоторые изъ присутствующихъ французскихъ ученыхъ— и между ними Глей и Бине—высказывались противъ существованія особыхъ иннервационныхъ ощущенийъ. Проф. Лионскаго университета Бертранъ, проф. Гротъ и ассистентъ Берлинской физиологической лабораторіи Геймансъ поддерживали обратное положеніе. Проф. Гротъ предложилъ обсудить вопросъ, не слѣдуетъ-ли признать, что понятіе мускульнаго чувства не исчерпываетъ всей совокупности двигательныхъ ощущенийъ, доступныхъ человѣку, и что есть ощущенія движеній чисто-психическихъ, наприм. умственныхъ (въ процессахъ мышленія), которыя никакъ уже нельзя подвести подъ категорію мышечныхъ ощущенийъ въ собственномъ смыслѣ, хотя они можетъ-быть и сопровождаются какими-нибудь физико-химическими процессами въ мозгу. Участіе такихъ двигательныхъ ощущенийъ въ процессѣ мышленія несомнѣнно, такъ какъ всѣ дѣйствія мысли при переработкѣ представленій слѣдуетъ признать «движеніями», а возможность сознанія ихъ подтверждается анализомъ состава сужденій, въ которыхъ сознательно «сближаются», «раздѣляются» или «различаются» представленія. Еслибы было доказано существованіе двигательныхъ интеллектуальныхъ ощущенийъ, то пришлось-бы навсегда

отказаться отъ попытки сведенія ощущеній движеній къ чисто-периферическимъ ощущеніямъ. Съ одобренія предсѣдателя собраніе приняло къ свѣдѣнію слѣдующій вопросъ, предложенный проф. Гротомъ: «Не есть-ли мускульное чувство только одна изъ частныхъ формъ чувства движенія, т.-е. ощущеній, спровождающихъ физическія и психическія движенія субъекта, и не слѣдуетъ-ли поэтому разсматривать ощущенія движенія какъ преимущественно центральное или психическое явленіе сознательной иннервациі?»

Секція о гипнотизмѣ задалась прежде всего задачею опредѣлить точнѣ терминологію явленій гипнотизма. Задача эта—по существу нѣсколько схоластическая, такъ какъ едва-ли возможно искусственно узаконить извѣстную терминологію, пока не выяснилось естественное соотношеніе явленій. Поэтому разсужденія о томъ, какъ опредѣлить взаимное отношеніе понятій *гипнотизма*, *магнетизма* и *сомнамбулизма*, въ засѣданіи 7 августа, не привели ни къ какому результату и, по предложенію Фореля и Ліежуа, рѣшено за этими терминами удержать ихъ «историческое значеніе».

Въ засѣданіи 8 авг. гипнотическая секція занимается вопросомъ о соотношеніи гипнотическаго и обыкновеннаго сна. На сцену выступаетъ извѣстный споръ Парижской школы «Salpêtrière» Шарко и Нансійской школы, во главѣ которой стоитъ Бернгеймъ,—о томъ, слѣдуетъ ли признать гипнотическій сонъ явленіемъ патологическимъ, предполагающимъ предрасположеніе субъектовъ, доступныхъ гипнотизаціи, къ истеріи, какъ думаетъ Шарко, или должно признать, что гипнотизмъ есть особая (по условіямъ возникновенія) форма нормальнаго сна, доступная для всѣхъ, даже совершенно здоровыхъ людей. Рише высказывается за предположеніе, что и субъекты безъ всякаго нервнаго дефекта доступны гипнотизаціи. Бернгеймъ высказываетъ мысль, что при нѣкоторомъ терпѣніи можно достигнуть усыпленія всякаго чловѣка, и въ этомъ, говоритъ онъ, заключается теорія Нансійской школы; хотя однако несомнѣнно, что гипнотизація облегчается извѣстною особою *впечатлительностью*, которая даже обратно-пропорціональна страданію нервной системы (*nervosisme*), такъ что здоровые субъекты обнаруживаютъ ее въ большей степени. Это мнѣніе Бернгейма подтверждаетъ Охоровичъ. Рише интере-

суется вопросомъ, правда ли, что во Франціи замѣчается большее предрасположеніе къ гипнотическому сну, чѣмъ въ другихъ странахъ. Бельгійскій ученый Дельбёфъ сообщаетъ, что ему удавалось гипнотизировать болѣе 75% лицъ, надъ которыми онъ дѣлалъ опыты, что онъ гипнотизировалъ полковниковъ, генераловъ, крестьянъ, слугъ и т. д. съ одинаковымъ успѣхомъ и что всего труднѣе поддавались гипнозу истерическіе субъекты. Швейцарскій ученый Форель думаетъ, что швейцарцы не менѣе доступны гипнозу, чѣмъ французы, и заявляетъ, что ему лично опыты удавались въ 80% случаевъ, причемъ напоминаетъ, что, по свидѣтельству шведскаго ученаго Гирта, изъ 4.000 лицъ, надъ которыми онъ производилъ опыты, лишь немногіе не поддавались гипнозу. Майерсъ изъ Лондона замѣчаетъ, что онъ наблюдалъ вліяніе воли гипнотизируемыхъ субъектовъ на способность ихъ впадать въ гипнотическій сонъ. Дельбёфъ полагаетъ, что дѣло — не столько въ волѣ, сколько въ экзальтаціи чувствительности.

Въ утреннемъ засѣданіи 9 августа пренія по вопросу о нормальности гипноза возобновились, благодаря докладу Бабинскаго, приверженца Шарко, но ранѣе, въ промежуточномъ общемъ засѣданіи 8 августа, былъ поднятъ тѣсно связанный съ этой проблемой вопросъ о сущности процесса внушенія, къ которому имѣлъ отношеніе и докладъ Бабинскаго. Поэтому мы сначала резюмируемъ пренія по этому вопросу. Возникъ онъ, по инициативѣ Рише, предложившаго раздѣлить всѣ состоянія «измѣненія личности»: 1) на самопроизвольныя, нормальныя или патологическія явленія сна (сюда относится и сомнамбулизмъ), 2) нервныя состоянія, вызванныя какими-либо стимулами, а именно или внушеніемъ или дѣйствіемъ физическихъ агентовъ, наприм. магнита, токовъ и пр., 3) измѣненія, вызываемыя внушеніемъ воли на разстояніи и др. подобными психическими факторами, еще не разъясненными наукою и даже не вполне подтвержденными какими-либо неопровержимыми документами; сюда относятся и явленія телепатіи.

По поводу этой классификаціи Форель изъ Цюриха высказываетъ замѣчаніе, что ему непонятно противуположеніе внушенія, какъ психическаго дѣйствія, физическимъ явленіямъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ мы во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ какимъ-либо чисто-физическимъ дѣйствіемъ на организмъ. Пьеръ Жане возражаетъ, что внушеніе сопровождается сознани-

емъ извѣстныхъ фактовъ тѣмъ лицомъ, которое ему подвергается, и это даетъ основаніе различать его отъ чисто-физическихъ раздраженій периферіи. Бернгеймъ доказываетъ, въ противоположность Форелю, что слѣдуетъ признавать присутствіе психическаго момента даже въ чисто-физическомъ дѣйствіи—пассовъ, фиксаціи блестящаго предмета, дѣйствіи гонга и т. д., такъ какъ и въ этихъ случаяхъ есть косвенное внушеніе. Разбирая случаи гипнотическаго дѣйствія на грудныхъ дѣтей, которые наблюдалъ Льебо, онъ утверждаетъ, что и дѣти доступны психическому дѣйствію внушенія, можетъ-быть съ 1-го дня рожденія и навѣрное по прошествіи 1-го мѣсяца. Французскій врачъ Балле сомнѣвается, чтобы Бернгеймъ въ состояніи былъ указать психическій процессъ внушенія, предполагающій извѣстное предвидѣніе со стороны субъекта, подвергаемаго внушенію, въ случаяхъ сна, вызваннаго дѣйствіемъ сильнаго свѣта или шума. Бернгеймъ настаиваетъ на томъ, что и въ этихъ случаяхъ есть моментъ внушенія, такъ какъ не всѣ лица, подвергаемая этимъ впечатлѣніямъ, впадаютъ въ гипнотическій сонъ, не говоря о томъ, что иногда въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло только съ послѣдствіями болѣе раннихъ внушеній. Рише указываетъ на то, что въ этомъ спорѣ терминъ внушенія понимается спорящими различно. Если дѣло идетъ о психической реакціи сознанія субъекта, подвергаемаго дѣйствію какихъ-либо физическихъ агентовъ, то она вездѣ присутствуетъ, и тогда всякое дѣйствіе впечатлѣній на субъекта есть внушеніе. Но если понимать терминъ „внушеніе“ въ специальномъ значеніи, разумѣя прямое вліяніе мысли экспериментатора на сознаніе экспериментируемаго, то правильнѣе различать случаи сна подъ вліяніемъ внушенія отъ другихъ случаевъ, гдѣ оно отсутствуетъ.

Д-ръ Бабинскій въ своемъ докладѣ 7 августа отстаиваетъ ученіе школы Шарко—какъ противъ тѣхъ, кто признаетъ гипнотическій сонъ нормальнымъ явленіемъ, такъ и противъ тѣхъ, кто считаетъ внушеніе непремѣннымъ условіемъ гипнотическаго сна. По мнѣнію докладчика, Парижская школа достаточно убѣдительно доказала, что извѣстныя чисто-механическія возбужденія могутъ вызывать гипнозъ безъ посредства внушенія, что нельзя говорить о внушеніи, когда въ соматическомъ состояніи гипнотизируемаго субъекта наблюдаются явленія не предусмотрѣнныя внушеніемъ, наприм. анэстезія или судороги, которыхъ экспериментаторъ вовсе *не внушалъ* субъекту,—что, наконецъ, опыты Шарко, повѣренные и

цѣлымъ рядомъ иностранныхъ изслѣдователей, особенно итальянскихъ, подтвердили наглядно, что гипнотизмъ есть невропатическое явленіе, которое можно сблизить съ истеріей, такъ какъ у нихъ есть общіе признаки и общіе періоды развитія. Ломброзо, на основаніи своихъ опытовъ надъ 70 лицами въ Болоньѣ, также высказывается въ пользу разграниченія настоящаго гипноза, встрѣчаемаго только у субъектовъ, нервная система которыхъ поражена, отъ мнимаго гипноза, основаннаго просто на *довѣрчивости* (*crédulité*) здоровыхъ лицъ изъ народа, которыхъ онъ подвергалъ усыпленію. Предсѣдатель секціи Эспинасъ тоже склоненъ допустить родство гипнотическаго состоянія съ истеріей, въ виду фактовъ, подтверждающихъ, что субъекты, часто приводимые въ гипнотическое состояніе, приобретаютъ тѣмъ самымъ наклонность къ истеріи. Форель, послѣдователь Нансійской школы, замѣчаетъ, что только злоупотребленіе гипнотизмомъ можетъ развить истерическія наклонности. Пьеръ Жане старается примирить противниковъ и поборниковъ сближенія гипнотизма съ истеріей соображеніемъ, что и тѣ и другія явленія несомнѣнно сопровождаются анестезіей, а анестезія соотвѣтствуетъ психологически состоянію психической слабости или разсѣянности,—такъ что истерію можно опредѣлить какъ хроническую слабость и разсѣянность, а гипнотизмъ—какъ острое или временное состояніе невниманія и психическаго ослабленія. На это Дельбѣфъ возражаетъ, что гипнотическое усыпленіе, какъ доказываетъ опытъ, требуетъ извѣстнаго вниманія, а не разсѣянности или слабости со стороны подвергаемаго ему субъекта. Форель въ отвѣтъ Бабинскому и Жане замѣчаетъ, что нервноболезные люди и особенно сумасшедшіе всего менѣе доступны гипнотизаціи, а Рише находитъ, что смѣшеніе гипнотизма съ истеріей зависитъ болѣе всего отъ смѣшенія понятій болѣзни и не вполне нормальнаго состоянія. Еслибы мы признали даже, что субъекты, доступные гипнотическому сну, не вполне нормальны въ нравственномъ отношеніи, то это не мѣшаетъ признавать ихъ здоровыми физически, и едва-ли можно отрицать фактъ, что люди совершенно здоровые физически могутъ впадать въ гипнотическій сонъ (см. «Le progrès médical», № 34 и 35).

Такимъ образомъ занятія гипнотической секціи не привели къ полному соглашенію Парижской и Нансійской школъ, но несомнѣнно подчеркнули рядъ интересныхъ проблемъ предъ будущими изслѣдователями, которымъ и предстоитъ окончательно

высказаться по вопросам: о природѣ гипнотическаго сна, отношеніи его къ нормальному сну и къ истеріи, о сущности процесса внушенія и о соотношеніи его къ дѣйствию физическихъ агентовъ, повергающихъ нѣкоторыхъ субъектовъ въ гипнотическій сонъ.

Въ специальномъ засѣданіи комитета по организаціи будущаго психофизиологическаго съѣзда въ субботу 10 августа принимали участіе слѣдующія избранныя съѣздомъ лица: Шарль Рише, Дельбэфъ, Марилье, Глей, Охоровичъ, Сиджвикъ, старшій Майерсъ, Вильямъ Джемсъ, Гротъ, бар. Шренкъ фонъ Нотцингъ; предсѣдательствовалъ Ш. Рише. Прежде всего обсуждался вопросъ о мѣстѣ и времени будущаго конгресса. Постановлено устроить таковой черезъ 3 года, въ августѣ мѣсяцѣ 1892 года, въ Англіи, въ Лондонѣ или Кембриджѣ, какъ это найдутъ удобнѣе члены Лондонскаго Общества психическихъ изысканій (Society for Psychological research), представителями котораго въ комитетѣ являются: Сиджвикъ и Майерсъ. По предложенію проф. Грота, обсуждался вопросъ о переименованіи съѣзда. По мнѣнію Грота, съѣздъ слишкомъ ограничилъ свои задачи, назвавъ себя съѣздомъ физиологической психологіи: терминъ физиологической психологіи исключаетъ изъ круга занятій съѣзда рядъ задачъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ физиологіи и тѣмъ не менѣе совершенно научныхъ и даже экспериментальныхъ, каковы наприм. экспериментальное изслѣдованіе явленій ассоціаціи или хотя-бы статистическія изслѣдованія галлюцинацій. По мнѣнію референта, желательно привлеченіе къ занятіямъ съѣзда чистыхъ психологовъ и даже философовъ, и потому всего лучше было-бы назвать съѣздъ просто съѣздомъ психологическимъ. На это Ш. Рише возразилъ, что названіе съѣзда «психологическимъ» безъ всякихъ ограниченій неудобно, такъ какъ внесетъ въ занятія съѣзда метафизическія проблемы психологіи, совмѣстное обсужденіе которыхъ на съѣздѣ, при разнообразіи метафизическихъ воззрѣній, затруднительно и бесплодно. Тогда профессоръ Сиджвикъ, желая примирить двѣ крайнія точки зрѣнія, предложилъ, чтобы будущіе конгрессы были переименованы изъ конгрессовъ физиологической психологіи въ конгрессы экспериментальной психологіи. Глей и Марилье напомнили собранію, что и при основаніи Общества физиологической психологіи было не мало голосовъ за наименованіе его «Обществомъ экспериментальной психологіи».

Ш. Рише и Гротъ согласились съ доводами Сиджвика, и Рише предложилъ переименовать не только будущіе сѣзды, но и настоящій (при печатаніи его трудовъ) въ сѣзды экспериментальной психологіи. Предложеніе Рише принято единогласно. Затѣмъ, по предложенію барона Шренка ф. Нотцинга, обсуждался вопросъ о постоянныхъ сношеніяхъ психологическихъ обществъ, представители которыхъ присутствуютъ на сѣздѣ, и постановлено, что эти общества, чрезъ посредство наличныхъ своихъ предсѣдателей и членовъ, будутъ обмѣниваться изданіями и сообщеніями о своихъ изслѣдованіяхъ. Между прочимъ имѣлось при этомъ въ виду и параллельное изслѣдованіе психологическими обществами явленій наслѣдственности, галлюцинацій, мускульнаго чувства и гипнотизма, согласно программамъ, которыя приняты секціями сѣзда. Далѣе рѣшено было, что для успѣха дальнѣйшихъ сѣздовъ желательно учрежденіе *постояннаго* комитета по устройству этихъ сѣздовъ. Кромѣ наличныхъ членовъ организационнаго комитета, рѣшено предложить общему собранію въ члены постояннаго комитета слѣдующихъ лицъ: Рибо, Гальтона, Бенедикта (отъ Австріи), Фореля и Герцена (отъ Швейцаріи), Ломброзо (отъ Италіи), Шперлинга (отъ сѣв. Германіи), Данилевскаго (отъ южной Россіи) и Нейглика (отъ Финляндіи). вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что этотъ постоянный комитетъ выработаетъ въ теченіе трехъ лѣтъ программу занятій будущаго сѣзда и соберется, по возможности въ полномъ составѣ членовъ, въ рождественскія каникулы 1891—92 г. въ Парижѣ для окончательнаго обсужденія этой программы. Въ заключеніе Ш. Рише заявилъ о намѣреніи организаторовъ сѣзда, на собранную отъ членскихъ взносовъ сумму (по 10 фран. съ cadaго), приступить вскорѣ къ печатанію трудовъ членовъ сѣзда. Если отъ собранной суммы окажутся остатки, то они пойдутъ на образованіе постояннаго фонда сѣздовъ.

Общія собранія членовъ сѣзда (отъ 2 — 4 часовъ) были посвящены главнымъ образомъ сообщенію отчетовъ секцій, которыя читались ихъ спеціальными секретарями и были одобрены конгрессомъ безъ измѣненій и почти безъ возраженій. Нѣкоторые споры вызвало въ послѣднемъ общемъ собраніи предложеніе о переименованіи сѣздовъ физиологической психологіи въ сѣзды экспериментальной психологіи. Д-ръ Балле стоялъ за

прежнее наименованіе. Ему возражали: Ш. Рише, Сиджвикъ и Гротъ, и общее собраніе приняло почти единогласно предложеніе комитета организаціи.

Сверхъ того на общихъ собраніяхъ было прочитано и обсуждалось нѣсколько специальныхъ докладовъ и сообщеній, отчасти не входившихъ въ программу занятій отдѣльныхъ секцій. Такъ прежде всего въ вечернемъ засѣданіи 7 августа Марилье сдѣлалъ докладъ по вопросу: «Всегда-ли вниманіе опредѣляется состояніями аффекта или волненія?» На этомъ положеніи настаиваетъ Рибо; но, по мнѣнію Марилье, вниманіе иногда прямо обусловливается интенсивностью представленій. Моренъ изъ Буржа указываетъ на необходимость разсматривать вниманіе какъ проявленіе воли, съ направленіями которой оно тѣсно связано. Марилье думаетъ, что на этой связи нѣтъ надобности настаивать, такъ какъ откуда-бы представленія ни черпали свою силу, они привлекаютъ наше вниманіе чисто-механическимъ путемъ. Эспинасъ сомнѣвается, чтобы вниманіе могло обусловливаться одною интенсивностью представленій. Глей старается примирить теоріи Рибо и Марилье предположеніемъ, что сами представленія помучаютъ свою интенсивность подъ вліяніемъ аффектовъ. Эспинасъ, развивая дальше свою мысль, думаетъ, что въ процессѣ вниманія участвуетъ реально или идеально моментъ движенія. Сильныя представленія не могутъ сами по себѣ опредѣлять вниманія, а напротивъ мѣшаютъ его проявленію, которое возможно лишь при условіи средняго по интенсивности интеллектуальнаго возбужденія. Вниманіе есть процессъ приспособленія предмета къ мысли, и потому моторнаго момента въ немъ нельзя отрицать; что касается до чувствъ, то они увеличиваютъ дѣйствіе возбудителей, хотя роль ихъ второстепенная. Дельбёфъ предполагаетъ существованіе какъ-бы особой способности вниманія, выражающейся въ возможности при тикъ-такѣ двухъ часовъ, находящихся на одинаковомъ разстояніи, слышать при извѣстномъ напряженіи вниманія только одни часы. Несомнѣнно, субъектъ самъ распоряжается своимъ вниманіемъ (независимо отъ интенсивности впечатлѣній). Мануврь полагаетъ также, что вниманіе не зависитъ отъ чувствъ и вообще внѣшнихъ возбудителей, подобно тому какъ сила взрыва пороха не зависитъ отъ того, зажгла-ли его одна искра или пламя («Le Progrès Medical», № 32, стр. 125).

Въ общемъ собраніи 8 августа Рише демонстрировалъ собаку,

у которой онъ вырѣзалъ затылочныя извилины обоихъ полушарій и которая вслѣдствіе этой операціи поражена особою формою психической слѣпоты, т.-е. неспособностью узнаванія предметовъ, хотя и сохранилось обыкновенное зрѣніе и способность движенія. Собака эта видитъ зайца, но не узнаетъ его, такъ что на разстояніи, на которомъ ей невозможно опредѣлить положеніе зайца по обонянію, она обнаруживаетъ только неопредѣленное безпокойство, но не бросается на него.

Въ общемъ собраніи 9 августа харьковскій профессоръ Данилевскій дѣлаетъ сообщеніе о гипнозѣ животныхъ и старается опредѣлить общія черты гипнотическаго состоянія у животныхъ и человѣка. Онъ дѣлалъ опыты погруженія въ гипнозъ: раковъ, крабовъ, омаровъ, сепій, различныхъ рыбъ, лягушекъ, тритоновъ, ящерйцъ, крокодила, змѣи, черепахи, различныхъ птицъ и кроликовъ. Общая картина гипноза такова: животное, поставленное въ ненормальное положеніе, усыпляется слабымъ, но непрерывнымъ дѣйствіемъ экспериментатора; сначала обнаруживается парализованность произвольныхъ движеній, затѣмъ анестезія кожи и признаки гипнотической астмы. По мѣрѣ повторенія опытовъ, животное дѣлается все болѣе и болѣе доступнымъ гипнотическому сну. Чисто-психическое дѣйствіе внушенія по отношенію къ человѣку и грубое соматическое усыпленіе животныхъ гомологичны. Повидимому, въ животныхъ мы имѣемъ дѣло съ бессознательными и инстинктивными психическими процессами («Le Progrès Médical», № 35, стр. 218—219).

Затѣмъ г. Груберъ (изъ Яссъ) сдѣлалъ сообщеніе о соотношеніи у нѣкоторыхъ субъектовъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущений. Любопытными оказались его наблюденія надъ цвѣтовыми выраженіями 23 румынскихъ дифтонговъ (двогласныхъ), которые вызывали у означенныхъ субъектовъ различныя комбинаціи цвѣтовыхъ ощущений. Бенедиктъ указалъ на опасность этихъ опытовъ и Нейгликъ (изъ Гельсингфорса) подтвердилъ опасенія Бенедикта указаніемъ на случай сумасшествія, вызванный подобными опытами. По мнѣнію его, подтвержденному Маньяномъ, способность сочетанія слуховыхъ и зрительныхъ ощущений представляется признакомъ психическаго и физическаго вырожденія.

Въ томъ-же засѣданіи проф. Гротъ читаетъ сообщеніе по вопросу о научномъ значеніи методовъ физиологической психологии подъ заглавіемъ: «La causalité et la conservation d'énergie

dans le domaine de l'activité psychique». Авторъ этого отчета имѣлъ въ виду доказать въ своемъ рефератѣ, что приемы изученія психическихъ явленій въ физиологической психологіи обыкновенно грѣшатъ логическою ошибкою, называемою «retitio principii». Физиологическая психологія требуетъ, чтобы мы согласились заранее съ положеніемъ, что психическія явленія связаны причинными отношеніями такого рода, что воспріятія, т.-е. представленія и чувства всецѣло обусловливаютъ акты воли, а сами въ свою очередь находятся въ строгой причинной зависимости отъ физическихъ и физиологическихъ процессовъ. Но доказаны-ли научно эти причинныя зависимости между психическими явленіями съ одной стороны, психическими и физиологическими явленіями съ другой? Авторъ реферата признаетъ предположенія о такихъ зависимостяхъ произвольными и посредствомъ психологическаго анализа старается доказать, что въ области психическихъ явленій представленія и чувства зависятъ обыкновенно отъ направленій воли, а не наоборотъ, а въ области отношеній психическихъ и физиологическихъ явленій легче доказать зависимость этихъ послѣднихъ отъ первыхъ (т. е. измѣненій физической организациі отъ направленій воли субъекта), чѣмъ обратно. Сдѣланныя референту возраженія касались частныхъ, особенно вопроса объ участіи воли въ гипнотизаціи субъекта, на которое ссылался референтъ. Подробное обсужденіе доклада не могло состояться за позднимъ временемъ (было уже болѣе 5 час.).

Психологическій конгрессъ, какъ и большая часть ученыхъ конгрессовъ, бывшихъ въ Парижѣ, окончился банкетомъ на башнѣ Эйфеля, въ субботу 10 августа, имѣвшимъ совершенно частный, семейный характеръ. На этомъ банкетѣ иностранные гости благодарили парижскихъ ученыхъ за оказанный имъ гостепріимный и радушный пріемъ. — Въ общемъ съѣздъ произвелъ на насъ впечатлѣніе нѣкотораго предварительнаго собранія, могущаго содѣйствовать болѣе правильной организациі слѣдующихъ психологическихъ съѣздовъ. Рише былъ правъ, говоря, что главное значеніе съѣзда было въ томъ, чтобы свести и познакомить между собою представителей психологической науки различныхъ странъ и въ этомъ отношеніи съѣздъ вполне достигъ своей цѣли.

Н. Гротъ.

II. Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ.

(5—11 августа нов. ст.).

Международный конгрессъ по психіатріи, бывший въ Парижѣ въ 1889 г., нельзя причислить къ числу удавшихся конгрессовъ. Хотя конгрессъ продолжался 6 дней, но засѣданія его были большею частью не интересны, и результаты, къ которому привели пренія, бывшія въ засѣданіяхъ, довольно незначительны. Эту неудачу можно объяснить прежде всего плохой организаціей съѣзда, отсутствіемъ надлежащаго плана у руководителей. Съѣздъ устроенъ былъ по инициативѣ медико-психологическаго Общества. Повидимому, выборы членовъ распорядительнаго бюро не были свободны отъ партійныхъ тенденцій, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого не всѣ выдающіеся представители французской психіатріи и нейропатологіи принимали дѣятельное участіе въ съѣздѣ. Во главѣ съѣзда стояли: предсѣдатель J. Falret, вице-предсѣдатель проф. Vall и главный секретарь A. Ritti. Извѣстный нейропатологъ, проф. Charcot, не принималъ никакого участія въ съѣздѣ; выдающійся французскій психіатръ, г. Magnan, тоже почти не бывалъ на засѣданіяхъ конгресса. Общее впечатлѣніе было то, что организаторы съѣзда смотрѣли на съѣздъ какъ на формальность, не вносили въ него живого интереса къ дѣлу, вслѣдствіе чего почти все, что могло-бы способствовать возбужденію научнаго интереса, не встрѣчало себѣ поддержки.

Прежде всего уже неприятно было то, что секретаря, г. Ritti, почти

нельзя было найти, до открытія сѣзда, въ Парижѣ; чтобы его увидеть, нужно было ѣхать въ Chaumont, отстоящій отъ центра Парижа въ разстояніи часа ѣзды. Затѣмъ бюро не позаботилось даже напечатать списокъ членовъ конгресса, такъ что участники сѣзда такъ и разѣхались, не зная хорошенько, кто именно присутствовалъ на конгрессѣ. Благодаря этому, интересъ его значительно умалился. Въ числѣ членовъ сѣзда было много лицъ, съ которыми я давно желалъ познакомиться, но я только случайно могъ узнать, присутствуютъ-ли они на сѣздѣ или нѣтъ. Затѣмъ, несмотря на то, что было опубликовано, чтобы сообщенія in extenso или по крайнѣй мѣрѣ въ сокращенномъ видѣ были присланы за 3 недѣли до начала конгресса, и несмотря на то, что многими членами это было сдѣлано, не было напечатано никакихъ тезисовъ, такъ что идя на засѣданіе можно было знать только заглавія рефератовъ, а нельзя было знать содержанія ихъ. На международномъ конгрессѣ это особенно важно: въ самомъ дѣлѣ, когда собираются члены, не свободно понимающіе общій языкъ конгресса, очень важно познакомить съ содержаніемъ доклада заранѣе, а еще лучше заранѣе напечатать его in extenso. Нѣкоторые члены сѣзда дѣлали это сами отъ себя и конечно за ихъ чтеніемъ легче было слѣдить по печатному тексту; не говоря уже о томъ, что пренія гораздо интереснѣе и плодотворнѣе, если къ нимъ заранѣе приготовиться.

Впрочемъ объ интересѣ преній вообще мало заботились: завѣдывавшія сѣздомъ лица видимо очень спѣшили и быстро прекращали начавшія оживляться пренія. Это конечно обуславливалось тѣмъ, что докладовъ было назначено слишкомъ много (всего около 40), такъ что едва-едва успѣли ихъ прослушать; но опять и въ этомъ вина распорядительнаго бюро: нужна была гораздо большая цензура докладовъ; очень многіе изъ нихъ были совершенно безсодержательны *); они можетъ-быть годились-бы для печатной замѣтки, или для сообщенія въ засѣданіи какого-нибудь постоянного общества, но для международного сѣзда рѣшительно не подходили. Такихъ докладовъ было очень много, и они брали на себя время, которое должно-бы было пойти на разрѣшеніе во-

*) Особенно удивителенъ былъ въ этомъ отношеніи докладъ Clark Bell'я изъ Нью Йорка (Monomanie). Прочтя его (за отсутствіемъ самого докладчика), главный секретарь г. Ritti самъ выразилъ удивленіе, какъ авторъ рѣшается дѣлать докладъ по вопросу давнымъ давно рѣшенному. Оказалось, что Clark Bell вовсе даже не врачъ, а юристъ.

просовъ общихъ, интересовавшихъ всѣхъ членовъ съѣзда и поставленныхъ во главѣ программы.

Доклады, подлежавшіе разсмотрѣнію конгресса, раздѣлялись на двѣ группы. Одну составляли вопросы поставленные въ программу организаторами бюро заранѣе, задолго до съѣзда; другую-же составляли доклады отдѣльныхъ членовъ по предметамъ не входившимъ въ программу. Само собою разумѣется, что главное вниманіе должно-бы было обратить на програмные вопросы, но, за недостаткомъ времени и живого интереса къ дѣлу, этого однако не было сдѣлано. Я припоминаю, съ какимъ живымъ интересомъ велись пренія по вопросамъ поставленнымъ въ программу на I-мъ съѣздѣ русскихъ психіатровъ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1887 году, и съ понятною гордостью долженъ сознаться, что любовь къ дѣлу на русскомъ съѣздѣ выступала съ гораздо большею рѣзкостью, чѣмъ на парижскомъ.

Первый изъ програмныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на съѣздѣ, былъ вопросъ о такъ-называемыхъ навязчивыхъ идеяхъ, ощущеніяхъ и непреодолимыхъ влеченіяхъ (*Obsessions avec conscience, intellectuelles, émotives et instinctives*). Вопросъ объ этихъ явленіяхъ принадлежитъ къ однимъ изъ очень интересныхъ вопросовъ, поднятыхъ новѣйшею психіатріей. Дѣло въ томъ, что внимательное изученіе многихъ лицъ съ невропатической конституціей показало, что у многихъ изъ нихъ существуетъ особый родъ явленій, которыя можно назвать навязчивыми. Образцомъ ихъ могутъ служить такъ-называемыя навязчивыя идеи, по-нѣмецки *Zwangsvorstellungen*. Эти идеи не выходятъ изъ головы больного, онъ не можетъ освободиться отъ нихъ, несмотря на все желаніе; иногда эти идеи нелѣпы, больной хорошо сознаетъ ихъ нелѣпость, но не въ силахъ устранить ихъ изъ сознанія. Такъ наприм. есть больные, у которыхъ является навязчивая мысль, что они могутъ подавиться булавкой, и вотъ эта мысль охватываетъ больного совершенно: онъ не можетъ съѣсть ни одного куска, не изрѣзавши его на мельчайшія части; не можетъ выпить глотка воды, не изслѣдовавши самымъ тщательнымъ образомъ, нѣтъ ли булавокъ въ глоткѣ воды. Сознывая всю невѣроятность возможности подавиться булавкой онъ долженъ всю жизнь употреблять на обслѣдованіе предметовъ, которые онъ кладетъ себѣ въ ротъ. Очень характеренъ также другой примѣръ, приводимый *Legrand du Saule*’емъ. У одного субъекта была навязчивая идея и навязчивая потребность при встрѣчѣ

съ женщиной опредѣлить, красива она или нѣтъ. Онъ сознавалъ всю нелѣпость этой идеи и въ то-же время не могъ отъ нея отдѣлаться. Въ концѣ концовъ эта потребность сдѣлала для него тягостною всякую прогулку, тѣмъ болѣе, что нужно было каждый разъ рѣшить очень категорично, хороша или нѣтъ встрѣтившаяся особа;—сомнительные случаи доставляли больному массу мученій. Чтобы избѣгнуть этого, больной прибѣгъ къ тому, что водилъ съ собою провожатаго, а самъ ходилъ съ закрытыми глазами. Проходя по улицѣ и слыша шуршаніе женскаго платья, онъ долженъ былъ тотчасъ спрашивать, красива или нѣтъ встрѣтившаяся особа, и только получивши отвѣтъ, красива или дурна, успокоивался.

Такого рода явленій встрѣчается очень много,—все разныя вариации на одну и ту-же тему: то наприм. необходимость считать окна на улицѣ, то необходимость вспоминать имя и т. п. Во всѣхъ нихъ то преобладаетъ навязчивая идея, то насильственное чувствованіе, то потребность сдѣлать тотъ или другой двигательный актъ.

Эти явленія бывають у лицъ въ остальномъ умственно здоровыхъ, нерѣдко даже у лицъ, стоящихъ по своей духовной дѣятельности цѣлой головой выше окружающихъ ихъ лицъ, хотя въ другихъ случаяхъ сочетаются и съ другими явленіями душевнаго расстройства. Помимо психологическаго интереса, который возбуждаютъ эти явленія, они представляютъ и интересъ чисто-медицинскій, и именно потому, что взгляды на эти явленія разнятся у различныхъ психіатровъ. Такъ одинъ выдающийся французскій психіатръ, Magnan, давно проводитъ тотъ взглядъ, что эти явленія суть проявленія *наслѣдственнаго вырожденія*, что они суть такіе-же признаки наслѣдственнаго вырожденія, какъ тѣ физическіе признаки, которые описаны еще Morel'емъ, напр. особое устройство головы, ушей, зубовъ и т. п. Другіе психіатры смотрятъ на эти явленія иначе. Они смотрятъ на нихъ какъ на явленія, входящія въ кругъ явленій, бывающихъ и у нормальнаго человѣка подъ вліяніемъ истощенія, продолжительнаго утомленія и т. п. Въ видѣ-же болѣзненныхъ явленій они бывають при той формѣ истощенія нервной системы, которая называется *нейрастеніей*. Это есть признакъ *нейрастеніи*, а не наслѣдственной дегенерации. Понятное дѣло, что практически очень важно, считать-ли это явленіе за патогномическій признакъ наслѣдственности или за проявленіе только истощенія нервной системы.

Пренія по этому вопросу обѣщали быть интересными, ибо въ программѣ было сказано, что будетъ принимать въ нихъ участіе Magnan, создавшій около себя цѣлую школу молодыхъ психіатровъ, вполнѣ раздѣляющихъ его взглядъ. Но пренія эти не состоялись. Magnan уклонился отъ преній, такъ какъ заранѣе не были опубликованы тезисы докладчика, хотя было задолго обѣщано, что всѣ программные доклады будутъ напечатаны in extenso въ майской книжкѣ Annales médico-psychologiques. Пришлось ограничиться докладомъ J. Falret,— правда, довольно интереснымъ.

Falret ставилъ такіе вопросы: 1) слѣдуетъ-ли изъ этихъ явленій дѣлать отдѣльную клиническую форму, какъ это дѣлаютъ некоторые психіатры, выдѣляя изъ другихъ формъ душевныхъ болѣзней особенную форму помѣшательства съ навязчивыми идеями, наприм. подъ названіемъ folie du doute, или эти явленія могутъ входить въ число симптомовъ другихъ клиническихъ формъ; 2) всегда-ли они суть признаки наслѣдственныхъ психозовъ?

Отвѣчая на первый вопросъ, онъ указалъ, что навязчивыя явленія могутъ быть въ весьма различной степени и, смотря по этому, могутъ или составлять отдѣльную форму, или быть въ ряду другихъ психопатологическихъ симптомовъ. Эти явленія вѣдь очень различны по своей степени и въ самой небольшой своей степени они свойственны и здоровымъ людямъ: всякій здоровый человѣкъ испытывалъ, какъ ему иногда, особенно во время усталости, трудно отдѣлаться отъ какой-нибудь заботящей его мысли. Вторую степень составляютъ эти явленія при болѣе патологической окраскѣ: такъ, есть люди, которые не могутъ видѣть ножа, потому что у нихъ сейчасъ является страхъ, что они зарѣжутся; другіе не могутъ стоять на колокольнѣ, потому-что является мысль и страхъ, что они бросятся внизъ; но все-таки они побуждаютъ эти навязчивыя ощущенія и побужденія силою разсудка. Третью степень составляютъ эти явленія въ томъ случаѣ, когда они владѣютъ человѣкомъ уже настолько, что дѣлаютъ ему невозможною борьбу; такова наприм. агорофобія, т.-е. непреодолимая боязнь ходить по площади, — больной, едва ступаетъ на площадь или вообще на открытое мѣсто, чувствуетъ такую тоску и страхъ, что онъ не можетъ ступить шагу. Если около него есть хоть малый ребенокъ, онъ отлично идетъ. Въ этой степени однако болѣзнь ограничивается только одною какой-нибудь стороною, наприм. въ однихъ случаяхъ это—боязнь пустыхъ мѣстъ, въ другихъ

боязнь толпы; въ третьихъ — больной не можетъ удержаться отъ произнесенія какого-нибудь слова часто неприличнаго (копролалія), или долженъ припоминать давно забытое имя (ономатоманія); но есть случаи, гдѣ наслѣдственныя явленія охватываютъ совершенно человѣка, дѣлаютъ его жизнь вполне подчиненною себѣ. Эти случаи уже составляютъ форму своеобразнаго помѣшательства всегда наслѣдственнаго.

Въ своихъ заключеніяхъ Falret пришелъ къ тому выводу, 1) что при этихъ явленіяхъ больные сохраняютъ сознание своей болѣзни; 2) что эти явленія всегда наслѣдственны; 3) что эти явленія выступаютъ у больного то въ большей, то въ меньшей степени; то почти пропадая, то обостряясь, они продолжаются всю жизнь; 4) при нихъ не бываетъ никогда галлюцинацій; 5) они не переходятъ въ другія формы помѣшательства и не ведутъ къ слабумію; 6) иногда, хотя и рѣдко, они сочетаются съ бредомъ преслѣдованія или съ анксиозною меланхоліей.

Эти заключенія всякій психіатръ, конечно, признаетъ слишкомъ категоричными и послѣ замѣчаній сдѣланныхъ ему (главнымъ образомъ Charpentier), самъ Falret съ этимъ согласился—и вмѣсто утвердительныхъ «всегда» и «никогда» поставилъ «почти всегда» и «почти никогда». Пренія впрочемъ были очень кратки и неинтересны.

Второй програмный вопросъ былъ о законодательствѣ, касающемся помѣшенія душевно-больныхъ въ заведенія.

Этотъ вопросъ имѣетъ для психіатровъ большую практическую важность. Современная психіатрія считаетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для лѣченія—удаленіе больного изъ его обстановки и изоляцію въ заведеніи подъ болѣе или менѣе строгимъ надзоромъ. Это необходимо какъ для того, чтобы защитить общество отъ опаснаго больного, такъ и для того, чтобы защитить больного отъ самого себя и, третьихъ, чтобы его лѣчить. Для этой послѣдней цѣли считается необходимымъ спѣшить съ помѣщеніемъ въ заведеніе, такъ какъ по статистикѣ оказывается, что изъ числа помѣщенныхъ въ заведеніе въ первый мѣсяцъ по заболѣваніи выздоравливаетъ до 80⁰/₁₀₀, тогда какъ при болѣе позднихъ помѣшеніяхъ выздоровленія много рѣже.

Но помѣщеніе въ заведеніе есть стѣсненіе свободы, есть арестъ, и со стороны общества является боязнь, какъ-бы не было злоупотребленій при этомъ, какъ-бы не были изъ корыстныхъ цѣлей помѣщены въ больницы для душевно-больныхъ здоровые.

Правда, подробныя изслѣдованія, производившіяся комиссіями въ Англіи и во Франціи въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаяхъ показали, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного положительнаго факта, который-бы указывалъ, что дѣйствительно гдѣ-либо въ образованныхъ странахъ было такое злоупотребленіе въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, но тѣмъ не менѣе нерѣдко въ обществѣ бываютъ волненія и разговоры по поводу будто-бы неправильнаго помѣщенія того или другого субъекта. Большею частію эти разговоры вызываются помѣщеніемъ въ больницу людей, которыхъ болѣзнь хотя несомнѣнна, но сопровождается сохраненіемъ внѣшней логики, что обманываетъ людей незнакомыхъ съ психіатріей. Какъ бы то ни было, въ виду этого, для предупрежденія злоупотребленій, законодатели вводятъ извѣстныя требованія по отношенію къ приему больныхъ въ заведенія. Въ идеалѣ эти требованія должны-бы были сводиться: 1) къ тому, чтобы всякій больной, который нуждается въ помѣщеніи, находилъ-бы себѣ мѣсто въ больницахъ душевно-больныхъ; иначе среди общества будутъ постоянно находиться опасныя помѣшанные, какъ это существуетъ у насъ въ Москвѣ; 2) помѣщеніе въ больницу должно быть легкимъ и скорымъ; 3) долженъ быть установленъ контроль администраціи надъ заведеніями, но органами контроля должны быть люди понимающіе, то-есть спеціалисты.

Однако этотъ идеалъ ни въ какомъ законодательствѣ не осуществленъ. Напримѣръ, обязательность правильнаго помѣщенія каждаго душевно-больнаго признана только въ Шотландіи; въ другихъ странахъ этого нѣтъ. Что касается до контроля за правильностью помѣщенія, то этотъ принципъ въ разныхъ законодательствахъ проводится совершенно различно: такъ, есть страны, въ которыхъ администрація довѣряетъ больше всего врачу и помѣщеніе въ заведеніе освобождено отъ большихъ формальностей. Такъ напр. въ Россіи, если спеціалистъ считаетъ нужнымъ помѣщеніе больнаго въ заведеніе, онъ его можетъ помѣстить, ни у кого не спрашивая, какъ въ обыкновенную больницу, только послѣ помѣщенія долженъ сообщить объ этомъ врачебному управленію и черезъ него губернатору, для того чтобы были собраны свѣдѣнія, не было-ли при помѣщеніи какого-либо злоупотребленія. Въ другихъ странахъ помѣщеніе обставлено бѣльшими формальностями. Такъ, по проекту новаго французскаго закона о душевно-больныхъ, помѣщеніе можетъ послѣдовать только тогда,

когда члены магистрата, не врачи, осматрѣвъ больного, найдутъ, что онъ боленъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ (какъ напр. въ одномъ изъ штатовъ Сѣверной Америки) вмѣшательство суда въ лѣченіе больного доведено до такого абсурда, что происходитъ настоящее разбирательство дѣла съ 12 присяжными, и только по рѣшенію присяжныхъ больной можетъ быть помѣщенъ въ заведеніе. Въ этихъ случаяхъ совершенно забывается то, что больной помѣщается не для наказанія, а для его-же пользы, и понапрасну теряется самое важное для лѣченія время.

Докладчикомъ по этому вопросу были профес. Балль, прочитавшій докладъ, озаглавленный такъ: «De la législation comparée sur le placement des aliénés». Докладъ былъ составленъ Vall'емъ совмѣстно съ д-ромъ Rouillard'омъ.

Изложивши суть дѣла и сравнивъ въ общихъ чертахъ различныя законодательства по этому вопросу, Vall высказалъ, что интересы врачей и интересы требующаго контроля общества, которые должны быть уравновѣшены, не вездѣ находятся въ желаемомъ равновѣсіи. Въ нѣкоторыхъ странахъ перевѣшиваютъ интересы медицинскіе, въ другихъ—интересы подозрительнаго общества. Къ первой группѣ странъ относятся Россія, Бельгія, Австрія, Швеція, Германія, ко второй—Англія, Италія, Испанія, большая часть Соединенныхъ Штатовъ. Что касается до Франціи, то, по дѣйствующему до настоящаго времени закону 1838 г., довѣріе къ врачу было большое; по проекту-же новаго закона, больной можетъ быть принятъ въ заведеніе только послѣ осмотра членами магистратуры.—Само собою разумѣется, что какъ проф. Балль, такъ и всѣ присутствовавшіе члены высказались за то, чтобы помѣщеніе въ заведеніе не было стѣснено мнѣніемъ лицъ, незнакомыхъ съ психіатріей. Контроль надъ заведеніями для предупрежденія помѣщенія съ преступною цѣлью долженъ быть, но онъ не долженъ задерживать лѣченіе, а тѣмъ болѣе не долженъ ему мѣшать. Въ этомъ смыслѣ по мнѣнію конгресса, и должны быть во всѣхъ государствахъ изданы законы, касающіеся интересовъ душевнобольныхъ.

Третій вопросъ, поставленный въ программу, былъ «объ отвѣтственности алкоголиковъ» (Sur la responsabilité des alcooliques). Этотъ вопросъ является однимъ изъ самыхъ деликатныхъ вопросовъ въ судебной психіатріи. Въ самомъ дѣлѣ люди подъ влияніемъ опьянѣнія нерѣдко совершаютъ преступления. Какъ отно-

ситься къ этимъ преступленіямъ,—вмѣняемы они или нѣтъ? Съ одной стороны можно разсуждать такъ: опьянѣніе есть отравленіе мозга, слѣдовательно человѣкъ въ состояніи опьянѣнія дѣйствуетъ подъ вліяніемъ ненормальнаго состоянія мозга; онъ въ это время подобенъ помѣшанному и, слѣдовательно, поступки его не могутъ быть ему вмѣняемы.—Но на это возражаютъ: настоящій помѣшанный боленъ не по своей волѣ, а пьяный дѣлаетъ себя безумнымъ, зная это напередъ, слѣд. ему его преступленіе должно вмѣняться въ вину. Кромѣ того говорятъ, что опьянѣніе не всегда бываетъ въ такой степени, чтобы человѣкъ не могъ сохранить самообладанія хотя-бы до нѣкоторой степени, что преступленіе въ опьянѣнніи есть проявленіе порочныхъ свойствъ личности и поэтому тоже должно быть поставлено въ вину; наконецъ, говорятъ, что еслибы преступленія пьяницъ не вмѣнялись, это бы дѣйствовало деморализующимъ образомъ на общество.

Ужъ и въ такомъ видѣ вопросъ представляется очень труднымъ для рѣшенія, но онъ еще болѣе усложняется тѣмъ, что съ одной стороны самое опьянѣніе бываетъ иногда не произвольнымъ, а слѣдствіемъ непреодолимой болѣзненной потребности, а съ другой—и проявленія опьянѣнія могутъ быть не одинаковы у различныхъ лицъ; у нѣкоторыхъ лицъ даже небольшое количество вина вызываетъ приступъ изступленія или другія, болѣе или менѣе ненормальныя явленія: это такъ-называемое патологическое опьянѣніе; въ этихъ случаяхъ само по себѣ вино является только стимуломъ, вызывающимъ проявленіе скрытой болѣзни, и самъ субъектъ далеко не всегда можетъ предвидѣть послѣдствія, которыя произойдутъ отъ употребленія имъ вина и слѣд. къ нему не можетъ быть примѣнено обвиненіе въ томъ, что онъ самъ себя сдѣлалъ сумасшедшимъ.

Докладчикомъ по этому трудному вопросу былъ Motet, тотъ же самый, который былъ докладчикомъ по этому-же вопросу на специальномъ съѣздѣ по вопросу объ алкоголизмѣ. Въ заключеніе своего обстоятельнаго доклада, въ составленіи котораго принималъ еще Dr. Vétault, Motet высказался, что для правильной постановки рѣшенія нужно раздѣлить ненормальныя состоянія, являющіяся подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, на нѣсколько группъ: 1-ую составляетъ *обыкновенное* опьянѣніе, 2-ю—патологическое опьянѣніе, 3-ю—алкоголическое помѣшательство, 4-ю—алкогольная дегенерация (характерный типъ пьяницы, ivrognerie),

5-ю—хроническій алкоголизмъ и 6-ю—запой, dipsomania. По отно-
нію ко всѣмъ этимъ группамъ вопросъ о вмѣняемости будетъ рѣ-
шаться различно. Такъ для простаго опьяненія Motet предлагаетъ
полную вмѣняемость; если-же человѣкъ только для того и на-
пился пьянъ, чтобы легче совершить преступленіе, то это должно
еще отягчать вину. Вмѣняемость во многихъ случаяхъ должна су-
ществовать и по отношенію къ лицамъ, плохо уравновѣшеннымъ,
у которыхъ пьянство вошло въ привычку, и въ тѣхъ случаяхъ,
гдѣ, хотя опьянѣніе и патологическое, но человѣкъ хорошо знаетъ
свою ненормальную реакцію на употребленіе вина и несмотря на
это, все-таки прибѣгаетъ къ нему. Конечно, во многихъ изъ этихъ
случаевъ вмѣняемость должна быть значительно меньше, чѣмъ въ
случаѣ простаго опьянѣнія.

Совершенно невмѣняемы преступленія, совершенныя въ состоя-
ніи алкогольнаго помѣшательства, или хроническаго алкоголизма.
Невмѣняемы также преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ
невольнаго опьянѣнія, наприм. у рабочихъ на винокуренныхъ за-
водахъ или при химическихъ работахъ съ алкоголемъ и его парами,
и т. п. Невмѣняемы также дѣянія запойныхъ или дипсомановъ.

Послѣ небольшихъ преній, которыя касались между прочимъ и
той опасности, которая вообще грозитъ обществу отъ алкоголи-
ковъ, конгрессъ принялъ единогласно резолюцію такого рода:

Противъ вреда, который могутъ причинить различнаго рода
алкоголики, должны быть приняты административныя мѣры. Эти
мѣры должны быть съ одной стороны законодательныя, съ дру-
гой должны состоять въ устройствѣ многихъ специальныхъ за-
веденій для помѣщенія привычныхъ пьяницъ, а также и лицъ со-
вершившихъ преступленія подъ вліяніемъ признаннаго болѣзнен-
наго опьянѣнія. Продолжительность пребыванія въ такихъ заве-
деніяхъ опредѣляется судомъ, на основаніи судебно-медицинской
экспертизы; но въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разсчитывать на
то, что пьянство повторится, этотъ срокъ можетъ быть продол-
женъ. Эти заведенія должны носить характеръ лѣчебницъ, а не
мѣстъ заключенія, хотя дисциплина въ нихъ должна быть очень
строгая и должна быть обязательная работа.

Кстати прибавимъ, что почти такая-же резолюція и по докла-
ду того-же д-ра Motet была принята и специальнымъ сѣздомъ
по вопросу объ алкоголизмѣ, состоявшимся въ Парижѣ за не-
дѣлю до психіатрическаго.

II.

Кромѣ докладовъ по вопросамъ, поставленнымъ въ программу съѣзда задолго до его открытія, въ засѣданіяхъ конгресса было сдѣлано много докладовъ по самымъ различнымъ отраслямъ психіатріи. Большинство этихъ докладовъ были не особенно интересны, но въ совокупности они представляютъ все-таки кое-что важное, такъ какъ показываютъ стремленіе науки идти въ томъ или другомъ направленіи.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ былъ вопросъ о единой номенклатурѣ душевныхъ болѣзней для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Вопросъ объ этомъ былъ поднятъ на Антверпенскомъ съѣздѣ, на которомъ выбраны были делегаты для различныхъ странъ, которые должны были представить образцы номенклатуры. Бельгійское психіатрическое общество, рассмотрѣвъ представленные проекты классификацій, составило изъ нихъ одну общую классификацію, которую и представило для утвержденія съѣзду. Докладчикомъ по этому предмету былъ д-ръ Morel.

Вотъ номенклатура, которую онъ рекомендовалъ:

1. Манія, манія съ бредомъ, *delirium acutum*.
2. Меланхолія, меланхолія съ безуміемъ, меланхолія съ ступоромъ.
3. Периодическіе психозы.
4. Хроническое прогрессирующее первичное помѣшательство.
5. Вторичное слабоуміе (*Démence vésanique*).
6. Слабоуміе органическое, старческое слабоуміе.
7. Параличное слабоуміе.
8. Нейропатическое помѣшательство (истерическое, ипохондрическое, эпилептическое, нейрастеническое).
9. Токсическое помѣшательство.
10. Нравственное и импульсивное помѣшательство.
11. Идіотизмъ и тупоуміе.
12. Случаи неопредѣленные.

Къ сожалѣнію, пренія по этому вопросу были очень рано прекращены, иначе вѣроятно конгрессъ не принялъ-бы эту классификацію въ неизмѣненномъ видѣ: руководствуясь ею, некуда помѣстить одной очень частой формы, привлекающей въ настоящее время большое вниманіе психіатровъ, именно остраго первичнаго безумія, остраго бредового психоза (*acuter Wahnsinn* нѣмецкихъ авторовъ или *délire d'emblée des dégénérés* школы Magnan'a).

Несмотря на протесты довольно многих, председатель г. Falret очень быстро поставил вопрос на баллотировку, и предложенная бельгийским обществом классификація была одобрена.

Другой интересный вопрос, затронутый на съѣздѣ, былъ вопросъ объ этиологіи прогрессивнаго паралича.

Прогрессивный параличъ помѣшанныхъ представляетъ одну изъ наиболѣе опредѣленныхъ клиническихъ формъ въ психіатріи; болѣзнь эта тѣмъ болѣе важна, что она встрѣчается очень часто и даже въ самомъ началѣ своего появленія заставляетъ врача произнести приговоръ о неизлѣчимости. Поражаетъ она главнымъ образомъ мужчинъ, и именно въ самый дѣятельный періодъ жизни, между 30—40 годами. Отъ чего она происходитъ—это вопросъ, чрезвычайно интересующій психіатровъ въ настоящее время. Интересъ къ этому предмету доказывается уже тѣмъ, что о немъ было три доклада и кромѣ того многіе изъ участниковъ съѣзда высказывали свои взгляды на этотъ предметъ. Изъ всѣхъ докладовъ и дебатовъ однако выяснилось, что соглашенія въ мнѣніяхъ достигнуть очень трудно. Такъ одни полагаютъ, что одну изъ главныхъ причинъ прогрессивнаго паралича составляетъ lues; другіе, какъ Christian (докладъ 8 августа—*Syphilis et paralysie générale*) утверждаютъ, что прогрессивный параличъ не находится рѣшительно ни въ какой зависимости отъ lues, что будто-бы говорить о зависимости прогрессивнаго паралича отъ этой болѣзни все равно, что говорить о томъ, что рана, полученная солдатомъ въ сраженіи, зависитъ отъ lues, если этотъ солдатъ имѣлъ его лѣтъ 7 назадъ. Другіе (Ball) видятъ главную причину происхожденія прогрессивнаго паралича въ половыхъ злоупотребленіяхъ. Третьи (докладъ Garnier 8 августа *L'alienation mentale à Paris: la progression corrélatrice de la folie alcoolique et de la paralysie générale*) полагаютъ, на основаніи параллелизма, существующаго въ умноженіи заболѣваній, зависящихъ отъ алкоголизма и случаевъ прогрессивнаго паралича, что этотъ послѣдній обязанъ своимъ происхожденіемъ злоупотребленіямъ спиртными напитками. Четвертые (докладъ G. Lemoine: *Etiologie de la paralysie générale*) видятъ главную причину въ артритическомъ расположеніи, пятые въ наследственности (Legrain). Наконецъ Pierret высказалъ предположеніе, что при невропатической и артритической конституціи организма прогрессивный параличъ можетъ вызываться самоотравленіемъ организма различными субстанціями, разви-

вающимися въ желудкѣ и всасывающимися въ кровь. Такое разнообразіе мнѣнія заставило членовъ съѣзда охотно принять предложеніе Ballet объ учрежденіи международной комиссіи для собранія свѣдѣній о причинахъ прогрессивнаго паралича; эта комиссія разошлетъ всѣмъ врачамъ-психіатрамъ листки съ просьбой присылать въ бюро комиссіи свѣдѣнія о причинахъ этой болѣзни (прогрессивнаго паралича) въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Прогрессивному параличу были посвящены еще три доклада болѣе частнаго свойства: одинъ докладъ Brunet (*De la spécificité de la paralysie générale*) касался анатомическихъ измѣненій при этой болѣзни. Докладчикъ полагаетъ, что специальное измѣненіе, составляющее анатомическую основу прогрессивнаго паралича, составляютъ воспаленіе поверхностнаго вещества коры полушарій (*pericerebitis*) и приращенія мозговыхъ оболочекъ. Другой докладъ (*Ladame'a*) касался одного интереснаго симптома, наблюдававшегося въ одномъ случаѣ этой болѣзни, — именно, больной видѣлъ всѣ предметы окрашенными въ красный цвѣтъ. По предположенію докладчика, это зависѣло не отъ измѣненія въ сѣтчаткѣ, а отъ пораженія центровъ, воспринимающихъ цвѣтоощущеніе, въ корѣ полушарія. Третій совершенно неинтересный докладъ д-ра Laurent (*De l'origine de certaines tendances érotiques dans la paralysie générale*) былъ тоже казуистическій: онъ составлялъ описаніе одного случая прогрессивнаго паралича, въ которомъ подъ вліяніемъ болѣзни развилось сильное эротическое возбужденіе, выражавшееся въ безстыдныхъ поступкахъ.

Кромѣ прогрессивнаго паралича, на мой взглядъ представляли значительный интересъ доклады, указывающіе на новую струю въ психіатріи, именно на изученіе большой зависимости психическихъ болѣзней отъ вліянія на нервную систему тѣхъ ядовитыхъ веществъ, которыя развиваются въ организмѣ при различныхъ условіяхъ. Эти вещества открыты сравнительно недавно и извѣстны подъ именемъ птомаиновъ и левкомаиновъ. Изслѣдованія многихъ ученыхъ даютъ указаніе, что вліяніе этихъ веществъ на здоровье человѣка очень велико, и вотъ является тенденція приложить результаты изслѣдованій надъ птомаинами къ объясненію происхожденія душевныхъ болѣзней. Я лично еще въ 1887 году опубликовалъ нѣсколько случаевъ своеобразной психической болѣзни, происхожденіе которой я ставлю въ зависимость отъ самоотравленія организма птомаинами. На Парижскомъ

конгрессъ я сдѣлалъ докладъ объ этой формѣ, которую я называлъ *cerebropathia toxæmica*, или полиневритическимъ психозомъ*). О своеобразныхъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при этой болѣзни со стороны памяти, я впрочемъ еще въ 1887 г. дѣлалъ докладъ въ Психологическомъ Обществѣ; поэтому я не стану на немъ останавливаться болѣе. На конгрессѣ выяснилось, что мое мнѣніе не единичное и совпадаетъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ другихъ психіатровъ. Такъ я уже сказалъ, что д-ръ *Pierret* (изъ Ліона) высказалъ предположеніе о зависимости прогрессивнаго паралича отъ самоотравленія субстанціями всасывающимися изъ желудка и кишечника. Другой врачъ, *Bettencourt Rodriguez* изъ Португаліи, представилъ докладъ (*De l'influence des phénomènes d'auto-intoxication et de la dilatation de l'estomac dans l'étiologie des formes dépressives et mélancoliques*), въ которомъ высказывалъ предположеніе о зависимости иппохондрии и меланхолии отъ разстройствъ кишечника и отъ всасыванія ядовитыхъ субстанцій, образующихся при этомъ въ желудочно-кишечномъ каналѣ. Аналогичное происхожденіе возможно, по мнѣнію докладчика, и для болѣзни, извѣстной подъ именемъ остраго бреда (*delirium acutum*).

Къ категоріи докладовъ, занимавшихся токсическими психозами, относится и докладъ д-ра *Brand* (*Note sur les troubles de la mémoire dans l'intoxication par l'oxyde de carbone*), описывавшаго разстройства памяти, наблюдавшіяся у лицъ отравленныхъ угаромъ (окисью углерода). У нихъ послѣ угара очень часто являются глубокія разстройства памяти, очень похожія на тѣ, которыя бывають при хроническомъ алкоголизмѣ.

Нѣсколько докладовъ касались вопроса о призрѣннн душивно-больныхъ въ заведеніяхъ. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли только мѣстный, французскій интересъ: такъ наприм. докладъ *Monod*, о необходимости помѣщать больныхъ въ спеціальныя больницы, а не въ отдѣленія общихъ больницъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи, и докладъ *Lemoine*'а о помѣщеніи душивно-больныхъ въ сѣверныхъ департаментахъ; другіе имѣли болѣе общій характеръ.

Къ послѣднимъ принадлежатъ два доклада по устройству земледѣльческихъ колоній при заведеніяхъ для душивно-больныхъ (до-

*) Докладъ этотъ, озаглавленный „*Sur une forme particulière de maladie mentale, combinée avec la névrite multiple dégénérative*“, напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Медицинскомъ Обозрѣннн 1889 г., № 13.

кладъ Beaume'a—Assistance et patronage des aliénés и д-ра Taguet: De la création d'annexes agricoles aux asiles de traitement.

Постановка этого вопроса впрочемъ представляется уже до извѣстной степени анахронизмомъ. Въ Германіи и Россіи этотъ вопросъ уже считается давно рѣшеннымъ. Дѣло въ томъ, что заведенія для душевно-больныхъ переполнены больными, изъ которыхъ очень многіе не требуютъ лѣченія, а только требуютъ жизни въ специальной обстановкѣ съ сравнительно небольшими приспособленіями. Для такихъ больныхъ вовсе нѣтъ необходимости жить въ дорого стоящихъ лѣчебницахъ; имъ можно жить въ болѣе простыхъ и дешевыхъ помѣщеніяхъ. Кромѣ того многимъ изъ нихъ необходимо быть чѣмъ-нибудь занятыми. Потому при всѣхъ новыхъ большихъ заведеніяхъ устраиваются мастерскія для работъ и земледѣльческое хозяйство; при нѣкоторыхъ заведеніяхъ земледѣльческое хозяйство существуетъ въ большихъ размѣрахъ и составляетъ земледѣльческую колонію.

По этому типу устроено нѣсколько лучшихъ заведеній въ Германіи и въ Россіи. Во Франціи вопросъ о колоніяхъ до сихъ поръ мало интересовалъ психіатровъ, несмотря на то, что образецъ земледѣльческихъ колоній дала та-же Франція, въ которой нѣсколько десятковъ лѣтъ существуетъ громадное Клермонское заведеніе братьевъ Labitte, гдѣ больные занимаются работами въ обширныхъ размѣрахъ. Намъ, русскихъ врачамъ, у которыхъ вопросъ о колоніяхъ уже считается давно рѣшеннымъ, немножко странно было выслушивать со стороны нѣкоторыхъ французскихъ психіатровъ возраженія, указывавшія на полное незнакомство съ сущностью дѣла и на незнакомство съ тѣмъ, что дѣлается гдѣ-либо внѣ Франціи.

Какъ-бы то ни было, съѣздъ постановилъ, что желательно, чтобы каждое большое заведеніе для душевно-больныхъ было связано съ земледѣльческою колоніей.

Одновременно съ этимъ обсуждалось и въ концѣ концовъ принято рѣшеніе о необходимости устройства въ большихъ центрахъ Франціи и другихъ государствахъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью попеченіе о выздоравливавшихъ душевныхъ больныхъ, чтобы облегчать имъ борьбу за существованіе.

Здѣсь будетъ уместно отмѣтить, что аналогичныя рѣшенія были постановлены и на другомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Парижѣ

нѣсколькими днями раньше психіатрическаго—на Congrès d'assistance publique. Въ одной изъ секцій этого конгресса разсматривался вопросъ о призрѣніи душевно-больныхъ и, между прочимъ, было много дебатовъ по поводу особой формы призрѣнія душевно-больныхъ, привлекающей вниманіе психіатровъ въ послѣднее время,—о такъ-называемомъ призрѣніи въ семьяхъ, patronage familial.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: многіе изъ больныхъ, живущихъ теперь въ больницахъ, совершенно свободно могли-бы жить въ семьяхъ, въ подходящей обстановкѣ. Это конечно больные совершенно безопасные, покойные, неизлѣчимые и не требующіе медицинскаго ухода. Такіе больные только напрасну занимаютъ мѣста въ больницахъ, мѣшая этимъ принимать свѣжихъ больныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попробовали помѣщать такихъ больныхъ въ семьи поселянъ въ качествѣ нахлѣбниковъ. Оказалось, что это очень удобно: и содержаніе ихъ становится гораздо дешевле, да и сами больные пользуются условіями свободной жизни. Конечно, такое помѣщеніе больныхъ въ качествѣ нахлѣбниковъ въ семьяхъ поселянъ должно быть правильно организовано и система этой организаціи носить названіе patronage familial.

Эта система, нужно замѣтить, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ существуетъ въ Бельгіи, въ мѣстечкѣ Геель, гдѣ устроилась сама собою и въ настоящее время требуетъ значительной реорганизаціи. Съ большимъ успѣхомъ существуетъ она въ Шотландіи, гдѣ $\frac{1}{8}$ бѣдныхъ больныхъ государства содержится такимъ образомъ. Въ послѣднее время сдѣланы попытки ввести эту систему въ Германіи, въ лѣчебницѣ Итен, близъ Ганновера, гдѣ по этой системѣ призрѣвается болѣе 100 больныхъ. На нашемъ русскомъ сѣздѣ психіатровъ тоже былъ поднятъ вопросъ о введеніи patronage familial у насъ. Я и д-ръ Н. Н. Баженовъ представили объ этомъ доклады, а д-ръ Баженовъ сдѣлалъ даже на практикѣ попытку ввести эту систему призрѣнія вблизи Рязани. Выгоды ея тѣ, что она даетъ возможность содержать больныхъ безъ особой затраты на постройку новаго заведенія, да и самый расходъ на содержаніе больныхъ меньше; кромѣ того жизнь больныхъ становится полнѣе. Само собою разумѣется, что проведеніе этой системы на практикѣ возможно только при строгомъ выборѣ больныхъ, отдаваемыхъ въ семьи, строгомъ выборѣ хозяевъ и, на-

конецъ, при постоянномъ надзорѣ за правильностью содержанія больныхъ. Это возможно только въ томъ случаѣ, если деревни, въ которыя такіе больные будутъ отдаваться, будутъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ больницы, такъ что могла-бы быть сохранена постоянная связь между больнымъ и лѣчебницей.

Французскіе врачи долгое время не сочувствовали этой системѣ но въ засѣданіи конгресса Assistance publique многіе изъ нихъ согласились, что она все-таки желательна. Въ концѣ концовъ съѣздъ, по предложенію д-ра Баженова, вотировалъ за введеніе этого способа призрѣнія. Редакція рѣшенія съѣзда, принадлежащая Magnan'у, такова:

1. Лѣчебное заведеніе остается главнымъ средствомъ для лѣченія и правильного содержанія душевно-больныхъ.

2. Врачъ заведенія долженъ стараться устроить земледѣльческую колонію вблизи лѣчебницы и ввести и развить patronage familial.

3. Необходимо организовать систему помощи бѣднымъ больнымъ, выздоровѣвшимъ отъ душевной болѣзни.

Изъ другихъ общихъ вопросовъ, разсматривавшихся на психіатрическомъ съѣздѣ, интересенъ вопросъ о связи идей бреда съ мускульнымъ чувствомъ. Въ настоящее время въ психіатріи есть стремленіе по возможности яснѣе представить механизмъ развитія различныхъ болѣзненныхъ явленій, наблюдаемыхъ у душевно-больныхъ, какъ наприм. галлюцинацій, бредовыхъ идей и т. п. Попытки, существующія въ этомъ отношеніи, интересны не только для врача, но и для психолога. Одну изъ такихъ попытокъ составляетъ предположеніе д-ра Cotard (къ сожалѣнію, умершаго черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего доклада, озаглавленнаго: De l'origine psychomotrice du délire). Д-ръ Cotard исходитъ изъ того факта, что почти во всѣхъ случаяхъ душевныхъ болѣзней психическіе симптомы соединяются съ измѣненіями въ двигательной системѣ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ наприм. въ маніи, является усиленная подвижность,—въ другихъ, какъ въ меланхолии, уменьшенная. Усиленіе или ослабленіе движеній по ассоціаціи вызываетъ въ сознаніи представленіе о большей или меньшей силѣ, о большемъ или меньшемъ могуществѣ, а отсюда уже одинъ шагъ до бредовыхъ идей: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть усиленные движенія, тамъ развивается бредъ величія, больной говоритъ, что онъ полководецъ, богатырь, царь, а гдѣ движенія ослаблены—бредъ самоуничженія.

Нужно впрочемъ отмѣтить, что хотя предположеніе д-ра Cotard'a

и довольно остроумно, но конечно оно не может имѣть значенія положительнаго факта.

Близкой къ этому области коснулся д-ръ Leglas въ своемъ докладѣ о трансформациі личности (*Du dédoublement de la personnalité*). Извѣстно, что нѣкоторые больные теряютъ сознание своей личности, считаютъ себя не тѣми, кто они на самомъ дѣлѣ. Д-ръ Leglas думаетъ, что это находится въ значительной связи съ такъ-называемыми психическими галлюцинаціями Балиарже. Психическими галлюцинаціями называются такія галлюцинаціи, при которыхъ хотя и существуютъ ложныя ощущенія, но явленія кажутся происходящими внутри больного: онъ слышитъ духовный голосъ какъ-бы въ своей головѣ, ему внушаютъ мысли, подсказываютъ дѣйствія. Докторъ Leglas полагаетъ, что эти психическія галлюцинаціи суть не что иное, какъ иллюзіи и галлюцинаціи чувства импульса къ движенію (*Hallucination psycho-motrice*). По его мнѣнію, обиліе подобныхъ галлюцинацій и вообще иллюзій мускульнаго чувства, больше чѣмъ что-либо, вызываетъ измѣненіе отношенія къ своей собственной личности и можетъ вести къ окончательной трансформациі личности.

По вопросамъ, относящимся къ юриспруденціи, кромѣ программныхъ вопросовъ о сравнительномъ законодательствѣ для помѣщенія душевно-больныхъ и вопроса объ отвѣтственности алкоголиковъ, на сѣздѣ было сдѣлано еще нѣсколько докладовъ.

Одинъ докладъ—д-ра Bourque (*Législation concernant les asiles d'aliénés dans la province de Quebec*) касался канадскаго законодательства о душевно-больныхъ. Другой докладъ, доктора Rouillard, касался вопроса о выпускѣ помѣшанныхъ преступниковъ (*Quelques considérations sur les aliénés criminels au point de vue médico-légal*). Какъ извѣстно, лица, совершившія преступленіе въ состояніи безумія, освобождаются отъ наказанія и помѣщаются въ больницы для душевно-больныхъ. Эти лица, какъ и другіе больные, могутъ выздороветь. Что съ ними дѣлать: выпускать ихъ или нѣтъ? По нашему законодательству, ихъ слѣдуетъ по выздоровленіи продержатъ на испытаніи извѣстный срокъ, и, если возврата не будетъ, можно и выпустить изъ больницы. Но не всѣ такъ думаютъ. Такъ Д-ръ Rouillard, полагая, что возвратъ болѣзни у такихъ больныхъ все-таки возможенъ, желаетъ, чтобы такіе больные и по выздоровленіи оставались въ заведеніи до конца своей жизни. Онъ про-

силъ сѣздъ одобрить его мнѣніе, но, конечно, оно было отвергнуто, какъ несправедливое *).

Близкой къ юриспруденціи области касался докладъ д-ра Lemal (изъ Бельгіи) о помѣшательствахъ арестантовъ (Folies pénitentiaires). На основаніи статистическихъ свѣдѣній онъ пришелъ къ заключенію, что арестъ, и въ частности одиночное заключеніе, не составляютъ особенно важной причины помѣшательства, что если иногда у арестантовъ и является заболѣваніе психическое, то виною этому главнымъ образомъ невропатическое предрасположеніе, а не арестъ. По его предложенію сѣздъ постановилъ, что въ виду интереса, который возбуждаютъ случаи заболѣванія помѣшательствомъ во время тюремнаго заключенія, слѣдуетъ, чтобы всѣ эти случаи были оффициально обследуемы и результаты публиковались въ специальномъ журналѣ, выходящемъ въ опредѣленные сроки.

Гипнотизмъ также имѣлъ своихъ представителей на сѣздѣ. Впрочемъ, въ виду того, что въ то-же время былъ специальный гипнотическій сѣздъ, и вопросы по гипнотизму разсматривались въ конгрессѣ по психофизиологии, на конгрессѣ психіатровъ сообщенія по гипнотизму были незначительныя. Въ одномъ (Inversion sexuelle chez un dégénéré traité par suggestion hypnotique) д-ръ Ladame сообщилъ о томъ, какъ онъ посредствомъ внушенія излѣчилъ больнаго съ извращеннымъ половымъ чувствомъ. Въ другомъ (Un cas d'obsession intellectuelle et émotive guéri par la suggestion renforcée par le parfum du corylopris, l'isolement et les douches) д-ръ Tissié сообщилъ, какъ онъ вылѣчилъ больную съ навязчивыми идеями и съ привычкою къ впрыскиваніямъ морфія—внушеніями. Для подкрѣпленія дѣйствія своего внушенія онъ ей внушилъ, чтобы она всякій разъ чувствовала себя хорошо, когда будетъ вдыхать опредѣленные духи. Это оказалось, по мнѣнію Tissié, очень успѣшно; но больная лѣчилась еще душами и была изолирована.

*) Въ краткомъ отчетѣ о конгрессѣ, помѣщенномъ главнымъ секретаремъ сѣзда, г. Ritti, въ Сентябрьской книжкѣ „Annales médicopsychologiques“ сказано, что по поводу доклада д-ра Rouillard'a сѣздъ подтвердилъ мнѣніе, принятое на первомъ международномъ сѣздѣ психіатровъ въ Парижѣ, въ 1878 году, что желательное устройство специальныхъ отдѣленій или даже отдѣльныхъ заведеній для помѣщенія душевно-больныхъ преступниковъ.

Остальные доклады, читанные на съѣздѣ, представляютъ чисто-медицинскій интересъ. Они представляютъ или исключительное описание какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаевъ, или дѣйствія того или другого средства. Сюда относятся доклады: 1) докладъ д-ра Camuset (*Deux observations chez deux dégénérés héréditaires, d'impulsions conscientes à des actes violents vis à vis d'eux mêmes*), составляющій описание случаевъ навязчивыхъ идей и влеченій; 2) докладъ д-ра Saury (*Note sur les folies multiples*), въ которомъ приводится описание одного случая психоза подъ влияніемъ трехъ причинъ: злоупотребленія морфіемъ, кокаиномъ и наслѣдственности; 3) докладъ д-ра Voisin (*Fugues inconscientes chez les hystériques*), въ которомъ описываются случаи истерическаго блужданія съ частичнымъ расстройствомъ сознания; 4) докладъ д-ра Régis (*Note sur quelques cas de lycomanie hypochondriaque*), въ которомъ онъ указываетъ на возможность смѣшенія случаевъ ипохондрической меланхоліи съ прогрессивнымъ параличомъ и опредѣляетъ признаки, отличающіе эти болѣзни другъ отъ друга; 5) докладъ д-ра Lemoine (*De l'hyoscimine et de hyoscine comme hypnotique*) въ которомъ онъ хвалитъ hyoscinanine какъ превосходное снотворное въ дозѣ $\frac{1}{2}$ —1 milligramme.

Кромѣ засѣданій для чтенія докладовъ, занятія съѣзда посвящены были осмотру нѣкоторыхъ заведеній. Въ общемъ нужно сказать, что французскія заведенія для душевно-больныхъ стоятъ ниже германскихъ, какъ по устройству, такъ и по веденію дѣла. Достаточно сказать, что система не-связыванія встрѣчаетъ еще многихъ противниковъ среди французскихъ психіатровъ. Только Magnan и Boucheraut съ своими молодыми учениками являются новаторами и изгоняютъ горячечную рубашку изъ своихъ отдѣленій. Изъ заведеній, которыя пришлось осмотрѣть во время съѣзда, заслуживали вниманія недавно выстроенное Villejuive и особенно отдѣленіе для идиотовъ и эпилептиковъ д-ра Bourneville.

Этотъ заведеніе представляетъ большой интересъ какъ для психіатра, такъ и для педагога. Въ немъ особенно интересны всѣ подробности воспитанія и обученія слабоумныхъ дѣтей. Тутъ можно прослѣдить, какъ шагъ за шагомъ подвигается обученіе дѣтей до той степени, до которой можно довести того или другого индивидуума. У иныхъ все, чего можно достигнуть—это пріучить ихъ къ чистотѣ и дисциплинѣ, и это достигается упорнымъ трудомъ и строго разсчитанными мѣрами. Другихъ—шагъ за шагомъ обучаютъ разли-

чать самые обыденные предметы: цвѣта, геометрическія фигуры, овощи и плоды, научаютъ сочетать представленія о предметахъ со словами, болѣе способныхъ научаютъ читать и писать, учатъ ариѳметикѣ, географіи и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣти и взрослые идиоты научаются работамъ. Для этого въ заведеніи существуютъ мастѣрскія въ довольно большомъ количествѣ: тутъ и шьютъ сапоги и платье, плетутъ корзины, дѣлаютъ щетки, переплетаютъ,— есть даже типографія; отчетъ, который былъ розданъ членамъ съѣзда, напечатанъ былъ въ мастерской заведенія.

Порядокъ въ заведеніи образцовый. Устроено оно прекрасно: все обдуманно, рассчитано и приспособлено для достиженія поставленной цѣли. Организаторъ этого учрежденія д-ръ Bourneville самъ человѣкъ замѣчательный по своей энергіи и многосторонней дѣятельности. Онъ не только директоръ заведенія для идиотовъ, но и вліятельный членъ палаты депутатовъ, членъ комиссіи по общественному призрѣнію во Франціи, онъ-же читаетъ лекціи, издаетъ одинъ изъ лучшихъ журналовъ «Progrès Médical» и кромѣ того массу другихъ работъ. Почти всѣ произведенія школы Salpêtrière изданы благодаря энергіи д-ра Bourneville. Его отношеніе къ дѣлу и энергія видны уже изъ одного слѣдующаго факта: обыкновенно во Франціи уходъ за больными лежитъ на монахиняхъ; будучи врагомъ клерикаловъ и зная вредное вліяніе католическихъ монахинь даже въ больницахъ, Bourneville устранилъ ихъ изъ своего отдѣленія, а чтобы не остаться безъ надзирательницъ, устроилъ особую школу для обученія ухода за душевно-больными дѣтьми и идиотами, — учрежденіе почти единственное въ своемъ родѣ и заслуживающее подражанія.

Научная сторона дѣла стоитъ въ заведеніи очень высоко. Ни одинъ интересный случай не пропадаетъ для науки; со всѣхъ дѣтей снимаются фотографіи, съ головъ нѣкоторыхъ — гипсовые бюсты; по смерти дѣтей сохраняются скелеты, представляющіе интересъ. Результаты наблюденій публикуются почти ежегодно въ особомъ сборникѣ.

Съ членами конгресса Bourneville и его ассистенты подѣлились своими наблюденіями надъ микроцефаліей и поренцефаліей. Докладчикомъ по микроцефалии былъ одинъ изъ ассистентовъ (interne'овъ) Camescasse. Онъ сообщилъ, что наблюденія въ отдѣленіи Бурневилля показали: 1) въ отличіе отъ мнѣнія Gratiolet, микроцефалы въ большинствѣ случаевъ не карлики; 2) въ противоположность

миѣнію Дюкатта, половая система у нихъ часто развита правильно и половыя побужденія у нихъ могутъ быть; 3) анатомическія измѣненія при этой формѣ очень разнообразны. Другой интернъ Бурневилля, Sollier, сдѣлалъ сообщеніе о поренцефалии, т.-е. о врожденной убыли значительной части мозга. Онъ различаетъ истинную форму поренцефалии, отъ ложной. Первая обуславливается остановкой въ развитіи мозга, вторая обязана своимъ происхожденіемъ деструктивному процессу.

Французскіе психіатры воспользовались съѣздомъ, чтобы условиться устраивать свои отечественные ежегодные съѣзды. Докладъ объ этомъ былъ прочитанъ Lemoine'омъ (Projet de congrès annuel des médecins aliénistes de France). Предложеніе объ учрежденіи съѣзда было принято, и въ будущемъ году съѣздъ французскихъ психіатровъ будетъ въ Руанѣ.

С. Корсановъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Обзоръ журналовъ.

1. **Архивъ по исторіи философіи** (Archiv für Geschichte der Philosophie. Herausgegeben von Ludwig Stein. 1 Band, in 4 Heften. Berlin, 1888.)

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ въ Европѣ разработка философіи во всѣхъ ея отдѣлахъ и отрасляхъ вступила на тотъ путь, на который раньше выступили другія науки, по своему предмету и объему менѣ трудныя, чѣмъ философія,—а именно дѣло дальнѣйшаго созиданія и прогресса науки переходитъ изъ рукъ отдѣльныхъ, сравнительно одинокихъ дѣятелей и двигателей, въ руки многихъ работниковъ, дѣйствующихъ по принципу раздѣленія труда въ большей или меньшей связи и подъ взаимнымъ контролемъ другъ друга.

Благодаря множеству работниковъ, въ философскихъ наукахъ преобладаетъ въ настоящее время *детальная и систематическая* разработка вопросовъ и проблемъ, поставленныхъ и намѣченныхъ въ философской наукѣ прежними дѣятелями разныхъ школъ и направленій. Въ этой детальной разработкѣ современными дѣятелями не мало силъ посвящено *историческому изслѣдованію* о возникновеніи, различныхъ стадіяхъ развитія въ разное время и, наконецъ, о современномъ состояніи тѣхъ или другихъ сторонъ и предметовъ философской науки. Да и давно пора было ей, для болѣе успѣшнаго движенія впередъ, усерднѣе заняться своею

исторію: здѣсь, какъ и вездѣ, прежде чѣмъ идти далѣе въ созиданіи и устроеніи предмета, необходимо было привести къ сознанію и упорядочить то, что было сдѣлано раньше. Нужно было выдѣлить истинное и годное стать прочнымъ достояніемъ науки отъ случайныхъ и чисто-субъективныхъ элементовъ, далѣе нужно было пополнить допущенные ранѣ пробѣлы и вставить недостающія, но необходимыя, по требованіямъ логики, звенья или члены—въ обосновкѣ, доказательствѣ и систематическомъ порядкѣ того или другого пункта научной системы. Наконецъ, исторія науки должна была выполнить самое важное предварительное условіе для дальнѣйшаго развитія философскаго знанія: это—свести на необходимый минимумъ основныя различія въ направленіяхъ философіи. Между тѣмъ по разнымъ обстоятельствамъ, а главное—по недостатку силъ, исторія философіи почти до половины настоящаго столѣтія не только не выполняла этихъ задачъ, но даже и не подавала надеждъ на это выполненіе въ будущемъ. Съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія въ Германіи, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивалось философское движеніе, въ силу сложившейся тогда у нѣмцевъ своего рода *вѣры*, что глубокомысліе и философское творчество есть свойство ихъ національнаго генія, почти каждый изъ дѣятелей этой науки считалъ своею непремѣнною обязанностью выступать съ новою собственною системою, въ которой совсѣмъ заново перестраивалось философское знаніе. И это дѣлали не только люди особенно даровитые и обладавшіе значительнымъ общенаучнымъ и философскимъ знаніемъ, но даже посредственности, не имѣвшія ни таланта, ни познаній, не только для того, чтобы создать что-либо новое и цѣльное, но даже и для того, чтобѣ сдѣлать сколько-нибудь порядочный вкладъ въ науку по какому-либо частному и сравнительно мелкому вопросу. А между тѣмъ никто не хотѣлъ вполнѣ и преимущественно отдаться трудной, но въ высокой степени почтенной и плодотворной работѣ историческаго изслѣдованія. Отсюда—не мало силъ было бесплодно потрачено какъ самими философами первой половины нынѣшняго вѣка на созиданіе *эфемерныхъ системъ*, такъ въ особенности и интересующимися философією людьми—на изученіе, воспріятіе и увлеченіе этими скороспѣлыми, хотя подъ часъ блестящими, продуктами философскаго *разула* («Drang und Sturm») въ Германіи. Но когда, къ половинѣ нашего столѣтія, увлеченіе новыми системами поохла-

дилось, то въ Германіи началось постоянно усиливавшееся движеніе въ области исторіи философіи. Прежде и болѣе всего древняя философія подверглась такому всестороннему и детальному изслѣдованію, что приходится, наприм., становиться на совершенно новыя точки зрѣнія и пониманія какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ такихъ, повидимому, уже извѣстныхъ и, въ теченіе вѣковъ, подвергавшихся постоянному изученію, философскихъ системъ, какъ системы Платона, Аристотеля, стоиковъ и т. под. *). Точно также обстоятельно осмотрѣна и изслѣдована новая философія; въ особенности-же подробному разбору подверглась философія Канта, какъ *исходный* пунктъ, къ которому такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, примыкаютъ всѣ современныя философскія направленія. О философіи Канта, какъ извѣстно, образовалась цѣлая литература, столь обширная, что обозрѣть ее одному человѣку стало, пожалуй, и не подъ силу. Въ этомъ современномъ движеніи менѣе силъ потрачено было на средневѣковую философію, но и въ ней историческая разработка все расширяется.

Хотя въ каждой изъ передовыхъ странъ Европы давно уже существуетъ по нѣскольку специальныхъ журналовъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ другими философскими науками разрабатывается и исторія философіи, но потребность въ изученіи этой послѣдней оказывается столь сильною, что въ Германіи, которой и до сихъ поръ принадлежитъ пальма первенства въ философской наукѣ, открылся специальный журналъ для исторіи философіи, именно: «Archiv für Geschichte der Philosophie», первый (1888) годъ котораго мы и предполагаемъ обозрѣть въ настоящей статьѣ.

«Archiv» издается въ Берлинѣ съ 1888 года подъ редакціей Людвигъ Штейна, человѣка еще молодого, но уже положившаго

*) Для примѣра могу указать на труды въ древней философіи нашего согражданина, къ сожалѣнію совершенно неизвѣстнаго въ Россіи, дерптскаго профессора Тейхмюллера, теперь уже умершаго. Обстоятельныя и глубокія изслѣдованія этого вообще замѣчательнаго мыслителя въ области древней философіи приводятъ къ такому, повидимому, странному, но по-моему весьма убѣдительному заключенію, что мы должны почти совершенно преобразовать нашъ взглядъ на философію Платона и Аристотеля, установившійся въ теченіе вѣковъ и, повидимому, опиравшійся на результаты историческаго изслѣдованія въ теченіе двухъ тысячелѣтій.

начало своей известности в ученом мире некоторыми почтенными трудами. Главными сотрудниками его состоят лица уже давно пользующіяся признаніемъ въ наукѣ. Между ними маститый Эдуардъ Целлеръ имѣетъ европейскую известность. Кромѣ того постоянными сотрудниками «Архива» состоятъ представители ученой философской литературы Франціи, Англии, Италіи, которые ведутъ хронику сочиненій по исторіи философіи — каждый для своей страны.

Содержаніе «Архива» распадается на два отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ мы находимъ статьи по различнымъ специальнымъ вопросамъ исторіи философіи; второй отдѣлъ представляетъ періодическія обзоренія, годовыя или за какой-либо періодъ, сочиненій, вышедшихъ по частной или общей исторіи философіи, главнымъ образомъ въ четырехъ европейскихъ литературахъ: германской, французской, англійской и италіанской.

Въ этомъ нашемъ отчетѣ объ «Архивѣ» мы ограничимся возможно-краткимъ и сжатымъ указаніемъ важнѣйшихъ статей, входящихъ въ «Archiv». Что касается до статей, имѣющихъ болѣе общій интересъ, то мы изложимъ существенное ихъ содержаніе съ большею или меньшею подробностью, смотря по предмету ихъ.

Въ настоящей нашей статьѣ мы осмотримъ важнѣйшее содержаніе всего I тома «Архива» за 1888 г., состоящаго изъ четырехъ тетрадей и содержащаго 652 страницы убористаго шрифта in octavo.

Начиная свой отчетъ объ «Архивѣ» съ перваго отдѣла, мы прежде всего укажемъ на вступительную статью Эдуарда Целлера, стр. 1: «Die Geschichte der Philosophie; ihre Ziele und Wege (Исторія философіи, ея цѣли и пути). Исторія философіи имѣетъ дѣло, по Целлеру, съ попытками выразить «цѣльный и связный научный взглядъ на миръ и на задачи въ немъ чловѣка». Такія попытки, выражающіяся въ рядѣ философскихъ системъ, должны быть разсматриваемы въ ихъ исторической связи и развитіи. Для пониманія философскихъ системъ, по Целлеру, необходимы, какъ общее условіе, собственная способность къ систематическому мышленію и надлежащее для того образованіе. Но, кромѣ этого, для объясненія возникновенія философскихъ системъ нужны спеціальныя условія, а именно: біографическія, психологическія и, наконецъ, историко-филологическія изслѣдованія. Такъ какъ

· философская дѣятельность каждаго человѣка находится въ связи съ другими его дѣятельностями, а явленія философскаго мышленія въ связи съ разнообразными другими историческими явленіями, то и въ философскихъ системахъ нужно принимать въ соображеніе не одну только *логическую* связь между ними, а всестороннюю *историческую*. «Archiv», по Целлеру, и имѣетъ цѣлью призваніе научныхъ силъ къ общему труду по исторіи философіи и свободный обмѣнъ воззрѣній ученыхъ на происхожденіе и значеніе историческихъ системъ.

Статья Т а н н е р и (Tannery) написана на французскомъ языкѣ (стр. 28): «Sur le secret dans l'école de Pythagore (о тайномъ ученіи въ школѣ Пифагора). На основаніи позднѣйшихъ греческихъ источниковъ между сказаніями о древнемъ пифагореизмѣ было преданіе о томъ, что пифагорейцы сохраняли въ тайнѣ, доступной только немногимъ посвященнымъ, открытія, сдѣланныя Пифагоромъ въ математикѣ. Статья Таннери представляетъ историко-филологическое изслѣдованіе основаній для этого преданія. Результатъ этого изслѣдованія тотъ, что принципиально Пифагоръ не имѣлъ желанія установить и не устанавливалъ никакого секретнаго, или эзотерическаго ученія, но что преданіе о томъ могло произойти такимъ образомъ: такъ какъ онъ училъ устно, а не письменно, и такъ какъ математика, по самой своей сущности, не могла быть доступна всѣмъ лицамъ, составлявшимъ пифагорейскую общину; то, естественно, что къ изученію ея допускались только способнѣйшіе изъ учениковъ. Далѣе, такъ какъ математическія теоремы, открытыя Пифагоромъ, не были частными субъективными мнѣніями, о которыхъ возможны были споръ и разногласіе, а представляли нѣчто точное и неизмѣнное, открытіе чего составляло чрезвычайную заслугу и славу самого Пифагора, то естественно, что какъ самъ Пифагоръ, такъ и ближайшіе его ученики смотрѣли неблагоклонно на всякую попытку кого-либо изъ членовъ союза разгласить или обнародовать это математическое ученіе Пифагора и сдѣлать его, такъ сказать, безличнымъ общимъ достояніемъ, и видѣли въ такихъ попыткахъ какъ-бы неуваженіе къ учителю и желаніе присвоить себѣ славу открытія, принадлежащую только ему. Отсюда и образовалось преданіе о принципиальномъ эзотеризмѣ въ школѣ Пифагора; отсюда-же произошло и дѣленіе пифагорейцевъ, о которомъ говорятъ памятники, на двѣ секты: вѣрныхъ пифагорейцевъ, которые

хранили истинное и неискаженное учение Пифагора, и отщепенцевъ, исказившихъ истину, переданную учителемъ своимъ ученикамъ.

Статья Паппенгейма (Papenheim), стр. 37: «Der Sitz der Schule der pyrrhoneischen Skeptiker (мѣстопробываніе скептической школы, основанной Пиррономъ), касается вопроса, существовала-ли послѣ скептика Пиррона *) школа и гдѣ было ея мѣстопробываніе. Паппенгеймъ, подвергая историко-филологическому изслѣдованію весьма скудные (иногда состоящіе изъ одного или нѣсколькихъ словъ) матеріалы, дошедшіе до насъ въ памятникахъ и относящіеся къ поставленному имъ вопросу, приходитъ къ слѣдующимъ вѣроятнымъ результатамъ. Незначительная школа, образовавшаяся изъ послѣдователей Пиррона, имѣла свое мѣстопробываніе въ Александріи до Секста Эмпирика**). При Секстѣ-же Эмпирикѣ и послѣ него, по изслѣдованію Паппенгейма, представляется *двокая* возможность: или школа оставалась въ Александріи до самаго прекращенія ея существованія, т. е. до половины III в. по Р. Х., или-же она при Секстѣ была перенесена въ неизвѣстно какой другой городъ Восточной Римской имперіи, но непременно такой городъ, который былъ однимъ изъ тогдашнихъ центровъ образованія.

Статья редактора Штейна (Stein), стр. 53: «Zur Genesis des Occasionalismus» (къ вопросу о происхожденіи окказіонализма), въ которой, вопреки общераспространенному мнѣнію, онъ доказываетъ, что Гейлинксъ (XVII в.) былъ хотя и выдающимся, но *не первымъ* окказіоналистомъ. Извѣстно, что Декартъ, утверждая, что взаимодействіе двухъ, соединенныхъ въ челоуѣкѣ, но исключających другъ друга субстанцій: тѣла (субстанціи протяженной) и души (субстанціи не протяженной), совершается при помощи Бога, не далъ никакого объясненія о томъ, какъ происходитъ эта

*) Пирронъ, современникъ Аристотеля, жившій въ IV в. до Р. Х., былъ основателемъ греческаго скептицизма. Сочиненій никакихъ не оставилъ, такъ что ученіе его записано было, на основаніи преданія, его позднѣйшими послѣдователями. Надобно различать двѣ формы греческаго скептицизма:—одну основанную Пиррономъ, и другую—скептицизмъ академическій—развившююся въ академіи, школѣ, основанной Платономъ. Изъ этихъ двухъ формъ, во многомъ сходящихся, но имѣвшихъ и пункты различія, пирронизмъ сохранился гораздо долѣе.

***) Секстъ Эмпирикъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей школы Пиррона, былъ ея руководителемъ въ концѣ II в. по Р. Х.

помощь и вмѣшательство Бога при взаимодействіи субстанцій. Это былъ пунктъ системы Декарта, неудовлетворительность котораго была прежде всего признана его послѣдователями и который прежде всего подвергнутъ былъ ими дополненію и преобразованію. По общему мнѣнію, послѣдователь Декарта, Гейлинксъ, прежде другихъ выставилъ теорію *окказіонализма*, по которой, когда душа дѣйствуетъ посредствомъ воли на тѣло, или когда какое-либо физическое событіе или состояніе въ тѣлѣ дѣйствуетъ на душу, то въ первомъ случаѣ двигаетъ тѣло соотвѣтственно желаніямъ души не сама душа, а Богъ, и во второмъ случаѣ перемѣняетъ состоянія души соотвѣтственно измѣненіямъ въ тѣлѣ не само тѣло, а тоже Богъ. Значитъ, состоянія души или состоянія тѣла суть *occasio*, т. е. поводъ, по которому происходитъ непосредственное вмѣшательство Бога въ ихъ взаимодействіе. Тотчасъ послѣ Декарта *окказіонализмъ* былъ высказанъ въ *двухъ* формахъ: одна ранняя, по мнѣнію Штейна, ближайшимъ образомъ примыкающая къ Декарту, состоитъ въ томъ, что Богъ разъ и навсегда при твореніи души и тѣла устроилъ это взаимодействіе, и другая, позднѣйшая, въ томъ, что Богъ каждый разъ *непосредственно* производитъ движеніе тѣла соотвѣтственно желаніямъ души, или перемѣну въ состояніяхъ души соотвѣтственно перемѣнамъ въ тѣлѣ. Эту вторую форму непосредственнаго дѣйствія Бога Штейнъ и считаетъ *окказіонализмомъ въ строюмъ и точномъ смыслѣ*. Результатъ изслѣдованія Штейна состоитъ въ томъ, что первенство въ выраженіи этой формы *окказіонализма* принадлежитъ не Гейлинксу, а другому послѣдователю Декарта, Кордемоа, адвокату въ Парижѣ (*Géraud de Cordemois*), который за семь лѣтъ до Гейлинкса уже обладалъ и сообщалъ устно другимъ рѣшеніе вопроса о взаимодействіи тѣла и души въ смыслѣ точнаго *окказіонализма*. Гейлинксъ-же, котораго *окказіоналистическое* рѣшеніе вопроса обнародовано въ сочиненіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ «*Этики*» въ 1665 году, высказалъ ту-же основную мысль, что и Кордемоа, но только полнѣе и законченнѣе. По мнѣнію Штейна, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что какъ Кордемоа, такъ и Гейлинксъ высказали одну и ту-же теорію совершенно независимо другъ отъ друга, и такое возникновеніе одинаковаго рѣшенія вопроса у двухъ послѣдователей Декарта естественно, потому что оба исходили отъ одной и той-же смутной и неразвитой мысли своего учителя.

Статьи Эрдмана (Benno Erdmann), стр. 62 и 216: «Kant und Hume im 1762» (отношения Канта къ Юму въ 1762 г.). Исслѣдованія Эрдмана касаются спорнаго вопроса о времени и степени вліянія Юма на Канта *), вопроса важнаго для опредѣленія генезиса философіи Канта вообще. По мнѣнію Эрдмана, Кантъ, не владѣвшій англійскимъ языкомъ, могъ читать Юма только въ нѣмецкихъ переводахъ, а такъ какъ плохой нѣмецкій переводъ Юмова «Трактата о человѣческой природѣ» появился только въ 1790 году, то съ этимъ сочиненіемъ Юма Кантъ могъ быть знакомъ никакъ не ранѣе **) этого времени. Въ періодъ же отъ 1762 по 1766 г., къ которому очень многіе относятъ вліяніе Юма на Канта, этотъ послѣдній могъ быть и былъ знакомъ только съ «Опытами» (Essays) Юма. «Опыты» же эти, по Эрдману, могли имѣть, и имѣли, вліяніе на Канта только въ вопросахъ нравственныхъ, но въ теоретической философіи Юмъ никакого вліянія на Канта не имѣлъ. Что-же касается до тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Канта между 1762 и 1766 годомъ, на сходствѣ которыхъ съ теоріями Юма основано мнѣніе о вліяніи послѣдняго на перваго, то Эрдманъ посвящаетъ особую статью (стр. 216) анализу и сличенію этихъ сходныхъ мѣстъ у обоихъ философовъ. Въ результатѣ этого сличенія и анализа оказывается, что сходныя мѣста представляютъ случайное совпаденіе съ Юмомъ и что, несмотря на это сходство, всѣ сочиненія Канта изъ названнаго періода суть результатъ его самостоятельной мысли и вполне независимы отъ Юма. Это доказывается тѣмъ, что въ самихъ сходныхъ мѣстахъ есть существенныя и глубокія различія, и что ходъ мысли Канта и Юма, хотя и приводилъ ихъ порою къ сходнымъ заключеніямъ, былъ совершенно различенъ. На возможный вопросъ, почему Кантъ, несомнѣнно читавшій «Опыты» Юма въ переводѣ Зульцера, не обратилъ вниманія на сходство результатовъ, къ которымъ приходилъ онъ самъ, съ воззрѣніями Юма, на примѣрѣ въ теоріи причинности, и почему онъ не сопоставилъ, или не сблизилъ своей мысли съ мыслями Юма, Эрдманъ отвѣчаетъ, что Кантъ изучалъ «Опыты» Юма не въ 60-хъ годахъ, а тотчасъ послѣ по-

*) Въ русской литературѣ съ этимъ вопросомъ можно познакомиться по моей книгѣ: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ, 1884 г.

**) Вообще у Канта нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ былъ когда-либо знакомъ съ этимъ сочиненіемъ Юма.

явленія ихъ въ переводѣ, именно въ періодъ 1754—56 года, а тогда онъ еще находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ вольфіанства, что просто неясно понималъ весь смыслъ и значеніе Юмовой теоріи причинности, какъ не поняли этого другіе вольфіанцы, современники Канта, какъ наприм. Зульцеръ, переводчикъ Юма, и Мендельсонъ, извѣстный философъ того-же времени и той-же школы. Что-же касается до тѣхъ мѣстъ позднѣйшихъ сочиненій Канта, какъ наприм. въ «Критикѣ чистаго разума», «Критикѣ практическаго разума» и въ «Пролегоменахъ», гдѣ Кантъ прямо заявляетъ о вліяніи на него Юма и на пробужденіе его этимъ философомъ отъ «догматической дремоты», то это вліяніе, по Эрдману, не могло быть раньше 1772 года. Все изслѣдованіе Эрдмана и приведенныя имъ доказательства въ защиту своихъ мнѣній и въ опроверженіе мнѣній другихъ, по-моему, настолько удовлетворительны, что многотрудный и спорный вопросъ о вліяніи Юма на Канта получаетъ въ статьѣ Эрдмана самое обстоятельное рѣшеніе.

Статьи редактора Штейна (Stein), стр. 78, 231, 391: «Die in Halle aufgefundenen Leibnitz Briefe» (найденныя въ Галле письма Лейбница). Болѣе ста найденныхъ писемъ касаются главнымъ образомъ счетной, или ариѳметической машины, надъ которой много и долго трудился Лейбницъ и посредствомъ которой онъ имѣлъ въ виду механически производить ариѳметическія дѣйствія и находить результаты дѣйствій надъ большими числами. Письма касаются разныхъ недостатковъ машины и разныхъ улучшеній, которыя придумывалъ Лейбницъ для своего вообще неудавшагося предпріятія. Кромѣ писемъ по поводу машины есть немногія соображенія историческаго содержанія, подтверждающія извѣстныя черты характера философа, его всестороннюю ученость, его энергію въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ научныхъ цѣлей и предпріятій. Наконецъ, есть нѣсколько писемъ, бросающихъ свѣтъ на необыкновенно тонкое и ясное для тогдашняго времени пониманіе сущности и значенія исторіи философіи, науки въ его время едва начинавшейся. Съ гениальнымъ предвидѣніемъ этотъ основатель нѣмецкой философіи тогда уже ясно понималъ, что исторія философіи должна быть обрабатываема на основаніи той критико-филологической методы, которая стала прилагаться къ ней только въ наше время.

Статья Вейгольда (Weygoldt), стр. 161: «Zu Diogenes

von Apollonia» (о Диогенѣ Аполлоніатѣ) имѣеть въ виду выяснить, что идеи Диогена, одного изъ философовъ-физиологовъ, жившаго въ V в. до Р. X. и примыкавшаго къ Анаксимену, были воспроизведены въ отрывкахъ медицинскихъ сочиненій, дошедшихъ до насъ отъ IV в. до Р. X. Въ этихъ отрывкахъ атмосферный воздухъ есть начало всѣхъ вещей и всякаго движенія, жизни и мысли.

Статья Гейльбута (Heylbut), стр. 194: «Zur Ethik des Theophrast von Eresos» (Объ этикѣ Теофраста) представляетъ изслѣдованіе о различіи понятій добродѣтелей: благо-разумія (*φρόνησις*) и мудрости (*σοφία*), въ этикѣ Теофраста, преемника Аристотеля. Для Теофраста благоразуміе, имѣющее только житейское практическое значеніе, занимаетъ низшее и служебное положеніе по отношенію къ мудрости, которая ставитъ обладающаго ею философа выше всего міра и его нуждъ.

Статья Гергардта (Gerhardt), стр. 211: «Leibnitz ueber den Begriff der Bewegung» (Лейбницъ о понятіи движенія) представляетъ краткое изложеніе содержанія одного до сихъ поръ не напечатаннаго сочиненія Лейбница, написаннаго имъ въ 1676 году въ діалогической формѣ, на подобіе діалоговъ Платона. Оно касается вопроса о движеніи, которымъ Лейбницъ постоянно занимался. Авторъ статьи находитъ, что въ этомъ сочиненіи уже находятся зародыши «предустановленной гармоніи». Важнѣйшія положенія, высказанныя здѣсь, состоятъ въ томъ, что линія не состоитъ изъ точекъ, что тѣла, когда они двигаются, не дѣятельны и что то, отчего тѣло двигается и перемѣняетъ мѣсто, есть не само тѣло, а высшая причина, которая дѣйствуя не измѣняется и которую мы называемъ Богомъ, такъ что непрерывно двигающееся тѣло постоянно нуждается въ непрерывномъ импульсѣ Бога, который дѣйствуетъ на основаніи опредѣленныхъ имъ законовъ.

Статья Дильтея (Dilthey), стр. 289: «Briefe von und an Hegel» (Письма Гегеля и къ нему). Письма эти изданы сыномъ Гегеля изъ обширнаго литературнаго наслѣдства его отца и составляютъ дополненіе къ прежде изданнымъ письмамъ. При разсмотрѣніи ихъ Дильтей задается вопросомъ, насколько они проливаютъ болѣе ясный свѣтъ на возникновеніе системы Гегеля. Отправляясь отъ того положенія, что германскій пантеизмъ, возникшій въ Германіи первоначально черезъ знакомство ея съ Спинозою посредствомъ Лессинга и Якоби, потомъ нашедшій силь-

ную поддержку въ Гердерѣ и Гёте, былъ философски формулированъ и систематизированъ Шеллингомъ, Шлейермахеромъ и наконецъ Гегелемъ, Дильтей слѣдитъ, по перепискѣ Гегеля, какъ еще съ юности на немъ отражалось вліяніе пантеистическаго характера и специально вліяніе двухъ друзей его ранней молодости, Шеллинга и Гёлдерлина (Hölderlin). Далѣе Дильтей указываетъ, какъ у Гегеля сложился основной пунктъ всей его философской системы, что вся дѣйствительность сосредоточена въ историческомъ движеніи, что истинное бытіе не есть трансцендентное, а есть имманентно, т.-е. исторически развивающійся міръ.

Статья Ейкена (Eucken), стр. 309: «Zur philosophischen Terminologie» (по поводу философской терминологіи), въ которой онъ, указывая на важность, для дальнѣйшаго движенія философской науки, твердо установленной научной терминологіи, считаетъ для этого необходимымъ историческое изслѣдованіе первоначальнаго значенія терминовъ и, по мѣрѣ движенія науки, видоизмѣненія этого значенія. Поэтому онъ обращаетъ къ ученымъ предложеніе сообщить результаты ихъ терминологическихъ изслѣдованій въ «Архивъ», чтобы такимъ образомъ способствовать однообразной *фиксаци*и употребляемыхъ въ настоящее время терминовъ.

Статья Фрейденталя (Freudenthal), стр. 322: «Zur Lehre des Xenophanes» (объ ученіи Ксенофана) иллюстрируетъ высказанное нами ранѣе замѣчаніе, какъ современныя изслѣдованія по исторіи философіи ведутъ къ радикальной перемѣнѣ установившихся взглядовъ въ этой наукѣ. Одно изъ такихъ безспорно обще-признанныхъ положеній въ исторіи философіи было, что Ксенофанъ, основатель элейской школы, былъ первымъ греческимъ философомъ, отвергавшимъ политеизмъ и исповѣдывавшимъ монотеизмъ. Недавно Фрейденталь напечаталъ сочиненіе о «Теологіи Ксенофана», въ которомъ, подвергая обстоятельному пересмотру фрагменты, дошедшіе до насъ изъ поэмы Ксенофана, доказываетъ съ большимъ остроуміемъ и ученостью, признаваемою такими его критиками, какъ Дильсъ и Целлеръ, что сущность ученія Ксенофана о божествѣ нисколько не исключаетъ политеизма, и что онъ его не отрицалъ. Ксенофанъ, по Фрейденталю, отрицалъ только ходячія народныя воззрѣнія грековъ на политеизмъ и, признавая многихъ боговъ, училъ, что они всѣ произошли отъ одной причины и что они, на

самомъ дѣлѣ, суть части этой причины или единого, всеобъемлющаго Бога. Противъ воззрѣнія Фрейденталя выступили защитниками прежде установившагося мнѣнія такіе ученые, какъ Дильсъ и Целлеръ. Въ статьѣ «Архива» Фрейденталь въ свою очередь полемизируетъ съ своими критиками и приводитъ чрезвычайно остроумныя соображенія и аргументы противъ своихъ противниковъ и въ пользу защищаемаго имъ положенія.

Статьи Зибекъ (Siebeck), стр. 374 и 518: «Zur Psychologie der Scholastik» (къ психологіи схоластики), въ которыхъ Зибекъ, извѣстный авторъ «Исторіи психологіи», принимаетъ изслѣдованіе о психологіи среднихъ вѣковъ, и именно *эмпирической психологіи*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ выработался предметъ и методъ этой науки въ настоящее время. Считая средневѣкового ученаго, Дунса Скотта (XIII и XIV вв.), однимъ изъ важнѣйшихъ представителей этой психологіи въ средніе вѣка, Зибекъ предварительно изслѣдуетъ то, что было сдѣлано для нея его предшественниками, и посвящаетъ первую статью древнѣйшему *номинализму*, который былъ выраженъ въ XI в. Росцеллиномъ, и *концептуализму*, первымъ представителемъ котораго былъ извѣстный Абельяръ въ XII вѣкѣ. Труды этихъ дѣятелей сдѣлали вкладъ въ психологію по вопросу объ отношеніи чувственнаго воспріятія къ мышленію и въ особенности по вопросу о значеніи языка и словъ въ познаніи. Вторую статью Зибекъ посвящаетъ Іоанну Салисбюри, ученому XII в., въ которомъ Зибекъ видитъ перваго рѣшительнаго представителя того психологическаго направленія, которое приняла позднѣе и до нашего времени англійская психологія, т.-е. что всѣ высшія формы психической дѣятельности (наприм. сужденіе, убѣжденіе, разумъ, философское, математическое познаніе и т. под., а также формы воли и чувства) происходятъ изъ чувственнаго ощущенія и воспріятія. Третья статья Зибекъ: «Источники психологіи въ XII столѣтіи» указываетъ на вліяніе арабовъ и на вкладъ, который оно приносило въ средне-вѣковую психологію и присоединяло къ остаткамъ древности и къ продуктамъ самобытной дѣятельности средне-вѣковыхъ ученыхъ. Какъ представителей этого вліянія въ XII в., Зибекъ беретъ Константина Карфагенскаго и Вильгельма Кончеса.

Статья Дильса (Diels), стр. 477: «Zu Aristoteles Protreptikos und Cicero's Hortensius» (объ Аристотеле-

вомъ Protrepticos и Цицероновомъ Hortensius) заключаетъ весьма интересныя изслѣдованія объ этихъ двухъ, не дошедшихъ до насъ, сочиненіяхъ греческаго и римскаго философовъ. Въ ней Дильсъ устанавливаетъ и доказываетъ, что эти два сочиненія, потерянные, вѣроятно, въ началѣ среднихъ вѣковъ, имѣли форму діалогическую и отличались особеннымъ религіознымъ воодушевленіемъ. Діалогъ Цицерона, по мнѣнію Дильса, есть подражаніе діалогу Аристотеля. Далѣе авторъ указываетъ на фрагменты изъ этихъ обоихъ сочиненій у древнихъ писателей: наприм. у Блаженнаго Августина есть отрывки изъ сочиненія Цицерона, а у Стобея, Ямвлиха и друг.—отрывки изъ сочиненія Аристотеля. Кромѣ того въ статьѣ Дильса есть много весьма интересныхъ замѣчаній объ отношеніи способа изложенія Аристотеля къ изложенію Платона, о формѣ и стилѣ Аристотелевыхъ сочиненій вообще, а также объ отношеніи его экзотерическихъ сочиненій къ эзотерическимъ и т. под.

Статья Керна (Kern), стр. 498: «Empedokles und die Orphiker» (Эмпедоклъ и Орфики) *) оспариваетъ или, точнѣе, ограничиваетъ общепринятое мнѣніе, что философія Эмпедокла (V в. до Р. X.) есть эклектицизмъ, составившійся изъ элементовъ системъ Парменида, Гераклита и Пифагорейцевъ. Кернъ именно оспариваетъ вліяніе пифагореизма на Эмпедокла и путемъ сравненія фрагментовъ Эмпедокла съ орфическими старается доказать, что нѣкоторыя ученія Эмпедокла, приписываемыя вліянію пифагореизма, какъ наприм. о переселеніи душъ, были заимствованы не у Пифагора, а прямо изъ орфической поэзіи. По Керну, даже ученіе Эмпедокла, которое имѣетъ нѣкоторое сходство съ современнымъ дарвинизмомъ, т.-е. что люди произошли путемъ постепеннаго развитія и приспособленія отдѣльныхъ частей тѣла къ окружающимъ условіямъ, также имѣетъ своимъ источникомъ орфическую поэзію.

Статья Вендланда (Wendland) стр. 509: „Philo's Schrift: Περὶ τοῦ πάντα σπουδαῖον εἶναι ἐλευθέρων (сочиненіе Филона «О томъ, что всякій разумный человѣкъ свободенъ») представляетъ полемику промивъ диссертациі Аусфельда (Геттин-

***) Подъ орфическою поэзіей разумются дошедшіе до насъ отрывки отъ VI в. до Р. X., представляющіе главнымъ образомъ теогоническіе и космогоническіе мифы. Орфическою эта поэзія называется потому, что происхожденіе ея было приписываемо мифическому герою—Орфею.

гень, 1887 г.), въ которой доказывается, что это сочиненіе есть компиляція, не только не принадлежащая Филону, но и вообще не имѣющая своимъ авторомъ еврея. Вендландъ, напротивъ, доказываетъ, что это мнѣніе неосновательно и что въ означенномъ сочиненіи нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы признать его авторомъ не только вообще еврея, но даже самого Филона.

Статья Штейна (Stein), стр. 554: «*Neue Aufschlüsse ueber den litterarischen Nachlass und die Herausgabe der Opera posthuma Spinozas*» (новыя свѣдѣнія о литературномъ наслѣдствѣ и объ изданіи посмертныхъ сочиненій Спинозы) касается вопроса о томъ, къ кому попали послѣ смерти Спинозы его бумаги и кто былъ издателемъ его посмертныхъ сочиненій. Вопреки довольно долго господствовавшему общему мнѣнію, основанному на свидѣтельствѣ Пьера Бейля, что извѣстные друзья Спинозы, купецъ Иелль и докторъ Мейеръ, были издателями его посмертныхъ сочиненій, Штейнъ устанавливаетъ фактъ, основанный на новыхъ изслѣдованіяхъ и новыхъ документахъ, что бумаги Спинозы послѣ его смерти попали въ руки къ доктору Шуллеру, также одному изъ его друзей, и что онъ былъ издателемъ его *Opera posthuma*.

Статья Гергардта (Gerhardt), стр. 566: «*Zu Leibnitz Dynamik*» (къ динамикѣ Лейбница) представляетъ два новыхъ документа (одинъ на французскомъ, другой на латинскомъ языкѣ), изъ которыхъ явствуетъ, что Лейбницъ, по возвращеніи его изъ Парижа послѣ 1677 года, находилъ недостаточною математическую обосновку законовъ динамики и считалъ, что для объясненія ихъ необходимы метафизическія начала.

Статья Кіапелли (Chiappelli), стр. 582: «*Zu Pythagoras und Anaximenes*» (о Пифагорѣ и Анаксименѣ) имѣетъ въ виду доказать, что греческій философъ Анаксименъ заимствовалъ отчасти свое ученіе у Пифагора. Такъ, наприм., ученіе Анаксимена объ освѣщеніи луны солнцемъ и о происхожденіи лунныхъ затменій, по автору, не есть открытіе Анаксимена, а заимствовано у пифагорейцевъ. Точно также сближаетъ онъ ученіе о воздухѣ, какъ основномъ началѣ всего существующаго, о періодическихъ процессахъ сгущенія и разрѣженія воздуха у Анаксимена съ пифагорейскимъ представленіемъ о процессѣ дыханія міра, какъ живого цѣлаго.

Указавши на содержаніе отдѣльныхъ статей по исторіи философіи, помѣщенныхъ различными учеными въ «Архивъ» 1888 г., мы теперь сдѣлаемъ простой *перечень* библиографическихъ обзорѣній, напечатанныхъ въ томъ-же томѣ. Мы ограничиваемся этимъ перечнемъ по той причинѣ, что дѣлать какое-либо извлеченіе изъ этихъ краткихъ библиографическихъ замѣтокъ и крайне затруднительно, и, что главное, совершенно бесполезно, такъ какъ библиографическія обзорѣнія «Архива» могутъ имѣть интересъ лишь для спеціалиста, который занимается вообще философіею и который, конечно, предпочтетъ прочесть самолично библиографію «Архива».

Но, ограничиваясь этимъ перечнемъ, мы упомянемъ особо главія лишь тѣхъ сочиненій, тоторія или принадлежатъ крупнымъ представителямъ современной философіи, или-же о которыхъ авторы обзорѣній говорятъ съ особою похвалою и придаютъ имъ какое-либо важное значеніе въ томъ или другомъ отношеніи. Дѣлаемъ мы это исключеніе ради того, что знать о появленіи такихъ сочиненій можетъ быть интересно не для однихъ спеціалистовъ, а и вообще для образованной публики.

Въ первомъ томѣ «Архива» помѣщены слѣдующія *обозрѣнія*: 1) Дильса (Diels), стр. 95 и 243: обзорѣніе литературы о греческихъ философахъ до Сократа за 1886 г. Въ этомъ обзорѣніи особенною похвалою Дильса пользуется сочиненіе Gomperz'a: *Zu Heraklit's Lehre und den Ueberresten seines Werkes*. Wien. 1887. 2) Эрдмана (Erdmann), стр. 111 и 259: обзорѣніе литературы новой философіи до Канта. Здѣсь мы отмѣтимъ указанный авторомъ съ большою похвалою нѣмецкій переводъ сочиненія Merz'a: *Leibniz*. Heidelberg. Оно, по Эрдману, представляетъ чрезвычайно счастливое разрѣшеніе трудной задачи начертать для болѣе обширнаго круга публики цѣлую картину жизни и дѣятельности Лейбница *). Кромѣ того Эрдманъ указываетъ на сочиненіе Zeller'a: *Friedrich der Grosse, als Philosoph*. 3) Дильтея (Dilthey), стр. 122: обзорѣніе литературы за 1886 г. по философіи послѣ Канта. Въ этомъ обзорѣніи указано новое сочиненіе извѣстнаго философа Eduard'a Hartmann'a: *Aesthetik*. Berlin. 1886.

*) Надѣюсь въ слѣдующей книжкѣ настоящаго журнала дать объ этомъ сочиненіи Merz'a особый отчетъ отъ себя.

4) Бай у о т е р а (Bywater), стр. 142: литература о древней философі въ Англии. 5) Ш е р м а н а (Schurman), стр. 151: англійская литература по новой философі въ 1886 г. 6) Ц е л л е р а (Zeller), стр. 252, 412 и 595: обзорѣніе нѣмецкой литературы сократической, платоновской и аристотелевой философіи за 1886—87 гг. Какъ на замѣчательное сочиненіе Целлеръ указываетъ на сочиненіе Köstlin'a: *Geschichte der Ethik. Tübingen 1887 г.* 7) Т а н н е р и (Tannery), стр. 300: исторія философіи во Франціи 1886 г. 8) О л ь д е н б е р г а (Oldenberg), стр. 407: обзорѣніе индійской философіи. Здѣсь Ольденбергъ съ особенной похвалой отзывается о переводѣ, съ санскритскаго, извѣстнымъ авторомъ «Системы Веданты» Deussen'омъ: *Die Sūtra's des Vedānta. Leipzig, 1887.* 9) Ш т е й н а (Stein), стр. 422: обзорѣніе сочиненій о послѣаристотелевской греческой и римской философіи за 1886 г. 10) Т о к к о (Тоссо), стр. 462: обзорѣніе сочиненій по исторіи философіи, вышедшихъ въ Италиі въ 1886 и 1887 гг. 11) В е н д л а н д а (Wendland), стр. 627: обзорѣніе литературы, появившейся въ 1886 и 1887 годахъ, объ отношеніи отцовъ церкви къ философіи. По объясненію Вендланда, сочиненія, касающіяся отцевъ христіанской церкви, хотя и относятся болѣе къ исторіи церкви, но, однако, по тѣсной связи философіи съ основными понятіями религіи, особенно въ первое время христіанства, не могутъ быть обойдены молчаніемъ и историко-философскою наукою. Особенно выдается здѣсь, по автору, сочиненіе Нарнаск'a: *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, въ которомъ основательно обработанъ отдѣлъ о гностицизмѣ.

А. Козловъ.

2. Обзоръ статей философскаго содержанія въ русскихъ духовныхъ журналахъ за первую половину 1889 г.

Нашъ органъ поставилъ своею задачею не отстаиваніе во что-бы то ни стало какой-либо опредѣленной философской теоріи, но сильное содѣйствіе возрастанію и развитію самого философскаго духа въ отечествѣ,—того духа, который значительно упалъ въ послѣднія 25-лѣтъ. Поэтому мы не только не будемъ избѣгать, но считаемъ непремѣннымъ долгомъ своимъ ознакомленіе общества съ тѣмъ направленіемъ философской мысли, которое присуще духовнымъ журналамъ. По количеству статей философскаго содержанія, это направленіе превосходитъ не только

всѣ прочія отдѣльныя философскія теченія въ отечествѣ (на- сколько можно говорить о таковыхъ въ Россіи), но и всѣ вмѣ- стѣ взятыя. По качеству-же, т.-е. по ученой эрудиціи, философ- скіе труды духовныхъ академій признаются многими, знакомыми съ этою литературой, за лучшіе. Извѣстно, что еще Гегель удив- лялъ русскихъ студентовъ высокими похвалами талантамъ покой- наго проф. Московской академіи прот. Голубинскаго, объ уче- ности и даже о существованіи котораго послѣдніе впервые узнавали отъ германскаго мыслителя. Печальная неизвѣстность и понынѣ остается удѣломъ академическихъ философовъ. Общество, въ лицѣ даже интеллигентнѣйшихъ своихъ представителей, не въ состояніи перечислить и названій 4-хъ академическихъ журна- ловъ, а духовенство—ихъ единственный читатель—выбираетъ изъ нихъ для чтенія тѣ статьи, которыя имѣютъ болѣе непосредствен- ное отношеніе къ его пастырской дѣятельности. Вотъ почему мы считаемъ ознакомленіе нашихъ читателей съ философскими тру- дами духовныхъ журналовъ одною изъ тѣхъ нашихъ обязанно- стей, которыя прямо вытекаютъ изъ указанной задачи нашего органа.

Иеромонахъ Антоній.

А. Православное Обзорѣніе. Въ первомъ томѣ «*Православнаго Обзорѣнія*» за текущей годъ помѣщено изслѣдованіе профессора В. Д. Кудрявцева: «Нравственное доказательство бытія Божія», составляющее цѣльную главу изъ его «Чтеній по филосо- фіи религіи». Высокая ученость автора, глубокій интересъ пред- мета вообще и выдающееся положеніе нравственнаго доказатель- ства въ ряду другихъ доказательствъ бытія Божія,—все заставля- етъ считать это изслѣдованіе центральнымъ пунктомъ фило- софскаго отдѣла въ означенномъ журналѣ. — Различая въ исто- ріи нравственнаго закона три момента, авторъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на три части, изъ которыхъ первая (въ февральской книжкѣ журнала) обслѣдуетъ выводы, начинающіеся отъ возник- новенія нравственнаго закона, вторая (мартъ) имѣетъ въ виду осуществленіе его, а третья (апрѣль) его завершеніе: три момен- та, которые даютъ нравственному доказательству три характерные вида. Очертивъ такимъ образомъ сферу изслѣдованія, авторъ развиваетъ не всегда новыя, но всегда ясно и точно выраженныя мысли, которыя можно представить въ слѣдующей схемѣ:

а) Та особенность нравственного закона, что онъ нерѣдко противорѣчитъ воздѣйствіямъ импульсовъ и агентовъ, совокупностью своею образующихъ теченіе человѣческой жизни, *не лишаетъ* этотъ законъ характера *всеобщности и необходимости*; а индивидуализмъ нравственной дѣятельности людей *не препятствуетъ* заключать объ общемъ содержаніи (*идея блага*) и характерѣ (*обязательность*) самой идеи нравственности. Имѣя въ виду первое условіе, мы приходимъ къ признанію сверхъопытности, апіорности нравственного закона для человѣческой дѣятельности; второе условіе приводитъ насъ къ выводу о его трансцендентальности. Но потребность мыслить явленія по причинамъ тотчасъ себя заявляетъ. Посему, обращаясь въ эту сторону, мы съ необходимостью признаёмъ, что, постулируемая фактомъ происхожденія *причина происхожденія нравственного закона* есть Верховный Законодатель, а постулируемая свойствами и характеромъ его есть *совершеннѣйшее существо—Богъ*. Какъ извѣстно, основательность этого рода посылокъ и заключенія подвергается сомнѣнію. Въ интересахъ ясности, замѣчанія автора по поводу нападокъ сенсуалистовъ и материалистовъ сведены къ разъясненію того, что даетъ по данному предмету Локкъ, остроумнѣйшій представитель эмпиризма. И такъ какъ мысль объ эмпирическомъ происхожденіи нравственного закона, вопреки Локку, не можетъ быть обоснована ни на отрицаніи его прирожденности (потому что если не опредѣленные понятія, то общіе задатки психической жизни въ человѣкѣ все-таки даны),—ни на подтвержденіи опытомъ его происхожденія отъ наблюденій (надъ полезнымъ и вреднымъ),—ни на существованіи въ человѣкѣ «натуральнаго стремленія къ счастью и отвращенія къ несчастью» (потому что идея блага стоитъ все-таки въ сторонѣ отъ мотивовъ эгоистическихъ, личныхъ):—то и является возможность утверждать не только *условную апіорность* нравственного закона (по которой онъ данъ въ индивидуумѣ а priori, подъ условіемъ данности а posteriori въ опытѣ рода),—но и *апіорность абсолютную*. На этомъ послѣднемъ основаніи обычныя выводы не только о бытіи, но и о свойствахъ той причины, которой нравственный законъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, утверждаются прочно.

б) Другой моментъ въ исторіи нравственной идеи—ея *осуществленіе*—выдвигаетъ для изслѣдованія вопросъ объ отношеніи между нравственностью и религіей. Возможна-ли нравственность безъ

Бога?... Если справедливо свидѣтельство исторіи, показывающей, что нравственныя обязанности почитались всегда предписаніемъ божества; если, наоборотъ, невѣріе и нравственное разложеніе обществъ, на страницахъ исторіи представляющіяся болѣе чѣмъ смежными, дѣйствительно находятся во внутренней связи; если, наконецъ, приводимые иногда примѣры нравственной жизни атеистовъ, помимо ихъ сомнительности *), не могутъ быть признаны образцами потому, что представляютъ моменты нравственности, основанной *только* на отрицаніи:—то связь нравственности съ религіей можетъ быть признана единственнымъ условіемъ существованія *истинной* (т.-е. чуждой эгоизма и не опирающейся на внѣшніе мотивы) нравственности. Очевидно, *основъ осуществленія нравственнаго закона* надобно искать въ бытіи того, что было признано и причиной происхожденія его, т. е. *въ бытіи Бога*. Это выводъ теоретической. Становясь на почву практической жизни, гдѣ самая высшяя осуществленія нравственности не выработали себѣ увѣренности, что нравственность есть продуктъ самодѣятельности и достигается естественными силами, — и изслѣдуя съ этой точки зрѣнія связь религіи съ нравственностію, найдемъ, что религія, религиозная идея во всѣ времена фактически была агентомъ, возбуждавшимъ чловѣка къ такой дѣятельности, какая безъ подобной помощи совершенно не мыслима. Такой доводъ вызывалъ упреки въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ болѣе о религиозныхъ вещахъ, чѣмъ о философскихъ. Но не трудно убѣдиться, что и философская мысль не была чужда этой области, что и она по большей части приходила къ выводамъ, оправдывающимъ изложенное положеніе. И если Кантъ, смѣшивая «чловѣка умопредставляемаго съ чловѣкомъ дѣйствительнымъ» и забывая собственную-же близость къ ученію о «радикальномъ злѣ», еще могъ провозглашать: «ты долженъ,—слѣдовательно, можешь», то ужѣ у J. G. Fichte стремленіе оправдать и утвердить значеніе разсматриваемаго доказа-

*) Такіе примѣры не имѣютъ значенія общаго доказательства уже и потому, что войти въ обсужденіе условій личной жизни по самому характеру нашего эмпирическаго познанія мы не можемъ. Поэтому въ данной сферѣ всегда найдется мѣсто сомнѣвію или ошибкѣ. Прекрасную иллюстрацію къ такому положенію можно найти въ томъ-же томѣ „Православнаго Обозрѣнія“, въ популярномъ, но глубоко-психологически написанномъ очеркѣ „Рабъ Онисимъ“.

тельства бытія Божія вызвало самыя глубокія и вдохновенныя страницы.

г) Изложеніе той формы нравственнаго доказательства, которая имѣетъ въ виду завершеніе или цѣль нравственной дѣятельности, авторъ разсматриваемой статьи начинается разборомъ нравственнаго доказательства бытія Божія, представленнаго Кантомъ. Ученіе Канта о взаимоотношеніи добродѣтели и счастья авторъ подвергаетъ анализу съ двухъ сторонъ: со стороны значенія, придаваемого ему самимъ Кантомъ, и со стороны его содержанія. Въ первомъ отношеніи авторъ находитъ, что Кантъ, поступая естественно для человѣка, низвергнувшаго значеніе теоретическихъ доказательствъ, все-таки чрезмѣрно преувеличилъ значеніе доказательства практическаго. Ставши на точку зрѣнія Кантовой философіи, отвергающей объективность *познанія* теоретическаго, но не отвергающей объективнаго значенія *предметовъ познанія* для познающаго, и всмотрѣвшись въ характеръ познанія практическаго, необходимо признать одно изъ двухъ: «или что истины религіи не имѣютъ никакой твердой почвы не только въ разумѣ теоретическомъ, но и практическомъ; или, если онѣ имѣютъ значеніе какъ коренныя постулаты нашей разумной природы, то источникъ ихъ заключается столько-же въ теоретическомъ разумѣ, сколько и въ практическомъ» (стр. 661). Послѣднее положеніе представляетъ собою основное воззрѣніе самого автора.

Что касается возраженій, представленныхъ различными философскими направленіями противъ Кантова доказательства по существу, то они, обращаясь большею частью въ области словъ и терминовъ, не имѣютъ полной философской основательности, и полемика съ ними нашего автора, принимающаго во вниманіе и психологію, совершенно убѣдительна. Такъ, анализируя постулируемую нравственнымъ сознаніемъ *необходимость возмездія и награды* за нравственную дѣятельность, авторъ твердо устанавливаетъ безусловное соотвѣтствіе между нравственными дѣйствіями и ихъ результатами (*большая посылка* Кантова умозаключенія о бытіи Божіемъ); изслѣдуя психологическія (а не идеальныя) основанія возможности такого соотвѣтствія въ настоящей жизни,—утверждаетъ необходимость жизни загробной и бытія высшаго, какъ для награды добродѣтели, такъ и для наказанія порока (*меньшая посылка*), и наконецъ лучшія свои страницы посвящаетъ разрушенію «того подмѣна понятій», по которому обѣ послылки приводятъ

«будто-бы къ заключенію *только* о необходимости земного развитія, земной, конечной истории человѣчества, если не представившей, то имѣющей представить искомую гармонію добродѣтели и счастья,—а не будущей, безконечной. Вполнѣ признавая за Кантовымъ доказательствомъ логическую состоятельность, авторъ не считаетъ его однако полнымъ и всестороннимъ по двумъ причинамъ: 1) потому, что въ ученіи Канта о высшемъ благѣ указаны не всѣ элементы, и 2) потому, что не дано иной ихъ связи кромѣ внѣшней, по которой добродѣтель и счастье объединяются могуществомъ верховнаго существа. По мнѣнію автора въ идею высочайшаго блага входятъ три элемента: *истина*, какъ объектъ изысканій ума, *добро*, какъ цѣль движеній воли, и *счастье*—предметъ стремленій чувства. Объединеніе ихъ въ одной идеѣ блага посредствомъ тѣмъ, что каждый изъ этихъ элементовъ выражаетъ собою идею *совершенства*, каковое мы поэтому можемъ считать общимъ и характернымъ,—тѣмъ, что есть существеннаго въ идеѣ блага. Восходя, далѣе, къ идеѣ *высочайшаго* блага и замѣчая, что оно, какъ такое, дано въ постоянную, но недостижимую цѣль дѣятельности человѣка, мы выведемъ «то болѣе конкретное опредѣленіе совершенства, какъ высочайшаго блага, что оно есть не эмпирически-данное, но идеальное, а по своему содержанію абсолютное совершенство», т. е. 1) не имѣющее осуществленія въ предѣлахъ условнаго и ограниченнаго, 2) непремѣнно реальное и, слѣдовательно, 3) реальное въ области сверхчувственнаго. Но здѣсь абсолютное совершенство можетъ быть только качествомъ совершеннѣйшаго существа,—*ergo, есть* абсолютно-совершенное *существо*, верховная истина, полная святость и безконечное блаженство, и это существо представляетъ собою то высочайшее благо, къ которому стремится человѣкъ. Связь идеи абсолютнаго совершенства съ идеею абсолютно совершеннаго существа должна быть болѣе, чѣмъ «идеаломъ чистаго разума» (Кантъ) или «субъективной иллюзіей» (Ланге): напряженность постулированія нашимъ духомъ этой связи, съ одной стороны, и незначительность тѣхъ гарантій, какія имѣетъ идеализмъ отъ перехода (черезъ измѣненіе содержанія идеаловъ) къ чистому эгоизму или практическому матеріализму, съ другой, заставляютъ считать идею совершенства внѣ Бога голою абстракціей. «Нравственность всегда тѣснѣйшимъ образомъ была соединена съ религіей. Къ этому нравственному сознанію человѣка вело глубокое убѣжденіе, что истинная нрав-

ственность была-бы совершенно невозможна безъ признанія высочайшаго совершеннаго существа. Что это убѣжденіе находитъ свое полное подтвержденіе въ разумѣ, мы и старались показать посредствомъ анализа понятія о нравственности и нравственномъ законѣ; мы видѣли, что ни происхожденіе этого закона, ни его выполненіе, ни достиженіе цѣли нравственности невозможно безъ предположенія бытія Божія» (стр. 688—689).

Такъ заканчиваетъ авторъ свое изслѣдованіе о нравственномъ доказательствѣ бытія Божія,—изслѣдованіе, занимающееся по преимуществу выведеніемъ идеи *бытія Бога* вообще. Глубина анализа, не запутаннаго въ безднѣ возможной для даннаго случая полемики, но и не пренебрегающаго тѣмъ, что въ ней есть существеннаго; ясный, соотвѣтственный предмету и изящный способъ изложенія; наконецъ, весьма симпатичная попытка обосновать связь нравственнаго доказательства бытія Божія съ онтологическимъ, чрезъ посредство идеи верховнаго блага:—все это даетъ изслѣдованію проф. Кудрявцева значеніе образцоваго научно-популярнаго опыта. Впрочемъ эта оцѣнка не говоритъ ничего новаго: достоинства изслѣдованія вполнѣ соотвѣтствуютъ установившейся и заслуженной репутации автора.

Х. Поповъ.

Б. Вѣра и разумъ. Журналъ богословско-философскій. 1889. Январь—іюнь.

Въ этомъ журналѣ прежде всего коснемся статьи:

«Нѣсколько словъ о Сократѣ и утилитаріанизмѣ». Павла Лейкфельда. № 3—4.

Миль говоритъ, что Сократъ былъ проповѣдникомъ «теоріи утилитаризма». Доказать, что это утвержденіе неправильно, и составляетъ задачу историко-критической замѣтки г. Лейкфельда, который говоритъ, что «сходство между нравственнымъ ученіемъ Сократа и теоріей утилитаріанизма чисто внѣшнее». Прежде всего, глубокая разница между греческимъ и новѣйшими европейскими мыслителями заключается въ томъ, что первый въ своемъ этическомъ ученіи, т. е. въ ученіи о добродѣтели, признаетъ ее какъ положительный предметъ своей новой науки, тогда какъ послѣдніе отрицаютъ ея существованіе и подъ понятіе добродѣтели подводятъ совсѣмъ иное. Авторъ вкратцѣ излагаетъ взгляды на добродѣтель французскихъ

просвѣтителей XVIII в. (De la Mettrie, Holbach, Helvetius), которые выставили принципъ утилитаріанізма — эгоизмъ (въ противовѣсъ самоцѣнной добродѣтели), такъ сказать, въ болѣе обнаженномъ видѣ, и чрезъ Гоббса (XVII в.) и Бентама подходитъ къ Миллю, въ которомъ вполне выразилось замѣтное уже и у его предшественниковъ стремленіе — маскировать свой исходный пунктъ, перенося наименованіе добродѣтели на поступки, оцѣниваемые на самомъ дѣлѣ исключительно съ точки зрѣнія *пользы*. У Милля этическое ученіе его предшественниковъ, такъ сказать, переворачивается, и мѣсто личнаго блага единицъ (исходный пунктъ) прямо заступаютъ коллективные интересы человѣчества (средство для личнаго блага), но все-таки эгоизмъ, польза остаются базами зданія, и отрицаніе добродѣтели, какъ таковой, остается во всей силѣ. У Сократа этого отрицанія добродѣтели и нравственности, по словамъ автора, нѣтъ. Добродѣтель, по мнѣнію аѳинскаго мыслителя, существуетъ «по природѣ» какъ выражались греки. Сократъ не оцѣниваетъ поступки съ точки зрѣнія ихъ полезности: онъ произноситъ свой судъ надъ ними, разсматривая ихъ съ нравственной точки зрѣнія, а не взвѣсивъ выгодность ихъ для человѣка. Онъ былъ проповѣдникомъ столь высокой нравственности, что Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ заставляетъ его говорить, что платить зломъ за зло — безнравственно, а любить враговъ обязательно.

Далѣе авторъ приводитъ тѣ пункты ученія Сократа о добродѣтели, которые, повидимому, полезность поступка выставляютъ критеріемъ его нравственности. Великій мыслитель древняго міра говоритъ, что нужно стремиться приобретать друзей потому, что друзья заботятся о насъ, дѣлятся съ нами имуществомъ, — словомъ, нужно искать друзей, которые могли-бы быть намъ полезными. Слѣдуетъ вступать въ отношенія дружбы съ людьми добродѣтельными, ибо именно таковые дѣйствительно помогутъ намъ въ несчастіи, и т. д. Наконецъ, для того, чтобы приобрести друзей и сохранить отношенія дружбы, слѣдуетъ стараться быть полезнымъ другимъ людямъ, нужно освободиться отъ разныхъ недостатковъ, потому что они дѣлаютъ насъ вредными для людей, насъ окружающихъ. Добро выгодноѣ, говоритъ Сократъ, чѣмъ зло, а потому человѣкъ его всегда охотно избираетъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ Сократъ, видимо, склоняется къ утилитаризму. Особенно это замѣтно

въ его разговорѣ съ Евтидемомъ, гдѣ говорится, что полезное есть добро для того, для кого оно полезно (τὸ ὠφέλιμον ἀγαθὸν ἐστίν, ὅτι ἂν ὠφέλιμον ἦ). Но авторъ очерка «смѣло» утверждаетъ, что и здѣсь нѣтъ и тѣни смѣшенія понятій о нравственномъ добрѣ и пользѣ, какое наблюдается у послѣдователей теории утилитаризма. «Все дѣло заключается въ томъ, какъ понимать слово τὸ ἀγαθόν». Какъ и у всѣхъ народовъ, слова, обозначающія понятія хорошаго и добраго, такъ и у грековъ слово ἀγαθός употреблялось не въ одинаковыхъ смыслахъ: оно обозначало то благородное происхожденіе, то пригодность или полезность, то нравственно-высокое.

По ученію Сократа, нравственныя совершенства и добродѣтели не потому достойны выбора, что полезны, а потому, что они—добро сами по себѣ. Если-же Сократъ иногда говоритъ о ихъ полезности, то этимъ не старается убѣдить, а лишь *побудить* къ нимъ толпу, которая не доросла еще до пониманія самоцѣнности истинно-нравственнаго.

Что касается понятія о счастьи, какъ цѣли, то у Сократа его нѣтъ вовсе. Итакъ ученіе Сократа, ни по понятію о добродѣтели и нравственномъ, ни по ученію о цѣли, не совпадаетъ съ утилитаризмомъ. Вотъ сущность рассказаннаго нами очерка.

Намъ кажется, что выводъ автора шире посылокъ: авторъ доказалъ только то, что ученіе Сократа *можетъ* не совпадать съ утилитарианизмомъ,—не болѣе.

Эволюціонная теорія въ примѣненіи къ наукѣ о нравственности. С. Говорова (№№ 4—5).

Статья эта состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая представляетъ изъ себя краткое изложеніе сочиненія Спенсера «Основанія науки о нравственности», а вторая—критику послѣдняго. Обозначимъ нѣкоторые пункты этой критики.

Критеріемъ нравственной дѣятельности и конечною цѣлю ея, по Спенсеру, служитъ удовольствіе или счастье. Г-нъ Говоровъ указываетъ на общее сознаніе людей, по которому область нравственнаго совѣмъ не совпадаетъ съ областью полезныхъ и пріятныхъ дѣйствій, и приводитъ не мало примѣровъ для подтвержденія своей мысли. Какъ при оцѣнкѣ нравственнаго достоинства какого-либо хорошаго поступка, такъ и при опредѣленіи степени преступности поступка худого, обычно и весьма справедливо первое вниманіе обращается не на фактъ, а на тѣ внутренніе мотивы,

которые породили послѣдній, на степень сознательности субъекта и произвольности его дѣйствій. Между тѣмъ Спенсеръ, считая свободную волю иллюзіей, уже тѣмъ самымъ отрѣзываетъ себя отъ всякой возможности придавать какое-нибудь значеніе достоинству побужденій въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ и не имѣетъ права говорить о вмѣняемости послѣднихъ. Далѣе, согласно эволюціонной теоріи «народы, имѣющіе позади себя длинную исторію должны-бы, благодаря накопленію опытовъ и наслѣдственной ихъ передачѣ, обладать большею нравственностью, чѣмъ народы мало-цивилизованные. Дѣйствительность однако не оправдываетъ этого вывода, какъ можно видѣть и изъ массы фактовъ, приводимыхъ самимъ Спенсеромъ.

Болѣе устойчивый принципъ нравственности—нравственный законъ, обязательный для всѣхъ. Авторъ излагаемой статьи указываетъ его тамъ, гдѣ общее убѣжденіе человѣчества сходится съ евангельскими требованіями богоуподобленія. По этому убѣжденію «нравственный человѣкъ тотъ, кто достигъ внутренняго совершенства, полного развитія тѣхъ силъ и способностей, которыя составляютъ отличительную черту природы человѣка» и выдѣляютъ его изъ царства животныхъ. «Такъ какъ духовная природа человѣка, по своему существу, одинакова у всѣхъ людей, то и нравственныя явленія должны быть у всѣхъ одинаковы. Отсюда у всѣхъ людей нравственнымъ должно быть признаваемо то, что вытекаетъ изъ самаго понятія о человѣкѣ, какъ духовно-разумномъ существѣ», т. е. возвышеніе духа надъ чувственностью, альтруистическихъ чувствованій надъ эгоистическими и т. д.

Вѣра и знаніе. II. Линицкаго (№ 6). Эта статья представляетъ изъ себя быстро, сжато и рельефно сдѣланное очерченіе историческаго хода вліяній философіи на христіанство. Съ одной стороны, авторъ показываетъ, какъ христіанство воспринимало въ себя извѣстныя вліянія философіи, дѣлая послѣднюю своей слугою,—съ другой стороны обозначаетъ то, какъ то или другое вліяніе философіи простиралось до измѣненія самой фізіономіи христіанскаго знанія въ области вѣры и доводило до крайностей тѣ методы, которые могли быть заимствованы отвнѣ лишь въ измѣненномъ видѣ.

Такъ, заимствуя у Платона ученіе о знаніи, какъ внѣшней ступени вѣры, христіанство, или, точнѣе, христіанское богословіе вмѣстѣ съ охристіанизованнымъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ,

допустило въ себѣ ложное теченіе, въ которомъ сказалось платоновское ученіе въ его языческой окраскѣ. Извѣстно, что вѣра, по Платону, есть самая низшая степень познанаія, именно—чувственное воспріятіе, тогда какъ знаніе есть отрѣшеніе отъ чувственного, посредствомъ воспоминанія пережитыхъ въ до-земномъ существованіи души идей, выводящее изъ себя сверхчувственный міръ сущаго. Въ христіанствѣ-же вѣра есть воспріятіе откровенныхъ истинъ, именно какъ разъ относящихся къ области сверхчувственного. Значитъ, знаніе не есть отрѣшеніе отъ вѣры, а воспріятіе разумомъ истинъ вѣры, приближеніе ихъ къ нашему сознанию.

Вліяніе Аристотеля сказалось въ богословіи, какъ стремленіе: а) установить систему вѣроученія и б) силлогистически доказать необходимость истинъ вѣры, пользуясь діалектикой, какъ наукой, упорядочивающей прежде всего дѣятельность самого разума. Это направленіе въ богословской наукѣ, породившее массу доказательствъ бытія Божія, сказалось въ своихъ крайнихъ формахъ, какъ реализмъ, пантеизмъ, деизмъ и рационализмъ, гдѣ Богъ является существомъ не только необходимымъ, но и съ необходимымъ проявленіемъ себя въ міровой дѣятельности, безъ свободы и личной жизни.

Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ Декартово понятіе о знаніи вліяло на французскую философію XVIII вѣка съ ея полнѣйшимъ индивидуализмомъ и, наоборотъ, породило у нѣмцевъ направленіе методическое,—какъ это послѣднее выразилось въ двухъ формахъ: идеализма и реализма и т. д. Отношеніе этихъ направленій къ вѣрѣ сводится къ тому, что раздѣленіе знанія и вѣры, философіи и богословія признается совершенно необходимымъ для обезпеченія свободы и самостоятельности изслѣдованія, въ которомъ новая философія видитъ существенный признакъ знанія.

Дѣйствительный смыслъ этого раздѣленія заключается въ потребности разграниченія вѣры и знанія, какъ двухъ различныхъ областей духовной жизни и дѣятельности, а потому и правильное отношеніе между вѣрою и знаніемъ можетъ установиться лишь чрезъ подлежащее ихъ разграниченіе. Эту задачу и старается авторъ выполнить въ статьѣ: «Чѣмъ различается вѣра отъ знанія» (№ 10)? Прежде всего здѣсь указываются черты сходства между вѣрою и знаніемъ, каковы: твердость и не-

поколебимость, обладаніе особымъ объектомъ, сомнѣніе, какъ движущая сила въ области изслѣдованія, если оно касается частныхъ положеній, и какъ самопротиворѣчіе, когда оно разрѣшается въ абсолютный скептицизмъ, съ одной стороны, и въ невѣріе — съ другой. Но черты сходства между знаніемъ и вѣрою нисколько не говорятъ въ пользу той мысли, что вѣра есть ступень знанія, или даже прямо незнаніе. Между знаніемъ и вѣрою можно положить границу, и основаніемъ для этого разграниченія, прежде всего, является различіе объектовъ: съ одной стороны явленія конечнаго міра, съ другой — абсолютное, которое позитивисты называютъ непознаваемымъ. Что непознаваемо, то уже и не можетъ быть предметомъ познания, а лишь предметомъ вѣры. Идеи религіозныя не должны быть употребляемы въ качествѣ научныхъ понятій, т. е. понятій, имѣющихъ цѣлью познаніе дѣйствительности, но онѣ составляютъ необходимое восполненіе понятій научныхъ, и связь между ними необходима. «Лишь въ томъ оказываются знаніе и вѣра противоположными, что понятія, входящія въ составъ знанія, суть понятія *реальныя*, имѣющія своимъ предметомъ дѣйствительность; напротивъ, понятія, принадлежащія къ области вѣры, имѣютъ характеръ *идеальный*, далеко возвышаются надъ дѣйствительностью познаваемого нами, а потому оказываются болѣе близкими къ понятіямъ эстетическимъ нежели къ понятіямъ собственно научнымъ», отъ которыхъ отличаются практическимъ значеніемъ для жизни.

Такимъ образомъ, вѣра является выраженіемъ «единства знанія и дѣла, науки и жизни».

Въ какой формѣ выражается это единство? Разрѣшенія этого вопроса читатель долженъ искать въ третьей статьѣ того-же автора, подъ заглавіемъ: «Какъ возможно единство вѣры и знанія». Доказывается въ этой статьѣ то положеніе, что единство вѣры и знанія должно быть выражено въ умозрительномъ богословіи. Умозрѣніе есть нить, связующая науку съ вѣрой.

Метафизическій анализъ идеальнаго познанія. В. Кудрявцева. (№№ 7 и 8). Первая половина этой статьи была помѣщена еще въ прошломъ году и имѣла, по преимуществу, критическій характеръ. Путемъ критическаго изслѣдованія различныхъ философскихъ мнѣній о происхожденіи въ насъ идеи о Богѣ авторъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: а) идея о Богѣ не можетъ быть произведеніемъ внѣшняго опыта; б) она не можетъ

быть исключительнымъ произведеніемъ нашего рациональнаго познанія, органомъ котораго служить разумъ: она не можетъ быть ни абстрактнымъ понятіемъ разсудка, составленнымъ при помощи умозаклученій и наблюденій надъ данными опыта, ни понятіемъ проблематическимъ, имѣющимъ только регулятивное значеніе въ области нашего познанія; с) эта идея можетъ происходить въ насъ только вслѣдствіе дѣйствія на нашъ духъ соотвѣтствующаго своему содержанію фактора, дѣйствія не только внѣшняго со стороны природы (теорія Шлейермахера и Макса Мюллера), но главнымъ образомъ внутренняго, непосредственнаго воздѣйствія на нашъ духъ самого божества; d) это—не однократное дѣйствіе въ одинъ опредѣленный моментъ бытія человѣка и человечества, не актъ впечатлѣнія въ нашей душѣ идеи о Богѣ (теорія врожденныхъ идей), или откровеніе Божества (теорія традиціонализма), но *постоянно возможное* внутреннее воздѣйствіе величайшаго существа на нашу внутреннюю природу; e) но это воздѣйствіе не можетъ быть исключительнымъ источникомъ идеи о Богѣ (мистицизмъ), такъ какъ допустить это мѣшаетъ намъ и разнообразіе дѣйствительныхъ формъ, въ какихъ эта идея является въ познаніи, и самый строй нашей природы; очевидно, со стороны самого человѣка мы должны признать активное участіе въ образованіи идеи о Богѣ, при помощи его познавательной силы.

Установить взаимное отношеніе этихъ двухъ слагающихъ элементовъ или факторовъ, субъективнаго и объективнаго, и составляетъ задачу второй половины статьи.

Изъ существующаго въ насъ стремленія къ безконечному на встрѣчу абсолютной истинѣ, добру и красотѣ авторъ выводитъ необходимость для осуществленія этихъ стремленій отвѣтнаго дѣйствія со стороны самого объекта стремленій. Последнее вполне возможно при теистическомъ пониманіи абсолютнаго, какъ абсолютной личности. Воспріятіе воздѣйствія Божества ограниченной природою человѣка вполне возможно. «Если, признавая существенное отличіе нашего духа отъ матеріи, мы на основаніи сознанія признаемъ реальное дѣйствіе на насъ внѣшнихъ предметовъ, то тѣмъ болѣе мы можемъ допустить воздѣйствіе на нашъ духъ объекта сверхчувственнаго и духовнаго, потому что во всякомъ случаѣ наша разумная природа имѣетъ болѣе сродства и близости къ міру духовному, чѣмъ вещественному».

Есть два способа познанія и удостовѣренія въ бытіи предметовъ: эмпирической и рациональный. Последнимъ способомъ невозможно придти къ идеѣ о Богѣ, такъ какъ эта идея всеобща постоянна и сопровождается въ нашемъ сознаніи замѣчательною силою убѣжденія. Слѣдовательно, идея о Богѣ приобрѣтена путемъ эмпирическимъ, имѣетъ своимъ источникомъ ощущение реального воздѣйствія Божества на нашъ духъ. Въ объясненіе того факта, что идея о Богѣ не имѣетъ той степени ясности, живости и силы, какая предполагается непосредственностью ощущения, авторъ разбираетъ различныя мнѣнія по этому вопросу и приходитъ къ убѣжденію, что причина этого явленія заключается въ ненормальности, поврежденности органа воспріятія абсолютнаго въ человѣкѣ, хотя этотъ органъ и остался и продолжаетъ дѣйствовать. Самостоятельность этого органа доказывается невозможностью приобрѣсти идею о Богѣ посредствомъ органовъ чувствъ и разсудка. Разсмотрѣвъ различныя наименованія этого высшаго органа (*πνεῦμα*, *νοῦς*, *intelligentia*, *Vernunft*, разумъ и т. д.), авторъ думаетъ, что эти названія не точны, такъ какъ они указываютъ большею частію на одну сторону дѣйствія органа, на познаніе, тогда какъ это дѣйствіе простирается на всѣ способности человѣка; гораздо было-бы вѣрнѣе, по его мнѣнію, приложить здѣсь названіе «способность богосознанія», въ противоположность «способности міросознанія». Дѣйствіе этой способности не есть мышленіе, а непосредственное воспріятіе или созерцаніе, аналогичное воспріятію внѣшнихъ чрвствъ, дающее матеріаль для дальнѣйшей обработки посредствомъ *разсудочной* дѣятельности, вліяющее на чувство и волю.

И. Слободскій.

В. Христіанское Чтеніе 1889 г., Январь-августъ. І. Скальцуни: «Вѣра и знаніе», переводъ съ греческаго.

Сочиненія г. Скальцуни еще съ позапрошлаго года переводятся въ названномъ журналѣ. Они посвящены разграниченію областей вѣры и научнаго познанія и, въ частности, полемикѣ противъ матеріализма, которая ведется на почвѣ тѣхъ-же естественныхъ и опытныхъ наукъ, на которыя, по мнѣнію автора, «постоянно ссылаются въ подтвержденіе того, что будто какъ метафизическія истины, такъ и религіозное убѣжденіе одинаково невозможны». Научный интересъ ослабляется нѣсколько тѣмъ обстоя-

тельствомъ, что авторъ примѣняетъ свой критическій анализъ къ одному только послѣдовательному или строгому матеріализму, проводившемуся въ доктринахъ Бюхнера, Фогта, Молешотта, Геккеля, авторитетъ которыхъ въ наукѣ уже давно дискредитированъ; было-бы гораздо интереснѣе прослѣдить полемику автора съ тѣмъ родомъ матеріализма, который явился уже на смѣну «послѣдовательнаго» и извѣстенъ подъ именемъ матеріализма умѣренного (*Mat. guarded or qualified*). Руководствуясь мнѣніями такихъ корифеевъ опытной науки, каковы Вирховъ, Дюбуа-Рэймонъ, Клодъ Бернаръ, Катрфажъ и под., авторъ старается опредѣлить границы вѣры и знанія. По заключенію автора, вѣра и знаніе сходятся въ стремленіи къ открытію и изслѣдованію истины; онѣ не только соприкасаются, но и прямо воздѣйствуютъ на всю умственную нравственную и чувственную жизнь человѣка. Но въ то время, какъ наука одна компетентна въ открытіи, опредѣленіи и изслѣдованіи законовъ природы,—религія, коренящаяся въ эмоціональной сферѣ человѣка, разрабатываемая науками метафизическими и санкціонируемая проявленіемъ и откровеніемъ Божественнаго элемента въ исторіи человѣчества, одна компетентна въ разрѣшеніи проблемъ, касающихся основныхъ началъ мірозданія, первопричины и сущности бытія и всего вообще сверхчувственнаго. Пока наука и религія остаются въ своихъ предѣлахъ, столкновеніе между ними невозможно; но разъ демаркаціонная линія нарушена, начинается и коллизія. Въ средніе вѣка мы видимъ узурпаторство религіи, когда богословіе рѣшалось утверждать, что въ немъ всецѣло сосредоточено начало и конецъ всего доступнаго человѣку познанія; нынѣ, по замѣчанію автора, наоборотъ—узурпаторская тенденція принадлежитъ уже наукѣ, именно тѣмъ изъ ея представителей, которые полагаютъ, что все доступное человѣку познаніе лежитъ исключительно въ предѣлахъ естествовѣдѣнія.

Н. Смирновъ.

II. Обзоръ книгъ.

1. ЭТИКА.

Новое теченіе въ англійской этикѣ. S. Alexander: Moral order and Progress: an analysis of Ethical conceptions. London. Trübner et Co. 1889 (413 стр.).

Имя Алескандера совершенно неизвѣстно русской читающей публикѣ, а между тѣмъ это, по всѣмъ признакамъ, возникающее крупное имя въ области этики. Два года тому назадъ онъ получилъ отъ Оксфордскаго университета премію за диссертацию на тему: «In what directions does Moral Philosophy at the present time seem to you to admit or require advance?» Вслѣдъ за этимъ онъ выпустилъ въ свѣтъ обширное сочиненіе въ 413 стр., подъ заглавіемъ «Нравственный порядокъ и прогрессъ», которое обратило на себя общее вниманіе англійской философской печати. Имъ-то мы и займемся теперь. Но предварительно скажемъ два слова о томъ, почему нашу замѣтку мы назвали «Новымъ теченіемъ въ англійской этикѣ». Вѣдь появленіе одного сочиненія не можетъ само по себѣ опредѣлять какое-либо теченіе. И еслибы идеи, развиваемыя Alexander'омъ въ его сочиненія, стояли одиноко, мы не рѣшились-бы отнести къ нимъ какъ къ новому теченію. Но почти одновременно съ выходомъ книги Alexander'a появилась въ «Mind» статья профессора Seth'a *), разбирающая эволюціонную этику и въ концѣ концовъ проводящая идею,

*) The Evolution of Morality. „Mind“ 1889, № 58 (p. 27—50).

лежащую и въ основѣ сочиненія Alexander'a. Въ чемъ-же заключается эта идея, опредѣляющая новое теченіе?

И Alexander и профес. Seth—оба эволюціонисты въ томъ смыслѣ, что исходятъ изъ примѣненія къ морали эволюціонной теоріи, но въ - то же время они противники эволюціонной морали въ томъ видѣ, какъ она опредѣлилась въ трудахъ Герберта Спенсера и особенно Leslie Stephen'a. И въ самомъ дѣлѣ, Leslie Stephen довелъ до послѣдней крайности примѣненіе эволюціонизма къ морали, т. е. дошелъ какъ разъ до тѣхъ самыхъ логическихъ абсурдовъ, возможность которыхъ предвидѣли уже заранѣе въ нашей литературѣ и встрѣтили едва-ли не самымъ первымъ въ Европѣ и горячимъ отпоромъ гг. П. Л—въ, профес. Н. Карѣевъ и Н. Михайловскій. Leslie Stephen, полемизируя съ утилитаріанистами (съ старымъ утилитаризмомъ, какъ онъ выражается), находить, что этотъ «старый утилитаризмъ» неправильно понималъ общество, какъ простой «агрегатъ индивидуумовъ». Утилитаризмъ этотъ былъ только *индивидуализмъ*, хотя и говорилъ о «наибольшемъ благѣ наибольшаго числа» индивидуумовъ; его единицей былъ все-же индивидуумъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Leslie Stephen'a, истинная единица не есть индивидуумъ, а общество, которое не есть только агрегатъ индивидуумовъ, но «организмъ», въ которомъ индивидуумы являются только членами. «На общество, говоритъ онъ, можно смотрѣть какъ на организмъ, включающій... общественную ткань, измѣняющуюся различными путями такъ, что она образуетъ органы, приспособленные къ различнымъ специфическимъ цѣлямъ». Читатель видитъ, что это та самая точка зрѣнія, которая уже встрѣчалась у «аналогистовъ» и которую съ крайней осторожностью и оговорками развивалъ Спенсеръ. Но именно въ томъ и отличіе Спенсера отъ Leslie Stephen'a, что первый, проводя аналогію между обществомъ и организмомъ, оговаривается, что «общество есть организмъ *sui generis*, въ которомъ цѣлью является благо индивидуума»; аналогическій методъ употребляется Спенсеромъ только ради удобства ориентировки среди безконечнаго разнообразія социальныхъ явленій. Между тѣмъ Leslie Stephen со всею наивностью неглубокаго ума воображаетъ, что сдѣлалъ великое открытіе и пошелъ дальше Спенсера, взявъ за реальный фактъ то, что для Спенсера служило только способомъ изслѣдованія. Уже отсюда очевидны выводы, къ какимъ приходитъ Leslie Ste-

phen: этической цѣлью для него является не «наибольшее счастье наибольшаго числа индивидуумовъ», а «здоровье» соціального организма, или даже соціальной ткани. «Жизнь, по его мнѣнію, не рядъ отдѣльныхъ актовъ, въ каждомъ изъ которыхъ человѣкъ можетъ вычислить сумму счастья или бѣдствія, достижимаго различными путями»,—она есть *органический ростъ* и т. д.

Leslie Stephen старается отчасти смягчить свой выводъ, доказывая, что «здоровье и счастье въ сущности не противорѣчатъ другъ другу, а даже неизбежно стремятся къ совпадению», но эта попытка ему не удается, до такой степени, что онъ самъ находитъ задачу полного примиренія добродѣтели и счастья неразрѣшимой. «Попытка установить абсолютное совпаденіе добродѣтели и счастья, говоритъ онъ, является въ этикѣ тѣмъ-же, чѣмъ были въ механикѣ и математикѣ попытки открыть вѣчное движеніе или отыскать квадратуру круга».

Вотъ это-то направленіе этики мы и считаемъ теперь, въ виду работъ Alexander'a, профессора Seth'a и нѣк. другихъ, «старымъ эволюціонизмомъ». Новымъ-же направленіемъ въ англійской этикѣ считаемъ «новый эволюціонизмъ», который можно вкратцѣ выразить слѣдующими словами профес. Seth'a:

«Относительно цѣнности эволюціонной теоріи въ смыслѣ правки догматическихъ и отвлеченныхъ взглядовъ на нравственность не можетъ быть и вопроса. Она даетъ этической теоріи наглядность (concreteness), настаивая на томъ, что она прежде всего должна быть вѣрна опыту. Затѣмъ, какъ установленіе моральнаго опыта, какъ «естественная исторія» морали, она имѣетъ безконечное преимущество передъ всѣми предшествующими попытками этого рода. Но преданность опыту не есть синонимъ эмпиризма, какъ въ морали, такъ и въ сферѣ естественныхъ наукъ. Моральный опытъ, какъ и всякій другой опытъ или опытъ вообще, не объясняетъ самъ себя. Поэтому, хотя эволюціонная теорія морали можетъ быть вѣрна и цѣнна какъ установленіе моральнаго опыта, о ней нельзя сказать, что она касается вопроса, принадлежащаго специально этикѣ (the proper question of Ethics). Ея ограниченность обща ей со всѣми научными теоріями. Сошлемся на слова знаменитаго представителя естествознанія Джорджа Ромэнса *) въ «Contemporary Review» за июль 1888 г.

*) Ближайшій другъ, ученикъ и душеприкащикъ Чарльза Дарвина, секретарь Линнеевскаго общества и пр.

Онъ говорить: «Все, что дается теоріей естественнаго подбора, или *какою-нибудь другою возможной теоріей научнаго рода*, состоитъ въ томъ, чтобы болѣе или менѣе вѣроятно возстановить *modus operandi*; но кто или что было конечной причиной возбужденія процесса есть вопросъ, на который естествознаніе никогда не будетъ въ состояніи отвѣтить». Ограниченный такимъ образомъ «научный» взглядъ на мораль, какъ и на все другое, возможенъ. Но въ этихъ границахъ этическая теорія безспорно невозможна, съ точки зрѣнія науки. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, философія, принимая «научное» утвержденіе въ его истинномъ значеніи, т. е. какъ установленіе фактовъ въ порядкѣ, открытомъ изслѣдованіемъ, возбуждаетъ свои собственные, дальнѣйшіе вопросы относительно существенной природы (*essential nature*) и объясненія этихъ фактовъ. Наука показываетъ, что факты моральной жизни были таковы, имѣли такую-то исторію, для философіи-же остается вопросъ: что заключается въ нихъ, какое ихъ конечное основаніе, какова природа того идеала, который съ начала до конца моральная жизнь безпрестанно усиливается реализовать?» Но особенно характеристичными для новаго направленія являются слѣдующія разсужденія: «Самосознательная эволюція существенно различна отъ эволюціи бессознательной и первая не можетъ быть установлена въ терминахъ второй. Низшее животное эволюционируетъ подъ напоромъ бессознательной необходимости, а человекъ, какъ существо сознательное, свободенъ отъ ея власти, онъ имѣетъ способность сознательно помогать или сознательно противиться эволюціи. Отсюда-то мы сразу признаемъ непригодность для этики такихъ категорій, какъ «приспособленіе къ окружающей средѣ», или «переживаніе наиболѣе приспособленныхъ». Эти категоріи могутъ найти нѣкоторое примѣненіе къ фактамъ морали, но онѣ имѣютъ скорѣе значеніе иллюстрацій, чѣмъ объясненій; онѣ суть лишь несовершенныя аналогіи, извлеченныя изъ низшихъ уровней существованія. Вѣдь нравственная жизнь, кромѣ того, что она содержитъ физическіе и чувственные элементы, есть въ существѣ своемъ жизнь самосознательная или психическая и должна опредѣляться не біологическими или натуральными, а психическими категоріями. *Это не значитъ, что теорія эволюціи должна быть покинута*, когда мы подходимъ къ разсмотрѣнію моральной жизни,—это значитъ только, что эволюція должна пониматься

здѣсь не натурально и эмпирически (біологически?), а духовно или рационально».

Мы нарочно привели такую подробную выдержку изъ Seth'a, чтобы показать, какъ для него самого еще смутно то, чего не достаетъ теоріи біологической эволюціи, чтобы стать теоріей морали. Самое исканіе словъ для выраженія мысли,—исканіе то болѣе, то менѣе удачное («біологическій, естественный» съ одной стороны, и «духовный или рациональный»—съ другой)—показываетъ намъ только зарожденіе той новой идеи, которая вполнѣ точно и съ яркимъ блескомъ увидала свѣтъ у Alexander'a.

Мы не будемъ излагать всей его книги, въ которой много интереснаго и оригинальнаго, кромѣ вопроса, занимающаго насъ теперь. Остановимся на самомъ главномъ. Alexander дѣлитъ свою задачу на двѣ части: «первая часть изслѣдованія,—говоритъ онъ,—имѣетъ дѣло съ *статикой* морали, ибо въ ней мы разсматриваемъ мораль только въ томъ видѣ, какъ она дана, и спрашиваемъ только, что заключается въ ней, *какъ моральное*,—наприм., какіе факты соотвѣтствуютъ центральному понятію о добрѣ и справедливости и обязанности (это и есть моральный порядокъ). Вторая часть есть *динамическая*, ибо она изслѣдуетъ дѣйствіе силъ, посредствомъ которыхъ растутъ и развивается отличеніе добра отъ зла» (это и есть моральный прогрессъ). Пропуская третью, предварительную часть, занимающуюся опредѣленіемъ добра, посмотримъ сперва, какъ Alexander понимаетъ задачи этики. Тутъ мы находимъ значительное сходство со взглядами Seth'a, но у Alexander'a все это выражено болѣе точно и научно. Такъ, наприм., чтобы доказать, что предметъ этики, человѣческое поведеніе, вовсе не есть то-же, что предметъ естественныхъ наукъ, авторъ опирается на ту-же эволюціонную теорію, онъ говоритъ: «настаивать на особыхъ свойствахъ человѣческаго поведенія — вовсе не значитъ противорѣчить вѣрѣ въ то, что мораль есть лишь болѣе развитая форма поведенія вообще. На самомъ дѣлѣ, это значитъ, наоборотъ, отдавать должную справедливость идеѣ развитія».

Объяснивъ ранѣе, что главное недоразумѣніе нѣкоторыхъ новыхъ теорій состоитъ въ томъ, что онѣ не разсматриваютъ мораль какъ цѣлое, а берутъ ея отдѣльные элементы, наприм. внѣшнее поведеніе или одни результаты поступковъ, забывая, что отличительной чертой нравственнаго поведенія человѣка является внутреннее *нравственное сужденіе*, что мораль можетъ даже не

перейти въ поступокъ и все-же остается моралью, авторъ говоритъ: «употребленіе слова *поведеніе* для обозначенія одинаково и человѣческихъ поступковъ и дѣйствій животныхъ уничтожаетъ отличіе морали отъ другихъ формъ жизни. *Поведеніе* есть терминъ, принадлежащій собственно произвольному, или, быть-можетъ, исключительно человѣческому дѣйствию, а его расширеніе есть образчикъ антропоморфизма».

Сдѣлавъ затѣмъ очень ясное разграниченіе между отношеніемъ къ однимъ и тѣмъ-же фактамъ—этики съ одной стороны и психологіи—съ другой, авторъ говоритъ: «психологія имѣетъ дѣло съ фактомъ, какъ таковымъ, а этика съ качествомъ или содержаніемъ какъ таковымъ. Для психологіи содержаніе относительно безразлично, и фактъ есть прямой объектъ вниманія; для этики природа факта, какъ такового, относительно безразлична, а содержимое есть нервъ нравственныхъ различій» (66). И въ другомъ мѣстѣ: «этика не изслѣдуетъ относительно мысли, какъ она стала такою, а только изслѣдуетъ, какова она есть. Первый вопросъ принадлежитъ психологіи. Если кому нравится называть это различіе въ объектахъ этики и психологіи различіемъ въ точкахъ зрѣнія, я не буду спорить» (69).

Но что-же такое качество или достоинство поведенія, составляющія предметъ этики?

«Подобно тому, какъ мы видѣли расширеніе термина «поведеніе» по аналогіи, за предѣлы человѣческаго поведенія, такъ и идея «достоинства» (value) есть первоначально—этическое понятіе, расширившееся тѣмъ-же путемъ, какимъ слово «обязанность» можетъ посредствомъ метафоры служить при описаніи работы какой-нибудь части машины. Достоинство или цѣнность (value) въ нравственномъ смыслѣ есть достоинство произвольнаго акта и отличается «отъ работы» или «функціи» или «значенія» другихъ дѣйствій. Моральное достоинство отличается отъ другихъ достоинствъ (или цѣнностей) тѣмъ, что зависитъ не просто отъ акта, имѣющаго извѣстное качество, но отъ акта, сознающаго это качество. Такимъ образомъ достоинство произвольнаго дѣйствія отличается отъ цѣнности дѣйствія только инстинктивнаго, а еще больше отъ цѣнности качества матеріальнаго объекта, и т. д.

Переходя къ отношенію индивидуума и общества, какъ предметовъ этики, Alexander находитъ, что «благо» есть нѣчто, въ чемъ участвуютъ и индивидуумъ и общество... Мы не должны

принимать, что индивидуумъ есть независимый атомъ, ни того, что существуетъ властное и обязательное повелѣніе, которое непреодолимо для него. Наоборотъ, мы должны брать общество и индивидуумъ, какъ находимъ ихъ *de facto*: послѣдняго съ тѣми связями, какія соединяютъ его съ другими, а первое— какъ нѣчто такое, чего мы никогда не знали, какъ образованное изъ простого смѣшенія раздѣльныхъ и независимыхъ индивидуумовъ. Изслѣдованіе распадается такимъ образомъ на двѣ части: или мы рассматриваемъ значеніе справедливаго и несправедливаго для какого-либо одного индивидуума самого по себѣ, или для общества, понимаемаго какъ множество индивидуумовъ; и обѣ эти точки зрѣнія должны быть взаимно связаны. Опредѣливъ добро, какъ *равновѣсіе*, авторъ переходитъ къ моральной динамикѣ, которая, по его теоріи, является продуктомъ измѣненія нравственныхъ идеаловъ, а это измѣненіе совершается путемъ борьбы между собою идеаловъ за существованіе. Подъ моральнымъ идеаломъ онъ понимаетъ систему или порядокъ поведенія (261). Разсмотрѣвъ и разобравъ критически приспособленіе къ средѣ, авторъ опредѣляетъ хорошее поведеніе такъ: оно есть равновѣсіе (или приспособленіе) способностей самого индивидуума, или различныхъ индивидуумовъ въ обществѣ.

На этомъ мы закончимъ изложеніе системы Alexander'a и постараемся подвести итоги того «новаго», что вноситъ въ этику это теченіе: оно твердо стоитъ на почвѣ науки и эволюціонной теоріи, но оно идетъ дальше эволюціонной морали въ томъ отношеніи, что, сознавая философски и критически специфическія особенности задачъ этики, оно не только не скрываетъ ихъ, а подчеркиваетъ и, въ виду этого, дѣлаетъ совершенно новое примѣненіе эволюціонной теоріи къ этическимъ задачамъ. Это и понятно: при первомъ появленіи эволюціонной теоріи важно было не столько доказывать то, чѣмъ человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ, сколько то, что онъ подобенъ имъ, охватывается тѣмъ-же общимъ закономъ. Это былъ, такъ сказать, періодъ отождествленія, періодъ интегрированія. Поэтому-то даже у такого удивительно-мощнаго мыслителя, какъ Спенсеръ, мы видимъ одну сторону того, что насъ интересуетъ въ морали: ея происхожденіе отъ поведенія вообще: чтобы доказать такое происхожденіе, нужно было искать не различій, а сходствъ, — не анализировать, а синтезировать. Но эту работу можно считать за-

конченной и даже перешедшей въ крайность, въ лицѣ Leslie Stephen'a, и вотъ начинается обратный процессъ: отыскивается то, что выдѣляетъ мораль изъ всѣхъ другихъ формъ жизни и поведенія, но отыскивается на почвѣ уже *признаннаго* происхожденія морали отъ простѣйшихъ видовъ поведенія. Если сравнить это стремленіе съ доэволюціонными подобными-же стремленіями этики выдѣлить мораль въ особую область, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими явленіями жизни и какъ-бы само-довлѣющую, то мы увидимъ, что этика совершила циклъ развитія, гениально указанный еще Гегелемъ: ея первую стадію,—выдѣленіе морали въ область таинственную и сверхъестественную,—можно считать тезисомъ; затѣмъ наступаетъ отрицательная работа, имѣющая главнымъ моментомъ конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣковъ во Франціи и Англіи. Эволюціонная этика (старая) есть лишь продолженіе этого-же отрицательнаго процесса, но на почвѣ болѣе научной, на почвѣ вновь возникшей научно-біологической гипотезы. Это—эпоха антитезиса. Затѣмъ новыя эволюціонныя попытки въ родѣ Seth'a и Alexander'a являются опытомъ примиренія прежнихъ теченій (тезиса и антитезиса).— Но это только начало. Работа пойдетъ и дальше, и обѣщаетъ серіозные результаты, которые, вѣроятно, будутъ способны разсѣять тотъ пессимизмъ, который возникъ во многихъ умахъ подъ давленіемъ прежняго эволюціонизма.

Л. Оболенскій.

Нѣмецкая этика. F. Paulsen: System der Ethik mit Umriss der Staats- und Gesellschafts-Lehre. Berlin 1889. 2 тома(868 стр.).

Паульсенъ—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и талантливыхъ представителей современной германской университетской философіи, и потому очеркъ его этической системы можетъ дать вѣрное понятіе о современномъ этическомъ направленіи нѣкоторыхъ германскихъ мыслителей.

Этическому построенію авторъ предпосылаетъ обстоятельный историческій очеркъ нравственныхъ ученій, въ которомъ особенно подробно разбираетъ значеніе христіанства въ исторіи европейской культуры и отношеніе его къ античной и современной морали. Отрицая всѣ добродѣтели древности, христіанское ученіе о нравственности расходится однако отчасти и съ современ-

нымъ строемъ и духомъ нашей жизни. Тѣмъ не менѣ нельзя не признать продолжающагося и нынѣ громаднаго вліянія нравственнаго ученія христіанской церкви на весь строй нашего существованія. Благодаря христіанству, три истины вошли въ плоть и кровь современныхъ европейскихъ народовъ и составляютъ неотъемлемую принадлежность ихъ міровоззрѣнія: 1) что страданіе есть существенная принадлежность человѣческой жизни, 2) что грѣхъ и вина—существенныя стороны этой жизни, 3) что міръ живетъ только добровольною жертвою жизни невиннаго и праведнаго. Вліяніе христіанства на новѣйшую нравственную философію, которая, какъ и древняя, ищетъ высшаго блага здѣсь, на землѣ, отражается въ ея ученіи о долгѣ и въ томъ, что цѣль ея—въ отличіе отъ древней—не столько индивидуальное, сколько общее благо.

Задача этики, какъ науки практической, состоитъ въ установленіи схемы такого образа жизни, который благоприятствуетъ всестороннему и здоровому развитію человѣческой природы или совершенству и благополучію человѣческой жизни. Не имѣя возможности начертать конкретный планъ совершенной жизни, годный длл всѣхъ временъ и народовъ, прямо уже потому, что главный признакъ совершенства—разнообразіе, этика должна дать лишь общій очеркъ нравственныхъ требованій, не только допускаемая, но и настаивая на свободномъ развитіи личности въ предѣлахъ, обозначенныхъ положительнымъ правомъ.

Нравственные законы, какъ и физическіе,—естественные законы природы человѣка. Методъ этики долженъ быть эмпирической.

Она изслѣдуетъ причины возникновенія того или другого нравственнаго требованія, входитъ въ обсужденіе его цѣлесообразности, а иногда и измѣняетъ его согласно съ условіями человѣческаго блага. Опираясь на психологію и антропологію, эмпирическая этика твердо стоитъ на основаніи фактовъ дѣйствительности и отъ нихъ отвлекаетъ ученіе о долгѣ и добродѣтели.

Критеріемъ въ оцѣнкѣ добраго и злаго не могутъ быть эгоизмъ и альтруизмъ. Послѣдній не исключаетъ перваго, и обратно. Въ жизни нѣтъ изолированныхъ поступковъ,—всѣ они такъ или иначе отражаются на окружающихъ,—и по правилу какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ все дѣйствительно нужное для отдѣльнаго человѣка, какъ животнаго общественнаго, нужно и для другихъ.

Поступки прежде всего определяются суммой предыдущих причинъ, и дѣйствуя, человекъ думаетъ не о себѣ и не о другихъ, а о дѣлѣ, которое само по себѣ не эгоистично и не альтруистично, а полезно или вредно.

Цѣлесообразность—вотъ критерій добраго и злого. Побужденія и поступки, совпадающіе въ стремленіи къ одной цѣли чело-вѣческаго благополучія, личнаго или общаго (по идеѣ это одно и то-же) должны быть признаны нравственными, несовпадающіе—безнравственными.

Въ исключительныхъ случаяхъ несовпаденія личнаго и общаго блага, дѣло нравственной философіи обсудить, дѣйствительно-ли необходима жертва первымъ ради второго. И если объективно дознано, что жертва необходима (тутъ мало личной увѣренности или убѣжденія партіи), то—каковы-бы ни были средства,—они должны быть признаны нравственными.

Но что такое высшее благо и совпадаетъ-ли оно съ общимъ благомъ?

Авторъ не считаетъ нужнымъ доказывать, что воля всякаго живого существа стремится сохранить самое себя (*sich selbst erhalten*). Кромѣ общаго стремленія къ самосохраненію, всякое существо отъ природы надѣлено особыми индивидуальными силами, въ здоровомъ развитіи которыхъ оно видитъ свое высшее благо. Сохраненіе рода, жизнь въ семьѣ и обществѣ, развитіе социальныхъ способностей и силы познанія, приобщающей его къ жизни, чело-вѣчества и міровому бытію,—вотъ спеціальныя функціи чело-вѣческаго организма, и выполнение этихъ функцій есть конечная цѣль стремленій его воли. Но и общее благо заключается въ сохраненіи рода и успѣшномъ развитіи общественной жизни; слѣдовательно, его конечная цѣль совпадаетъ съ конечною цѣлью индивидуальной воли.

Возможно двоякаго рода разрѣшеніе задачи этики. Впервыхъ, она можетъ представить систему природныхъ силъ, въ развитіи которыхъ заключается чело-вѣческое благополучіе: это—ученье о добродѣтели. Ввторыхъ, этика можетъ дать систему формулъ, выражающихъ требованіе общаго блага: это—ученье о долгѣ. Какъ первое, такъ и второе оперируютъ надъ однимъ предметомъ, но смотрятъ на него съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Займемся ученіемъ о долгѣ. Что такое долгъ? Объясненіе Дарвина, что чувство долга есть борьба между врожденнымъ инстинк-

томъ и привитымъ социальнымъ,— только начало объясненія. Откуда авторитетный характеръ долга?

Источникъ долга—внѣ человѣка. Корень его—въ обычай, этомъ естественномъ выраженіи нормъ, обуславливающихъ успѣшное выполненіе специальныхъ функцій человѣка,—въ обычай, основанномъ не на индивидуальномъ опытѣ, а на тройкомъ авторитетѣ предковъ, народа и боговъ. Внѣшнее принужденіе мало-по-малу переходитъ во внутреннее сознаніе безусловнаго права высшей общей воли издавать постановленія, ограничивающія личную волю.

Но конечная цѣль обычая, общее благо, совпадаетъ съ конечною цѣлью воли—сохраненія рода и развитія общественной жизни. Гдѣ-же причина возникающей между ними розни?

Первоначальная формула чувства долга—отрицательная: «ты не долженъ». Предваряя поступокъ, несогласный съ требованіями общаго блага, чувство долга однако-же молчитъ, пока человѣкъ не становится въ противорѣчіе съ обычаемъ. Оно возстаетъ лишь противъ незаконныхъ побужденій воли. Но такъ какъ незаконныя побужденія воли, ведущія къ несовпаденію личного и общаго интересовъ, являются исключеніемъ, то и на противорѣчія между долгомъ и волею нужно смотрѣть какъ на случайныя, исключительныя.

Чувство долга предшествуетъ поступку, нарушающему общее благополучіе,—совѣсть за нимъ слѣдуетъ. Совѣсть въ своемъ зародышѣ есть ни что иное какъ сознаніе обычая или пребываніе обычая въ сознаніи индивида. Какъ разнообразны обычаи, такъ разнообразны и проявленія совѣсти. Ея голосу нужно слѣдовать потому, что она — барометръ человѣческаго благополучія съ точки зрѣнія обычая. Нравственный нигилизмъ (Раскольниковъ)—психическая болѣзнь, противъ которой безсильны логическіе доводы.

Въ основаніи добродѣтелей лежатъ природныя побужденія. Воспитаніе и самовоспитаніе развиваютъ эти побужденія. Свободы въ смыслѣ *liberum arbitrium indifferentiae* — нѣтъ, но характеръ измѣняется подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и внутренняго стремленія воли. Свобода человѣка заключается въ способности разума подчинять себѣ минутные порывы. Истинное желаніе нравственнаго совершенства осуществимо, если оно настолько сильно, что не постоитъ за необходимыми для того средствами.

Счастье-ли добродѣтель? По правилу—да, но бываютъ и исключенія. Впрочемъ, безпечное довольство препятствуетъ нравственному развитію, которое требуетъ борьбы, такъ что истинное счастье человѣка заключается въ соразмѣрномъ смѣшеніи такъ-называемаго счастья и несчастья. Странаніе есть необходимое условіе жизни, какъ и дѣятельности, и блаженство царства небснаго не поддается нашему представленію. Оно лишено главнаго условія совершенства—дѣятельности. Значеніе его въ жизни то, что оно стоитъ передъ нами какъ идеаль, сообразно съ которымъ мы измѣняемъ дѣйствительность. Ученіе о добродѣтели собираетъ въ возможно-полную систему, обсуждаетъ и указываетъ средства развитія нравственныхъ побужденій.

Оставаясь вѣрнымъ основному принципу цѣлесообразности въ ученіи о добродѣтеляхъ и порокахъ, авторъ, говоря о самоубійствѣ, утверждаетъ, что въ иныхъ случаяхъ оно не безнравственно, а вполне согласно съ требованіями общаго и индивидуальнаго блага. Ложь безнравственна потому, что она подрываетъ взаимное довѣріе, на которомъ зиждется человѣческое благополучіе. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда довѣрія нѣтъ, какъ это бываетъ на войнѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ, ложь не безнравственна. Она необходима, когда цѣною ея покупается благо, стѣнящее больше, чѣмъ неоправданное довѣріе.

Въ заключеніе отмѣтимъ взглядъ автора на одинъ изъ основныхъ вопросовъ этики, на ея отношеніе къ религіи и метафизикѣ.

Считая религію великимъ факторомъ въ развитіи нравственныхъ идей, признавая взаимное вліяніе этическихъ и метафизическихъ воззрѣній, авторъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что для нравственного образа дѣйствій, какъ согласнаго съ требованіями общаго блага, опредѣленное метафизическое или религіозное міросозерцаніе не необходимо.

Однако невѣріе—только начало точнаго знанія. Познавая природу, наука открываетъ безконечность невѣдомаго и непостижимаго для человѣческаго разума. Сознаніе своего ничтожества и величія міра—вотъ истинная сущность религіознаго чувства всѣхъ временъ и народовъ.

Природа не безучастна къ явленіямъ нравственной жизни: по ея законамъ, открываемымъ біологіей, нравственное—полезно, безнравственное вредно.

Идеи божества и безсмертія—не пустяя фантазіи. Нравственныя подвиги запечатлѣваются въ исторической памяти человѣчества. Но что такое эта память? Не есть-ли она отрывокъ вышаго, мірового сознанія всесущаго? Не есть-ли жизнь многообразное проявленіе этого всесущаго, а нравственные законы не суть-ли высшая форма самоопредѣленія этого всесущаго?

Бытія нѣтъ въ настоящемъ,—оно должно быть или въ прошедшемъ, или въ будущемъ. Но бытія нѣтъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Бытіе во времени не есть истинное бытіе,—время не есть форма истиннаго бытія,—но форма нашего чувственнаго возрѣнія. То, что намъ является въ формѣ времени, есть само въ себѣ безвременное состояніе, есть вѣчность. Дѣйствительность есть вѣчное міровое сознаніе. Оно не поддается нашему представленію, но изъ этого не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Безсмертіе есть пребываніе въ сознаніи Бога.

Изъ этого краткаго очерка этическихъ возрѣній Паульсена очевидно, что его этика, какъ и большинство современныхъ нѣмецкихъ этическихъ системъ, представляетъ попытку примиренія, въ одномъ ученіи, послѣднихъ выводовъ естествознанія, основныхъ метафизическихъ посылокъ критической философіи, нѣкоторыхъ идеаловъ христіанской морали и принциповъ современной утилитарной философіи. Само собою, что при попыткѣ сліянія столь противорѣчивыхъ элементовъ, утрачивается единство принципа и отчасти извращаются основныя начала каждаго изъ упомянутыхъ міровозрѣній. Положенія утилитарной философіи съ выводами естествознанія можно согласить; въ свою очередь возможно отчасти примирить идеалы христіанской морали съ требованіями критической философіи (какъ это доказалъ Кантъ), но между этими двумя группами ученій или двумя основными міровозрѣніями человѣчества не можетъ быть ничего средняго. Оправданіе самоубійства и лжи, хотя-бы и при извѣстныхъ особыхъ условіяхъ, глубоко противорѣчитъ духу христіанской морали, а отрицаніе реальности матеріальнаго существованія во времени и пространствѣ и построеніе идеи нравственнаго долга не вяжутся съ основными посылками естественно-научной и утилитарной философіи. Во 2-й гл. 1-й кн. своей этики Паульсенъ самъ превосходно истолковываетъ истинный духъ христіанскаго ученія. Остается вопросомъ: почему-же задача нравственной философіи должна состоять не въ научномъ оправданіи высшихъ этическихъ иде-

аловъ, какіе дало намъ христіанство, а въ выработкѣ своего рода «діететики» личной и соціальной жизни?

Д—въ.

2. ПСИХОЛОГІЯ.

Beaunis: Les sensations internes. Paris. 1889 (Félix Alcan). 256 стр.

Изъ обширной области явленій чувствованія физиологи изучаютъ систематически почти исключительно дѣятельность высшихъ органовъ чувствъ до проявленія такъ-называемаго мышечнаго чувства, оставляя всѣ прочія ощущенія въ сторонѣ,—но не потому, чтобы знаніе ихъ было не важно, а по непобѣдимымъ до сихъ поръ трудностямъ изучать эту область физиологически. Въ этомъ смыслѣ небольшое сочиненіе Бони (проф. физиологіи въ Нанси) «Les sensations internes», какъ попытка пополнить названный пробѣлъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Авторъ, собравъ изъ обыденныхъ наблюденій и медицинской практики цѣлую массу чувственныхъ явленій, старается очертить фізіономію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и распредѣляетъ явленія въ группы. Судя по содержанію книги, иными цѣлями онъ не задавался; да и ставить себѣ иныхъ цѣлей въ такой темной области пока невозможно.—Цѣнность подобныхъ трудовъ всецѣло опредѣляется тѣмъ, какъ собранъ, описанъ и разгруппированъ матеріалъ. Къ сожалѣнію, въ этихъ существенныхъ отношеніяхъ книга Бони оставляетъ желать очень многого. Ключъ къ собиранію и группировкѣ фактовъ, о которомъ онъ однако не упоминаетъ, легко угадать по приведенному на стр. 3-й перечню различныхъ родовъ и видовъ ощущеній. Вотъ этотъ ключъ.—Прежде всего бѣглый обзоръ всѣхъ тканей и органовъ (пропущена вся нервная система) со стороны ихъ чувствительности. Потомъ слѣдующее простое разсужденіе: всѣ главнѣйшія дѣятельности въ тѣлѣ совершаются періодически; поэтому, если дѣятельность почему-нибудь задержана, то появляется *позывъ къ дѣятельности* (besoin d'activité); если она продолжается ненормально-долго или усиленно, то *позывъ къ бездѣйствию* (besoin d'inaction). Но и самая дѣятельность сопровождается ощущеніями (sensations fonctionnelles); отсюда онъ выводитъ, что на-ряду съ извѣстными всякому мышечнымъ и половымъ чувствами должны быть ощущенія, сопро-

вождающія пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и даже отдѣлительную дѣятельность железъ. На этомъ система обрывается и все остальное, какъ не подходящее подъ приведенную рамку, распределено безъ всякой связи въ разныя рубрики (*чувство существованія, особые виды чувства, чувства боли и удовольствія*). Неудовлетворительность системы выражается не только въ томъ, что она обнимаетъ лишь часть явленій, но еще болѣе въ томъ, что одною рукой ставитъ рядомъ мало-родственные явленія (напр. голодь съ кашлемъ), а другою разъединяетъ то, что въ природѣ связано вмѣстѣ. Такъ чувство насыщенія по утоленіи голода и вообще чувство, сопровождающее удовлетвореніе естественной потребности, стоитъ у него внѣ системы, въ рубрикѣ удовольствія (plaisir).

Описаны явленія очень неравномѣрно: чуть не треть книги посвящена мышечному чувству и четверть сочиненія чувству боли. Однихъ, видоизмѣненій послѣдняго чувства (стр. 176—178) Бони насчитываетъ до 80. Понятно, что на описаніе другихъ ощущеній остается мало мѣста, тѣмъ болѣе, что здѣсь рядомъ съ формами, установленными несомнѣнно, онъ описываетъ формы сомнительныя, наприм. магнетическое чувство, метеорологическое чувство, органическое чувство симпатіи (родъ ясновидѣнія у гипнотиковъ), чувство мышленія (стр. 162—168) и проч. Новаго въ книгѣ нѣтъ ничего, кромѣ единственной гипотезы, что можетъ быть возбужденіе двигательныхъ клѣтокъ сопровождается ощущеніями (стр. 113),—гипотезы, придуманной авторомъ для того, чтобы примирить разнорѣчія въ вопросѣ о регулированіи движениій чувствомъ (одни стоятъ за мышечное чувство, другіе—за знаніе силы импульса, сообщаемого мышцамъ).

Перечисленными недостатками значительно понижается научная цѣнность труда, по замыслу очень почтеннаго. Читается книга очень легко.

С.

G. Th. Fechner. Elemente der Psychophysik. Zweite Auflage. Leipzig 1889 (836 стр.).

Въ 1834 году германскій физиологъ І. Веберъ открылъ, что къ ощущеніямъ примѣнимъ законъ, который можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *различіе двухъ возбужденій ощущивается одинаково, если отношеніе возбужденій остается неизмѣн-*

нымъ; другими словами—если въ нашемъ воспріятіи интенсивность ощущенія возрастаетъ на одинаковыя абсолютныя величины, то относительная прибавка раздраженія должна оставаться постоянной. Если напр., при двукратномъ увеличеніи свѣта въ комнатѣ, мы ощутили одинаковое повышеніе свѣтовой чувствительности, то это значитъ, что отношеніе прибавки раздраженія къ данному ранѣе было въ обоихъ случаяхъ одинаковое. Этотъ законъ, извѣстный подъ именемъ Веберовскаго закона, у Фехнера принялъ форму математическаго выраженія: «если сила раздраженія растеть въ геометрической прогрессіи, то сила ощущенія растеть въ ариѳметической». Эта послѣдняя формулировка извѣстна подъ именемъ Фехнеровскаго или психофизическаго закона. Психофизическимъ онъ названъ потому, что на основаніи этого закона возможны нѣкоторые выводы по вопросу объ отношеніи души и тѣла. Подробное ученіе объ этомъ законѣ и его слѣдствіяхъ было изложено Фехнеромъ въ первомъ изданіи указаннаго сочиненія въ 1860 г. Оно подвергалось всестороннему обсужденію въ германской литературѣ. Насчитывается огромное количество сочиненій, занимающихся изслѣдованіемъ психофизическаго закона; многія изъ нихъ рѣшительно опровергаютъ его истинность и значеніе. Но опроверженіемъ мнѣнія, что въ германской философской литературѣ интересъ къ психофизическимъ изслѣдованіямъ ослабѣлъ, является второе изданіе сочиненія Фехнера. Хотя большая часть первоначальныхъ выводовъ Фехнера въ послѣднее время подверглась значительному исправленію и эти исправленія были признаны самимъ Фехнеромъ въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ, но второе изданіе его капитальнаго труда осталось неизмѣненнымъ, потому-что по справедливому замѣчанію редактора изданія проф. Вундта: «такое произведеніе, какъ «Элементы психофизики», прокладывающее совершенно новые пути изслѣдованія, всегда будетъ имѣть значеніе преимущественно въ той первоначальной формѣ, въ которой оно оказало свое дѣйствіе».

Philosophische Studien. Herausgegeben von **Wilhelm Wundt**. Fünfter Band. 4 Heft. Leipzig. 1889.

Что психофизика дѣйствительно еще съ прежнею силой привлекаетъ вниманіе изслѣдователей душевной жизни человѣка, явствуетъ изъ обстоятельной статьи *Юліуса Меркеля* (стр. 499): *Зависимость между раздраженіемъ и ощущеніемъ*,—помѣщенной

въ журналѣ Вундта. Эта статья есть продолженіе статьи, напечатанной имъ въ 4 книгѣ 4 тома (1888 г.). Раньше подвергнута была пересмотру зависимость свѣтовыхъ ощущеній отъ силы раздраженій, и ощущеній мускульныхъ отъ раздраженій давленія. Въ этой статьѣ разсматривается область звуковыхъ ощущеній. Съ окончательными выводами автора о законѣ Фехнера намъ придется познакомиться послѣ того, какъ будутъ изложены результаты его изслѣдованій и въ другихъ областяхъ ощущеній. Въ статьѣ *Ивана Шишманова: «Изслѣдованія о способности различенія чувства интервалловъ»* (стр. 558) *,—относящейся къ области акустики,—авторъ такъ формулируетъ свой окончательный выводъ: «Способность различенія для уменьшенной интервалловъ больше, чѣмъ для увеличенія ихъ». Можетъ-быть, говоритъ авторъ, изслѣдованіе приведетъ современемъ къ болѣе общему положенію, что каждое повышение тона легче воспринимается чѣмъ пониженіе (Vertiefung) его. Затѣмъ слѣдуетъ статья *Götz Martius'a «О кажущейся величинѣ предметовъ и ея отношеніи къ величинѣ образовъ съпѣчатой оболочки»*. Статья эта предлагаетъ новые законы для рѣшенія психологической проблемы о пространственныхъ представленіяхъ. Но всего интереснѣе въ разсматриваемой книжкѣ «Studien» замѣтка *Эрнста Лейманна* (стр. 618): «*Душевная дѣятельность въ ея отношеніи къ кровообращенію и дыханію*». Статья представляетъ особенное значеніе для психометрическихъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью опредѣлить скорость нѣкоторыхъ умственныхъ процессовъ. Цифры, получавшіяся у различныхъ изслѣдователей скорости этихъ процессовъ, часто оказывались рѣзко отличающимися другъ отъ друга, что давало поводъ подозрѣвать неправильность въ самихъ методахъ изслѣдованія. Теперь открывается возможность элиминировать эти случайности опыта. По мнѣнію Лейманна, эти случайности при каждомъ экспериментѣ должны быть устраняемы индивидуальной физической характеристикой лица, подвергающагося эксперименту. Изъ изслѣдованій Л. оказалось, что каждый человекъ обнаруживаетъ нѣкоторыя особенности въ отношеніи быстроты психическихъ процессовъ, которыя находятся въ опредѣленной зависимости отъ условій его кровообращенія и дыханія или, какъ онъ самъ выражается: «человекъ въ своемъ пульсѣ и дыханіи имѣетъ врожденныхъ измѣрителей времени», потребнаго для его процессовъ. Между про-

*) Untersuchungen über die Empfindlichkeit des Intervallsinnes.

чимъ въ соотношеніи скорости пульса и дыханія находится объясненіе быстроты ритмическихъ интервалловъ при скандированіи стиховъ. Это изслѣдованіе Лейманна будетъ имѣть весьма важное значеніе для улучшенія техники психометріи.

Книга оканчивается статьей *Вальтера Брикса*: «*Математическое понятіе числа и формы его развитія*». Въ этомъ изслѣдованіи авторъ разсматриваетъ историческое развитіе понятія числа и его психологическія формы, чтобы въ слѣдующей книгѣ перейти къ разсмотрѣнію понятія числа въ теоретико-познавательномъ отношеніи.

Е. Челпановъ.

Бинэ. Психологія умозаключенія на основаніи экспериментальныхъ изслѣдованій посредствомъ гипнотизма. Изданіе А. А. Карцева. Москва. 1889 (151 стр.).

Авторъ примыкаетъ къ тому мнѣнію, что въ обычной формѣ силлогизма мы не находимъ истиннаго изображенія процесса мышленія.

Мышленіе на всѣхъ ступеняхъ подчинено одному и тому-же закону. Бинэ думаетъ, что разсужденіе на его высшихъ ступеняхъ и простое воспріятіе построены по одному и тому-же типу, предполагаютъ одинъ и тотъ-же механизмъ, съ тою только разницей, что воспріятіе слагается изъ ощущений, а разсужденіе слагается изъ образовъ или представленій. Въ главѣ, озаглавленной «Механизмъ сужденія», авторъ приводитъ примѣры сходства между тѣмъ и другимъ процессомъ. Это сходство онъ усматриваетъ въ общемъ тому и другому процессу слияніи элементовъ сознанія. По его опредѣленію, «разсужденіе есть установленіе ассоціаціи между двумя состояніями сознанія, посредствомъ промежуточнаго состоянія сознанія, сходнаго съ первымъ состояніемъ и связаннаго со вторымъ; сливаясь съ первымъ, оно ассоціируется со вторымъ». Этотъ выводъ подготовленъ его психологической теоріей образовъ и теоріей слиянія, построенныхъ на основаніи гипнотическихъ опытовъ. Взглядъ, что воспріятіе есть видъ разсужденія или умозаключенія, также подтверждается цѣлымъ рядомъ гипнотическихъ опытовъ, произведенныхъ авторомъ. Книга представляетъ особенный интересъ для врачей, занимающихся гипнотизмомъ, такъ какъ Бинэ пытается особеннымъ образомъ обставить эти опыты въ виду изслѣдованія умственныхъ процессовъ.

П.

3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.

Windelband. *Geschichte der alten Philosophie* (Iwan Müllers Handbuch. der classischen Alterthumswissenschaft. 5 Bd. 1 Abt.) Nördlingen 1888 Böck. (222 стр.).

Послѣ общаго введенія, разсматривающаго вопросъ о значеніи древней философіи для европейской культуры, о дѣленіи ея на эпохи, о методѣ научной обработки исторіи философіи, наконецъ объ источникахъ и научныхъ пособіяхъ, авторъ приступаетъ къ изображенію духовной дѣятельности грековъ въ 7-мъ и 6-мъ вѣкахъ до Р. Х.,—въ періодъ, предшествовавшій разцвѣту іонійской философіи, причемъ къ этой подготовительной эпохѣ относить и «религіозно - нравственную реформацію» Пифагора. Вопреки обыкновенному дѣленію исторіи древней философіи на три главныя эпохи (Брандисъ, Целлеръ), Виндельбандъ дѣлитъ ея на два періода: первый обнимаетъ собственно греческую философію, послѣднимъ представителемъ которой является Аристотель, второй—греко-римскую философію: I. Первый періодъ разсматривается въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) Милетская школа натурфилософовъ: Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ. 2) Метафизическая антиномія бытія: Гераклитъ и Элеаты. 3) Попытки примиренія противоположныхъ ученій: съ одной стороны Эмпедокль, Анаксагоръ и атомисты (Левкиппъ), съ другой стороны Пифагорейцы съ своимъ ученіемъ о числѣ. 4) Софистика и Сократъ. 5) Материализмъ и идеализмъ: Демокритъ и Платонъ. 6) Аристотель. II. Греко-римская философія: 1) Борьба школъ: перипатетики, стоики, эпикурейцы. 2) Скептицизмъ и синкретизмъ: римскій эклектицизмъ, новопифагорейцы, Филонъ. 3) Патристика: апологеты, гностики, Климентъ, Оригенъ. 4) Греческая реакція: новоплатоники.—Изъ одного перечня отдѣловъ книги Виндельбанда видно, сколько новаго внесено авторомъ въ систематизацію философскихъ доктринъ древности. Порядокъ, принятый Виндельбандомъ въ изложеніи философскихъ системъ, будучи нѣкоторымъ шагомъ впередъ, далъ автору возможность яснѣе и обстоятельнѣе своихъ предшественниковъ изложить внутреннія отношенія и развитіе философскихъ теорій, а обширная эрудиція автора, извѣстнаго и другими сочиненіями по исторіи философіи, сказала въ полнотѣ и строгой точности изложенія. Достоин-

ства книги увеличиваются еще тѣмъ, что въ каждомъ отдѣлѣ приводится литература предмета. Благодаря всему этому, книга Виндельбанда составляетъ цѣнное приобрѣтеніе по исторіи древней философіи и въ русскомъ переводѣ могла-бы быть весьма полезнымъ руководствомъ для первоначальнаго знакомства съ исторіей древней мысли.

Андрей Адольфъ.

L. Stein. Die Erkenntnisstheorie der Stoa. Berlin 1888. Calvary (387 стр.).

Эта книга составляетъ второй томъ сочиненія «Die Psychologie der Stoa», первый томъ котораго вышелъ два года тому назадъ. Авторъ сначала вкратцѣ излагаетъ исторію теоріи познанія до Аристотеля,—затѣмъ, приступая къ самому предмету своего изслѣдованія, опредѣляетъ мѣсто теоріи познанія въ системѣ стоиковъ, которые относили ее къ логикѣ, одной изъ трехъ частей стоической философіи, и вслѣдствіе этого придавали ей служебное значеніе. Дальнѣйшія главы посвящены анализу ученія стоиковъ о первенствующей въ человѣкѣ жизненной силѣ, τὸ ἡγεμονικόν,— разумной душѣ, какъ причинѣ физиологическихъ функцій, при чемъ авторъ приходитъ къ заключенію о несомнѣнной активности разумной души, по ученію стоиковъ. Разъяснивъ далѣе ту часть ученія стоиковъ, въ которой они являются чистыми сенсуалистами и эмпириками, а именно ихъ ученіе объ образованіи идей (φαντασίαι), авторъ переходитъ къ стоическому критерию истинности идей, къ такъ-назыв. φαντασίαι καταληπτικαί, т. е. къ представленіямъ, составляющимъ вѣрный отпечатокъ предмета и признаннымъ за таковыя разумомъ. Въ какомъ-же смыслѣ слѣдуетъ понимать καταληπτικαί, какъ активные или пассивные продукты сознанія? У Штейна мы находимъ подробное разъясненіе этого вопроса, весьма важнаго въ стоической теоріи познанія. Критикъ утверждаетъ, что этотъ терминъ выражаетъ и активную роль представленія, и пассивную реакцію разума, и что стоики умышленно выбрали терминъ, совмѣщающій въ себѣ два смысла. Глава пятая разсматриваетъ разумъ, образующій понятія (ἐννοιαί) частію опытныя, частію независимыя отъ опыта, причемъ авторъ выставляетъ непослѣдовательность стоиковъ, которые должны были отступить отъ эмпирическаго принципа при объясненіи образованія нравственныхъ понятій о Бо-

гѣ и судьбѣ, и внесли въ свою теорію познанія рационалистическій элементъ. — Далѣе разсматривается стоическая теорія языка, послѣ чего излагаются ученія отдѣльныхъ стоиковъ; при этомъ въ первый разъ обстоятельно изложены ученія о познаніи Сенеки и Эпиктета. Штейнъ также касается вопросовъ: о вліяніи стоицизма на евреевъ и римлянъ, объ отношеніи стоическаго ученія къ схоластикѣ, арабской философіи и друг.—Въ своемъ изложеніи авторъ шире, чѣмъ кто-либо до него, воспользовался позднѣйшей стоическою литературой, что дѣлаетъ его книгу весьма важнымъ пособіемъ для знакомства съ позднѣйшимъ періодомъ греческой философіи.

А. Адольфъ.

Н. Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin 1889.—
Lose Blätter aus Kants Nachlass. Mitgetheilt von **R. Reicke.**
I Heft. Königsberg, 1889.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нѣмецкой философской литературѣ за послѣднія 20 лѣтъ принадлежитъ тому движенію, которое въ возрожденіи Канта видѣло возрожденіе философіи, замершей съ 40-хъ годовъ. Это движеніе, какъ извѣстно, не оправдало тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него: Канту не привелось ни объединить разбѣжавшіяся въ разныя стороны направленія германской мысли, ни создать непоколебимый и неприкосновенный базисъ философіи. Но движеніе это не выполнило даже и болѣе тѣсной своей задачи—единообразнаго и общепризнаннаго истолкованія философіи Канта, и Кантовская литература распалась на нѣсколько направлений, различающихся другъ отъ друга не только въ пониманіи философіи Канта, но даже и въ самой постановкѣ задачъ и пріемовъ ея изученія. Къ двумъ изъ этихъ направлений относятся и двѣ книги, составляющія предметъ настоящей замѣтки.

Когенъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ, оригинальныхъ и вліятельныхъ толкователей Канта. Kants Begründung der Aesthetik завершаетъ рядъ работъ Когена о Кантѣ, начатыхъ общеизвѣстнымъ трудомъ его Kants Theorie der Erfahrung. Когенъ вѣритъ въ Канта какъ въ Библию, и въ рукахъ его и его школы критицизмъ превратился въ догму, по выраженію Вундта. Реконструкція Канта имѣетъ для Когена не просто историческій интересъ, но и значеніе живого дѣла философской проповѣди;

поэтому историческія цѣли у Когена заслоняются «систематическими», и философія Канта постепенно перерождается въ собственную философію Когена. Такой характеръ особенно замѣтенъ на послѣднемъ трудѣ Когена: Кантъ измѣненъ въ немъ до неузнаваемости; въ виду этого, какъ-бы ни было своеобразно и послѣдовательно самое это толкованіе Канта,—книгу Когена никакъ нельзя рекомендовать въ качествѣ пособія для пониманія «Критики способности сужденія». Краткій обзоръ эстетики до Канта, предпосланный въ качествѣ историческаго введенія, составленъ нѣсколько случайно и изложенъ слишкомъ отрывочно и безсвязно. Общіе недостатки всѣхъ трудовъ Когена: односторонность, нетерпимость къ чужимъ точкамъ зрѣнія, особенно къ англійской философіи, игра въ геніальность, пророческій тонъ, туманность языка и вычурность стиля — еще ярче замѣтны въ настоящей книгѣ. Вообще, лица, интересующіяся Кантомъ, но не интересующіяся Когеномъ, мало извлекутъ изъ его книги.

Совершенно другой характеръ носитъ книга Рейке. Въ противоположность книгѣ Когена, она принадлежитъ къ «антикварному» направленію въ литературѣ о Кантѣ. — Современная исторія философіи выдвинула на первый планъ изслѣдованіе *происхожденія* той или другой философской системы и процесса *ее постепеннаго развитія*. Разумѣется, съ перемѣной задачи изслѣдованія измѣнился и взглядъ на цѣнность изучаемыхъ матеріаловъ, и наряду съ тѣми памятниками, гдѣ философская система является въ законченномъ видѣ, громадный интересъ приобрѣли такъ-сказать *неофициальные* документы: переписка философа, черновые наброски, случайныя замѣтки, необработанные труды, быть-можетъ никогда не предназначавшіеся для изданія, и т. под.; и это вполне понятно, ибо въ этихъ отрывкахъ гораздо рѣзче сохраняются слѣды *постепеннаго развитія* системы философа, чѣмъ въ его обработанныхъ сочиненіяхъ, гдѣ эти слѣды стерты логическою полировкой. Известно, какое важное значеніе имѣютъ, наприм., письма Лейбница или трактатъ Спинозы «О Богѣ, человѣкѣ и его блаженствѣ». — Въ настоящее время мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ такихъ неофициальныхъ документовъ для изученія философіи Канта; къ нимъ принадлежатъ и тѣ отрывки и замѣтки Канта, которые Рейке извлекъ изъ Кенигсбергской университетской бібліотеки и издалъ съ замѣчательною тщательностью и любовью къ дѣлу, со-

хранивши не только орфографію Канта, но даже и его пунктуацию (*die so gut wie gar keine ist*, замѣчаетъ Рейке). Среди этихъ отрывковъ нѣкоторые принадлежатъ къ ранней эпохѣ развитія Канта (напримѣръ объ оптимизмѣ, стр. 295 и сл., къ 50-мъ годамъ прошлаго вѣка); большинство относится ко времени, слѣдующему за Критикой чистаго разума; есть нѣкоторые наброски, касающіеся «перехода отъ метафизическихъ началъ естествознанія къ физикѣ». Значительная часть отрывковъ касается нравственныхъ воззрѣній Канта: темы о свободѣ и ея отношеніи къ природѣ, къ нравственности—затрогиваются на каждомъ шагу; цѣлый рядъ «опроверженій идеализма» даютъ интересныя поясненія и дополненія къ соотвѣтствующему отдѣлу «Критики чистаго разума»; есть отрывки, говорящіе о приложимости категорій къ сверхчувственному міру. Главный интересъ изданныхъ Рейке матеріаловъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что они освѣщаютъ нѣкоторыя важныя стороны метафизики Канта, мало замѣтныя изъ его сочиненій. Напримѣръ, изъ нѣкоторыхъ отрывковъ видно, что ученіе Канта объ идеальности пространства и времени въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ *нравственнымъ* мотивамъ; Кантъ признается въ одномъ мѣстѣ, что «начало критической философіи есть нравственность, въ отношеніи вмѣняемости человѣческихъ дѣйствій» (224).

Мы когда-нибудь вернемся къ этому интересному вопросу Кантовской философіи, а пока позволимъ себѣ привести въ переводѣ одинъ отрывокъ, въ сжатыхъ чертахъ, но очень рельефно передающій всю сущность Кантовской философіи и освѣщающій взаимное отношеніе основныхъ ея элементовъ (стр. 217): «Конечная цѣль всякой метафизики,—говоритъ Кантъ,—состоитъ въ томъ, чтобы подняться отъ познанія чувственнаго къ познанію сверхчувственнаго. Критика чистаго разума доказываетъ лишь, что это никогда не можетъ быть сдѣлано въ теоретическихъ цѣляхъ, но лишь въ нравственно-практическихъ, посредствомъ трансцендентальнаго понятія свободы, которое по отношенію къ теоретической способности познанія трансцендентно и не можетъ быть оправдано, по отношенію-же къ чисто-практической способности (которая можетъ опредѣляться только чистымъ разумомъ) имѣетъ несомнѣнную реальность, посредствомъ категорическаго императива.—Реальность понятія свободы неизбѣжно влечетъ за собою ученіе объ идеальности предметовъ, какъ объектовъ созер-

панія въ пространствѣ и времени. Ибо, если-бы эти созерцанія были не просто субъективными формами чувственности, но и вещей самихъ въ себѣ, то и ихъ практическое употребленіе, т.-е. дѣйствія, вполнѣ зависѣли-бы только отъ механизма природы, а свобода со своимъ слѣдствіемъ — нравственностью — была - бы уничтожена.

В. Преображенскій.

Harald Höffding. Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit. Leipzig, 1889.

Разсматриваемая книга написана датскимъ психологомъ еще въ 1874 году и только теперь переведена на нѣмецкій языкъ, на томъ основаніи (какъ выясняетъ самъ переводчикъ), что книга Рибо объ англійской психологіи имѣла успѣхъ и въ Германіи.

Послѣ общей характеристики англійской философіи, Гёфдингъ говоритъ о «чистомъ позитивизмѣ» (Джонъ Стюартъ Милль и его предшественники: Гэртли, Джемсъ Милль, — и Александръ Бэнъ); затѣмъ — о *критической школѣ* въ Англии (Юэлль, Гамильтонъ) и о *философіи развитія* (Г. Спенсеръ и др.). Книга эта, написанная очень яснымъ и доступнымъ языкомъ, является хорошимъ дополненіемъ къ книгѣ Рибо «Англійская психологія», такъ какъ эта послѣдняя посвящена преимущественно исторіи психологіи у англичанъ. Гёфдингъ излагаетъ исторію англійской философіи и тѣмъ дополняетъ картину современнаго развитія философской мысли въ Англии.

Ч.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Рефераты, читанные въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, со времени его основанія *).

1885.

1. *Публичное соединенное засѣданіе Общества любителей российской словесности и Психологическаго 10 февраля въ память Дж. Бруно.* **А. Н. Веселовскій:** О личности и жизни Дж. Бруно. **М. М. Троицкій:** Дж. Бруно какъ философъ. **Н. И. Стороженко:** Дж. Бруно какъ поэтъ, сатирикъ и драматургъ.

2. *Публичное засѣданіе 14 марта.* **М. М. Троицкій:** О методахъ и задачахъ психологіи.

3. *Публичное засѣданіе 24 октября.* **М. М. Троицкій:** К. Д. Кавелинъ,—страница изъ исторіи философіи въ Россіи.

4. *Публичное засѣданіе 12 декабря.* **Е. В. Де-Роберти:** Прошедшее философіи.

1886.

5. *Засѣданіе 6 марта.* **П. А. Каленовъ:** О любви по Платону. **Г. Н. Дурдуфи:** Физическія условія сознанія по новымъ изслѣдованіямъ Герцена.

6. *Засѣданіе 5 мая.* **А. П. Казанскій:** Причины нашихъ иллюзій по ученію Сѣлли.

*) Въ настоящей книгѣ журнала мы печатаемъ для читателей, интересующихся дѣятельностью Московскаго Психологическаго Общества, списокъ прочитанныхъ въ обществѣ рефератовъ. Въ будущемъ номерѣ предполагаемъ сообщить болѣе подробный отчетъ о дѣятельности Общества по 1-е января 1890 года и извлеченія изъ нѣкоторыхъ его протоколовъ.

1887.

7. *Засѣданіе 25 февраля.* **Н. Я. Гротъ:** О свободѣ воли.
8. *Засѣданіе 14 марта.* **Гр. Л. Н. Толстой:** О понятіи жизни.
9. *Засѣданіе 21 марта.* **П. Е. Астафьевъ:** О внутреннемъ опытѣ въ его значеніи для психологіи и для общаго философскаго міросозерцанія.
10. *Засѣданіе 10 апрѣля.* **С. С. Корсаковъ:** О нѣкоторыхъ формахъ расстройства памяти.
11. *Засѣданіе 6 октября.* **В. Р. Буцце:** О пространственномъ сознаніи зрительныхъ ощущеній.
12. *Засѣданіе 31 октября.* **А. А. Тонарскій:** О гипнотизмѣ и внушеніи.
13. *Засѣданіе 22 ноября.* Его-же демонстрація нѣкоторыхъ явленій гипноза.

1888.

14. *Публичное засѣданіе 14 февраля* въ память столѣтней годовщины рожденія А. Шопенгауэра. **Н. А. Звѣревъ:** Краткій очеркъ жизни А. Шопенгауэра. **Н. Я. Гротъ:** О значеніи философіи Шопенгауэра. **Л. М. Лопатинъ:** О нравственномъ ученіи Шопенгауэра. **В. П. Преображенскій:** Очеркъ теоріи знанія Шопенгауэра.
15. *Засѣданіе 10 марта.* **Е. И. Челпановъ:** Общіе результаты психометрическихъ изслѣдованій въ Лейпцигской лабораторіи и ихъ значеніе для психологіи.
16. *Засѣданіе 17 марта.* **Н. Я. Гротъ:** Объ отношеніи методовъ и задачъ психологіи и философіи.
17. *Засѣданіе 24 марта.* **А. А. Тонарскій** и **Г. И. Россолимо:** Демонстрація явленій гипнотическаго сна.
18. *Засѣданіе 31 марта.* **В. О. Михайловъ:** Изложеніе книги д-ра Охоровича De la suggestion mentale.
19. *Засѣданіе 14 апрѣля.* **О. П. Герасимовъ:** Опытъ исторіи внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ.
20. *Засѣданіе 7 мая.* **А. А. Тонарскій:** Характеръ явленій гипноза и способъ ихъ изученія.
21. *Засѣданіе 8 октября.* **В. А. Гольцевъ:** О задачахъ искусства.
22. *Засѣданіе 21 октября.* **Д. Н. Стефановскій:** Пушкинъ какъ психологъ.

23. *Засѣданіе 5 ноября.* **Н. Я. Гротъ:** По поводу этики Гёфдингга.
24. *Засѣданіе 12 ноября.* Его-же: О значеніи искусства.
25. *Засѣданіе 19 ноября.* **Н. И. Тимновскій:** Нравственное ученіе Канта.
26. *Засѣданіе 3 и 20 декабря.* **П. Е. Астафьевъ:** О волѣ по ея природѣ и значенію въ общей жизненной экономіи.

1889.

27. *Годичное публичное засѣданіе 24 января.* **Л. М. Лопатинъ:** С. А. Юрьевъ какъ мыслитель. **Н. Я. Гротъ:** О значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка.
28. *Засѣданіе 4 февраля.* **Н. В. Бугаевъ:** О свободѣ воли. **В. А. Грингмутъ:** О психологіи у древнихъ Египтянъ.
29. *Засѣданіе 25 февраля.* **В. А. Гольцевъ:** По поводу книги Рибо о психологіи вниманія.
30. *Засѣданіе 4 марта.* **Н. И. Шишкинъ:** О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи.
31. *Засѣданіе 24 марта.* **О. П. Герасимовъ:** О міросозерцаніи Гаршина.
32. *Засѣданіе 30 марта.* **С. С. Корсаковъ:** О сознаніи. **А. А. Токарскій:** О сознаніи.
33. *Засѣданіе 3 и 22 апрѣля.* **Л. М. Лопатинъ:** Вопросъ о свободѣ воли: 1) Общія условія свободной самодѣятельности человѣка, 2) О нравственной свободѣ человѣческой личности.
34. *Засѣданіе 29 апрѣля.* **Н. А. Звѣревъ:** О свободѣ воли.
35. *Засѣданіе 23 сентября.* **Н. Я. Гротъ:** Отчетъ о международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ. **С. С. Корсаковъ:** Отчетъ о международномъ съѣздѣ психіатровъ въ Парижѣ.
36. *Засѣданіе 22 октября.* **А. А. Токарскій:** Отчетъ о международномъ съѣздѣ по гипнотизму.
37. *Засѣданіе 28 октября.* **Н. Н. Баженовъ:** Отчетъ о съѣздѣ криминальной антропологіи въ Парижѣ.

II. СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

(по 1-е ноября 1889 года).

С о в ѣ т ь о б щ е с т в а :

1. Гротъ, Н. Я. Профессоръ философіи. — Предсѣдатель Общества.
2. Звѣревъ, Н. А. Профессоръ философіи права. — Товарищъ предсѣдателя (Членъ-учредитель).
3. Преображенскій, В. П. Канд. ист.-фил. фак. — Секретарь.
4. Вульфертъ, А. К. Прив.-доц. уголовного права. — Пом. секретаря.
5. Лопатинъ, Л. М. Прив.-доц. философіи. — Библіотекарь.
6. Абрикосовъ, Н. А. Канд. физ.-мат. фак. — Казначей.
7. Корсаковъ, С. С. Прив.-доц. психіатріи. — Кандидатъ казначея.

П о ч е т н ы е ч л е н ы :

8. Троицкій, М. М. Заслуженный профессоръ философіи (основатель и первый предсѣдатель Общества).
9. Легонинъ, В. А. Заслуж. проф. судеб. медиц. (Членъ-учредитель и первый товарищъ предсѣдателя).
10. Бэнъ, Александръ. Профессоръ логики. Эбердинъ въ Шотландіи.
11. Рибо, Томасъ. Профессоръ психологіи. Парижъ.
12. Вундтъ, Вильгельмъ. Проф. философіи. Германія, Лейпцигъ.
13. Целлеръ, Эдуардъ. Профессоръ философіи. Германія, Берлинъ.

Ч л е н ы - у ч р е д и т е л и :

14. Анучинъ, Д. Н. Проф. геогр. и антропол.
15. Богдановъ, А. П. Заслуж. проф. зоол.
16. Бугаевъ, Н. В. Проф. матем.

17. Ковалевскій, М. М. Проф. госуд. права.
18. Кожевниковъ, А. Я. Проф. психіатріи.
19. Колоколовъ, Г. Е. Проф. угол. пр.
20. Миллеръ, В. О. Проф. сравн. языкозн.
21. Муромцевъ, С. А. Проф. рим. прав.
22. Стороженко, Н. И. Проф. всеоб. лит.
23. Фортунатовъ, Ф. Ф. Проф. сравн. языкозн.
24. Чупровъ, А. И. Проф. полит. экон. и стат.
25. Шереметевскій, О. П. Проф. фізіол.

Дѣйствительные члены:

26. Адольфъ, А. В. Препоп. гим.
27. Ансаковъ, Н. П.
28. Астафьевъ, П. Е. Препоп. философіи.
29. Баженовъ, Н. Н. Докторъ-психіатръ.
30. Безобразова, М. В.
31. Боборыкинъ, П. Д.
32. Боголѣповъ, Н. П. Проф. рим. пр.
33. Брунъ, М. И. Пом. прис. повѣр.
34. Буцке, В. Р. Докторъ-психіатръ.
35. Введенскій, А. И. Магистръ философіи.
36. Веселовскій, А. Н. Проф. всеоб. лит.
37. Викторскій, С. И. Прис. повѣр.
38. Виноградовъ, П. Г. Проф. всеоб. ист.
39. Владиславлевъ, М. И. Проф. философіи.
40. Вороновъ, Н. И. Докторъ мед.
41. Вырубовъ, Г. Н.
42. Высотскій, Н. Г. Кандидатъ М. Унив.
43. Гальберштадтъ, И. С. Прис. повѣр.
44. Гамбаровъ, Ю. С. Проф. права.
45. Гатцунъ, А. А. Магистръ русск. исторіи.
46. Герасимовъ, О. П. Препоп. гимназій.
47. Герье, В. И. Проф. всеоб. ист.
48. Гиляровъ, А. Н. Магистръ философіи.
49. Гольцевъ, В. А. Магистръ полиц. права.
50. Гондатти, Н. Л.
51. Горбовъ, Н. М.
52. Грингмутъ, В. А. Препоп. Лицея.

53. Данилевскій, В. Я. Проф. фізіологіи.
54. Де-Роберти, Е. В.
55. Дерюжинскій, В. Θ. Прис. повѣр.
56. Дриль, Д. А. Магистръ угол. права.
57. Дурдуфи, Г. Н. Докторъ мед.
58. Зеленогорскій, Θ. А. Проф. философіи.
59. Зерновъ, Д. Н. Проф. анат.
60. Зографъ, Н. Ю. Препоd. зоол.
61. Иванцовъ, Н. А. Прив.-доц. зоол.
62. Ивановковъ, И. И. Профессоръ.
63. Казанскій, А. П. Прив.-доц. философіи.
64. Каленовъ, П. А. Препоd. гимн.
65. Камаровскій, гр. Л. А. Проф. междун. права.
66. Капнистъ, гр. П. А.
67. Каринскій, М. И. Проф. философіи.
68. Карѣевъ, Н. И. Проф. всеоб. ист.
69. Клейберъ, І. А. Прив.-доц. Пет. Ун.
70. Ключевскій, В. О. Проф. рус. ист.
71. Козловъ, А. А. Проф. философіи.
72. Корелинъ, М. С. Прив.-доц. М. У.
73. Корниловъ, А. А. Докторъ невропатологъ.
74. Коробкинъ, Θ. С. Препоd. гимн.
75. Коршъ, Е. Θ.
76. Коршъ, Θ. Е. Проф. класс. филол.
77. Кузьминъ, В. И. Проф. хирург.
78. Ланге, Н. Н. Магистръ философіи.
79. Лесевичъ, В. В.
80. Маклаковъ, А. Н. Докторъ мед.
81. Мамуна, Гр. И. А. Врачъ.
82. Масарикъ, Θ. О. Проф. философіи.
83. Мензбиръ, М. А. Проф. фізіол.
84. Минцловъ, Р. Р. Прис. повѣр.
85. Митрофановъ, П. И.
86. Михайловскій, В. М. Препоd. гимн.
87. Михайловскій, Н. К.
88. Михайловъ, В. О. Врачъ.
89. Мороховецъ, Л. З. Проз. М. У.
90. Нерсесовъ, Н. І. Проф. М. У.
91. Оболенскій, Л. Е.

92. Огневъ, И. Ф. Проз. М. У.
93. Охоровичъ. Докторъ.
94. Павловъ, А. С. Проф. церк. права.
95. Петровскій, А. Г. Врачъ.
96. Поспѣховъ, Д. В.
97. Радловъ, Э. Л. Магистрантъ философіи.
98. Ржондковскій, Н. И. Прис. пов.
99. Ротъ, В. К. Докт.-невропатологъ.
100. Россолимо, Г. И. Докт.-невропатологъ.
101. Саввей-Могилевичъ, О. А. Докторъ-психіатръ.
102. Сербскій, В. П. Докторъ-психіатръ.
103. Синорскій, И. А. Проф. психіатріи.
104. Смирновъ, А. И. Проф. философіи.
105. Соловьевъ, В. С. Докторъ философіи.
106. Столыпинъ, Д. А.
107. Столѣтовъ, А. Г. Проф. физики.
108. Страховъ, Н. Н.
109. Струве, Г. Е. Прсф. философіи.
110. Съченновъ, И. М. Проф. фізіол.
111. Танѣевъ, В. И. Прис. повѣр.
112. Трубецкой, кн. С. Н. Пр.-доц. философіи.
113. Тимирязевъ, К. А. Проф. ботан.
114. Тимковскій, Н. И. Кандидатъ М. У.
115. Токарскій, А. А. Докторъ-психіатръ.
116. Толстой, гр. Л. Н.
117. Троицкій, Э. В. Прис. повѣр.
118. Уляницкій, В. А. Магистръ междунар. права.
119. Успенскій, С. Н. Докторъ-психіатръ.
120. Фаворскій, А. Е. Прис. повѣр.
121. Филипповъ, А. Н.
122. Фонъ-Тешъ, П. П. Врачъ.
123. Цвѣтаевъ, И. В. Проф. класс. филол.
124. Цертелевъ, кн. Д. Н.
125. Цингеръ, В. Я. Проф. матем.
126. Челпановъ, Е. И.
127. Шварцъ, А. Н. Проф. класс. филол.
128. Шеншинъ, А. А.
129. Шервинскій, В. Д. Проф. медіц.
130. Шишкинъ, Н. И. Препоп. гимн.

131. Шмидтъ, Е. А. Докторъ философіи.
132. Штейнъ, В. И.
133. Ярошъ, К. Н. Профессоръ.

Члены-соревнователи:

134. Абрикосовъ, А. А.
135. Благодравовъ, Р. О.
136. Быковский, К. М.
137. Ганненфельдъ, А. П.
138. Гончарова, А. С.
139. Елишевъ, А. И.
140. Колобашкинъ, Н. Н.
141. Леонова, О. В.
142. Лютославскій, В. Ф. Магистръ философіи.
143. Мальковская, С. А.
144. Павловъ, А. В.
145. Пассекъ, А. В.
146. Рахманиновъ, Н. Ф.
147. Ржаницынъ, А. Р.
148. Стефановскій, Д. Н.
149. Сумбатовъ, кн. А. И.
150. Типольтъ, А. А.
151. Угримова, М. П.
152. Угримовъ, И. А.

Примѣчаніе. Дѣйствительные члены избираются Обществомъ посредствомъ закрытой баллотировки (взнось 5 р. въ годъ). Членами-соревнователями могутъ быть всѣ лица по рекомендаціи одного изъ членовъ и при взнось 10 р. въ годъ.